

Д.С. КИДИРНИЯЗОВ

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ,
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

Махачкала 2016

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН**

Д. С. Кидирниязов

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

instituteofhistory.ru

Махачкала – 2016

УДК 94 (470.67)
ББК 63.3 (2Р-6Д)
К-38

*Рекомендовано к изданию ученым советом Института истории,
археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН*

Ответственный редактор: Н.А. Магомедов, д.и.н., проф.

Рецензенты: Ю.У. Дадаев, д.и.н., проф.; Р.Г. Буканова, д.и.н.,
проф. (г. Уфа); Е.И. Иноземцева, к.и.н.

Кидирниязов Д.С.

К-38 Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: АЛЕФ, 2016. – 490 с.

ISBN 978-5-4447-0041-9

В работе, на основе большого документального материала и специальной научной литературы, осуществлено комплексное исследование политических, торгово-экономических и культурных взаимоотношений народов Дагестана и Северного Кавказа рассматриваемого времени. В начале работы дан краткий очерк политического положения региона, хозяйственной деятельности, здесь же показана роль российских городов в крае для торгово-экономических связей местных народов.

В исследовании показано, что начало XVIII века для народов Дагестана и Северного Кавказа ознаменовано изменением внешнеполитических реалий, которые неминуемо должны были отразиться на судьбах народов региона. Полно рассматривается активный внешнеполитический курс Российской империи на южном направлении (борьба России с крымско-османской и персидской экспансией, Каспийский поход Петра I и т.д., отношение местных народов к этому).

Кроме того, полно раскрыта совместная борьба народов региона в народно-освободительном движении горцев против царизма, переселение северокавказских народов в Турцию и страны Ближнего Востока в середине XIX в.

В исследовании красной нитью проходит мысль о том, что общность исторического развития, территориальное соседство, постоянное общение друг с другом в течении нескольких столетий способствовали активизации процессов взаимопроникновения, взаимовлияния и взаимообогащения культур народов Дагестана и Северного Кавказа. Общими были у них верования, большое сходство в обычаях, фольклоре, одежде, вооружении и т.д.

© Кидирниязов Д. С., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Северный Кавказ в XVIII – первой половине XIX века. (Краткий очерк политического положения)	32
ГЛАВА II. Хозяйственная жизнь и торгово-экономические связи народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII –середине XIX в. § 1. Хозяйственная деятельность	53
§ 2. Торгово-экономические отношения	69
ГЛАВА III. Политические взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа (XVIII – середина XIX в.)	153
§ 1. Народы Северного Кавказа в системе политических взаимо- связей в первой половине XVIII в.	153
§ 2. Политические взаимоотношения народов Северного Кавказа во второй половине XVIII в.	188
§ 3. Политические взаимоотношения народов региона в контексте кавказской политики России в первой половине XIX в.	218
ГЛАВА IV. Этнокультурные связи народов Дагестана и Северного Кавказа	283
§ 1. Вклад русской интеллигенции и российских властей в про- цесс культурного и общественно-политического развития края ...	283
§ 2. Взаимовлияние народов Дагестана и Северного Кавказа в хо- зяйственной и культурной сфере	308
§ 3. Культурное взаимодействие и взаимовоздействия восточно- славянского населения и народов Северного Кавказа	371
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	412
Библиография	424
Список сокращений	486
Приложение (историческая карта)	490

«Прошлое надо изучать не потому,
что оно уходит, а потому, что,
уходя, оно оставляет свои последствия».
В.О. Ключевский, историк XIX в.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших задач, стоящих перед российской исторической наукой, является глубокое и всестороннее исследование многовековой истории взаимосвязей и взаимоотношений народов нашей страны. Поэтому сегодня большое значение для гармонизации межэтнических отношений, формирования взаимопонимания и доверия народов может иметь исследование тесных и долгих, многогранных связей северокавказских народов между собой и Россией.

Россия – поликонфессиональная и полиэтничная страна, Конституция которой гарантирует равное отношение ко всем народам, независимо от национальной, религиозной и прочей составляющей.

Кризис советской идеологии и культуры обнажил и предельно обострил проблему этнической идентичности в Дагестане, Северном Кавказе и Российской Федерации в целом.

Нам предстоит многое понять и переосмыслить в истории нашего великого государства – Российской Федерации. Это не просто страна, где слились Европа и Азия. Здесь с древнейших времен до наших дней протекают процессы, качественно важные для всего человечества. Если смотреть на общественное развитие как на результат деятельности народных масс, а не перечень нашествий иноземных захватчиков, жестоких схваток, дворцовых переворотов, можно выявить глубокие корни нашего родства.

Северный Кавказ является одним из крупных географических регионов, различные этносы которого имеют, наряду со своеобразием, глубокую общность исторических судеб.

В крае происходили значительные политические события, касавшиеся зачастую многих государств и народов. Следует отметить, что Северный Кавказа постоянно находился в фокусе многовекового внимания крупных держав (России, Персии и От-

томанской Порты), которые вели в регионе активную наступательную политику.

Сегодня стратегическая значимость Северного Кавказа, в частности Дагестана для Российской Федерации определяется прежде всего геополитическим положением на стыке нескольких государств, с которыми Россия в силу ряда исторических факторов имеет самые тесные связи. Значение Республики Дагестан состоит и в экономической роли, которую он может играть в развитии взаимовыгодных торгово-экономических отношений России, в первую очередь, со странами Южного Кавказа, государствами Среднего и Ближнего Востока, а также в решении проблем при использовании природных ресурсов Каспийского моря.

Необходимо указать, что навязывание на современном этапе унифицированных культурных ценностей приводит не к формированию единой культуры, а к разобщению национальных культур. Мир будущего представляется более многоцветным. Мир изменился, а поэтому Западу придется изменить свое отношение к остальному миру и сменить авторитарный тон на межкультурный диалог с целью выработки единой стратегии устойчивого развития и формирования культурных ценностей.

Сегодня процесс глобализации обостряет существующие проблемы мультикультурных обществ, провоцируя возникновение все новых конфликтных ситуаций. В условиях глобализации все большее значение приобретает формирование мультикультурной идентичности. Культурная идентичность может быть препятствием в процессе коммуникации – и прежде всего потому, что в ней заключается определенное ограничение, основанное на особенностях той или иной культуры. Мультикультурная идентичность должна помочь индивиду выйти за рамки своей культуры, не чувствовать себя чужим в новых культурных условиях.

Анализ особенностей межнациональных взаимодействий в России свидетельствует, что здесь существует исторически сложившаяся прочная основа для этнической толерантности в силу близости культурных традиций населяющих его народов, развитости традиционных механизмов, регулирующих конфликты, не доводящих их до межнациональных и межконфессиональных столкновений.

На современном этапе для укрепления отношений между северокавказскими народами крайне важно учитывать особенности межнациональных связей и конфликтов, сложившихся между ними. Знание этнических особенностей, свойственных «мини объединениям», позволит избежать ошибок в формировании региональной политики на Северном Кавказе.

Полиэтничность, сложившаяся в прошлом, выдвигает северокавказский край в ряды наиболее сложных, а вместе с тем и значимых территорий страны, где на современном этапе происходит выработка новых, отвечающих настоящему моменту и задачам будущего, принципов этнокультурного взаимодействия, которое разворачивается на фоне геополитических, социально-экономических процессов на Северном Кавказе. Конструируемая сегодня здесь этническая политика должна опираться на выработанные в историческом прошлом глубинные традиции политкультурного взаимодействия.

Диалог культур, их взаимовлияние и взаимопроникновение – реалии и вчерашнего, и сегодняшнего для народов Дагестана и Северного Кавказа.

В условиях полиэтнической среды здесь сформировалось особое состояние сосуществования и взаимодействия разнообразных этнических культур. Следует отметить, что в российском обществе, в частности северокавказском, с многообразием этнических традиций и культур происходил сложный внутренний взаимообмен духовности. Уникальность российской цивилизации указывали многие исследователи. Так, А. Тойнби в своем письме Н.К. Конраду отмечал: «Ваша страна состоит из такого множества народов, разговаривающего на стольких различных языках, что она является моделью мира в целом»¹. Необходимо указать, что специфика и своеобразие северокавказской культуры, её достижения является огромным вкладом в сокровищницу богатейшей культуры народов нашей великой страны.

Этнокультурное разнообразие Северного Кавказа актуализирует проблему исследования и сохранения этнической культуры составляющих его этносов. Регион всегда занимал особое геополитическое и геокультурное положение. В исследуемый пери-

¹ Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. С. 8.

од географическое положение Северного Кавказа и природно-климатические условия оказывали определяющее влияние на этнодемографические процессы.

Издавна на территории края взаимодействовали мировые религии и различные культуры. Этносы, населявшие северокавказский край на протяжении столетий, испытывали влияние других народов, адаптировались в конкретных географических условиях к процессам ассимиляции и аккультурации, при этом сохранив свою самобытность и неповторимость. Характерной чертой для этнических культур Северного Кавказа являлся процесс межкультурного взаимодействия, который представлял собой особый вид взаимосвязей и взаимоотношений, складывавшихся между несколькими этническими культурами в процессе взаимообмена культурным опытом, достижениями в духовной и материальной сферах культуры.

Как известно, этнокультурное многообразие современного российского общества продолжает существовать, несмотря на стирание географических и культурных границ и усиления контактов между народами. Следует отметить, что проблемы сохранения этнической идентичности национальной самобытности продолжают оставаться и сегодня актуальными. Особенно остро стоят этнокультурные проблемы перед малочисленными народами страны, в том числе и некоторыми этносами Северного Кавказа, не имеющими собственных государственных образований и живущими в условиях этнотерриториальной разделенности.

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении многих столетий Северный Кавказ привлекает внимание исследователей многоликостью региона, его полиэтничностью, языковой пестротой, разнообразием обычаев. Издавна народы края поддерживали между собой тесные экономические, политические и культурные связи. В течение многих веков, живя по соседству и находясь в тесном общении, пройдя в своем культурно-историческом развитии большой и сложный путь, они не могли быть замкнутыми, изолированными друг от друга. Оказывая взаимовлияние, взаимообогащаясь различными культурными ценностями, в результате чего у них выработалось много черт региональной общности

духовного облика. Общими у них были верования, большое сходство в обычаях, фольклоре, одежде, вооружении и т.д.

Вместе с тем, при значительной общности и сходстве народы региона имели в изучаемое время немало и существенных различий. Не говоря уже об известном многоязычии народов края, их отличали друг от друга и уровень общественного развития, и отдельные черты материальной и духовной культуры. Необходимо указать, что объективное изучение истоков складывания и развития дружественных отношений различных народов Северного Кавказа, развития торговли и культурных связей между собой имеет важное значение.

Следует отметить, что актуальность данного исследования определяется ещё и тем, что, не изучив эту проблему, нельзя воссоздать подлинно научную историю народов северокавказского региона, а также и тем, что её разработка будет способствовать еще большему укреплению дружбы местного населения, поможет воспитанию жителей края в духе патриотизма и интернационализма.

В данной работе большое внимание уделяется роли русского народа в исторических судьбах нерусских народов Российского государства, а также раскрывается неразрывность судеб народов Северного Кавказа и всей России в контексте взаимоотношений между исламским и христианским мирами. Необходимо подчеркнуть, что особое звучание и остроту проблема русско-северокавказских взаимоотношений приобрела в связи с реальностью сегодняшнего дня, когда в конце XX столетия обострились межнациональные отношения в бывшем СССР и распад этой могущественной державы вызвал волну военных конфликтов на Кавказе.

В истории Северного Кавказа внимание исследователей привлекали и привлекают, прежде всего, проблемы политического положения народов края, их взаимоотношений с соседями – в первую очередь, с великими державами (Россией, шахским Ираном и султанской Турцией). - повтор

Исследование политических, торгово-экономических и этнокультурных аспектов взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в прошлом имеет важное научное и полити-

ческое значение. Оно призвано, во-первых, способствовать преодолению стереотипных, до крайности упрощенных и не соответствующих истине схем в исследовании данной проблемы.

Во-вторых, позволит выяснить отношение народов края к внешнеполитическим событиям, сыгравшим в их жизни большую роль и определить место, которую играли народы региона в политике трех держав – России, Порты и Персии, противостоявших друг другу в решении своих задач в рамках восточного вопроса.

В-третьих, оно позволит перейти к более правдивому пониманию истоков и сути Кавказской войны первой половины XIX в. и причин переселения части местного населения в страны Ближнего и Среднего Востока в середине данного столетия.

Следует отметить, что по своему влиянию на северокавказские народы Российское государство имело перед султанской Турцией и шахским Ираном бесспорное преимущество – это территориальная близость, наличие длительного опыта сотрудничества с местной элитой, относительно устойчивые торгово-экономические связи и т.д.

Укрепив свои позиции (вторая половина XVI-XVII в.) в районе р. Терек на Северном Кавказе, Российское государство длительное время ограничивалось обороной достигнутых рубежей. Медленно набиравшая силу Россия не имела реальных возможностей для территориальных приобретений в регионе.

Проводя конкретные мероприятия, со второй половины XVIII в. российское правительство приступает к колонизации края.

Англия, Франция и Турция, чтобы обезопасить сферы своих интересов на Ближнем Востоке, противоборствовали Российской империи в разрешении в свою пользу восточного вопроса, предпринимали меры дипломатического, экономического и военного характера, чтобы использовать борьбу народов Северного Кавказа как сдерживающий, тормозящий фактор, препятствующий продвижению России на юг.

Вот почему исследование истории становления и развития взаимоотношений народов региона между собой и Россией – длительного, сложного, неоднозначного, насыщенного местами драматическими событиями процесса, который в результате привел к

своему логическому завершению – включению народов Северного Кавказа в состав России, требует к себе пристального внимания отечественных ученых.

В советский период в кавказоведении появились научные и научно-популярные публикации, в которых необъективно оценивалась роль России в исторических судьбах народов региона, преднамеренно скрывались теневые стороны сложных и противоречивых в прошлом взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией. В этих условиях особую остроту и актуальность представляет дальнейшее изучение и освещение с современных позиций истории возникновения и развития взаимоотношений народов края между собой и Россией в целом. Эта проблема напрямую связана с современными интеграционными процессами северокавказских народов с народами Российской Федерации и важна как в теоретическом плане, так и в плане понимания и решения многих сегодняшних этнополитических, политических и межнациональных проблем. Нельзя сказать, что предмет нашего исследования не привлекал до сих пор внимания ученых-специалистов: ряд аспектов проблемы нашел отражение как в отдельных монографических исследованиях, квалифицированных работах, так и обобщающих трудах. В этих работах различной степени анализу подвергались отдельные периоды развития торгово-экономических, политических и культурных отношений народов Северного Кавказа между собой и Россией, показана степень участия в этом процессе отдельных народов края, но тема как единая, взаимосвязанная проблема в поставленных хронологических рамках в них не рассматривалась.

Выбор для исследования XVIII – середина XIX в. объясняется тем, что для истории Северного Кавказа это был цельный хронологический период, характеризующийся, несмотря на сложные политические процессы, стабильным расширением и укреплением взаимовыгодных межкавказских, российско-кавказских политических, торгово-экономических и культурных взаимоотношений, постепенным вовлечением Северного Кавказа во всероссийский рынок.

Цель монографической работы – исследовать в комплексе проблему взаимоотношений народов Северного Кавказа XVIII –

середины XIX в. Без освещения этих вопросов невозможно разобраться в сложных исторических процессах, происходивших внутри северокавказского общества.

На основе глубокого анализа и широкого использования всех доступных источников, как опубликованных, так и не опубликованных, с учетом достижений российского кавказоведения в работе определены следующие задачи:

- опираясь на теоретические разработки предшественников, осветить основные направления торгово-экономических, политических и этнокультурных и родственных связей народов Дагестана и Северного Кавказа;

- рассмотреть основные центры торговли региона;

- осветить ассортимент товаров, имевших хождение в торговле дагестанцев с народами края;

- показать процесс постепенного включения Северного Кавказа в сферу экономических интересов Российского государства, интегрирование русского капитала во все важнейшие отрасли хозяйства региона и значение этих процессов для развития экономики местного населения;

- проанализировать политические взаимоотношения Дагестана с народами региона в северокавказском историческом процессе;

- осветить стратегические планы Российской империи по отношению к Северному Кавказу, методы и средства их реализации;

- уделить внимание малоизученным вопросам политических взаимоотношений народов Дагестана и Северного Кавказа в период Кавказской войны;

- раскрыть колониционно-переселенческие меры российских властей на Северном Кавказе в контексте политики России в крае;

- показать причины переселения местных народов в пределы Османской империи на завершающем этапе народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа.

Необходимо отметить, что ряд коренных народов Дагестана (кумыки, ногайцы, чеченцы, русские [русское население и казаки низовий Терека] и др.) издавна дисперсно проживают в различных регионах Северного Кавказа. Например, часть кумыков про-

живает в Северной Осетии и Чеченской Республике; политически более разобщены ногайцы, которые живут в Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии и Чечне; основная часть чеченцев – в Чеченской Республике.

В ходе конкретной разработки изучаемой темы автор опирался, главным образом, на архивные и опубликованные источники, привлекая вместе с тем работы отечественных исследователей, как дореволюционных, так и новейшего времени. Кроме того, обстоятельно привлекались труды зарубежных авторов (американских, английских, турецких и др.).

Источниковую базу монографического исследования составил широкий круг материалов. При анализе узловых вопросов преимущество отдавалось разноплановым и различным по содержанию и характеру источникам: архивным документам, опубликованным документальным материалам, хроникам, путевым заметкам и другим сочинениям современников, различным мемуарам, официальной и деловой переписке, правительственными актами, дипломатической переписке и т.д.

Особое внимание автора привлекали русские источники XVIII – середины XIX в., так как они наиболее полно раскрывают политические связи России с народами Северного Кавказа.

Документальные источники о политических связях народов региона между собой и Россией стали складываться в Посольском приказе, позже – в Коллегии иностранных дел. Большинство из них дошли до нас в составе различных фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Из материалов РГАДА в исследовании использовались фонды: «Кабинет Петра I» (Ф. 9); «Кавказские дела» (Ф. 23); «Сношения России с Турцией» (Ф. 89); «Кабардинские, черкесские и другие дела» (Ф. 115); «Кубанские дела» (Ф. 120); «Сношения России с ногайскими татарами» (Ф. 127) и др. Документы фондов раскрывают положение дел в регионе в изучаемое время. Документальные материалы помогают выявить различия в политических и, соответственно, боевых установках тех или иных «партий», группировок в среде местного населения.

Из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) это: «Сношения России с Персией» (Ф. 77); «Сношения России с Турцией» (Ф. 89); «Сношения России с Грузией» (110); «Кумыцкие и Тарковские дела» (Ф. 121), «Сношения России с Крымом» (Ф. 123); «Ногайские дела» (Ф. 127). В отмеченных фондах содержится огромный материал, дающий возможность исследовать политику Российской империи в крае, отношение местного населения к российским властям.

По интересующей нас теме богатейший материал выявлен и использован из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Рассредоточенные в фондах: «Военно-ученый архив» (Ф. ВУА); «Дела князя Потемкина Таврического» (Ф. 52); «Материалы о российских пограничных укреплениях, крепостях и укрепленных позициях» (Ф. 424); «Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе» (Ф. 482). Документы и материалы ярко показывают дипломатическую борьбу и военные действия, развернувшиеся между шахским Ираном, султанской Турцией и Крымским ханством с одной стороны, и Российской империей, с другой, по вопросу северокавказского региона. Документальный материал позволяет вникнуть во внешнеполитические планы великих держав, понять методы и приемы их реализации. Кроме того, в указанных фондах содержится и материал, дающий возможность более полного раскрытия вопросов социального, политического, военного положения в крае, показать отношение кавказских народов к процессам и событиям, происходившим на Северном Кавказе, а также участие местного населения в многочисленных войнах Российского государства с Портой и Персией на стороне русских.

Кроме того, в работе использованы архивные данные из Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга (РГИА СПб) из фонда «Кавказский комитет» (Ф. 1268).

Весьма ценными по своей значимости можно назвать документальные материалы, извлеченные из северокавказских архивохранилищ.

В фондах Государственного архива Ставропольского края (ГАСК): «Кавказской палаты государственных имуществ» (Ф.

55); «Общее управление Кавказской области» (Ф. 79); «Канцелярия Гражданского губернатора Кавказской области» (Ф. 87, 444) и др. содержатся документы, отражающие ход военных событий в регионе, меры против местных жителей. Большой интерес представляют рапорты, донесения, показывающие сложное положение народов Северного Кавказа, оказавшихся по разные стороны границы, правительственные меры безопасности и предосторожности от прибывающих из-за Кавказской линии народов и т.д.

Немалый материал в исследовании извлечен и использован из фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК): «Канцелярия атамана Черноморского казачьего войска» (Ф. 249); «Канцелярия начальника Черноморской береговой линии» (Ф. 260); «Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии Черноморского казачьего войска» (Ф. 261); «Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска» (Ф. 670) и др.

В исследовании были использованы и документы, хранящиеся в Центральном Государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Из документов ЦГА РСО-А, в частности был использован фонд 262 «Комиссия для разбора словесных прав горцев Кубанской и Терской областей».

В работе также использован огромный архивный материал из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестана (ЦГА РД): «Кизлярский комендантский архив», куда входят «Кизлярский комендант» (Ф. 379); «Дербентский комендант» (Ф. 18); «Терский комендант» (Ф. 335); «Приставы. Караногайский народ. г. Кизляр». (Ф. 350); «Таможня г. Кизляра» (Ф. 354) и др.

Извлеченные из этих фондов документы содержат огромный фактический материал о русско-кавказских политических, торгово-экономических и культурных связях, о социальном строе и хозяйственном развитии местных народов, о многогранных добрососедских связях местного населения с русским и другими народами, терско-гребенским казачеством, о все более тесном сближении северокавказцев с Российским государством, связи с которым уже стали доброй традицией.

Кроме того, архивные данные Кизлярского комендантского архива дают нам полное представление и о месте торговых центров Дагестана (Аксай, Эндирей, Костек, Тарки и др.), выполнявших в изучаемое время функции центров, как внутренней торговли Дагестана, так и внешней с Российским государством и северокавказскими народами, и являвшихся также связующим звеном между владениями региона и российскими городами по Кавказской линии, с одной стороны, и Нагорным Дагестаном – с другой.

Немалый материал по теме исследования хранится в Научном архиве Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (ИА ИИАЭ ДНЦ РАН). Особый интерес представляют «Документы по истории Дагестана XVIII-XIX вв.» (Ф. 1); «Документы по русско-дагестанским отношениям в XVIII в.» (Ф. 1); «Письма шамхала Адиль-Гирея Тарковского Петру I (1717-1725 гг.)» (Ф. 1); «Джанибеков А.-Х.Ш. Очерки по истории ногайцев» (Ф. 5) и др.

Документальные материалы говорят о том, что внешняя угроза сблизила северокавказские народы, совместно выступавшие против порабощения со стороны Османской империи, её вассала – Крымского ханства и Иранской державы, и что в этой своей нелегкой борьбе они находили активную поддержку у своего могущественного северного соседа – России.

Так, в изучаемый период, независимо от экспансионистских устремлений царизма, происходило дальнейшее расширение разносторонних связей между самими местными народами и Россией.

Архивные документы дали возможность существенно углубить изучаемую тему взаимоотношений России с народами Северного Кавказа, отношений той или иной феодальной группировки к событиям, а также степень участия тех или иных народов во внешнеполитических событиях. Привлеченные документы расширили знания относительно различных аспектов жизни народов края, дополнили известные моменты в освещении вопроса укрепления позиций России на Северном Кавказе.

Необходимо отметить, что указанные выше русские источники дают в основном материал о политических связях местных

народов, в меньшей степени – об экономических отношениях. Кроме того, освещается значение русско-северокавказских связей в международных отношениях.

Понятно, что Петербург уделял особое внимание связям с национальной элитой северокавказского общества. Поэтому обильен материал о местных владельцах. Следует отметить, что дополнительным источником для исследования высшего владетельного слоя феодалов служат родословные ряда северокавказских князей, сохранившиеся в русских родословных книгах.

Выше отмечалось, что гораздо меньше источников об экономических связях, о внутренней жизни местных народов, об их экономической и социальной истории. И тем не менее в них содержится некоторый материал о трудовой деятельности населения края, его занятиях, хозяйственном развитии региона: об освоении новых земельных массивов, о сдвигах в земледелии и животноводстве, внедрении новых полевых и огородных культур, развитии скотоводства, разведении улучшенных пород скота. В архивных документах можно также найти сведения о развитии мелкотоварного производства, расширении торгово-экономических связей народов края между собой и с Россией и т.д.

Немалый интерес представляют документы, исходившие от местных владельцев и составленные на арабском и тюркском языках. Почти все документы местного происхождения сопровождаются переводами на русский язык. Без преувеличения можно сказать, что документы местного происхождения – очень ценный источник. Ценность их заключается в том, что они содержат сведения о событиях, которые не получили отражения в официальных документах.

Для изучения социально-экономических и политических отношений местных народов большое значение имеют сообщения русских, европейских и восточных путешественников, проезжавших через край или живших здесь по служебным делам. Эти авторы сообщают ряд интересных для нас наблюдений о занятиях, обычаях, быте местных народов¹.

¹ Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, 1967; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях евро-

Многие из архивных документов, привлеченных автором в исследовании, были опубликованы ещё в XIX- начале XXI столетия. Из них наибольшую ценность представляют «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (Тифлис, 1866-1904. В 12 т.). В «Актах» собран и систематизирован документальный материал официального характера, извлеченный из архивов главного управления наместника царя на Кавказе.

Важнейшие документы, имеющие отношение к истории края, в том числе к истории взаимоотношений народов Северного Кавказа между собой и Россией исследуемого периода помещены в изданиях: «Полное собрание законов Российской империи» (СПб., 1830), «Договоры России с Востоком политические и торговые» (СПб., 1869). «Архив Государственного Совета» (СПб., 1869. Т. 1. Ч. I), «Сборник сведений о Терской области», «Записки Терского общества любителей казачьей старины» и др.

Значительные сведения почерпнуты из исторических, военных журналов и различных сборников, а также газет: «Военный сборник», «Кавказский сборник», «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», «Кавказский календарь», «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.

Весомое значение для исследуемой темы имеют известные публикации документов П.Г. Буткова и С.А. Белокурова¹.

В новейшее время были опубликованы архивные материалы XVIII-XIX вв. из фондов РГАДА, АВПРИ, РГВИА, а также местных северокавказских архивов, открывшие новый этап в изучении связей между народами Дагестана и Северного Кавказа и в целом российско-северокавказских взаимоотношений. Прежде всего это: «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.» (М., 1957. Т. 1-2), «Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в.» (Махачкала, 1958), Русско-осетинские отношения в XVIII в. (Орджоникидзе, 1976), «Русско-дагестанские

пейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974; Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992; Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост. Д.С. Кидирниязов. Махачкала, 1999 и др.

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. В 3-х ч.; Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.

отношения в XVIII – начале XIX в.» (М., 1988), «А.В. Суворов. Сборник документов» (М., 1951. Т. 2), «Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.» (Тбилиси, 1968), «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы» (М., 1958), «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX в.: сб. документов» (Махачкала, 1959) и др.

Памятники фольклора народов Северного Кавказа чрезвычайно разнообразны и в исследовании используются для освещения тех или иных вопросов социально-экономических или политических связей народов края между собой, Россией и другими государствами. Кроме того, имена исторических личностей, а также топонимика и гидронимика, которые содержатся в эпосах северокавказских народов, позволяют исследователям определить эпоху и территорию формирования эпических поэм Северного Кавказа. В основе большинства их лежат исторические события, которые происходят в жизни местного населения изучаемого времени. И именно устное народное творчество местных народов богато материалами, отражающими их дружеские связи между собой и русскими.

Историография проблемы. Специальные исследования непосредственно по изучаемой проблеме немногочисленны. Напротив, круг исследований, которые имеют к ней отношение, чрезвычайно широк. В трудах дореволюционных, советских, современных российских и зарубежных авторов собран и систематизирован огромный материал по истории российско-северокавказских отношений. В этих работах затронуты важные аспекты и конкретные события, связанные с ролью народов Северного Кавказа в кавказской и восточной политике Российской империи.

В трудах известных отечественных авторов XVIII-XIX вв. В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского¹, принадлежавших к различным направлениям русской исторической мысли (дворянскому, буржуазному), дается немало

¹ Татищев В.Н. История Российская. М., 1962-1968. В 7 т.; Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988-1995. В 15 кн.; Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1956-1959. В 8 ч.

сведений о включении северокавказских владений в состав России. Все эти авторы подчеркивали роль русско-кавказских отношений в укреплении позиций Российского государства в регионе. Так, выдающийся отечественный историк Н.М. Карамзин в своем фундаментальном труде «История государства Российского» отмечал огромную роль северокавказских народов в международных отношениях исследуемого времени. Разумеется, от Н.М. Карамзина, выступавшего выразителем дворянско-монархической исторической концепции, отводившего решающее место в истории отдельным великим личностям и прилагавшего большие усилия к раскрытию идейных и моральных мотивировок, ожидать освещения истории народных масс и показа их действительной роли было бы неправомерно.

Интересные сведения о русско-северокавказских взаимоотношениях содержатся в фундаментальном труде С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». Необходимо отметить, что автор рассматривал Кавказа не как субъект, а как объект российской внешней политики.

Являясь апологетами российского царизма, эти историки оправдывали колониальную политику самодержавия, пытались тенденциозно осветить методы колонизации региона.

Наиболее яркими представителями официально-монархического направления исторической науки были российские историки XIX в. С.С. Татищев и С. Жигарев¹. Эти авторы в своих работах пытались всячески доказать миролюбие и бескорыстие внешнеполитического курса Российской империи на Востоке вообще и в северокавказском крае, в частности.

Отдельные вопросы изучаемой темы были затронуты в трудах С.М. Броневского, Н.Ф. Грабовского, С.Ф. Головчанского, Н.Ф. Дубровина, В.Д. Смирнова, В.А. Потто, Н.С. Семенова² и др.

¹ Татищев С.С. Дипломатические беседы о внешней политике России. СПб., 1898; Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе. М., 1896.

² Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. В 2-х ч.; Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба за её независимость // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Тифлис, 1876. Вып. 9; Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества любителей казачьей ста-

Ряд авторов (И.В.Бентковский, А.А.Кауфман, С.Писарев, Г.А.Ткачев, М.А.Караулов)¹ внесли немалый вклад в разработку освоения и колонизации региона русскими и казаками.

В целом этими авторами был собран большой фактический материал и сделан ряд ценных наблюдений, касающихся русско-кавказских взаимоотношений. Все они уделяли немалое внимание внешнеполитическим событиям в регионе и особенно утверждению в крае российской администрации.

Особенно ценные, более или менее достоверные сведения о социально-экономическом уровне развития и общественно-политическом устройстве народов региона XVIII-XIX вв. содержат работы С.М.Броневского, В.А.Потто Н.С.Семенова и др.

Труды представителей официальной историографии преследовали определенные цели: оправдать завоевательную политику самодержавия. Соответственно этому, авторы, чтобы подчеркнуть цивилизаторскую миссию царизма, тенденциозно освещали события, принижали уровень социально-экономического развития северокавказских народов и сущность народно-освободительной борьбы горцев.

Множество работ отечественных и иностранных исследователей посвящено изучению проблем Кавказской войны. Однако при всем многообразии работ и сегодня вокруг этого вопроса продолжают не утихать споры между историками. Российская историография данной проблемы охватывает дореволюционное, советское и современное направления исторической мысли, которые характеризуются определенным единством основных позиций и оценок на цели, методы и результаты Кавказской войны,

рины. Владикавказ, 1914. № 11; Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1885. Т. 1. Вып. 1; Семенов Н.С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

¹ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Кавказские областные ведомости. 1882. № 14; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. Владикавказ, 1811; Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911; Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. (Памятка терского казака). Владикавказ, 1912.

но в то же время отличаются и многообразием взглядов, подходов к пониманию проблемы.

Целенаправленное изучение этого вопроса начали русские дореволюционные историки, которые сами являлись свидетелями событий и участниками военных действий.

Определить роль региона в истории России пытался автор XIX в. Р.А. Фадеев. Он считал, что присоединение Северного Кавказа было естественной необходимостью для России, вынужденной бороться об обороне своих непрочных южных границ в условиях опасного соседства с Иранской державой и Османской империей. Автор также полагал невозможным независимое существование слабых в экономическом, политическом и военном отношениях полупатриархальных, полуфеодальных государственных образований на Северном Кавказе¹. Подчеркивая огромное влияние Кавказской войны на местные народы, Р.А. Фадеев указывал: «сколько пламени, самоотвержения, религиозности обнаружила в них первая общая идея, проникшая в их мысль. Всю энергию, развитую веками боевой жизни, горцы отдадут на служение ей»². Автор считал, что местные народы увидели в мюридизме силу, способную объединить их в борьбе за независимость.

Кроме того, как указывал Р.А. Фадеев, если бы Россия не присоединила Кавказ в эпоху антинаполеоновских войн, когда Западу было бы не до восточных дел, то позже кавказский вопрос непременно стал бы вопросом европейским³. На наш взгляд, не выдерживает критики предположение Р.А. Фадеева о том, что с сохранением Северного Кавказа в своем составе в годы восточного кризиса середины XIX в. Россия была обязана счастливому и едва ли не случайному стечению обстоятельств⁴. Нерасторопность европейских союзников, по его мнению, спасло Российское государство от колоссальной потери. Таким образом, Р.А. Фадеев лишал северокавказские народы роли активного субъекта истории. Между тем политические настроения местного населения в

¹ Фадеев Р.А. Письма с Кавказской войны. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 1. С. 240, 252; Он же: Шестьдесят лет Кавказской войны. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 1. С. 7.

² Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. С. 37.

³ Фадеев Р.А. Письма с Кавказской войны. Т. 1. Ч. 1. С. 240-241.

⁴ Там же. С. 116.

пользу России и готовности всячески помочь ей в борьбе с интервентами (национальные иррегулярные воинские части и подразделения и т.д.) предопределили успехи российского оружия на кавказском театре Крымской войны.

Другой дореволюционный автор Н.Ф. Дубровин, не выходя за рамки официальной точки зрения на политику Российского государства в регионе, дает ценный фактический материал по политической истории, освещает этнические, «сословно-бытовые» особенности, оправдывая и обеляя колониальные методы покорения и управления местных народов.

Немалый вклад в исследование этой проблемы внес военный историк В.А. Потто¹. Автором было введено в научный оборот огромное количество документального материала (архивные документы, военные хроники, воспоминания участников военных действий на Кавказе, АКАК, материалы журналов, фольклор, труды известных кавказоведов А.П. Берже, Н.Ф. Дубровина, Р.А. Фадеева и др.).

Следует отметить, что работы В.А. Потто пронизаны попыткой затушевать методы политики российского правительства в крае. Автор показывает историю Северного Кавказа в контексте российско-персидских и российско-османских отношений. В связи с этим, местные народы у Потто, прежде всего, противники Российского государства и союзники Персии и Порты. Являясь апологетом колониальной политики самодержавия, он именует население края не иначе как «разбойниками» и «хищниками». Включение местных народов в состав Российского государства, по мнению В.А. Потто, было благом для них, облеченным в понятия «цивилизация» и «свет». Автор видел в освоении края историческую закономерность, отвечающую интересам всех местных народов, определяя характер действий российских властей не как поражение или уничтожение местного населения, а как участие военных сил Российского государства в умиротворении Кавказа. В.А. Потто отмечал, что «Наши окраины не колонии –

¹ Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 1, 2; Потто В.А. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; Он же: Два века Терского казачества (1577-1801). Владикавказ, 1912. Т. 1.

источник одних барышей ... Корни русского дерева питали своими соками не один только ствол, но и его разрастающиеся ветви»¹. Разумеется, В.А. Потто, основные аспекты Кавказской войны освещал однобоко, с позиции государственных интересов. Однако, это не умаляет вклада автора в исследовании военно-политической истории региона.

Другой известный дореволюционный историк Ф.А. Щербина в исследовании «История Кубанского казачьего войска» (Екатеринодар, 1910-1911. Т. 1-2.) производимые набеги горцев считал способом, характером существования, а не признаком состояния войны. Однако причинами противодействующего характера российско-северокавказских отношений Ф.А. Щербина считал ненависть, а также стремление России удержать регион за собой и не допустить политического влияния здесь шахского Ирана и султанской Турции. Для заселения края русским населением, по мнению автора, следовало продвинуть беспокойных жителей с мест своего обитания. Набеги служили поводом для осуществления жестоких мер со стороны российских властей.

К сожалению эти дореволюционные авторы освещали все вопросы истории местных народов, их связи друг с другом, взаимоотношения с Россией, а также внешнеполитический курс российского правительства в регионе с позиций великодержавной, официально-монархической концепции. Будучи апологетами российского самодержавия, эти историки оправдывали политику царизма, пытаясь скрыть или тенденциозно осветить методы колонизации края.

Ученые дворянско-буржуазного направления, возвеличивая царизм, освещали события, происходившие на Северном Кавказе, в основном, через призму отношений России с Персией и Портой, искажая при этом причину противостояния этих держав, трактуя суть «восточного вопроса» только как борьбу христианства с исламом, Европы с Азией, где агрессивной стороной были шахский Иран и султанская Турция. Труды этих авторов, базирующихся на основе русских источников, в целом являвшихся донесениями и приказами российского командования в регионе, отличались субъективизмом, однобокостью трактовки событий истории.

¹ Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 1. С. 11.

В конце XVIII – первой половине XIX в. кавказоведение становится одним из наиболее интенсивных направлений развития отечественной науки, формируется национальная интеллигенция, которая разворачивает исследование своих народов. Появляются первые представители ученых из числа местных народов – Э. Шапсугов, Хан-Гирей, Ш. Ногмов, Д.М. Шихалиев, Д.С. Кодзоков, А. Чиркеевский, А. Омаров и др.

Особую роль в дореволюционной историографии составляют работы местных ученых-просветителей А.-К. Бакиханова, Д.М. Шихалиева, Г.Э. Алкадари, Хан-Гирея, В.Н. Кудашева, Ш.Б. Ногмова, А.-Х.Ш. Джанибекова¹ и др., хорошо знавших язык, быт, нравы и фольклор местных народов.

Все эти авторы указывают на давность российско-северокавказских связей, отмечают историческое значение присоединения к России и выступают за дальнейшее сближение местных народов с русским народом.

Если делать краткое резюме из сказанного о кавказоведческой литературе XVIII – начала XX в., касающейся народов региона, их взаимоотношений с Россией в исследуемый период, то необходимо указать, что она представляет ценность, содержит огромный фактический материал, помогающий рассмотрению данной проблемы с различных её сторон. Вместе с тем следует отметить, что она написана в апологетическом ключе, характерном для исторических трудов того времени, содержит немало принципиальных ошибок и недостатков, проистекавших из методологических воззрений и социальной принадлежности авторов. Представители историографии дореволюционного периода интересовались, прежде всего, историей господствующих классов и деятельностью отдельных его представителей, старались показать успехи политики самодержавной власти в усмирении непокорных местных жителей, а также благотворительную роль рос-

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991; Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ, 1848. № 37-44; Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913; Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. М., 1977; Рахмедов С.К., Рахмедова А.Б. Джанибеков А.-Х.Ш. Махачкала, 2003; Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги. Черкесск, 2009.

сийской администрации в «устроении» края. А творческая созидательная деятельность народных масс, их решающая роль в поступательном развитии общества, как правило, затушевывались, выпадали из поля зрения. Кроме того, оставляя нераскрытым такой вопрос, как позитивное влияние России на развитие социально-экономической и культурной жизни народов Северного Кавказа.

В новейшее время появилось огромное количество разноплановой исторической литературы в виде обобщающих трудов, монографий, статей и рецензий, в которых рассматриваются различные стороны курса Российского государства в отношении местного населения, а также взаимоотношения между собой народов региона.

Во второй половине XX – начале XXI века в свет вышли обобщающие труды по истории Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Ставропольского и Краснодарского краев. В 1988 г. в Москве, в издательстве «Наука», вышли два тома истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. Мы широко опирались на соответствующие разделы этих фундаментальных исследований, в которых раскрываются вопросы социально-экономических, политических и культурных взаимоотношений местных народов между собой и Россией. Вместе с тем следует отметить, что с момента выхода в свет этих работ историческая наука обогатилась новым корпусом документальных источников, часть из которых вводится в научный оборот в данном исследовании.

В советское время наметилась специализация в изучении тех или иных проблем исторической науки, в результате чего в сферу интересов исследователей нередко попадали некоторые страницы истории местных народов. Необходимо указать, что проблематика многих исследований была ограничена, к тому же, преобладали этнографические работы.

Следует отметить, что в истории освещения истории края наиболее острой является проблема определения роли северокавказских народов во внутренней и внешней политике Российского государства.

Российские ученые по-разному оценивали взаимоотношения местного населения с Россией в прошлом. Так, известный кавказовед Е.П. Алексеева отношения северокавказских народов с Россией изучаемого времени определила политическим союзом, которые были скреплены торгово-экономическими связями¹. По мнению видных ученых историков-кавказоведов Д.А. Напсо и С.А. Чекменева, известные акты вхождения народов региона в состав России носили в основном условный характер и не соблюдались².

Огромный вклад в изучение российско-северокавказских отношений в 50-60-е гг. XX в. внесли Н.А. Смирнов и А.В. Фадеев³. Авторы на большом фактическом материале показали стремление северокавказских народов к сближению с русским народом, положительное влияние России на экономику и культуру местного населения.

В монографии Н.А. Смирнова отмечается, что российская политика на Северном Кавказе, вызванная задачами развития восточной торговли Российского государства и обороны своих южных границ, привела к установлению дружеских связей с народами региона. Кроме того, рассматривается, как росли и укреплялись эти связи в процессе совместной борьбы русского народа и кавказских народов против осmano-крымской экспансии.

Следует отметить, что немалое место в исследовании известного кавказоведа Н.А. Смирнова уделено также социально-экономическим условиям населения края: показан гнет местных владетелей и русских властей в регионе. Вместе с тем, автор указывает прогрессивное значение присоединения Северного Кавказа к России.

В своих работах А.В. Фадеев освещает политику России в регионе в первой трети XIX в. и ту военно-дипломатическую

¹ Алексеева Е.П. Истоки дружбы народов Северного Кавказа с русским народом (IX-XVII вв.) // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 68-73.

² Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Черкесск, 1993.

³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958; Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; Он же: Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.

борьбу великих держав, которая развернулась в восточном вопросе в этот период.

Одним из первых разработкой истории региона, в частности Дагестана занялся выдающийся кавказовед Р.М. Магомедов¹. Следует отметить, что в его исследованиях большое место занимают проблемы взаимоотношений народов Дагестана между собой и соседями, а также с Россией и сопредельными странами.

Важнейшие аспекты взаимоотношений Дагестана с народами региона и Россией затронуты в монографиях и статьях второй половины XX – начала XXI в., таких авторов, как В.П. Невская, А.А. Саламов, В.Г. Гаджиев, Г.Ш. Каймаразов, С.Ш. Гаджиева, Н.П. Гриценко, Н.Г. Волкова, Б.Г. Алиев, М.Р. Гасанов, Я.З. Ахмадов, Б.А. Калоев, Д.С. Васильев, А.Дж. Магомедов, К.Ф. Дзамихов, Б.Р. Алиев, Ш.А. Гапуров, Р.Х. Гугов, Б.Х. Мальбахов, Ш.Б. Ахмадов, Л.Б. Заседателева, Ю.У. Дадаев, А.Д. Панеш, Ф.З. Феодаева, Н.А. Магомедов, Г.М.-Р. Оразаев, Е.И. Иноземцева, Н.Н. Великая, М.И. Абдулаева, Н.Н. Гарунова, Г.Н. Малахова, К.З. Махмудова, Н.А. Кунов, Т.А. Невская, М.С. Тепсуев, А.Ю. Чирг, С.Г. Кудаева² и др.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1957.

² Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956; Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев с Россией и великим русским народом (XVI – нач. XX в.) // Известия ЧИ НИИЯЛ. Грозный, 1963. Т.3. Вып. 1; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971; Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976; Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974; Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007; Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблема, поиски, этюды). Махачкала, 2004; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. М., 2009; Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004; Он же: Моздокские осетины. М., 1995; Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека: досоветский период. Махачкала, 1986; Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала, 1999; Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001; Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая пол. XIX-XX веков). Махачкала, 2001; Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX в.

Труды названных исследователей имеют важное значение для изучения межкавказских и в целом российско-северокавказских отношений. Кроме того, этими историками определены место и роль края в системе отношений между Российской империей, султанской Турцией и шахским Ираном в «кавказской» проблеме, достаточно глубоко освещены отдельные аспекты этого вопроса.

(1801-1815 гг.). Нальчик, 2004; Гугов Р.Х, Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999; Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996; Мальбахов Б.Х. Кабарда в период от Петра I до Ермолова 1722-1825. Нальчик, 1998; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Грозный, 2002; Он же: Общественно-политический строй чеченцев в XVIII веке. Грозный, 2012; Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – нач. XX в.). М., 1974; Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Махачкала, 2006; Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2006; Он же: Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). Майкоп, 2006; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй пол. XVIII – начале XIX в. М., 2008; Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII – XIX вв. Махачкала, 2008; Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII-XIX вв. Махачкала, 2007; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой пол. XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001; Она же. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала, 2014; Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Армавир, 2001; Абдулаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII-XIX вв. Махачкала, 2006; Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007; Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001; Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. Грозный, 2012; Кунов Н.А. Моздокские кабардинцы (историко-этнографическое исследование). Майкоп, 2002; Невская Т.А. Связи ногайцев с русским населением Северного Кавказа в досоветский период // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1987; Тепсуев М.С. Город Кизляр – центр экономической и культурно-исторической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа и России в XVIII – XIX вв. Грозный, 2012; Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. Майкоп, 2013; Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2014.

Из названных работ особо следует выделить фундаментальный труд В.Г. Гаджиева «Роль России в истории Дагестана», где впервые в отечественной исторической науке получили освещение российско-кавказские и российско-дагестанские взаимоотношения во всей их сложности и многогранности, исследован длительный и противоречивый процесс включения края в состав Российского государства, обоснована историческая перспектива этого процесса.

В трудах отечественных исследователей советского периода и новейшего времени, на основе анализа большой совокупности русских и местных источников удалось показать и доказать, что народы региона имели важнейшее значение в политике России. Одним из основных выводов этих работ является то, что сближение народов Дагестана и Северного Кавказа между собой и с Россией было не случайным, а объективно закономерным явлением, выгодным для всех сторон. Присоединение Северного Кавказа к России большинство ученых считают прогрессивным для народов края, хотя критикуют методы и формы, при помощи которых это произошло.

Зарубежные исследователи также проявляли и проявляют интерес к истории северокавказских народов. Основное их внимание направлено на освещение русско-северокавказских взаимоотношений, а в их рамках кавказско-турецких и кавказско-иранских. Необходимо указать, что иностранные авторы XIX – начала XXI в. дают нам интересный материал, как документальный, так и исследовательского характера. Однако следует отметить, что иностранные авторы сознательно искажают классовые, этнические, социальные и другие противоречия, существовавшие у местных народов. При этом идеализируется феодальное прошлое, прославляются средневековые устои и северокавказская национальная элита. Затуманиваются многовековые связи между местными народами и кавказско-русскими. В своих трудах зарубежные исследователи делают акцент на негативных моментах и сторонах в российско-кавказских отношениях, что, разумеется, имело место, но не по вине этих народов, а по вине правящих элит и реакционных кругов с обеих сторон. Выпячивание отрицательных моментов в политике Российской империи по отноше-

нию к местным народам делается сознательно, чтобы отвергнуть, несмотря ни на что, в целом прогрессивное значение включения северокавказского края в состав России. Это характерно таким иностранным исследователям, как А. Джевдет, А. Расим, И. Беркок, Э. Карал¹ (Турция), М. Хекмат, Р. Сардари, Г. Мухтадар, А. Сардадвар² (Иран), западным Э. Дюлорье, Ф. Гуедалла, Ф. Бейли М. Андерсен, А. Беннигсен³ и др.

Следует отметить, что для иностранных авторов, в частности западных важно было снабдить свои правительства полезной информацией о внешней и колониальной политике Российской империи на Северном Кавказе, где сталкивались интересы великих держав⁴. Необходимо также подчеркнуть, что у иностранных авторов была и другая важная задача – это «разоблачение» агрессивных устремлений России перед общественным мнением Запада⁵.

Необходимо подчеркнуть, что иностранная историография в целом не поставила вопроса о народах региона как о субъекте международных отношений, в искаженном свете представила политику Петербурга на Северном Кавказе, а наступление шахского Ирана и султанской Турции на северокавказские земли трактовала как оборонительные меры. Вместе с тем нельзя не отметить и позитивную сторону их работ: помимо поверхностных компиляций и откровенно политических инсинуаций зарубежная исто-

¹ Ahmet Cevdet Pasa. Tarihi Gevdet. Istanbul, 1966; Ahmet Rasim. Resimli ve heritali Osmanli tarihi. Istanbul, 1914/1916; Berkok I. Tarichte Kafkasya. Istanbul, 1958; Enker Ziyaa KaraL. Osmanli tarihi. Ankara, 1954.

² Hekmat M.A. Essaisur L'histoke des relations politikues irano-ottomanes de 1722 a'1747. Paris, 1937; Resa Sardari. Les traitas etntre L'Iran et la Rassie depuis le XVI-e siele jusgua 1917. Paris, 1941; Гулам Хусейн Михтадар. Набардхое бозарг-е Надер-шах. Техран, 1380/1960; Абутораб Сардадвар. Тарих-е низами ва сийаси-ие доване Надершах-е Афшар Техран, 1354/1975.

³ Guedalla F. Palmerson. London, 1926; Beili F.E. British policy Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942; Andersen M. The Fastern Question 1744-1923. New-York, 1966; Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. / под общей ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994.

⁴ Bell S.J. Journal of a Residence in Circassia drring the years 1837, 1838 and 1839. – L, 1840. V. 5. P. 16.

⁵ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С. 55.

риография имеет и фундаментальные исследования, основанные на большом документальном материале¹.

Подводя итог обзору научной литературы, укажем, что, несмотря на специальные исследования по истории народов региона, все ещё отсутствуют обобщающие труды, в которых были бы выявлены специфические черты процессов, происходивших на Северном Кавказе в изучаемый период.

Разумеется, в данной работе автор учитывал и опирался на результаты исследований как своих предшественников, так и современников. Вместе с тем считал необходимым сосредоточить основное внимание на выяснении менее исследованных вопросов внутриполитического положения народов региона в изучаемое время.

Хотя в российской историографии основательно изучены многие аспекты взаимоотношений народов региона между собой и в целом с Россией, тем не менее, до настоящего времени комплексно не исследованы политические, торгово-экономические и этнокультурные связи народов Северного Кавказа между собой рассматриваемого периода, деятельность российских властей в регионе и её политика не представлены в целом, как позитивный поступательный процесс, естественно, с объективным показом ошибок. Комплексное использование всей совокупности имеющихся источников и литературы с учетом достижений отечественного кавказоведения позволило нам реконструировать процесс развития взаимоотношений народов Дагестана и Северного Кавказа в исследуемый период. Это и составляет основную задачу данной монографической работы.

¹ Hammer H. Geschichte der Ghan der Krim unter osmanischer Herrschaft. Wien, 1856.

ГЛАВА I. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В XVIII – первой половине XIX века (КРАТКИЙ ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ).

Территория Северного Кавказа включала пространство между бассейном р. Кумы, Главным Кавказским хребтом и побережьями Азовского и Каспийского морей.

В XVIII – первой половине XIX в. край представлял собой сложный регион в экономическом, политическом и конфессиональном отношении. В изучаемый период Северный Кавказ населяли различные народности и племена. Уровень развития народов региона было неоднородным. Местное население занималось земледелием, животноводством, торговлей, домашними промыслами и ремеслом, охотой, рыболовством, бортничеством и т.д.

В исследуемый период в регионе окончательно сложились территориально – языковые общности, основы которых были заложены в предшествующий период.

Одной из крупных этнических общностей являлись адыги (кабардинцы, адыгейцы, черкесы). Описывая Черкессию в первой четверти XVIII столетия, французский консул в Крыму К. Главани указывал в её составе 14 округов¹. Известный кавказовед XIX в. А. Берже выделяет 12 адыгских субэтносов: кабардинцы, шапсуги, натухаевцы, хегаки, абадзехи, гатюкаевцы, бжедухи, жанеевцы, темиргоевцы, бесленеевцы, махошевцы, убыхи². В источниках первой половины XIX в. сообщается о 13 адыгских подразделениях³.

Адыги – жанеевцы занимали территорию в нижнем течении р. Кубани и в Причерноморье – пространство между рр. Цемез и Пшада. В конце XVIII в., с дальнейшим сокращением этой территории и численности жанеевцев, они остались только в небольших селениях левобережной Кубани⁴. В источниках первой поло-

¹ Главани К. Описание Черкесии. 1724 г. // СМОМПК. Вып. XVII. Тифлис, 1893. С. 153, 154.

² Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. С. 16-21.

³ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 16.

⁴ Там же. С. 17-18.

вины XIX в. встречаются сообщения о некоторых группах жаневцев, проживавших в Закубанье, по р. Пшаду¹.

В конце XVIII в. адыгские племена (абадзехи, бжедухи, шапсуги и др.) обитали на обширной территории, в частности шапсуги жили по рекам Антхир, Бугундур, Абин, Чибик и Афипс. Абадзехи населяли верхнюю часть бассейнов рр. Белой и Псекупс. А бесленеевцы занимали территорию между левобережьем р. Лабы и истоками р. Псефири, левого притока р. Лабы². По левобережью Малой и Большой Лабы бесленеевцы жили до 1834 г., затем они были поселены по правому берегу Большой Лабы и по притокам р. Урупа-Маму и Большому Тегеням. Их численность составляла в этот период 3,8 тыс. душ, мужского пола³. В 1849 г., в период деятельности на Северо-Западном Кавказе Мухаммед-Амина, большая часть бесленеевцев ушла за р. Белую⁴.

Документы 30-х гг. XIX в. фиксируют изменения в местоположении адыгов-хатукаевцев, вызванные их передвижением на восток. Они жили тремя группами: по р. Кубани, около крепости Прочный Окоп; по р. Лабе, недалеко от темиргоевского с. Базукай и рядом с абадзехами у подножия Черных гор на правом берегу р. Белой⁵. В это же время шапсуги населяли территорию по побережью Черного моря от Анапы до р. Шахе – Малый Шапсуг. Их границей на востоке была р. Афипс, за которой жили абадзехи.

В 40-х гг. XIX в. численность населения Шапсугии, по данным К.Ф. Сталья составляла 160 тыс. человек мужского пола⁶.

К 40-му гг. XIX в. адыги – бжедухи занимали территории в низовьях Пшиша, Псекупса и левобережью р. Кубани⁷.

¹ Там же. С. 18.

² Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 35.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18511. Л. 7 об.

⁴ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа// Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. XXI. С. 83.

⁵ АКАК. 1880. Т. 7. С. 900.

⁶ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа С. 94.

⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18511. Л. 8; ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 50. Л. 84 об.

В начале XIX в. численность темиргоевцев определялась в 5 тыс. семей¹. Автор первой части XIX в. И. Дебу значительно расширяет владения темиргоевцев, занимавших территорию от Кавказского укрепления до Усть-Лабы по левому берегу Кубани, а также по обоим берегам Белой и Пшиша. Их численность по данным И. Дебу, составляла 10 тыс. семей².

В исследуемый период более существенно менялась территория расселения кабардинцев. Во второй половине XVIII в. Большая Кабарда занимала земли по рр. Малка, Баксан, Чегем, Нальчик, Куркужин, Гунделен и части р. Терек. Малая Кабарда располагалась по обоим берегам Терека в районе Татартупа до места впадения в Терек р. Малки, а также по притокам Терека – Курпу, Пседаху, Яманкулу и др.³. в 1764 г. население Моздока насчитывало более 200 душ крепостных малокабардинских поселенцев⁴.

Существенные изменения в расселении кабардинцев внесли события первой четверти XIX в., в частности восстания в Кабарде 1804, 1813 и 1822 гг., вызвавшие переселение местного населения в Закубанье и другие районы северокавказского края⁵.

Следует отметить, что не все указанные места в изучаемый период были местом постоянного жительства кабардинцев. Земли в Закубанье, Пятигорье, в верховьях реки Кумы использовались кабардинцами под пашни, пастбища и т.д.⁶

В конце XVIII в. население Кабарды составляло около 200 тыс. человек⁷. Согласно И.Ф. Бларамберга и И.Дебу к началу XIX

¹ РГВИА. Кол. 414. Д. 300. Л. 85 об.

² Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829. С. 134.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 367.

⁴ АКАК. Т. 1. С. 81; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 57.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6500. Л.40; Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1866. Т. X. С. 149.

⁶ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 367.

⁷ Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века. С. 76.

в. в Большой Кабарде проживало 30 тыс. семей, а в Малой – 15 тыс. семей¹. Уменьшение населения Кабарды было связано с эпидемией чумы и военными действиями царских войск в регионе². Известный адыгский исследователь Т.Х. Кумыков считал, что к 30-40-м гг. XIX в. население Кабарды составляло около 40 тыс. человек³.

Соседями адыгейцев и кабардинцев были абазины (тапанта и шкарауа). Крупный исследователь истории и языка абазин А.Н. Генко писал, что этноним «абадзэ» или «абаза» очень давнего происхождения ... и имеет собирательное значение: так назывались представителями ... (адыгов – Д.К.) все племена абхазские, объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья ... с XVIII в. упрочился русский термин «абазин»⁴. В XVIII столетии абазины – тапанта жили по рр. Большой и Малый Зеленчук, по Баксану и Малке, Куме и Подкумку. А абазины-шкарауа занимали территорию по рр. Большой и Малый Зеленчук, Малой Лабе, Урупу и Фарсу. В начале XIX в. шкарауа ушли с р. Большой Зеленчук на р. Уруп, по причине эпидемии чумы⁵. Согласно данным известного академика и путешественника П.С. Палласа, в 90-х гг. XVIII в. часть абазин-алтыкесек проживали в верховьях р. Кубани, а другая группа находилась в пределах Кавказской губернии по Куме и Подкумку. В состав последних входили джантемировцы (1,7 тыс.), бибердовцы (1,6 тыс.), лоовцы (1,5 тыс.), клычевцы (0,6 тыс.)⁶ и др.

В начале 30-х гг. XIX столетия абазины-шкарауа жили в верховьях Большой и Малой Лабы, Урупа, Андрюка, Ходзи и Губса⁷. Башилбалцы (860 душ м.п.) обитали в верховьях Урупа, тамовцы (270 душ м.п.) проживали в верховьях Большой Лабы,

¹ Бларамберг И.Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 129; Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. С. 117.

² История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 196.

³ Там же. С. 196.

⁴ Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955. С. 7, 8.

⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 368.

⁶ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. С. 69.

⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18511. Л. 4 об.

кызылбековцы (220 душ м.п.) – у верховьев р. Андрюк, шахгиревцы (330 душ м.п.) располагались у истоков Малой Лабы, баговцы, численностью 330 душ м.п. в верховьях р. Ходзи, а 3 селения баракаевцев (620 душ м.п.) находились по правую сторону р. Губса¹.

В исследуемый период на некоторых территориях различной части Северного Кавказа обитали ногайцы. Так, в 1732 г. кабардинский князь М. Атажукин в Коллегии иностранных дел России, говоря о населении Большой и Малой Кабарды указывал, что здесь проживают 7 тыс. ногайцев².

По сообщению французского консула в Крыму К.Пейсонеля, в XVIII в. на Северо-Западном Кавказе и Восточном Причерноморье ногайцы, разделенные на 4 крупных подразделения: Буджакская, Едисанская, Джембойлуковская, Кубанская орды – кочевали от р. Дуная до Азова и Кубани³.

От левобережья Терека и до Кумы проживали караногайцы, терские, едисанские, джембойлуковские и едишкульские ногайцы⁴.

По данным И. Гильденштедта, относящимся к 70-м гг. XVIII в., на Кубани между устьями рр. Зеленчук и Арса располагалась 8 тыс. семей касаевских ногайцев. Наврузовцы, численностью 2 тыс. семей, жили в устье р. Лабы. Бештовские ногайцы проживали в районе Пятигорья⁵.

Согласно И. Гильденштедта, в 70-е гг. XVIII столетия, прикаспийские ногайцы состояли из 44 аулов, из которых 8 находились в Аксаевском владении, 12 аулов в Эндиреевском владении и 24 – в шамхальстве Тарковском⁶. По архивным данным, относящимся к 1796 г., «от устья реки Сулак и вверх к югу по берегу Каспийского моря до самой реки Торкали-Озень их (ногайцев –

¹ Там же. Л. 5 об.

² КРО. Т. 2. С. 58.

³ Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Вып. II. С. 12.

⁴ Кидирнязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. С. 35.

⁵ Гильденштедт И.А. Географическое и статическое описание Грузии и Кавказа. Путешествие через Грузию по Кавказским горам в 1770-1773 гг. СПб., 1809. С. 109.

⁶ Там же. С. 108-110.

Д.К.) считают до 300 кибиток» и проживали они на территории Тарковского шамхальства¹. В конце XVIII в. численность ногайцев в Аксаевском владении составляло 500 семей, а в Эндиреевском и Костековском владениях – вместе около 600 семейств². По переписи 1794 г., произведенной ген.-м. Веревкиным, в Калаусо-Саблинском и Бешто-Кумском приставах Кавказской губернии было 187 ногайских аулов, 3728 семей (13048 человек)³. А по данным 1811 г., численность последних (без караногайцев) составляла 20,5 тыс. человек⁴.

В рассматриваемое время карачаевцы и балкарцы жили в ущельях на северных склонах центральной части Кавказского хребта. Так, архивный источник 1743 г. дает сведения о карачаевцах, живущих в верховьях Кубани «... народ Харачай живет в Кубанских вершинах... дорога к ним от Большой Кабарды на Кубанские вершины»⁵. В XVIII в. карачаевцы жили в верховьях Кубани, а балкарцы занимали 5 ущелий: Баксанское, Чегемское, Холамское, Безингиевское и Балкарское. В конце XVIII в. часть урусбиевцев – балкарцев уходит в верховье Кубани, а в начале XIX в. они появляются в районе хребта Чалпак. В конце 20-х гг. – сер. XIX столетия урусбиевцы известны только в Баксанском ущелье⁶. Таким образом, в изучаемое время карачаевцы и балкарцы обитали на северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта.

В исследуемый период большим изменениям подверглась этническая территория осетин. В течение всего XVIII в. продолжались активные переселения осетин-иронцев на южные склоны Кавказского хребта. На севере осетины граничили с кабардинцами. По документальным материалам, самыми восточными поселениями осетин были населенные пункты в Дарьялском ущелье

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 2. Л. 58.

² Там же. Кол. 414. Д. 300. Л. 59-60.

³ Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморского войска. С. 147-156.

⁴ АКАК. 1873. Т. 4. С. 838.

⁵ Цит.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 96.

⁶ Там же. С. 96.

по левому берегу р. Терека – Ларс, Чми, Балта¹. В предгорьях появляются дигорские поселения: Караджаево, Кобан, Ватшило и др. С 60-х гг. XVIII в. осетины начинают переселяться в район Моздока², а с 80-х гг. – вокруг Владикавказской крепости³. Кроме Дигории, документальные источники XVIII в. в состав Осетии на северных склонах Кавказского хребта относят три ущелья, населенных осетинами: Алагирское, Куртатинское и Тагаурское. Границы расселения этих групп осетинских подразделений в основном оставались без изменения почти весь XVIII в.⁴. По свидетельству источников 1836 г. в Дигории было 34 населенных пункта с 850 дворами и 4,3 тыс. жителей. А в Куртатинском ущелье в 30-х гг. XIX в. имелось 23 селения с 335 хозяйствами и 1,7 тыс. жителей⁵. Что касается Алагирского ущелья, то там было 44 селения, 423 двора и 2,1 тыс. жителей⁶.

В рассматриваемое время территория чеченцев и ингушей находилась между северными склонами Главного Кавказского хребта, правобережьем Терека, бассейном р. Аксай на востоке и низовьями р. Армхи на западе⁷. Восточными соседями ингушей (галгай) были карабулаки и горные аккинцы – две локальные группы вайнахов (самоназвание чеченцев и ингушей – Д.К.). В начале 20х гг. XIX в. известный кавказовед С. Броневский сообщает о карабулаках: «Карабулаки небольшое колено, живут у истоков Сунжи по Сунженским рекам Шадгир и Фортам; граничат на западе с ингушами, на востоке – с чеченцами»⁸. Согласно А.М. Буцковского, в начале XIX в. аккинцы (ауховцы) занимали земли

instituteofhistory.ru

¹ История Осетии в документах и материалах. Цхинвали, 1962. С. 112, 302.

² История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. С. 168.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 371.

⁴ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 117.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 371.

⁸ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. С. 167.

по долине рр. Ямансу, Ярык-су, до Акташа¹. По данным источников 30-х гг. XIX в. численность аккинцев составляла 4 тыс. душ. м.п.²

В первой пол. XIX в. территория расселения чеченцев занимала правый берег Терека, земли между Сунжей и Терекком, часть долины р. Сунжи, равнину между бассейном р. Гумс и р. Фортангой, горные области верховьев рр. Гехи, Мартана, Аргуна, Хулхулау и Аксая³.

Обширную территорию Терско-Сулакской и Прикаспийской низменности от Терека до Башлинской реки занимали кумыки⁴. Часть кумыков, переселившихся во второй половине XVIII в. в Чечню, до сих пор проживает в с. Бамат-юрт (современное с. Виноградное Грозненского района Чеченской Республики)⁵. Кроме того, значительное число кумыков в исследуемый период имелось и в с. Брагуны (Чечня). В начале XIX в. А.М. Буцковский указывал: «Владение Брагунское ... Оно населено большею частью кумыками...»⁶ В 30-х гг. XIX в. здесь имелось 350 дворов⁷.

В 20-х гг. XIX в. кумыки, как зависимые кабардинских князей Бековичей-Черкасских поселились на землях Малой Кабарды (села Кизляр, Магомет-юрт и др. в районе г. Моздока)⁸.

Территорию от Прикаспийской низменности, на запад предгорного и нагорного Дагестана через гребень Кавказского хребта до Алазанской низменности Грузии, населяла аварская группа народностей. Южные скаты Андийского хребта и бассейн левого притока Андийского Койсу населяли андийцы и ботлихцы. За-

¹ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 227.

² Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 168.

³ Там же. С. 168.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен конца XVIII в. С. 372.

⁵ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 208.

⁶ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. С. 244-245.

⁷ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 209.

⁸ Там же. С. 209.

паднее их жили годоберинцы. В правобережье Андийского Койсу жили каратинцы, багулалы, тиндинцы, чамалалы. Южнее каратинцев на северном и восточном скате Богосского хребта в верховьях Ахвахской речки, правого притока Андийского Койсу, проживали ахвахцы, а в верховьях – хваршины. На границах с Грузией в долинах Монматра, Иланхеви, Кифири, Сабахунисхеви и Орицхали жили дидойцы. К юго-востоку от дидойцев, в бассейне рек Хван-ор и Симбирис-хеви Кедири, проживали бежтинцы, гунзебцы и генухцы¹.

Центральный Дагестан, от восточного склона Турчи-Дага, граничащего с Аварией, до пределов Дюлти-Дага, долину Казикумухского Койсу населяли лакцы². В горной и предгорной зоне среднего Дагестана до низменности, юго-восточнее аварцев и лакцев жили даргинцы³. Юго-западнее даргинцев, в горной и предгорной частях Дагестана, непосредственно примыкающих к южной части Прикаспийской низменности, проживали табасаранцы⁴. Весь предгорный и нагорный Южный Дагестан населяли лезгины⁵. Среднюю часть долины Самура занимали рутулы, а верховья – цахурцы⁶. В верховьях Чирахского и Курахского ущельев жили агульцы.

В XVIII в. на юге, от Башлинской речки до Гюрген-чая, проживали азербайджанцы, таты и горские евреи⁷.

В XVIII в. усилился приток на Северный Кавказ русских, украинцев, армян, грузин, туркмен и др.

Гребенские казаки в начале XVIII в. населяли ряд «городков» по обоим берегам р. Терек: Курдюков, Наурский, Червлен-

¹ История Дагестана. М., 2004. Т. 1. С. 301.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. 1. Махачкала, 1999. С. 71.

³ Там же. С. 69.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. (Кн. II). Махачкала, 2001. С. 131-132.

⁵ Там же. С. 49-50.

⁶ Летинова Э. Илсуйское султанство. Баку, 2010. С. 67.

⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 372; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. (Кн. II). С. 106.

ный и др. Позже все гребенские станицы были размещены на левом берегу Терека¹.

На Северо-Западном Кавказе поселение русского и украинского населения происходило в основном в XVIII – первой половине XIX в. Здесь они жили в Тамани, Копыле, в окрестностях Анапы. В 1792 г. земли от Тамани по правобережью р. Кубани до устья р. Лабы именным указом от 30 июля 1792 г. императрицы Екатерины II, были пожалованы во владения Запорожскому войску, названному Черноморским казачьим войском². В 1795 г. численность черморских казаков составила 25 тыс. человек. Позже их число возросло за счет украинских переселенцев³.

В рассматриваемое время армянское население региона в основном формировалось за счет выходцев из султанской Турции и шахского Ирана. В течение XVIII в. армяне жили преимущественно в бассейне Терека. Большая масса армянского населения (около 3,5 тыс. человек) переселилась на Кавказскую линию в конце XVIII в. из Бакинского, Дербентского и Кубинского ханств⁴. К 1816 г. армян в районе Кизляра насчитывалось около 4,4 тыс. человек⁵.

Возникновение с. Армавир относится к 1838-1839 гг., когда группа армян из Закубанья обратилась к ген.-л. Зассу с просьбой разрешить о переселении их в пределы России⁶.

Появление грузин в регионе относится к 1722-1725 гг. Часть грузин из числа сопровождавших грузинского царя Вахтанга VI в период его переселения в Россию осталась в Прикаспии⁷. В течение всего XVIII в. грузинское население пополнялось новыми группами переселенцев. Во второй половине XVIII в. они в основном концентрировались в Дербенте, Кизляре, Моздоке и в

¹ АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 600.

² Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 198.

³ Там же. С. 199.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С.159; АКАК. 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 602.

⁵ АКАК. 1866. Т. 1. С. 633.

⁶ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. С. 200.

⁷ Там же. С. 201.

станциях низовий Терека¹. Численность грузин в 1785 г. в г. Кизляре составляла 1,6 тыс. человек, а в Моздоке – 0,8 тыс. человек².

Ставропольские туркмены пришли с Мангышлака во времена императора Петра I. По данным 1808-1809 гг. в пределах Кавказской губернии насчитывалось 836 семей туркмен³.

Городское население в первой половине XVIII в. имелось только на Северо-Восточном Кавказе – в Дербенте, Терском городе, Святом Кресте, Кизляре. Во второй половине XVIII – начале XIX в. появляются города Моздок, Георгиевск, Ставрополь, Грозный, Владикавказ и др.

В первой половине XIX столетия в регионе произошли заметные изменения в этническом составе края и в расселении народов.

На Северо-Западном Кавказе и Черноморском побережье жили адыги (абадзехи, натухайцы, убыхи, шапсуги). В равнинной части Кубани расселились адыгские группы – бжедухи, темиргоевцы, адамиевцы. По р. Лабе – махошевцы, бесленеевцы и др. В верховьях Лабы, Белой и Зеленчуков проживали абазинцы⁴.

В конце XVIII – первой половине XIX в. ногайские подразделения: мангиты, кипчаки, наврузовцы, мансуровцы и каспулатовцы занимали земли по р. Уруп (мангиты и кипчаки), по обеим сторонам Большого Зеленчука в 40 верстах от Невинного мыса, а также около устьев рр. Большой и Малой Тегень (мансуровцы). Часть мансуровцев жила оседло, часть кочевала. Наврузовцы к этому времени переселились в низовьях Лабы, ниже махошей-адыгов. По Зеленчуку, Уруп и вниз Кубани от поста Беломечетского до вновь строящегося укрепления Св. Николая проживали мангиты, кипчаки, каспулатовцы⁵. Бештавские ногайцы проживали по берегам Кумы и её притоков и в окрестностях горы Бештау⁶.

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18570. Ч. 1. Л. 28 об.; Ч. 2. Л. 14 об.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 155; АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 602, 603.

³ АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 844.

⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). С. 55.

⁵ АКАК. Т. 4. С. 888.

⁶ Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. С. 37.

В высокогорных районах Приэльбрусья, у истоков Кубани и её притоков жили карачаевцы, а балкарцы располагались на северных склонах центральной части Кавказского хребта в труднодоступных ущельях Баксана, Чегема, Черека и Урвана¹. Равнины и предгорья в бассейнах Кумы, Малки, Баксана, Черека и Терека занимали кабардинцы².

По обеим сторонам центральной части Главного Кавказского хребта жили осетины. В первой четверти XIX столетия границы расселения осетин немного изменились. Это было связано, в частности с переселением их на Владикавказскую равнину³.

Вайнахское население (чеченцы, ингуши, карабулаки) занимали территорию западнее рр. Камбилеевки и Армхи до Аксая. К началу XIX в. произошло значительное продвижение ингушей на равнину рр. Терека и Сунжи⁴.

Равнинную часть Прикаспийской низменности, от р. Терек вдоль Каспийского моря до р. Орасай-Булак заселяли кумыки⁵. В пределах Терско-Сулакского междуречья, как и ранее, проживали аксаевские, эндиреевские, костековские и тарковские ногайцы. Терские, кизлярские ногайцы и караногайцы проживали на левом берегу Терека, занимая основную часть современной Ногайской степи.

На Северо-Восточном Кавказе жили ачикулакские, едисанские, джембойлуковские ногайцы – в западной части Ногайской степи Ставропольской губернии⁶.

В первой половине XIX столетия, как и ранее, южнее кумыков, в среднем Дагестане, заселяя предгорья и обширное нагорье, перерезаемое многими ущельями, жили даргинцы и их этнические группы – кайтагцы и кубачинцы⁷. В самом центре нагорного Дагестана проживали лакцы⁸. Нагорную часть Северного и За-

¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 38.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 13.

⁶ Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976. С. 8.

⁷ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. Кн. 1. С. 259-265.

⁸ Там же. С. 226-228.

падного Дагестана по всему течению рр. Аварское Койсу, Кара-Койсу и их притоков, а также низовья Андийского Койсу и верховья р. Сулак заселяли аварцы и родственная им андо-цезская группа народностей: андийцы, чамалалы, хваршины, дидойцы, ботлихцы и др.¹ Юго-восточную часть Дагестана занимали лезгины, агулы, рутульцы, цахуры. Нагорье южнее Кайтага до Чирахской речки населяли табасаранцы².

В приморской части Южного Дагестана, в районе Дербента, жили азербайджанцы, таты, терекемейцы и горские евреи³.

В конце XVIII – первой половине XIX в. значительно увеличилось русское и украинское население края. Так, в 1785 г. кн. А.А. Вяземский переселяет на Терек своих крепостных крестьян из центральных губерний России. Русские крестьяне были расселены в Раздолье, Бирюзяке, Таловке, Брянске, Черном рынке и др.⁴ В начале XIX столетия И.В. Равинский приводит сведения о населенных пунктах Кизлярщины. По его данным, на Черном рынке было 50 крестьянских дворов, в Тарумовке – 18, в Суюткиной Косе – 20, в Брянском – 25, в Раздолье 12, в Бирюзяке – 7 и т.д.⁵ Автор также указывает, что в каждом крестьянском дворе проживало в среднем по 6-7 трудоспособных людей⁶.

В 1803 г. в Кизлярском уезде насчитывалось 8 помещичьих и 15 крестьянских селений. Общая численность их составляла более 8400 человек⁷. В конце XVIII в. на Кубани запорожскими казаками было основано 40 куреней, в которых проживало 17 тыс. человек⁸. С 1792 г. начинается переселение черноморских казаков-украинцев на Кубань. К середине XIX в. украинцев на

¹ Османов А.И., Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века. Махачкала, 2011. С. 72.

² Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. С. 13-14.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 56.

⁴ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 127.

⁵ Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 451-455.

⁶ Там же. С. 456.

⁷ Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1835. Ч. 2. С. 84.

⁸ История Кубани Краснодар, 2005. С. 118.

Кубани насчитывалось более 400 тыс. человек¹. В 20-х гг. XIX в. началось переселение в район Моздока ряда станиц. За 1825-1827 гг. здесь было основано 11 населенных пунктов².

После 30-х гг. XIX в. русское население края росло, главным образом, за счет переселения крестьян из центральных районов России. Так, в станицу Прохладную 1836 г. было переселено 46 семей из Полтавской, Харьковской и Воронежской губерний «в количестве 396 душ обоего пола»³. В 1847 г. в станицу Екатериноградскую переселили 52 семейства государственных крестьян из Харьковской губернии, а через год, в 1850 г. ещё 50 семейств⁴.

Для пополнения казачьих станиц в регионе царское правительство в 1848 г. переселило большую партию воронежских, черниговских и харьковских крестьян с зачислением их в казачье сословие. Кроме того, с 1851 по 1858 гг. на Северо-Западном Кавказе было основано 15 новых селений. В основном они появились в Майкопском и Баталпашинском округах⁵. Таким образом, русское и украинское население увеличилось в крае почти вдвое. Семьям, у которых было меньше 5 дес. земли на душу, разрешалось переселяться на Северный Кавказ, где земельный надел доходил до 30 дес⁶.

Были проведены и территориально-административные преобразования. В 1860 г. по указу императора Александра II были образованы Дагестанская, Терская и Кубанская области, а также Ставропольская губерния. В Дагестанскую область был включен бывший Прикаспийский край без Кубинского уезда, вошедшего в Бакинскую губернию, а также весь Горный Дагестан. Кумыкский

¹ Васильев И.Ю. Украинцы Кубани: история этнической эволюции // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII-XXI вв.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2013. С. 122.

² История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 479.

³ История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 264.

⁴ Сосиев А. Станица Екатериноградская: Историко-статистический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 3. С. 6.

⁵ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках Этно-статистическое исследование. СПб., 1996. С. 80.

⁶ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 59-60; Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – нач. XX в. Махачкала, 2005. С. 153.

округ, Кизляр и прилегающие земли, Ногайская степь вошли в состав Терской области¹.

Области, в свою очередь, были разделены на округа. Так, Терская область объединяла 8 округов: Кабардинский, Кумыкский, Ингушский, Аргунский, Чеченский, Ичкеринский, Нагорный (последние 4 округа были населены чеченцами)². Во главе Дагестанской области стоял начальник из русских генералов, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти. Он же являлся командующим войсками на правах командира корпуса³. Дагестанская область была разделена на 4 военных отдела: Северный Дагестан, Южный Дагестан, Средний Дагестан, Верхний Дагестан. Кроме того, было учреждено 2 гражданских управления: 1) Дербентское градоначальство, состоящее из г. Дербента и Улусского магала, и 2) Управления портовым городом Петровском с прилегающими к нему территориями⁴. В составе военных отделов были образованы округа во главе с начальниками из числа русских, а иногда армянских и грузинских офицеров. Округа делились на наибства, за исключением Кайтаго-Табасаранского округа⁵.

В Кубанскую область вошли земли правого крыла Кавказской линии – Черномории, Черноморской береговой линии, Старой линии и Закубанье (от северо-восточного берега Черного моря до верховьев р. Малки). Левое крыло Кавказской линии было включено в Терскую область. В 1860 г. Черноморское войско было переименовано в Кубанское казачье войско. В 1865 г. Кубанская область была разделена на 5 военно-народных округов – Псекупский, Лабинский, Урупский, Зеленчукский и Эльбрусский. Адыгейцы вошли в состав Псекупского и Лабинского округов, а другие народы Северо-Западного Кавказа (черкесы, абазины, ногайцы и карачаевцы) – в состав 3 остальных округов⁶.

¹ История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 534.

² История народов Северного Кавказа (XVIII в. – 1917 г.). С. 278.

³ История Дагестана. 2004. С. 534.

⁴ Там же. С. 535.

⁵ Там же. С. 535.

⁶ Кудяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. С. 327.

10 марта 1866 г. было утверждено «Положение о заселении Черноморского округа и управления оным». По этому «Положению» в состав Черноморского округа, образованного на общих правах губернии, были включены: портовые города Анапа и Новороссийск, станицы Шапсугского берегового батальона, Армянский и Кабардинский поселки, территория между берегом Черного моря и Главным Кавказским хребтом от Туапсе до границы Сухумского отдела, у Гагаринской теснины¹.

Следует отметить, что «Положение» от 10 марта 1866 г. послужило началом освоения Черноморского округа в законодательном порядке. Изданием этого законодательного акта преследовалась задача насадить здесь крупное помещичье землевладение путем раздачи в частную собственность пожалованных земель высшим офицерским чинам за их службу на Кавказе и продажи их на льготных условиях частным лицам, а также развитие сельское хозяйство в крае предоставлением различных льгот крестьянам-переселенцам из центральных губерний России.

В период Крымской войны (1853-1856 гг.) и после её окончания продолжала осуществляться традиционная политика заселения Северного Кавказа русскими, украинцами и другими переселенцами. Особенно переселенческий процесс на Северный Кавказ усилился в связи с начавшимся движением в среде местных народов в конце 50-х гг. XIX в. по уходу в Османскую империю. Итогом этой политики российских властей было расселение в 50-х гг. XIX в. в районе Степного Предкавказья восточнославянского населения на площади 13 млн. дес. свыше 740 тыс. человек. В результате плотность населения здесь достигла 6 человек на 1 кв.км.²

Антинародный характер политики царизма особенно ярко был выражен в отношении местного населения (оттеснение ногайцев в засушливые районы Восточного Предкавказья, выселение адыгов, кубанских ногайцев и др. за пределы региона и т.д.)³.

¹ Кидирнязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 190.

² Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 62-63.

³ Там же. С. 62.

В 60-х и до начала 90-х гг. XIX в. Предкавказские степи стали заселяться русскими и украинцами, а также в незначительной степени армянами и грузинами¹.

Кроме того, в 20-х гг. XIX в. в Кабарду переселилась из Дагестана первая группа горских евреев. В с. Вольный Аул поселились выходцы из с. Эндирей Засулакской Кумыкии,

Следует отметить, что состав еврейского населения постоянно менялся. Так, согласно «Посемейному списку...» 1865 г., лишь 2 семьи из переселенцев перешли на жительство в горско-еврейскую колонию². В 1847 г. с разрешения начальника Центра Кавказской линии ген. В.С. Голицына при крепости Нальчик на постоянной основе были поселены 254 человека (72 семьи) горских евреев, выходцев из Дагестана³. Окончательно переселенцы были «водворены» при крепости Нальчик по распоряжению штаба войск Кавказской линии и Черномории от 30 июня 1848 г., в котором отмечалось, что «Главнокомандующий армией разрешил горских евреев... занимающихся выделкою кож и овчин, поселить вне военного поселения за Нальчикским разгонным постом»⁴. По статистическим данным, в 1860 г. в с. Вольный Аул проживало 410 человек, а в 1866 г. – 512 человек из числа горских евреев⁵. В 1862 г. из военного поселения при крепости Нальчик и горско-еврейского с. Вольный Аул образовалась слобода со слободским управлением⁶.

Стремясь закрепить свои позиции на Северном Кавказе, российское правительство особым рескриптом закрепило ряд законоположений. Так, в отчете Кавказского переселенческого комитета прямо указывалось, что «одной из основных целей пере-

¹ Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в доревоформенный период. С. 65; История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокеева / Сб. статей и документов. Нальчик, 2005. С. 35.

² Туганов Р.У. Давние связи // История и этнография горских евреев Кавказа: Материалы научно-практической конференции. Нальчик, 1998. С. 5-6.

³ История многовекового сотрудничества. С. 265.

⁴ Там же. С. 265.

⁵ Там же. С. 265.

⁶ Там же. С. 265.

селения русских крестьян на Кавказ является, несомненно, усиление в крае русского элемента»¹.

Ещё до окончания Кавказской войны российское правительство особым рескриптом на имя графа ген. Н.И. Евдокимова от 24 июля 1861 г. объявило о том, что Кубанскому казачьему войску в награду за постоянное и доблестное служение «отводились» присоединенные земли². Эта мера закреплялась «Положением о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г.³»

Необходимо указать, что полных статистических данных по численности населения региона исследуемого периода нет. Согласно данным участника Персидского похода 1796 г. Д.Т. Дренякина, население Дагестана (не считая жителей союзов сельских общин) составляло 386444 человек⁴.

В начале XIX столетия, по данным русского командования, на Северном Кавказе проживало 1,5 млн. человек⁵. Из них народы Дагестана составляли 500 тыс. человек⁶, чеченцы – 120 тыс. человек, ингуши и карабулаки – 90 тыс. человек⁷. В 1810-1812 гг. население Кабарды составляло не более 30 тыс. человек⁸.

На Северном Кавказе в рассматриваемое время сосуществовали феодальные владения Дагестана (Тарковское шамхальство, Аварское ханство, Казикумухское ханство, Мехтулинское ханство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, Дербентское ханство, Кюринское ханство, Цахурское [Элисуйское] султанство, Аксаевское владение, Эндиреевское владение, Костиковское владение и др.), феодальное владение Д.-Г. Черкасского,

¹ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 190.

² Там же. С. 190.

³ ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. 37. Отд. 1. С. 426.

⁴ Дренякин Д.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. С. 121.

⁵ Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века. С. 18.

⁶ Милютин А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 11.

⁷ Броневский С. Указ. соч. Ч. 1. С. 59.

⁸ Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века. С. 77.

феодалное владение князей Турловых, феодалное владение князей Р. Айдемировых, Алисултана и Алибека Казбулатовых, феодалные владения князей Айдемира Бардыханова и Мусала Чапалова в равнинной части Чечни; Большая и Малая Кабарда; Джембойлуковская, Едисанская, Аккерманская, Кубанская улусы ногайцев в Северном Причерноморье и Северо-Западном Кавказе; так называемые аристократические племена адыгов Закубанья (бесленеевцы, темиргоевцы, бжедухи, хатукаевцы, махошевцы и др.) и союзы сельских обществ Дагестана, Чечни и Ингушетии, «демократические племена» закубанских и причерноморских адыгов (абадзехи, шапсуги, натухайцы)¹.

Социальный строй народов края характеризовался неравномерностью своего развития. Это различие было порождено прежде всего условиями хозяйствования в горах и плоскостных зонах. Малоземелье, нехватка пастбищ для развития животноводства, суровые условия в горной части региона приводили к тому, что очень скудна была экономика горцев и, естественно, общественно-экономические отношения были у них менее развиты². Неравномерность социального развития наблюдалась не только между отдельными народами, но и внутри них. Так, часть некоторых дагестанских народов (аварцы, даргинцы, лезгины) входила в состав феодалных владений, другая часть составляла «вольные общества». Адыги (черкесы) подразделялись по уровню развития и характеру феодалных отношений на две группы – «аристократическую» и «демократическую»³. Различные подразделения осетин также отличались по уровню своего социального развития. Наиболее развитым в социально-экономическом отношении у

¹ История народов Северного Кавказа в древнейших времен до конца XVIII в. С. 298-402; Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 27-31; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002. С. 340-255; Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. Махачкала, 2000. С. 33.

² Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века. С. 13.

³ Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. С. 64, 73.

осетин являлись Дигорское и Тагаурское общества, а менее развитыми – Куртатинское и Алагирское¹.

К привилегированному сословию местных народов относились шамхалы, ханы, нуцалы, бии, уцмии, майсумы, беки, чанки, сала-уздени (Дагестан); пши (князья), уорки (дворяне) четырех степеней у адыгов; алдары и баделяты у осетин; элли, холдайи – у чеченцев и ингушей; бии, мурзы, султаны, кайбаши, асланбеки (дворяне) – у ногайцев; таубии и бии – у карачаевцев и балкарцев; ахы, маршани (князья), агмисты (дворяне) двух степеней – у абазин. К господствующему сословию у всех местных народов относилась также и верхушка местного мусульманского и христианского (у осетин) духовенства².

Наиболее многочисленную часть крестьянства у дагестанских народов составляли свободные общинники – уздени³. Следует отметить, что эта категория крестьянства по своему социальному происхождению была аналогичная адыгским тфокотлям. У засулакских кумыков различались ещё азат-уздени, догерек-уздени и кара-уздени⁴. Это была категория крестьян, которым удавалось выдвинуться из более зависимых групп крестьян-раятов и чагаров и стать свободными. Раяты были почти во всех владениях Дагестана. Они не имели право перехода от одного владельца к другому, приобретали в личную собственность землю, отбывали различные повинности, платили подати.

Феодально-зависимое крестьянство у адыгов делилось на несколько категорий – тфокотли, азаты, пшитли и оги⁵. На нижней ступени социальной лестницы адыгов находились унауты – домашние рабы⁶.

¹ Кобахидзе Е.И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII – XIX вв.). Владикавказ, 2008. С. 59-60.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 388.

³ История Востока. М., 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 144.

⁴ Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 133; Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2009. С. 114.

⁵ Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). С. 40-41.

⁶ Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). С. 45.

К эксплуатируемому сословию относились различные категории крестьянства: фарсаглаги, кавдасарды, адамихаты, кумаяги и рабы (Осетия); уздени, каракиши, кулы (у карачаевцев и балкарцев); уздени, азаты и рабы (у ногайцев – кбул), у абазин – унавы; лаи, йийсар (у вайнахов)¹.

В целом, необходимо отметить, что многовековая история местного населения Северного Кавказа, несмотря даже на междоусобную борьбу феодалов, господствующей тенденцией среди народов региона были добрососедские, тесные экономические взаимоотношения, совместная борьба за свою независимость.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1989. Т. 1. С. 174-175; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 343; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 391-392; Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII веке. С. 194-195.

ГЛАВА II. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.

§ 1. Хозяйственная деятельность.

Хозяйственно-экономическая жизнь народов Дагестана и Северного Кавказа в исследуемый период базировалась на земледелии, скотоводстве, ремесленном производстве (домашние промыслы и ремесла), внутренней и внешней торговле.

Земледелием издавна в Дагестане и на Северном Кавказе занимались как в горной зоне, так и на плоскости. Хозяйство народов региона зависело от естественно-географических и климатических особенностей зон их проживания и наличия приспособленных для пахоты участков земли. Крайне ограниченное количество земель пригодных для хлебопашества в горной части привело к развитию здесь наиболее интенсивных форм земледелия. В горах, особенно в Дагестане и Северо-Западном Кавказе, в рассматриваемое время широко применялись удобрения, террасирование горных склонов, укрепление их каменными стенами. В горах, вследствие малоземелья, огромное внимание уделялось улучшению природных условий не только пахотных, но и сенокосных участков. Во многих районах региона большое развитие получило также садоводство. Выращивали яблоки, груши, абрикосы, персики, орехи, вишню, айву, сливы, черешню и др. Особенно, своими фруктовыми садами славился Дагестан¹. Необходимо отметить, что в Дагестане во многих горных долинах разводили сады на склонах. А те участки, которые находились выше садов, использовали для богарного земледелия и животноводства². Фрукты в свежем и сушеном виде дагестанцы вывозили на продажу по всему краю, в том числе и по городам региона³. Кроме того, в окружавших горные и плоскостные села лесах произрастали дикие фрукты. Местные жители их заготавливали впрок

¹ История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 329.

² Там же. С. 329.

³ Там же. 330.

для себя, а также для обмена на землю и муку в соседних районах¹.

У всех народов региона земледелие сочеталось со скотоводством. Даже у тех народов, в хозяйстве которых преобладало животноводство, занятие земледелием было необходимым условием существования населения.

Народы края сеяли пшеницу, просо, полбу, ячмень, рожь, овес и кукурузу. Следует отметить, что равнинные районы Дагестана обладали излишками хлеба, поступавшими на рынок. Так, Засулакская Кумыкия, находившаяся в плодородной Терско-Сулакской долине, являлась одним из главных поставщиков хлеба на Северном Кавказе².

Следует отметить, что Дагестан был также районом развитого виноградарства³. Наивысшего расцвета эта отрасль достигла в Дербенте и округе, в Кизляре и в Притеречных районах.

Ещё в 1720 г. Петр I издает указ, в котором обращается внимание на необходимость разведения на южных окраинах страны «винограда и вывозении из Персии деревьев и трав». Далее в документе говорится: «А на Тереке, помимо персидских сортов винограда, приступить к разведению венгерского и рейнского и послать туда иностранных виноградных дел мастеров»⁴. Необходимо отметить, что российское правительство предложило вино изготавливать только из винограда, выращенного в низовьях Терека, пригодный для производства доброкачественных вин⁵.

Ездивший в 1721 г., для ознакомления края по заданию Петра I, А.П. Волынский брал с собой венгерского специалиста – ви-

¹ Там же. С. 330.

² Кидирниязов Д.С. Торгово-экономические связи народов Северного Кавказа между собой и с Россией во второй пол. XVIII – начале XIX в. // Межнациональные отношения на Северном Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы региональной научно-практической конференции (19 апреля 2007 г.). Дербент, 2007. С. 166.

³ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов-на-Дону, 1984. С. 97.

⁴ Цит. по кн.: Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 197.

⁵ Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М., 1947. С. 180.

нодела на Терек и после осмотра местности докладывал, что здесь условия для виноделия такие же хорошие, «как в Венграх»¹.

Кроме того, развитию виноградарства в низовьях Терека способствовало и переселение сюда из Южного Кавказа армян и грузин, хорошо знакомых с возделыванием этой культуры. К последней трети XVIII в. виноградарство в регионе получило дальнейшее развитие. Побывавший в 1773 г. на Тереке ученый-естествоиспытатель Ч.П. Фальк отмечал, что виноградарство и виноделие в хозяйстве русского населения края играет важную роль. Виноградные сады имела почти каждая казачья семья. Один сад давал в год от 40 до 120 ведер вина². В конце XVIII в. возле Кизляра и в округе под виноградными садами было занято почти 2 тыс. десятин. Из собранного с них винограда ежегодно готовилось более 700 тыс. ведер вина, которое отправлялось на сбыт во внутренние регионы России.

Российские власти придавали большое значение развитию виноградарства в низовьях Терека. Комиссия, занимавшаяся в конце XVIII в. по заданию российской администрации изысканием путей развития виноделия в стране, в своем докладе рекомендовала российскому правительству проявлять заботу о развитии виноделия на Тереке, в частности в Кизляре и притеречных станицах, так как край отличался более благоприятными для этого климатическими условиями, а виноградные сады достигли больших размеров³.

Следует отметить, что в конце XVIII – первой половине XIX в. не только все окрестности Кизляра, но и берега Терека превратились в сплошные виноградные плантации⁴. В 1800 г. в Кизляре было 1400 виноградников, а уже в 1818 г. их число доходило до 4500. В начале XIX в. вина в Кизляре производилось до 2 млн. ведер. Продавали его на месте по 4-8 руб. ассигнациями, а в г. Астрахани – по 15-20 руб. за ведро⁵.

¹ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 137, 138.

² Там же. С. 139.

³ Баллас М. Виноделие в России. СПб., 1898. Ч. IV. С. 147.

⁴ Равинский И.В. Указ. соч. С. 449-450.

⁵ Кидирнязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 41.

Обороты Нижегородской ярмарки постоянно увеличивались. Если в 1817 г. привоз составил около 26 млн. рублей, а продажа более 14,6 млн. рублей, то в 1860 г. эти показатели соответственно составили 104,6 млн. и более 85,6 млн. рублей¹. В 1850 г. из Кизляра на Макарьевскую ярмарку и другие регионы было вывезено 469274 ведра вина и 15 960 ведер виноградной водки. В среднем до середины XIX в. продуктивность виноградарства в крае оставалась стабильной, в целом производилось до 1,5 млн. ведер вина в год².

В изучаемое время народы Северного Кавказа также занимались и огородничеством. Они выращивали морковь, лук чеснок, красный перец, свеклу, арбузы и дыни.

Автор первой трети XVIII в. И. Гербер дает интересные сведения о занятиях жителей Дагестана. Согласно И. Гербера, население с. Эндирей имели много «пашен», а таркинцы сеяли к тому же «хлопчатую бумагу» (хлопок – Д.К.), которая росла здесь «наилучше». Население сел Терско-Сулакского междуречья также занимались «пашнями и скотоплодием»³. Такие же данные этот автор дает о кайтагцах, табасаранцах, дербентцах и др.⁴

Следует отметить, что техника земледелия местных народов была примитивной. В горной зоне был распространен легкий плуг, а на плоскости землю обрабатывали большим плугом с железным лемехом, в которой впрягали 3-4 пары быков.

Необходимо указать, что в горных районах Северного Кавказа широко применялись орошение, удобрения, террасирование горных склонов, укрепление их каменными стенами, создание на скалистой основе искусственной почвы путем переноса её с других земельных участков.

У адыгских народов (кабардинцев, адыгейцев, черкесов) господствовала переложно-залежная система хозяйства⁵. В плос-

¹ Данилов А. История России: Справочные материалы IX-XIX века. М., 1998. С. 270.

² Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. С. 144.

³ Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 69, 71, 73.

⁴ Там же. С. 74, 83, 86, 104.

⁵ Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 40.

костной части Дагестана существовало трехполье: черный пар, зяб и перелог¹.

В Дагестане из технических культур разводили лён, хлопок, шёлк-сырец и коноплю. Так, в первой половине XIX в., в интересах обеспечения российской текстильной промышленности сырьем правительством предпринимались попытки увеличения посевов хлопчатника и улучшения качества хлопка. В связи с этим, в 30-х гг. XIX в. российские власти поощряли в Дагестане посев выписанных из-за границы семян хлопчатника длинноволокнистых американских египетских сортов². Так, например, семена, полученные из Северной Америки (1845 г.) и из Сицилии (1846 г.) для высева были посланы в Дербент³. В середине XIX в. в Кизляре и округе вырабатывали 120 пуд. хлопка-сырца⁴.

Важное место в хозяйственной жизни народов региона занимало шелководство.

В конце XVII в. в крае появился армянский купец Сафар Васильев, который прибыл сюда из Ирана. Зная, что российское правительство придает большое значение развитию шелководства на юго-востоке страны, С. Васильев в 1710 г. добился «всемилоштивейшего соизволения» завести «шелковые заводы на Тереке»⁵. При этом он получил разрешение тайно вывозить из Южного Кавказа мастеров по шелководству, которым отводились усадьбы и земли для разведения тутовых деревьев, а также риса, хлопка и других культур⁶.

В 1718 г. С. Васильев основал у Терека селение Шелководское. В этом же году российским правительством ему было пожаловано 2085 дес. земли. Но ему не повезло. В 1722 г. по указу Петра I часть жителей из казачьих городков низовий Терека была переведена в крепость Святого Креста. Поэтому «тот шел-

¹ Хашаев Х.О. Общественный строй в Дагестане в XIX веке. М., 1961. С. 80.

² Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Северном Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.; Л., 1949. С. 112.

³ Кавказ. 1848. № 19.

⁴ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 148.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Собр. 1. Т. 7. С. 561-563.

⁶ Кидирнязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. Махачкала, 2003. С. 55.

ковый завод остался празден, а мастерские и рабочие люди перешли жить в вышеупомянутую крепость»¹.

Однако, поняв, что это может нанести непоправимый ущерб развитию шелководства в крае, в 1726 г. Сенат издал распоряжение о возвращении из крепости Святого Креста «терских обывателей и кочевых татар (ногайцев – Д.К.), которые обретаются при шелковом заводе в Кизлярском урочище»². В 1754 г. с этого завода было собрано 5 пуд., а в 1772 г. – 8 пуд. шелка-сырца. В 1775 г. одних только официально разрешенных «шелковых заводов» в Кизляре было зарегистрировано четыре³.

Российское правительство, заинтересованное в разведении шелководства, рядом указов поощряло население Северного Кавказа к этому занятию. Так, с целью расширить шелководство в Кавказской области и особенно в районе Кизляра, согласно «Положению» 1779 г., каждая семья, независимо от проживания должна была ежегодно высаживать по 10 тутовых деревьев. Также была прогрессивная система оплаты за шелк. Например, за каждый фунт, приготовленного в своем хозяйстве шелка, крестьянину выплачивался из казны 1 руб., но если он продавал 1 пуд. шелка, то получал за него уже не 40, а 50 руб. Указом императора Павла I 1799 г. местной администрации было предписано «оказывать всякое вспоможение и поощрение казакам» в развитии шелководства⁴. Контроль за развитием шелководства в Кавказской губернии правительством был возложен на особого «главного инспектора над шелководством, находящегося в г. Кизляре»⁵.

В 1830 г. выработка шелка в Кизляре и округе возросла до 400 пуд. в год. Кизляр вместе с округом стал главным центром шелководства в северокавказском регионе⁶. В конце XVIII – начале XIX в. почти во всех селениях в приказном порядке, под

¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. С. 583.

² Там же. Т. 7. С. 583.

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. С. 159.

⁴ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 147.

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточного Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 207.

угрозой штрафа, разводили тутовые деревья. Только в одном Кизляре и его окрестностях насчитывалось более 1 млн. штук¹.

Некоторые казачьи станицы и местные аулы Притеречья занимались исключительно шелководством. Более века жители региона занимались шелководством и только в 30-40-е годы XIX в. оно пришло в упадок².

Если ежегодное производство шелка-сырца на Северном Кавказе в начале XIX в. составляло 215-305 пуд., то в 30-е гг. того же столетия – около 375 пуд. Половина, а в отдельные годы и больше, произведенного шелка приходилось на долю Кизляра и прилегающих к нему районов³.

В рассматриваемое время шелководство в Дагестане развивалось в Засулакской Кумыкии, Кайтаге, Табасаране, Кизляре. Однако, как отмечалось выше, в 30-40-х гг. XIX в. шелководство в регионе пришло в упадок. Так, в 1854 г. в Кизляре и его округе насчитывалось только 180 тыс. тутовых деревьев⁴.

В описываемое время в Дагестане занимались и производством шафрана. В первой четверти XIX в. только в одном Кизляре и округе было посажено 1 тыс. луковиц шафрана⁵. Собранный здесь шафран, как отмечено в источнике XIX в. «не уступает лучшему европейскому»⁶.

В первой половине XIX в. российская администрация на Кавказе попыталась наладить в Дагестане и производством табака. С этой целью в конце 40-х гг. семена табака привезенные из Северной Америки, с острова Куба, были посеяны в Дербенте,

¹ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. С. 53-54.

² Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – нач. XX в. Махачкала, 2008. С. 81.

³ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. С. 54.

⁴ Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XIX-XIX вв. Махачкала, 2010. С. 44.

⁵ шафран – растение служившее изысканной приправой к пище, лекарственным средством, красителем тканей и ковров. Он ценился на вес золота, являлся одним из приоритетных предметов торговли, был более дорогим красителем, чем марена (см.: Гусейнова Ирада. Историческая энциклопедия Кавказа. Баку, 2010. С. 747).

⁶ АКАК. 1873. Т. 4. С. 102.

Табасаране и Ахта¹. Однако табаководство в Дагестане не получило особого развития.

Большое место занимало в Дагестане также разведение марены, из которой получали красящее вещество для шерсти, шёлковых и других тканей². Ещё в первой четверти XVIII в. российское правительство обращало внимание своего купечества на необходимость использования в текстильной промышленности красящего корня марены. Терские тезики и приезжие персидские купцы нанимали местное население, которое выкапывало для них корень марены, и тайно кораблями увозили его в Персию, наживая на этом огромные прибыли. В 1744 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев предупреждал российское правительство, что необходимо запретить самовольный вывоз марены купцами из Ирана и установить контроль над торговлею. В 1748 г. на кизлярского коменданта поступил правительственный указ о том, что марену следует «покупать в казну, а за границу её не продавать»³. Предприимчивые кизлярские купцы в 1747 г. привезли для фабрик Астрахани 229 пуд. марены, купив на месте по 1 руб. 20 коп и продав её по 2 руб. 50 коп. за пуд.⁴

В середине XVIII в. в Сенат и Мануфактур-коллегию посылались прошения на исключительное право закупать марену в селах Засулакской Кумыкии (Эндирее, Аксае, Костеке). Появляются комиссионеры-посредники между собирателями марены и русскими фабрикантами. В 1761 г. владелец московской суконной фабрики Суровщиков дал распоряжение своим приказчикам заготовить на Тереке для его фабрики 2-4 тыс. пуд. марены⁵. В 60-е гг. XVIII столетия ежегодно с прилежащих к Кизляру мест собирали сухого корня марены до 6 тыс. пудов в год стоимостью 15-18 тыс. рублей⁶.

В 70-х гг. XVIII в. в регионе ежегодно собирали до 20 тыс. пуд. марены. Цены на марену все время возрастали. В первой четверти XIX в. жители притеречных районов так увлеклись её

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 253.

² Хашаев Х.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. С. 80.

³ КРО. Т. 1. С. 108, 139, 140.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 8. Д. 8. Л. 6.

⁵ РДО. 1988. С. 137.

⁶ Там же. С. 138.

разведением, что даже пошли на сокращение посевов сарачинского пшена (риса) и других сельскохозяйственных культур¹. Следует отметить, что в XVIII – начале XIX в. выращивание риса в низовьях Терека особых результатов не дало. Однако в течении первой половины XIX в. в регионе наблюдаются определенные успехи. Так, в 1847 г., в 341-ом хозяйстве, занятом выращиванием риса, было посеяно 15 142 дес. и собрано 96740 пуд. урожая².

В рассматриваемое время у всех дагестанских народов одним из основных занятий было животноводство. Оно было развито как в горной зоне, так и на равнине. В равнинной части Дагестана жители имели возможность впрок заготовить сено и другого вида кормов для содержания скота. Кроме того, здесь местное население могло до поздней осени кормить скот на зимних пастбищах. Необходимо отметить, что в горах разводили преимущественно овец и коз, а на плоскости уделяли больше внимания разведению крупного рогатого скота, обеспечивающего населения мясо-молочными продуктами. Кроме того, быки служили также тягловой силой при вспашке земли, перевозке тяжестей и т.д., поэтому его доля на плоскости была выше, чем в горной зоне.

Повсеместно в северокавказском регионе разводили лошадей для верховой езды, а также для вьючной перевозки грузов. Кроме того, на лошадях приходилось ходить в военные походы. Ногайские, кабардинские, карачаевские, кумыкские и др. породы лошадей высоко ценились и были известны далеко за пределы региона. Так, например ногайскую породу выращивали также казаки низовий Терека³. Автор середины XIX в. Л. Кодзоков писал о ногайских лошадях, что они «превосходили все другие породы в привычке к лишениям» и очень превосходны «для трудовой работы»⁴. Большим спросом пользовались также кабардинские ло-

¹ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

² Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 197.

³ Павлов А.М. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842. С. 10-11.

⁴ Кодзоков Л.М. Заметки о кавказском коневодстве // Терские ведомости. Владикавказ, 1869. № 10.

шади, известные в России под названием «горских», а в Грузии «черкесских»¹.

В конце XVIII – первой половине XIX в. физические качества местной лошади высоко оценивались специалистами и конезаводчиками. Следует отметить, что российское правительство закупало у ногайцев для армии драгунских и гужевых лошадей².

Часто дагестанские жокеи участвовали в различных соревнованиях. Так, в 1851 г. в Ставрополе состоялись скачки, на которых участвовали около 100 лошадей из разных регионов России. На этой скачке первый приз взяла ногайская лошадь из Дагестана, на которой жокеем выступил Абуселим Муталимов³.

Ногайцы, частично кумыки Засулакской Кумыкии держали так называемого двугорбого верблюда, обладавшего особой мощностью и выносливостью, и использовали его как вьючное животное. Следует отметить, что народами Северного Кавказа высоко ценилась из-за нежности и эластичности верблюжья шерсть, и которую они покупали в значительном количестве⁴.

В горной зоне края, в частности в Дагестане и Чечне были распространены две системы животноводства: горно-стационарная и отгонная. Для высокогорья была типична отгонная, для горных долин и верхнего предгорья – стационарная, базировавшаяся на использовании пастбищ, стерневых пригревов. Отгонно-стационарная система была характерна для районов края, с относительно развитым земледелием и садоводством. Крупный рогатый скот в последней системе играл роль тягловой силы⁵.

В хозяйстве многих народов Северного Кавказа большое место занимало пчеловодство. Высококачественный мед пользовался большим спросом как во внутренних губерниях России, так

¹ История Кабарды с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н.А. Смирнов. М., 1957. С. 66.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 125. Л. 66, 67, 77.

³ Ставропольские ведомости. Ставрополь, 1851. № 23.

⁴ Павлов А.М. Указ. соч. С. 12.

⁵ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 96; Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 44.

и в других странах¹. Среди народов Северного Кавказа, в частности Дагестана кабардинцы были известны как умелые пчеловоды. Жители региона охотно покупали у них мед. В середине XIX в. в Кабарде насчитывалось 29,5 тыс. сапеток (род улья)².

Кроме того часть населения Дагестана занималась рыболовством, особенно на Каспии – от устья Терека до Самура³. Как свежая, так и вяленая рыба шла на продажу в российские города и по всему Северному Кавказу⁴.

Следует отметить, что до начала XIX в. в Дагестане рыболовством занимались в основном во внутренних водоемах региона, главным образом в реках и озерах, расположенных в Засулакской Кумыкии⁵. Ведущее место в рыболовстве занимала р. Сулак. Рыбу в основном ловили для личного потребления и только незначительная часть вывозилась в соседние владения. Так, в Дагестане за провоз через территорию, принадлежащую местным владельцам, последние брали пошлину натурой в размере 10%⁶. Кроме того, на протяжении длительного времени рыба фигурировала на местном рынке в качестве одного из распространенных предметов обмена. Особенно ценился рыбий жир, который употреблялся для освещения⁷.

Жители Кизляра и казаки станиц также занимались рыболовством. Особенно широко было развито рыболовство у казаков, которые ловили рыбу на Тереке, на острове Чечень, Каспийском побережье, и продавали рыбу в Кизляре, а также обменивали на необходимые товары с жителями всего Северного Кавказа⁸.

В подобном хозяйстве помещиков Всеволожских Кизлярского уезда были заняты сотни людей. Так, в 1847 г. было выловлено ими рыбы (белуги, севрюги, лосося – около 180 тыс. штук;

¹ Хашаев Х.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. С. 105.

² История Кабарды. 1957. С. 70.

³ Хашаев Х.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. С. 105.

⁴ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 275.

⁵ Надирадзе А.А. Развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в дореволюционный период. Махачкала, 1969. С. 84.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18747. Л. 23.

⁷ Надирадзе А.А. Указ. соч. С. 84.

⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 5. Д. 143. Л. 3.

сома, судака, леща, жереха, шемаи и лоха – более 268 тыс. штук. Также было убито тюленей весом свыше 3 тыс. пуд., получено около 2500 пуд. черной икры, 254 пуд. рыбьего клея, 486 пуд. рыбьего жира и 211 пуд. вязиги¹. Следует указать, что в 30-40-е гг. XIX в. в Кизляре и округе имелось 50 «рыбных ловлей», а продавалось рыбы на более чем 300 тыс. руб².

В рассматриваемое время кизлярские купцы наряду с другими товарами местного производства вывозили рыбу и продукты рыболовства в Центральную Россию, в том числе на Макарьевскую ярмарку в Нижний Новгород. Так, в 1783 г. на продажу было отправлено 1 тыс. белуг, 5 тыс. севрюг, 5 бочек икры, 1 бочку рыбьего жиру и 10 бочек клея³.

С присоединением Дагестана к России усилился спрос на рыбную продукцию и это содействовало развитию рыбного промысла здесь. В первой половине XIX в. усилилась эксплуатация рыбоводных участков на Тереке, Сулаке и Самуре впервые начат (правда, в крайне незначительных размерах) морской лов в районе Дербента⁴. Необходимо отметить, что с конца XVIII в. на рыбных промыслах русских рыбопромышленников стал широко использоваться труд ногайцев, кумыков, азербайджанцев и др.⁵ Так на промысле Конный Кут в Аграханском заливе, арендованном рыбопромышленником Тушмаловым, работали по найму кумыки, ногайцы, русские. Здесь добывалось до 35-36 тыс. пуд. крупной рыбы, 70 пуд. черной икры, 7 тыс. пуд. лососевых и 12 пуд. разной частиковой рыбы⁶.

Немалую роль в экономике народов Дагестана и Северного Кавказа занимали домашние промыслы и ремесла, сырьем для

¹ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века. С. 58.

² Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX в. С. 102.

³ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 150.

⁴ Заболоцкий П. Путевые записки из Астрахани в Баку // ЖМВД. СПб., 1839. Ч. 29. С. 26-27.

⁵ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. С. 59.

⁶ Кузнецов И.Д. Терские речные и притерские морские рыбные промыслы. СПб., 1898. С. 120.

которых служила продукция животноводства и земледелия¹. Необходимо указать, что домашние промыслы часто перерастали в ремесло и в мелкое товарное производство.

Развитию домашних промыслов способствовал недостаток жизненных средств, получаемых от земледелия и животноводства. Развитие ремесел стимулировали поиск новых источников дохода, которые давали рост внутренней и внешней торговли. Необходимую роль играла и наличие местного сырья для производства большого количества разных изделий. Кроме того, недостаток отдельных видов сырья, необходимых для развития некоторых отраслей домашних промыслов, восполнялся привозным материалом (железо, золото, серебро, медь и т.д.). Изготовленная из них дагестанскими мастерами продукция пользовалась большим спросом, как в регионе, так и далеко за его пределами. В частности, ювелирные изделия гоцатлинских, лакских, кубачинских мастеров вызывали восхищение русских и иностранных путешественников, посещавших Дагестан в исследуемый период². Так, в златокузнечных и серебряных мастерских Кизляра работали умельцы из Дагестана. Тарковский шамхал Муртузали в мае 1772 г. отправил письмо кизлярской администрации с просьбой оказать содействие мастерам-златокузнецам, выехавшим в город для промысла³.

Следует отметить, что огромной славой на Северном Кавказе и далеко за его пределами пользовались дагестанские ремесленники⁴. В Дагестане и горной Осетии владели тайной производства и обработки стали, известной под названием «дамасской». Из такой стали делали гнущиеся, как пружина сабли⁵. Изделия кубачинских, лакских, унцукульских и других мастеров не имели себе равных в крае. В частности, с. Кубачи представлял собой исключительное явление в регионе, здесь ремесленники являлись мастерами самого высокого класса. Так, автор первой

¹ Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007. С. 218-219.

² История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 332.

³ РДО. 1988. С. 144.

⁴ История Кабарды. 1957. С. 72.

⁵ Дзидзоев В.Д. Народы Северного Кавказа в XVIII – XIX вв. Нальчик, 1995. С. 62.

трети XVIII в. И. Гербер указывал о них: «все люди мастеровые, у них делается самая лучшая серебряная работа, оружие, добрые сабли, панцири, и прочее, которое не токмо во всех здешних местах, но и в Персии и в Турецкой земле славно, а такое оружие с охотой покупают, отчего они все люди богатые...»¹.

Следует отметить, что в рассматриваемое время Кизляр являлся центром ремесла и мануфактурного производства. В городе находились склады для хранения казенного железа, которым снабжали ремесленников городов региона (Кизляра, Моздока). В Кизляре имелись мануфактуры по изготовлению хлопчатобумажных тканей².

В начале XIX (1815 г.) в Кизляре числилось 8 кустарных кожевенных «заводов», где из бараньих кож выделывали сафьян и мешину, 15 свечных предприятий, изготовлявших за год почти 11417 пуд. свечей³.

В середине XIX в. в Кизляре было 36 промышленных предприятий, в том числе 2 кожевенных, 11 салотопленных, 2 восковых и 12 спиртокурительных заводов. В этот период в городе было 286 ремесленников⁴. Наличие шерсти, хлопка, кожевенного и другого сырья способствовало повсеместному развитию ремесел в регионе. Так, в 1848 г. в газете «Кавказ» отмечалось, что «между казаками, народом трудолюбивым и промышленным, находится весьма много разного рода мастеровых и ремесленников: есть и столяры и плотники, и каменщики и серебряники и даже живописцы и часовщики... То же самое можно сказать и о местных туземцах, живущих в близком соседстве с русскими»⁵. Так, ещё в начале XIX в. из с. Аксай в Кизляре было продано 70 железных серпей, а из с. Брагуна (Чечня) – 15 серпов и 15 железных плугов⁶.

Необходимо отметить, что степень занятости ремесленным делом в различных частях Дагестана и Северного Кавказа была

¹ Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 75.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

³ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 594. Л. 13-15, 40, 45-50.

⁴ Кавказский календарь на 1853 год. Тифлис, 1852. С. 284.

⁵ Сборник газеты «Кавказ» за первую половину 1848 г. С. 180.

⁶ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 585. Л. 32.

различной. В горной зоне острый недостаток земли вынуждал жителей заниматься ремесленным делом, чтобы поменять свою продукцию на продукты питания и другие необходимые товары. Поэтому в горах получили развитие домашние промыслы по обработке металла и шерсти. В предгорной зоне находились центры ковроткачества (Табасаран и лезгинские села), изделия из дерева (Кайтаг), обувь, кожа, овчины и т.д.

В Дагестане происходила производственная специализация жителей районов или сел. Так, Анди, Ботлих и др. села были центрами производства бурок. Ковры и ковровые изделия изготавливали в Южном Дагестане. (Табасаран, Ахты, Шиназ, Цахур), а также в аварских, даргинских и кумыкских селах.

Войлочное дело было развито у ногайцев, кумыков, ботлихцев и др.¹

В Дербенте, в Засулакской Кумыкии и в Притеречье занимались разведением шелковичных червей. Шелк-сырец отправляли в Центральную Россию, Европу и Иран².

В Дагестане, как и на всем Северном Кавказе почти повсеместно занимались обработкой шкур крупного рогатого скота и овец. Особенно славились лакские и даргинские кожевники (Шовкра, Куппа и др.). Мастера изготавливали зимнюю и летнюю обувь. Искусством выделки разноцветных сафьяновых кож славились горские евреи³.

Широко была распространена в Дагестане и на Северном Кавказе обработка овечьих шкур. Из них шили шубы, тулупы, папахи, мужские брюки, безрукавки, изготавливали ремни, пояса и т.д.⁴

Высоким мастерством и художественной ценностью славились ювелирные изделия и предметы украшений, оружие златокузнецов из знаменитого с. Кубачи (Дагестан). Изделия кубачин-

¹ Хашаев Х.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. С. 98.

² История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 333.

³ Там же. С. 333.

⁴ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. (политический аспект). Махачкала, 2007. С. 15.

ских златокузнецов и оружейников пользовались большим спросом в Дагестане, Северном Кавказе, России и в других странах¹.

Ногайские седла отличались от широко известных на Северном Кавказе кабардинских своей простотой и удобством, поэтому их охотно покупали соседние народы и русские².

Следует отметить, что в первой половине XIX в. среди народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана увеличилось не только количество изготавливаемых изделий, но и их ассортимент. Так, по охвату жителей кустарным промыслом, так и разнообразию производимых изделий Дагестан занимал в регионе ведущее положение. Ювелирное дело было развито в Кубачах, Кумухе, Гочатле; по обработке дерева в Унцукуле; гончарное – в Балхаре, Сулевкенте; наплечных бурок – у андийцев и ногайцев; ковров, паласов, войлоков – у лезгин, табасаранцев, кумыков, ногайцев и др.

Крупным ремесленно-торговым центром в Дагестане, как и ранее, являлся г. Дербент. В 30-х гг. XIX столетия в Дербенте производили шелковую материю и бязь. В городе было 8 мукомольных мельниц³.

Необходимо указать, что у жителей всего Северного Кавказа среди домашних промыслов большое место занимали ткачество, изготовление войлочных и ковровых изделий. Кумыкские, ногайские, чеченские, карачаевские, балкарские войлоки, сделанные методом вкатывания узора, инкрустации и аппликации, были настоящими произведениями искусства.

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. С. 327-328; Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). С. 219.

² Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 46.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). С. 70-71; Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). С. 214-215.

§ 2. Торгово-экономические отношения.

В рассматриваемое время торговля между народами Северного Кавказа была в основном меновой. Значительную часть необходимых вещей местные народы выменивали на скот, продукты земледелия и ремесленные изделия.

В начале XVIII столетия Россия отводила Терки важную роль в её экономической политике на Северном Кавказе. В этот период, как и ранее Терки являлся вторым после Астрахани центром транзитной торговли Российского государства со странами Прикаспия, Северного Кавказа и Южного Кавказа. Согласно данным астраханской таможни, в 1718-1726 гг. из Астрахани в Терки было отправлено 44 партии различных товаров. Из них самый большой удельный вес приходился на армянских торговцев – 19 партий товаров, а остальной товар: индийских купцов (9), бухарских – (7), гилянских (6) и северокавказских (3)¹. Так, «таможенный оклад» с торгового оборота Терков за период с 1720 по 1723 составлял 1149 рублей².

Кроме того, Терки играл большую роль в политике российского правительства по развитию торговли с восточными странами. Через Терский город шли торговые пути из России в Дагестан, Чечню, Ингушетию, Осетию, Кабарду, Черкессию, Южный Кавказ, Иран и др. Здесь параллельно проходили два торговых пути: водный – по Каспию и сухопутный – степью по Западному Прикаспию.

Из Терского города в разных направлениях шли торговые маршруты: морем до г. Астрахани, Дербента, Баку и до Персии; сухопутным путем в Южный Кавказ и Иран через Кизлярский перевоз, а также на переправу через Аксай, далее через Койсу на Тарки, Бойнак и до Дербента. Из Дербента можно было пройти в Азербайджан и Персию. Кроме того, существовала Османовская

¹ Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С. 181-182.

² Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 165.

дорога, шедшая от Дербента на Тарки, оттуда на Сунженский перевоз и дальше до берегов Азовского моря и Дона¹.

Следует отметить, что общедагестанского масштаба торговый путь проходил и по Внутреннему Дагестану. Он шел с юга на север (в обход Дербента и побережья Каспия) по долине р. Самур, через Курах с выходом на Хосрек, далее трасса шла к Кумуху. С Кумуха дорога шла на Чох, Гидатль и далее через селения на Андийском Койсу в Чечню².

Кроме того, существовали и другие трассы, связывавшие горную зону Дагестана с плоскостью. Эта дорога проходила из Тарков в Торкалы, Кафыркумух, а оттуда в Казикумух с продолжением через Дюльтидагский перевал в Закаталы. Трасса Кумух-Хуна-Уллучара-Танты-Гапшима-Акуша-Великент соединяла лакское и даргинское население с плоскостью. «Большая дорога» Губден – Карабудахкент – Гелли-Атлы – Доргели-Дженгутай – Буглен – Верхнее Казанище – Нижнее Эрпели – Верхнее Эрпели – Какашура – Капчугай – Чиркей – Эндирей – Аксай – Костек связывала весь Дагестан³.

Север Нагорного Дагестана (Анди, Гумбет) был связан с плоскостной зоной (с Эндиреем) дорогой через селения Салатавии (Хубар, Чиркей, Гертма, Буртунай, Чирката, Ихали, Аргвани)⁴.

Торгово-экономические связи народов Северо-Западного Кавказа с Дагестаном проходили по издавна сложившимся торговым путям. Так, через территории Адыгеи, Карачаево-Черкесии проходил военный путь, соединявший побережье Черного моря (от устья р. Кубани с Западным Прикаспием в районе устья р. Терек). Вначале этот путь шел по Кубани, а затем, отклонившись к югу, шел по правобережью Лабы и далее по Большой Лабе. Затем, отклонившись на восток, он подходил к Кубани в том месте,

¹ Магомедова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территорию Чечено-Ингушетии в XVI-XVII вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 21-37; Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). С. 226.

² История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 335.

³ Там же. С. 336.

⁴ Там же. С. 336

где она сливается с Тебердой (соврем. г. Карачаевск). Отсюда путь шел снова на север приблизительно до ст. Баталпашиной (соврем. г. Черкесск) в устье Малого Зеленчука, а оттуда вновь сворачивал на восток, по Куме и через Кабарду шел на Терек и далее¹.

После Каспийского похода, 22 сентября 1724 г. царь Петр I подписал указ, в котором предписывалось перевести в крепость Святого Креста гарнизон и жителей Терки. Новая крепость Святой Крест находилась «у реки Сулак в 20 верстах южнее Терека, в 67 верстах от устья реки Аграхани, там, где Койсу делится на два рукава: Южный Сулак и Северную Аграхань»². Крепость постепенно превращалась в город. Сюда же переселились местные народы, ранее жившие в Терках слободами. По сведениям И. Гербера, участника похода Петра I к побережью Каспийского похода, оставшийся в Дагестане вплоть до 1729 г., у местного населения, «живущих близ крепости Святого Креста, одно из ведущих мест занимала торговля»³. Развитию торговли способствовало также и решение правительствующего сената от 24 марта 1724 г. о беспошлинном «провозе и свободной продаже вина, табака и всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и крепости Святой Крест»⁴. На рынок посада крепости собирались представители всех народов северокавказского региона. Кроме того, в крепости Святой Крест, наряду с местными северокавказскими торговыми людьми большой обмен вели русские, армянские, азербайджанские, грузинские, персидские, индийские купцы. Здесь собирался крупнейший конский базар, где счет шел на сотни голов. Также здесь торговали крупнорогатым скотом, овцами.

И. Гербер отмечал, что «за городом крепости имеется торгование и приездными туда купцами российскими, армянскими,

¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 251.

² Цит. по: Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 68.

³ Там же. С. 70-71, 73.

⁴ РДО. 1958. С. 295.

горскими, чеченскими, татарскими и прочие»¹. Вместе с тем, как отмечает Ш.А. Ахмадов, торговля вайнахов (чеченцев и ингушей) в Терках и Святом Кресте была незначительной по своим размерам².

Необходимо указать, что крепость Святой Крест служила и крупным узловым пунктом транзитной торговли России со странами Южного Кавказа и Персией³.

В крепости Святой Крест существовали Гражданская канцелярия и таможня, зорко следившие за ввозимыми и вывозимыми из крепости товарами, регистрировавшие приезд и отъезд торговцев и т.д.

Так, по данным Гражданской канцелярии крепости Святого Креста за 1729 г. подали прошение о разрешении выехать в Гилян, Баку, Шемаху и Решт водным путем 26 купцов и торговых людей, в Дербент – 32 человека, в Кабарду – 16, в гребенские городки для торговли и покупки там рыбы – 23, в ногайские аулы – 11 человек, водным и сухим путем до Астрахани – 59 человек. Всего, согласно этим документам, из крепости Святого Креста должно было выехать более 180 купцов и торговых людей⁴.

Кроме того, крепость Святого Креста занималась реэкспортом товаров из Востока в Россию. Так, в 1735 г. из крепости привезли товар 9 торговых людей на сумму 572 руб.⁵ В ассортимент товаров, прибывших из крепости Святой Крест, входили – меха диких зверей, оленье шкуры, воск, чихирь горский, свежие и сушеные фрукты, марена, а также изделия ремесленного производства Дагестана и Северного Кавказа.

По неполным данным за период 1733-1735 гг. товаров из Астрахани самое большое количество товаров было отправлено в Святой Крест: в 1733 г. 24 торговыми людьми было вывезено то-

¹ Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 64.

² Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 154.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 5. Л. 100; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. С. 83.

⁴ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 56.

⁵ Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. (по материалам Астраханской таможни): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1971. С. 26-27.

варов на сумму 7344 руб., а в 1735 г. 14 торговцами – на сумму 2314 руб¹. Следует отметить, что наряду традиционного ассортимента товаров (железа, металлических и деревянных изделий, канцелярской бумаги, русской и европейской ткани, кожаных изделий и др.), в крепость Святого Креста из Астрахани поступали продукты питания. Например, в 1732 г. сюда было отправлено 24 партии продовольственных товаров на сумму 9304 руб., а в 1735 в крепость Святой Крест и в Дербент – 30 партий на 9384 руб. Поставщиками выступали астраханские посадские люди. Кроме того, в крепость Святого Креста приезжали с товаром из Астрахани индийские купцы. В 1733 г. они поставили 6 партий товаров на 2145 руб.² В основном индийские купцы привозили из Астрахани промышленные товары российского производства, а также транспортные товары, шедшие из Европы.

В крепость Святой Крест, кроме традиционного ассортимента товаров: железа и деревянных изделий, канцелярской бумаги, ткани, кож – из Астрахани и других городов поступало продовольствие.

Таким образом, крепость Святой Крест заняла место своего предшественника – Терского города в снабжении населения всего Северного Кавказа промышленными и продовольственными товарами из России.

Это делалось с целью оживить экономику края, наладить важным для России сырьем – шёлком-сырцом. Прибывшие в регион армяне и грузины распространяли среди местного населения новые виды хозяйствования, занимались шелководством, хлопководством, сеяли рис³.

Необходимо указать, что с внешним торговым миром крепость Святой Крест была связана меньше, чем Терки и Дербент. Крепость Святой Крест просуществовала недолго. Согласно российско-иранскому мирному трактату 1735 г., крепость Святой Крест была срыта, и все в «оной бывшие и там обитавшие» были переведены во вновь укрепленную крепость Кизляр⁴. Но, несмот-

¹ Там же. С. 25.

² Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 128.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 160.

⁴ История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 56.

ря на свою короткую историю эта крепость Святого Креста сыграла большую роль в жизни местного населения.

После основания крепости Кизляр она становится крупным торгово-экономическим центром, который до начала XIX в. сосредотачивал до 90% всей торговли Предкавказья¹. Значительна была роль Кизляра во внешней торговле. В мае 1755 г. здесь были учреждены пограничная таможня и форпосты «для взимания пошлин» с ввозимых из-за границы и вывозимых в другие страны товаров. Такое положение Кизляр занимал до 1785 г., до того времени, когда была образована Кавказская губерния, состоящая из двух областей – Кавказской и Астраханской. Выполняя, с одной стороны, функции важного транзитного узла в торговле России с восточными странами, Кизляр к середине XVIII – средоточие русско-кавказских экономических связей, с одной стороны, и многонациональный торговый центр, где местные народы обменивались продукцией своей хозяйственной деятельности с другой², Петербург отводил «Кизляру важную роль в развитии и укреплении торговых отношений с народами Северного Кавказа, рассматривая их как одно из средств укрепления своего влияния»³ в крае.

К Кизляру были переведены жившие при крепости Святого Креста адыги, окочены (чеченцы), новокрепченцы (из местных народов), армяне, грузины, дагестанцы, тезики, казанские татары. Сюда же переселились терские городовые казаки, жившие в начале XVIII столетия со служившими в этом городе окоченами, новокрепченцами и другими представителями северокавказских народов. Все они стали называться терско-кизлярскими казаками.

Заселение Кизлярской крепости в момент его основания шло быстро. Российские власти, будучи заинтересованными в увеличении его населения предоставляли льготы всем пожелавшим в нем поселиться. Кизляр составляли 8 разноязычных кварталов, отделенных друг от друга земляными валами. Самый большой из них – Армянский (Арментир), населенный в основ-

¹ Очерки истории СССР. XVIII в. II четверть. М., 1957. С. 447.

² Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. С. 28.

³ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. С. 289.

ном армянами. Грузинский квартал (Куржи-аул) был населен грузинами, первые из которых заселились в 1735 г., будучи переведены из крепости Святой Крест¹. В квартале терских казаков жили русские казаки терско-кизлярского казачьего войска. Казаки кавказских народностей жили в других кварталах. Квартал новокрещенцев (Кристи-аул) был населен представителями местных народов, принявших православие и переведенных в Кизляр из крепости Святой Крест, где тоже существовал такой же квартал. Окочир-аул населяли потомки окоченов, которые в Терском городе населяли Окоцкую слободу. Черкес-аул был населен кабардинцами. Казанскую деревню населяли казанские татары, попавшие в Дагестан по причине участия в Каспийском походе Петра I в качестве толмачей (переводчиков)². Квартал Тезик-аул занимал самую восточную окраину Мусульманской слободы. Почти в каждом из названных магометанских кварталов, особенно в Окочирском и Тезикском, проживали ногайцы, кумыки и другие дагестанцы³. Таким образом, в первой половине XVIII в. в Кизляре разноязыкое, многоконфессиональное сообщество русских, армян, грузин, кумыков, ногайцев, кабардинцев, чеченцев, ингушей, осетин, татар, персов, евреев и др.⁴. Здесь также существовала колония индийских купцов, активно участвующих в транзитной торговле России с восточными странами. Кизляр возник на древней сухопутной международной торговой трассе, связующей Запад со странами Востока, и, естественно, стал выполнять функции важного транзитного узла в торговле России с сопредельными странами. С другой стороны, Кизляр, подхватив эстафету своих предшественников – Терского города и крепости Святой Крест являлся средоточием русско-кавказских торгово-экономических связей. Позже здесь образовались три больших

¹ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 82.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 56.

³ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 86.

⁴ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. С. 87; Абдусаламов М.-П.Б., Чекулаев Н.Д. Роль Кизляра в торгово-экономических связях кумыкских феодальных владений с Россией в XVIII веке // Вестник ВГТУ. Т. 9. № 2. Воронеж, 2013. С. 165.

рынка: армянский, татарский и русский¹. На базары Кизляра съезжались все народы Дагестана и Северного Кавказа, привозя продукты сельского хозяйства, изделия ремесел, пригоняя скот. Среди местных товаров также фигурировал «чихирь тавлинский», сушеные фрукты, бурки, кафтаны, сукно, войлочные изделия, меха диких зверей, конские и бычьи кожи, марена².

Следует отметить, что с Кизляром особенно прочные экономические связи установились с селами Засулакской Кумыкии, равнинной Чечни, Осетии и Кабарды. Так, осетины имели давние торговые связи с российскими городами в крае – Терками, Кизляром, Моздоком, терско-гребенскими станицами, а также с Астраханью. Из Астрахани осетины привозили соль, железо и ткань в обмен на кожевенные и шерстяные полуфабрикаты, производимые в Осетии. В связи с трудностями и препятствиями в торговле в российских городах региона, осетины часто обращались к императрице Екатерине II с просьбой о том, чтобы «сделать в Моздок, Кизляр и обратно в жилища наши свободный проезд, дозволить нам покупать соль, железа по малому числу на удовольствие наше»³. Из с. Брагуны (Чечня) жители привозили горское сукно, бурки, овчины, аробные колеса, шелк-сырец, крупный рогатый скот, лошадей⁴.

В исследуемый период балкарцы и карачаевцы поддерживали тесные торговые отношения с дагестанскими народами; в Дагестане они покупали оружие и ювелирные изделия. Кроме того, карачаевцы и балкарцы приобретали здесь кузнечные изделия. Так, в одном документальном источнике указывалось, что у карачаевцев «гордость хозяина и украшение жилища составляли обычно медные котлы для варки пищи, такие же кувшины для

¹ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 87; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. С. 87.

² Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. С. 87.

³ Кокиев Г.А. Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе, 1934. Т. 1. С. 37.

⁴ Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975. С. 49.

ношения воды и кумганы для омовения. Эти вещи обычно привозили готовыми из Грузии, Турции или Дагестана»¹.

Следует отметить, что дагестанские торговые люди за право торговли в Карачае и Балкарии должны были выплачивать местным владельцам по 1 руб.²

Кроме того, кумыки, ногойцы и другие народы Дагестана ездили со своими товарами на ежегодную весеннюю ярмарку, подходившей на границе Кабарды в течение 40 дней.

Карачаевцы, балкарцы, чеченцы, кабардинцы и др. со своим товаром и за покупкой необходимых вещей приезжали в Дагестан, в частности в Засулакскую Кумыкию. Так, в июле 1738 г. аксаевский владелец Алибек Солтан-Мамутов сообщал в кизлярскую администрацию, что «Карачаи к нам приехали для ловли птиц. Извольте нам верить, что оной ис чистых мест приехали»³.

Необходимо отметить, что жители Дагестана через Кизляр часто приезжали в Кабарду по торговым делам. Так, 11 октября 1789 г. Государственный Совет, рассмотрев на своем заседании донесение командующего Кубанским и Кавказским корпусами И.Г. Салтыкова, одобрил распоряжение командующего о пропуске торговых людей из Дагестана через Кизляр для беспошлинной торговли в Кабарду. «Совет, – отмечается в протоколе заседания Государственного Совета, – отдавая полную справедливость прилагаемому оным главнокомандующим усердному попечению по вверенной ему части и находя все учиненные от него распоряжения весьма приличными, согласен был в надобности обитающим близ Кизляра горским и дагестанским жителям позволить ездить для торгу в Кабарду по нашей стороне, не платя пошлины ...»⁴

Народы Северного Кавказа приобретали в Дагестане соль, медную посуду, дорогие изделия кубачинцев, ювелирные украшения и т.д. Интересным во взаимоотношениях Дагестана и Кабарды является факт проведения совместных операций между их торговыми людьми, как это видно, например, из обращения адыгских владельцев М. Кургокина и др. астраханскому губернатору

¹ Цит. по: Барзbieв М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик, 2000. С. 17.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 17.

⁴ РДО. 1988. С. 214.

И.О. Брылкину от 21 октября 1748 г. В письме отмечается, что 6 кабардинских, 3 кизлярских и несколько кумыкских (аксаевских, эндиреевских и др.) купцов «ездили в крымскую сторону для купечества». Правда, поездка была безуспешной. При возвращении, на купцов напали люди, «послушные крымскому хану», которые учинили разбой и забрали весь товар, «которого было на пяти арбах»¹.

Следует указать, что в рассматриваемое время, стабильным центром торговли между народами Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, был с. Татартуп на территории современной Осетии. В начале каждой весны собирались многолюдные и многоязычные базары в окрестностях Татартупа, на границе с Кабардой, и в течение нескольких дней здесь шла оживленная торговля продуктами питания и ремесленными изделиями жителями всего региона². Кроме того, Татартуп был известен издавна северокавказцам как место работорговцы. Здесь дагестанские и кабардинские работорговцы покупали пленников, а затем продавали адыгам – бесленеевцам, в Крым и другие страны³.

У чеченцев, как и других местных народов, самым дефицитным товаром в меновой торговле являлась соль.

Важной статьёй в торговых отношениях между Дагестаном, Кабардой и Балкарией служила та же соль. Адыги и балкарцы закупали её в Тарковском шамхальстве и Эндирее.

Для знати Кабарды и Балкарии торговцы из Дагестана поставляли шелковые и бумажные ткани, сафьян, дорогое оружие и ювелирные изделия. Для них в Аварии изготовлялись панцири. Кроме того, кабардинцы и балкарцы часть необходимого им железа покупали у лезгин Южного Дагестана и медную посуду также из Дагестана⁴.

«Так же, как и кумыки, большая часть чеченцев, – сообщает архивный документ рассматриваемого времени, – получала соль

¹ КРО. Т. 2. С. 162-163.

² Гашимов Ч.М. Из истории взаимоотношений Дагестана с Чечено-Ингушетией в XVI-XVIII вв. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 67; Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. С. 631.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 166.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 187.

из Шамхальского владения соляного озера Турали, меняя оную на просо и хлеб»¹.

Необходимо указать, что торговлю солью российские власти в регионе использовали в своих колониальных интересах. Военный министр Барклай-де-Толли писал, что «Туралинские соляные озера, принадлежащие тарковскому шамхалу, являются весьма важными как в хозяйственном, так и в политическом отношении, поскольку необходимость, в котором находится местное население для приобретения соли в пищу, так и для домашних животных, заставляют их находиться все время от своих владельцев, а потому «занятие сих озер Россиию было ближайшим средством укротить их беспокойных соседей»².

Следует отметить, что с Кизляром тесные торговые связи поддерживали и другие крупные чеченские села, как Большой Чечен, Старый Юрт, Старые Атаги, Урус-Мартан, Шали, Алды и др.³

Особенным спросом в Кизляре и в русских станицах низовой Терека пользовались всевозможные клинки, изготовленные дагестанскими и чеченскими мастерами. Шашки и кинжалы, выделанные оружейниками Дагестана (с. Харбук и др.) и Чечни (с. Старые Атаги) пользовались здесь успехом. У русских и казаков уважением пользовалось и длинноствольное огнестрельное оружие дагестанских мастеров⁴. Следует отметить, что вплоть до середины XIX столетия терско-гребенские казаки были вооружены холодным и огнестрельным оружием местного производства⁵. В 40-х гг. XIX в. из Большой Кабарды также поступали значительные партии товаров. Например, в 1745 г. адыгский торговец Зорян привез 633 руна шерсти, 448 овчин, 29 тулуков проса, 32 войлока, 7 брусков воска, много шаровар, бурок, ноговиц, седельных арчаков и местного сукна⁶. Кроме того, кабардинцы тор-

¹ Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII веке. С. 148.

² Там же. С. 148.

³ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 155.

⁴ Аствацатурян Э.В. Оружие народов Кавказа. М., 1995. С. 79.

⁵ История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 481-482.

⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 275. Л. 21, 23.

говали здесь шкурами, кинжалами, лошадьми, крупным рогатым скотом, бурками, медом, маслом, фруктами и т.д.¹

Многочисленные документальные материалы показывают ассортимент товаров, вывозимых из Кизляра в сельские населенные пункты Дагестана, Северного Кавказа и ярко свидетельствуют, что они были в основном российского производства. Так, согласно таможенной ведомости за январь 1751 г. товаров, вывезенных из Кизляра было отправлено в Тарки – сундуки, выбойка, красный кумач, бязь, башмаки, деревянные чашки, мыло, зеркала, ножницы, иглы и др; в Эндирей – решета, выбойка, пестрядь; в Чиркей – коробки деревянные, зеркала, стеклянная посуда, нитки бисера, писчая бумага². Кроме того, в 1744 г. в Кабарду «из Кизляра разных людей приехало с товарами более 100 человек»³. Следует отметить, что кабардинцы и балкарцы покупали все необходимое им железо, свинец и серебро за пределами региона. Так, свинец они покупали у русских и крымских купцов, а железо «у тавлинских (дагестанских – Д.К.) народов»⁴.

Согласно многочисленным документальным данным, по торговым отношениям в Кизляре часто приезжали жители Кабардино-Балкарии⁵. Так, например, в 1758 г. в Кизляр за товарами приезжали 11 подданных адыгских князей К. Атажукина и Б. Кургокина. Как отмечает Е.И. Иноземцева «одной из важных статей дагестано-кабардинского товарооборота являлись прекрасные кабардинские скакуны»⁶.

О размерах торговых сделок в Кизляре свидетельствуют пошлины, которые взимались с привозимых сюда для продажи

¹ История Кабарды. 1957. С. 53.

² Иноземцева Е.И. Основные тенденции развития русско-дагестанских торгово-экономических отношений в XVI-XVIII вв. // Россия и Дагестан: история многовековых взаимоотношений и единения. Материалы республиканской научной конференции, посвященной окончательному присоединению Дагестана к России (г. Махачкала, 13 октября 2009 г.). Махачкала, 2009. С. 142.

³ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. С. 194.

⁴ КРО. Т. 2. С. 55, 62.

⁵ История Кабарды с древнейших времен до наших дней. С. 53.

⁶ Иноземцева Е.И. К вопросу о торгово-экономических связях Дагестана с народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 52.

товаров северокавказцами. Как это видно из ведомости, представленной Комерц-коллегией в Коллегию иностранных дел 30 июля 1764 г., в 1762 г. с товаров, привезенных через Кизлярскую пограничную таможенную «из Кабарды, из грузинских городов и из горских деревень», пошлинный сбор составил 2508 руб. 86 коп., а в 1763 г. – 2 986 руб., 55 коп.; сбор с отвозимых в Кабарду и прочие места товаров в 1762 г. составил 2717 руб. 72 коп., а в 1763 г. – 2241 руб. 27 коп. Всего в 1762 г. с привозимых и отпускных товаров сбор пошлин к Кабарде составил 18 162 руб.¹

Следует отметить, что по далеко неполным данным, оборот торговли через Кизляр за 4 года, с 1777-го по 1780 г., составил 687130 руб. В то же время тайные перевозки запрещенных товаров: золота, серебра, железа и т.п., – совершавшиеся по Кизлярскому пути из России на юг, минуя таможенную, составляли на сумму более 1 млн. руб. в год². Данные о кабардинских торговых людях встречаются также и на страницах регистрационного журнала Дербентской таможни³. На базары в Дагестан адыги и балкарцы привозили хлеб, сукна, бурки, войлок, чекмени, лошадей, бараньи овчины, шашки, седла, арбы, аробные колеса, конскую сбрую, мёд и т.д.⁴

Необходимо указать, что торговля адыгов и балкарцев с Южным Кавказом, как отмечалось выше, поддерживалась по старинному пути, ведущему из Грузии по Дарьяльскому ущелью на северокавказский край. Вместе с тем, товары из Южного Кавказа поступали в Кабарду, Балкарию и через Дагестан, с которым также издавна поддерживался постоянный и оживленный товарообмен. Кроме того, в 1789 г. императрица Екатерина II издала указ, разрешавший народам Дагестана беспошлинно ездить в Кабарду по торговым делам «по русской стороне»⁵. Выше уже отмечалось, что через территорию Кабардино-Балкарии проходил торговый путь от Тамани до Дербента. Однако, в связи с усилением позиций России в регионе и расширением торговых отношений

¹ КРО. Т. 2. С. 233-234.

² История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 391.

³ Иноземцева Е.И. К вопросу о торгово-экономических связях Дагестана с народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII-XIX вв. С. 52.

⁴ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 96.

⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 18. № 16810.

народов края с русскими, ослаблением Крымского ханства и Персии теряет свое торговое значение и транзитный путь, проходивший через Кабардино-Балкарию, от Кубачи до Южного Дагестана.

Следует отметить, что на аробные колеса вайнахского производства со стороны русского населения был настолько большой спрос, что российские власти обложили их высокой пошлиной. В 1771 г. казаки низовой Терека подали ходатайство в Сенат об освобождении вывозимых из Чечни на продажу аробных колес таможенных пошлин. Просьбу терских казаков власти отклонили, мотивируя отказ тем, что они не находят «прямых причин, для которых бы необходимо должно было сделанное до ныне о взятые пошлин при вымене казаками у татар (чеченцев и жителей Засулакской Кумыкии – Д.К.) аробных колес таможенное положение уничтожить ... и чрез то подавать способ к уменьшению пошлинного сбора»¹.

Особенно значительными были связи Кизляра с крупными селами Засулакской Кумыкии (Эндиреем, Аксаем, Костеком, Тарки) и равнинной Чечни (Брагунами, Старый Юрт)². Так, согласно архивным источникам, за 7 месяцев 1754 г. жителями Терско-Сулакского междуречья, плоскостными чеченцами, ногайцами и адыгами было привезено товаров на сумму 4859 руб. 63 коп. По стоимости эти товары распределялись следующим образом: хлопчатобумажные ткани – на 911 руб., сарачинское пшено (рис) на 649 руб., марена – на 60 руб., хлопок-сырец – на 537 руб., шелк-сырец – на 338 руб., сафьян – на 245 руб., паласы, войлочные изделия, ковры – на 266 руб., сушеные фрукты – на 186 руб., вино («тавлинский чихирь») – на 213 руб.³.

Следует отметить, что в последующие годы торговые связи местного населения с Кизляром продолжали развиваться также успешно. Так, по материалам Кизлярской таможни, вайнахские

¹ Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII веке. С. 141.

² Кидирниязов Д.С. Внутренняя и внешняя торговля народов Дагестана во второй половине XVIII – 20-е гг. XIX века // Современные проблемы общественно-гуманитарных наук (теория и практика): материалы международной научно-практической конференции (23-24 марта 2012 г.). Махачкала, 2012. С. 26.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 320. Л. 35-72.

торговые люди привозили из города различных видов ткани. Чеченцы приобретали в Кизляре бумажные и шёлковые ткани, шёлк-сырец, белёный холст, канитель для художественной вышивки, сафьян разных цветов для изготовления обуви и др.¹ Необходимо указать, что торговля народов региона была в основном сосредоточена в руках кизлярских купцов – армян, грузин, тезиков. Автор XVIII в. И. Лерх писал: «наши купцы, кои разумели татарский язык (тюркский – Д.К.), одни могли ездить с товарами далеко в горы без всякой опасности. Сперва свели они знакомство с татарами, кои в Кизляр приезжают для торговли, и называются кунаками, то есть братьями; когда они токмо сведут дружество, то и могут с таковым кунаком ехать даже до его деревни»². Это же указывал и П. Зубов «изучась различным наречьям горцев, проникают в самые отдаленные ущелья и, пользуясь святостью гостеприимства, производят торговлю с выгодами, едва вероятными, доставляя горцам предметы, делающиеся для них уже необходимостью»³.

Следует отметить, что армянские купцы из Кизляра имели давние традиционные взаимовыгодные торговые отношения в Кабарде, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Адыгее. Особенно часто армянские купцы из Кизляра выезжали в Чечню и посещали с. Брагуны и с. Чечен-аул, где постоянно проживали их сородичи-торговцы и ремесленники⁴.

Во второй половине XVIII – середине XIX в. торговля населения Дагестана с народами Северного Кавказа и Россией приоб-

¹ Абдулвахабова Б.Б. К истории русско-чеченских взаимоотношений в XVI-XVIII вв. (по материалам традиционной одежды) // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции. Пятигорск, 20-21 ноября 2009 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 9.

² Лерх И.Я. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 г. // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790-1791. Ч. 52. С. 48.

³ Цит. по кн.: Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 155.

⁴ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 164; Иноземцева Е.И. Города Нижнего Притеречья как центры инкорпорации народов Северо-Восточного Кавказа в имперскую экономическую систему России (вторая половина XVI – первая половина XIX вв.) // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы международной научной конференции (Каспийск, 18-19 сентября 2012 г.). Махачкала, 2012. С. 130.

ретают большие масштабы. Российское правительство, понимая что нельзя укреплять свои позиции в регионе только военными мероприятиями, с начала 60-х гг. XVIII в. начинает обращать немалое внимание на развитие экономических связей с Северным Кавказом. 23 декабря 1760 г. императрица Елизавета Петровна подписала указ, по которому был разрешен ввоз в регионе различных мануфактурных товаров (холст и др.), вывоз которых в Персию был временно приостановлен¹.

Необходимо указать, что во второй половине XVIII в. российским купцам запрещалось продавать за пределы России заповедные товары (железо, сталь, медь, золото, хлеб, военное снаряжение). В частности, хлеб отпускался из Астрахани в Кизляр по особым разрешениям. В основном российские купцы придерживались этого правила. Из Кизляра в Дагестан, Чечню, Ингушетию, Кабарду и далее отправлялись на продажу только дозволенные товары. Так, согласно ведомости за январь 1751 г. вывезенных из Кизляра товаров видно, что в с. Тарки были отправлены: сундуки, коробы из липы, кумач красный, бязь, сита, выбойка, башмаки, решета, деревянные чашки, мыло, зеркала, беличьи меха, чекмени, ножницы, белила, гребни, иглы, наперстки; в с. Чиркей была продана сита хлебные, стеклянная посуда, нитки, бисера, зеркала, писчая бумага, коробки деревянные; в с. Эндирей – овчины, решета, выбойка, кожа, пестрядь; в Кабарду – холст, кожи красные, покрывала, шелковые кушаки, сапоги, мех, деревянные чашки, сундук и т.д.²

Следует отметить, что для развития торговли в стране российские власти в 1753 г. отменили сбор внутренней пошлины и повысили пошлины на товары, вывозимые за границу. Население Северного Кавказа приравнивалось к иностранцам. Местные жители, за проданные товары в Кизляре, платили торговую пошлину. Как выше указывалось, в 1755 г. в Кизляре была создана таможня. Ей вменялось в обязанности строго следить за ввозом и вывозом российских и иностранных товаров с целью полного

¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. С. 85-86.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 320. Л. 65-72.

сбора торговой пошлины. Позже эта таможня имела свои посты на морских пристанях и перекрестках сухопутных дорог¹.

По указу 1755 г. народам региона разрешалось провозить в Кизляр в малом количестве мед и другие продукты для содержания заложников и своего пропитания во время пребывания в городе. За проданный сверх указанной нормы товар местные народы должны были платить пошлину. Нужно отметить, что это правительственное решение отрицательно сказалось на экономическом положении как жителей региона, так и горожан. Кизлярский комендант А.А. Ступишин в 1761 г. вынужден был обратиться в Коллегию иностранных дел, что находящиеся в городе жители (представители различных народов), как «верноподданные», так и временно проживающие, из-за недостатка продуктов на местном рынке раньше постоянно покупали или приобретали их посредством обмена у «верноподданных е.и.в.» кумыков, ногайцев и чеченцев ближних и дальних населенных пунктов. Но когда была создана таможня в городе, она стала брать с горожан жителей региона наравне с иностранцами большие пошлины, что приводило их к «крайнему разорению»². На тягость таможенных пошлин жаловались и северокавказские владельцы (дагестанские и адыгские)³. Так, в 1759 г. старший кумыкский князь Алиш Хамзин писал в Петербург, что когда его подвластные люди выезжают в Кизляр продавать пшено, муку, сукно, фрукты, то вынуждены платить в городе пошлину по 25 коп. с 1 руб., т.е. столько же, как и иностранцы. Он также указывал, что такую же пошлину берут с них и за покупку товаров⁴.

В 1764 кизлярский комендант Н.А. Потапов отправил астраханскому губернатору проект правительственного указа о предоставлении льгот в торговле адыгам и другим местным народам, ориентировавшимся на Россию. Кизлярский комендант отмечал в своем обращении, что среди местных народов нет крупных купцов, а весь их обмен состоит из ремесленных изделий (сукна, бурок, шапок, кафтанов, овчинных шуб, арб, аробных колес, меда,

¹ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. С. 109.

² КРО. Т. 2. С. 215-217.

³ Там же. Т. 2. С. 218.

⁴ Там же. Т. 2. С. 218.

воска), которые они привозят в Кизляр и в терские казачьи станицы, где меняют на холст, соль рыбу, чугунные котлы, иглы и т.д. Все это, как предлагал Н.А. Потапов, следует продавать и менять в городе и в станицах терско-гребенских казаков беспошлинно. Губернатор А.А. Бекетов согласился с основными пунктами проекта кизлярского коменданта и вскоре проект отправил проекту российскому правительству¹.

Следует отметить, что хотя большие таможенные пошлины с товаров населения Северного Кавказа мешали развитию торговли между Кизляром и народами региона, но все же товарооборот между Кизляром, Дагестаном, Чечней и Кабардой был очень высок. Так, в 1762-1763 гг. товарооборот между ними составил более 227 тыс. руб.²

Кроме того в адрес кизлярской администрации продолжали поступать прошения от переселившихся к российским границам чеченцев и ингушей. Так, переселившиеся на плоскостные земли чеченские старшины и уздени 3 февраля 1763 г. писали о том, что они будут слушаться своего владельца А. Айдемирова и без его разрешения не будут торговать в казачьих городках. «От Государыни много милости получали и всегда ездили в казачьи городки для торгу, – отмечали они, – и в оных казачьих городках мы покупали рыбу и тем своих кормили»³ Через 2 года, в марте 1765 г. такое же письмо с подобным содержанием пришло от вайнахских старшин Хасанбека, Актулы, Амы, Матая и др., переселившихся на р. Сунжу, было адресовано на имя коменданта г. Кизляра Н.А.Потапова⁴.

В Чечню поступали через Кизляр товары не только дагестанские, северокавказские, но и персидские, турецкие и даже европейские. Со своей стороны, северокавказские народы, в том числе и вайнахи, вывозили свои товары и кустарные изделия в

¹ Там же. Т. 2. С. 229-230.

² Там же. Т. 2. С. 233-234.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3274. Л. 32.

⁴ Тепсуев М.С. Город Кизляр – центр экономической и культурно-исторической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа и России в XVIII-XIX вв. Махачкала, 2012. С. 44.

Дагестан, города региона, а также в Центральную Россию¹. Естественно, эти взаимовыгодные контакты стимулировали дальнейшее развитие производительных сил Северного Кавказа.

Следует отметить, что Кизляр, со дня основания и до начала XIX в., оставался административным, военно-стратегическим центром Северного Кавказа, откуда исходили все нити управления огромным краем, а также местом, с самого возникновения приобретающим все большее значение в торгово-экономических связях местных народов между собой и Россией².

Необходимо подчеркнуть, что Петербург был всячески заинтересован в усилении торговых отношений с северокавказскими народами. Так, в 1762 г. Екатерина II подписала указ об освобождении от пошлин товаров, ввозимых «от горских народов»³. В 1765 г. российское правительство издало распоряжение, согласно которому «кабардинцы и кумыки не платили пошлин ни при продаже собственных произведений и скота, ни при покупке товаров в Кизляре»⁴. Расширяя торговлю с плоскостным Дагестаном и Кабардой, российские власти интересовались и тем, какие товары можно приобретать в этих регионах. Было установлено, что в Засулакской Кумыкии можно купить пшеницу, ячмень, рис, овощи, а в Южном Дагестане виноград, яблоки, груши, сливы. Что касается Кабарды и равнинной Чечни, то здесь можно приобрести мед, воск, пшеницу, просо, ячмень, фрукты, скот и др.⁵ Естественно, дискриминационная политика российских властей по отношению к другим северокавказским народам вызвало недовольство со стороны последних. Так, в своем обращении чеченский владелец с. Герменчуковской Девлет-Гирей Черкасский от 14 февраля 1765 г. к кизлярскому коменданту Н.А. Потапову писал: «Ваше превосходительство соизволили мне дать знать через

¹ Абдулвахабова Б.Б. К истории русско-чеченских взаимоотношений в XVI-XVIII вв. (по материалам традиционной одежды). С. 10.

² Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая четверть. С. 747.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 104; Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. С. 123-124.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 106; Кидирниязов Д.С. Внутренняя и внешняя торговля народов Дагестана во второй половине XVIII – 20-е гг. XIX века. С. 24.

⁵ КРО. Т. 2. С. 240.

письмо свое, якобы в Червленской, Шадринской и Каргинской форпосты учреждены карантинны, а я ныне вижу в Шадрине и Каргине карантин не имеется; брагунцы, аксайцы, андреевцы и костековцы в Кизляр пропускаются, а моих людей не пропускают, и крымцы и кабардинцы проезжают через Чеченской и Брагунской деревни, а к нам из Крыма никто не приезжает, а их дороги лежат чрез Брагунской и Чеченской деревни, а оттуда поедут в кумыцкие жилища. Того ради прошу..., и подвластные мои, живущие у Теплых вод людей, прикажите без удержания пропускать в Кизляр»¹. Подобные обращения поступали и от других вайнахских владельцев².

Следует отметить, что одной из важных статей в торговле с соседними народами и Россией у вайнахов являлся лес. Чечня была богата строевым лесом. Торговали лесом в основном жители плоскостных чеченских сел, прилегающих к Тереку, Аргуну и Сунже. Строевой лес для сбыта доставался в Кизляр; туда же поступали и дрова. Нужно отметить, что для строительства лес шел с верховий Терека³. Автор XIX в. Д.А.Милютин указывал, что вайнахский лес в большом количестве отправлялся по Сунже и Тереку в Кизляр, а также в Астрахань⁴. Надтеречные и сунженские вайнахи заготавливали зимой строевой и дровяной лес, а весной в половодье сплавляли его по Тереку в Кизляр. Ежегодно в Кизляре сплавлялось от 500 до 800 плотов леса. Один плот стоил от 30 до 50 руб. серебром, и это давало чистой прибыли около 25 тыс. руб.⁵

Вайнахи вместе с кумыками, ногайцами доставляли в Кизляр таркалы (колья, для поддержания виноградных лоз), ежегодно от 5 до 6 тыс. арб. За одну арбу с таркалами платили от 3 до 5 руб. серебром, что давало дохода от 20 до 30 тыс. руб.⁶. Немалый доход приносила чеченцам продажа в Кизляре обручей и бочар-

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3263. Л. 2 об.

² Там же. Д. 3260. Л. 91; Д. 3303. Л. 89.

³ Кавказский сборник. Тифлис, 1897. Т. 18. С. 476.

⁴ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 166.

⁵ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 318.

⁶ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 166.

ных досок. За 1 тыс. досок они получали по 3 руб.¹ Следует отметить, что в 1791 г. от уплаты пошлин были освобождены все дагестанские народы².

Необходимо указать, что в XVIII в. торговля с Северо-Западным Кавказом не контролировалась кизлярскими властями, что сказывалось на доходах от торговых пошлин. В связи с этим, кизлярский комендант 14 февраля 1755 г. обратился в Правительствующий Сенат о необходимости открытия соответствующих пограничных застав для сбора пошлин с товаров, перевозимых местным населением Северо-Западного Кавказа на Северо-Восточный Кавказ. Вскоре были учреждены целый ряд пограничных таможенных застав в верхнем течении Терека, в урочище Мекень³. Разумеется, сооружение таможенных застав вызвало недовольство местного населения. Российский чиновник Давид Абазаце в своем обширном представлении в Коллегию иностранных дел о различных народах, живущих за Кизлярской крепостью, отмечал, что «подданные её Императорского величества кумыки и то уже ныне за тягость себе вменяют и формально жалуются, что с привозимых ими в Кизляр и отвозимых товаров собирается пошлина в такое время когда внутренняя пошлина совсем уничтожена ...» Далее чиновник указывает целесообразность открытия в Кизляре менового двора, «чтобы с продаваемых на оном товаров собираема была с тех, кто товары на оной из Кизляра и в Кизляр со оногo повезет»⁴.

Следует отметить, что один из пунктов этого Представления касался и интересов ингушей, принявших православие. В письме, в частности, отмечалось, что Указом Правительствующего Сената от 17 марта 1757 г. дано знать местным властям о принятии крещения Осетинской духовной комиссией части ингушей, живших в соседстве с крещенными осетинами и адыгами, с тем, чтобы и ингушам было дозволено ездить в Кизляр для торговли⁵.

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 318.

² Иноземцева Е.И. Характер таможенной политики контрагентов русско-дагестанской торговли в 18-19 веках. // Кизляр в Кавказской политике России: История и современность. Кизляр, 2005. С. 84.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3615. Л. 8.

⁴ АВПРИ. Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 110/1. Д. 5. 1755 г. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 9.

Таким образом, принявшим православие представителям местных народов, разрешалось беспошлинно торговать в Кизляре.

Необходимо указать, что желание торговать в Кизляре и в терско-гребенских станицах было не только у плоскостных жителей Чечни и Ингушетии, но и у вайнахов горной части¹. Так, в письме чеченского владельца А.Казбулатова к кизлярской администрации от 23 декабря 1758 г. отмечается, что к нему приезжали люди из с. Старые Атаги вайнаховского владельца С. Азнаурова и просили, чтобы он с ними поехал провожать их до казачьих городков в низовьях Терека, «куда они едут для купечества»².

Известно, что издавна народы Дагестана и всего Северного Кавказа знали, что в Чечне имеется нефть, которая в отдельных местах выходила на поверхность земли. Жители региона, в том числе и Дагестана покупали у вайнахов нефть и пользовались ею для освещения жилых помещений, лечения скотины, смазывания аробных колес и т.д.³

Нужно отметить, что российские власти рассматривали торговлю как средство сближения северокавказских народов с Россией, мирного подчинения их. В то же время кизлярская администрация ревниво оберегала торговую монополию в городе, что естественно мешало частой встрече торгующих, и их сближению.

Например, казаки покупали у местных народов двухколесные арбы и аробные колеса, которые не умели сами выделывать, ощущали в них потребность. Особенно на аробные колеса местных жителей со стороны казаков был такой большой спрос, что российская администрация обложила их высокой пошлиной. В 1771 г. казаки подали ходатайство в Сенат об освобождении вывозимых из горских районов колес от таможенных пошлин. Просьбу казаков Сенат отклонил, объясняя свой отказ тем, что он «не находит прямых причин, для которых бы необходимо должно быть сделанное донине о взятые пошлины при вымене казаками у татар аробных колес таможенное положение уничтожить ... и через то подавать способ к уменьшению пошлинного сбора»⁴.

¹ Махмудова К.З. Историческое и этнокультурное развитие чеченцев и ингушей в XVIII – первой половине XIX в. С. 158.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3381. Л. 6.

³ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 169-170.

⁴ Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 1. С. 2.

Необходимо указать, что другим важным городом в регионе, признанным стать опорным пунктом в дагестано-северокавказских, русско-кавказских торгово-экономических связях был Моздок, основанный в 1763 г.

Следует отметить, что Моздок и округ прилегающий к левому берегу р. Терек и состоящий из плодородных земель, имели для России большие экономические возможности в плане развития сельскохозяйственной промышленности, в частности шелководства. Ещё царь Петр I после оставления Прикаспия указывал на то, что «терские места могут быть не хуже Гиляни»¹. Позже и П.С. Потемкин отмечал, что этот район «подаёт способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество»².

Для насаждения и развития мануфактурной промышленности в районе Моздока российское правительство поддерживало армянскую торговую буржуазию, которой предоставлялись для промышленных целей огромные земельные участки и большие льготы. Армянскому купцу Л.Ширванову по указу императрицы Елизаветы Петровны было отведено под заводы и фабрики и «для поселения будущих при них заводах работных людей довольные места». В низовьях Терека было выделено земель в количестве до 643 дес.³ с условием, чтобы «сделанных на том заводе и фабрике шелку и парчей и прочего пошлин внутренних с них не брать» в течение 10 лет. Кроме того, «шелк с того времени, как она или заведена будет, вывозить им из Персии» без пошлин в течении 3 лет⁴. Завод Л. Ширванова был построен к 1742 г. Под квартиры рабочих было построено 40 домов, для шелкового дела построено 5 сараев, для прокормления червей посажено 20 тыс. тутовых деревьев и «для поливания оных сделан татаул (канавы – Д.К.) версты на полтреть»⁵. В общей сложности, в распоряжение армянским купцам в Кизлярско-Моздокском районе было предоставле-

¹ Мельгунов Г.В. Поход Петра I в Персию // Русский вестник. М., 1874. Т. 110. С. 17.

² ПСЗ. Собр. I. Т. 20. № 14607. С. 520.

³ Бентковский И.В. Частные владения и крепостная колонизация на Северном Кавказе // Ставропольские губернские ведомости. 1876. № 41.

⁴ ПСЗ. Собр. I. Т. 11. № 8563. С. 610.

⁵ Там же. Т.13. № 10051. С. 610.

но свыше 15 тыс. дес. земли¹. Кроме того, армянские купцы привлекались Россией для ведения торговых операций с местными народами. Известно, что армянскому купцу Сафарову было выдано из российской казны для торговли 15 тыс. руб., другому дано из российской казны для торговли 15 тыс. руб., другому купцу и предпринимателю Хастатову – около 45 тыс. руб. В результате всех этих мероприятий к концу XVIII в. на Северном Кавказе, от Астрахани и до Моздока, имелось более 10 салотопленных, свечных, мыловаренных, кожевенных и других заводов и до 138 фабрик шелкового и хлопчатобумажного производства².

С целью укрепления Моздокско-Кизлярской линии российское правительство переселило сюда донских и волжских казаков³. Необходимо указать, что появление Моздока способствовало расширению и укреплению торгово-экономических связей между народами Дагестана, Северного Кавказа и Россией. Моздок также, как и Кизляр, стал одним из главных пунктов торговли северокавказцев между собой и Россией. В Кизляр и Моздок приезжали торговцы из Дагестана и всего северокавказского региона с крупным рогатым скотом, лошадьми, ремесленными изделиями, фруктами и др., чтобы обменять «у казаков соль, рыбу, икру, а у русских и армянских купцов хлопчатобумажные ткани, железо, чугун, свинец, посуду»⁴.

Вот что писал о северокавказских отходниках в Кизляре автор начала 40-х гг. XIX в. Ю.Шидловский: «Площадь между городом и крепостью усеивается горцами, которые приходят толпами в Кизляр на работу. Каждое племя располагается на площади отдельным кружком, сидят на ногах с коротенькими в зубах трубками, большая часть без рубаш, закрывая черную грудь лоскутом косматой бурки. По овчинным шапкам разных покровов можно назвать имена и места аулов»⁵. В то же время среди местных народов нарождалась и своя торговая буржуазия, органически связанная с российским рынком. Тот же автор отмечает:

¹ Там же. Т. 25. № 18611. С. 330.

² Рыбушкин М.С. Записки об Астрахани. СПб., 1841. С. 67.

³ АКАК. Т. 1. С. 81.

⁴ Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. М., 1981. С. 35.

⁵ Шидловский Ю. Записки о Кизляре // ЖМВД. СПб., 1843. Ч. 44. С. 176.

«Между толпами, сидящими, стоящими, колеблющимися бродячими по площади вы видите осетина, продающего сыры и бурки, черкеса с зелеными сотами диких пчел, лезгина – с медной посудой, киста и чеченца – с ружьями и шашками, ногайца – с овцами и козами, тулупами, ергаками; и кумык привез дрова и торкалы, аксаевец разложил кожи и овечью шерсть, армяне и грузины предлагают вам ягоды, овощи, фрукты; а там, ближе к Тереку, румяные казачки Дубовской, Червленной, Наурской и других станиц терских сидят на арбах, навьюченных арбузами, дынями, огурцами, свеклой, капустой и т.д., а русский торговец отвешивает пшеничный хлеб от пудовой ковриги»¹.

Через Моздок проезжали купцы и торговые люди в Кизляр, Астрахань и другие российские города.

В записях моздокской таможни только с 25 апреля по 5 мая 1780 г. зарегистрировано прибытие и отбытие купцов и местных торговых людей с товарами, предназначенными для купли и продажи в самом Моздоке или в других городах, крепостях и селах. Так, купец из Астрахани привез 950 мерлушек, 97 лисьих и куньих шкур, чай, табак и т.д.; ногайцы на 22 арбах привезли в Моздок соль; купец Осипов из Грузии в Кизляр вез 80 пуд. шелка-сырца, 500 концов бумажной бязи; владетель Д. Татарханов вез из Кизляра в Большую Кабарду холст, бязь, кузнечный инструмент и др. товары; кизлярский житель отправил домой из Малой Кабарды 66 кошм, 105 мерлушек, 7 овчин, 15 бурок, 8 концов горского сукна, 15 чекменей, 3 пуд. табака и т.д.²

Как выше отмечалось, в Моздок приезжали купцы из многих российских и южнокавказских городов. Так, за менее 1 месяца, с 12 апреля по 5 мая 1780 г. через город проехали 40 купцов и торговых людей из Грузии в Кизляр и Астрахань, в Георгиевск, в Кабарду, в казачьи станицы. Кроме того, много было купцов из Центральной России (Новочеркасска, Воронежа, Курска и др.), а также из персидских городов³.

¹ Там же. С. 177.

² Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. С. 118.

³ Там же. С. 118.

В первой половине XIX в. ассортимент товаров, привозимых в Моздок и вывозимых из города стал ещё шире. Товарно-денежные отношения способствовали развитию производительных сил населения Осетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Чечни, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи.

У местных народов появилась возможность приобретать промышленные товары из России, цены на которые были ниже, чем на иранские и турецкие. Из России поступали в регион в основном товары широкого потребления: сундуки, железо, котлы, жестяные кувшины, холст, хлопчатобумажные ткани, иголки и др. В то же время из восточных стран привозили в край предметы роскоши (золотые и серебряные украшения, драгоценные камни, дорогое оружие и т.д.). Следует отметить, что в 30-х гг. XIX в. торговое значение Моздока на Северном Кавказе падает, его основными конкурентами становятся Ставрополь, а позже – Владикавказ.

Что касается крепости Владикавказ, то в 1821 г. иностранный путешественник Р.Кар-Портер указывал: «быстро растёт, так же как и население кругом его; верно отмечено, что здесь, как и везде вдоль границы, где бы русские не ставили форт, всюду сотни татар (северокавказские народы – Д.К.) стягиваются к нему и располагаются кругом в маленьких селениях. Эта добровольная тяга ...»¹

Не менее важную роль в торгово-экономических связях народов Дагестана и Чечни сыграла крепость Грозная, основанная в 1818 г.² В середине XIX в. крепость Грозная становится более оживленной, здесь появляются много магазинов, духанов, постоянный базар, на котором бойко торговали русские, казаки, армяне, чеченцы, евреи, ингуши, кумыки, ногайцы, аварцы, татары и др. На базар приезжали из многих сел и станиц региона. «Крепость Грозная, – писал в середине XIX столетия В.А. Инсарский, – в то время так же мало походила на крепость, как и Владикавказ. Это скорее был один из уездных городов средней руки»³.

¹ Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 195.

² Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. С. 127.

³ Цит. по: Гриценко Н.П. Истоки дружбы. С. 106.

Следует отметить, что с появлением Кизляра, Моздока, Ставрополя и других российских городов в регионе для местных народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, отпала острая необходимость ездить по торговым делам в города Центральной России.

О том, что народы Дагестана, Северного Кавказа совершали такие далекие поездки по торговым делам в исследуемый период, сохранились достоверные сведения. Так, на территории нынешнего Ростова-на-Дону, с появлением небольшого селения в 1713 г., была создана таможня. 1749 г. стал годом рождения города¹. В 1756 г. здесь была образована «Российская в Константинополь торгующая коммерческая компания», которая обладая значительным капиталом, получила особые привилегии на право торговли со странами Черного и Каспийского морей – Ираном, Турцией и др. Через Темерницкий порт вывозилось за границу железо, чугун, топленое масло, холст, меха и др. товары. Кроме того, в районе таможни была удобная переправа через Дон на Северный Кавказ².

С возникновением этого важного торгового поселения развивалась торговля не только с иностранными государствами, но и с народами Северного Кавказа. Так, на правом берегу р. Темерника каждый год осенью собирались большие «татарские» базары, куда приезжали жители со всего северокавказского региона. Например, ногайцы приезжали сюда с большими стадами коров, лошадей, овец, другие – с бурками, седлами, и изделиями из кожи, русские купцы с холстом, ситцем, металлическими изделиями³.

Вместе с тем, документальные источники свидетельствуют и о том, что не только северокавказские жители посещали такие отдаленные российские города с торговой целью, но и, наоборот, купцы этих городов часто приезжали со своими товарами в различные регионы Северного Кавказа большими группами и в одиночку. Нередко для организации таких торговых экспедиций дон-

¹ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. С. 326.

² Там же. С. 327.

³ Ростов-на-Дону. Исторические очерки. Ростов, 1979. С. 8-9.

ские казаки объединялись. Так, например, в 1772 г. казаки с Дона (станций Средней и Павловской) А. Сулин и Е. Рябчиков, с товарами на сумму 900 руб. ездили по торговым делам в Персию и едисанским ногайцам, а также в Большую Кабарду¹.

Следует отметить, что при поездке в отдаленные российские города перевозка товаров стоила дорого и, кроме того, требовала длительного времени, отнимая две или более недель, когда до Кизляра и Моздока можно было поехать в течение одного-двух дней. Естественно, такое значительное сокращение времени и средств, затрачиваемых на эти поездки повышало выгоды от торговли для местного населения, усиливало их заинтересованность в дальнейшем расширении.

Необходимо указать, что большим препятствием на пути развития торгово-экономических связей между народами Дагестана и другими народами Северного Кавказа, а также с Россией, в исследуемый период было крайне неудовлетворительное состояние путей сообщения, полное отсутствие колесных дорог в горной зоне. Связь с соседними народами поддерживалась в основном вьючным путем через трудные и малопроезжимые перевалы, по горным тропам. Говоря о трудностях и сложностях, связанных с отсутствием дорог, иностранный путешественник XIX в. И. Бларамберг указывал, что «сообщение в горах, и без того весьма затруднительное, прерывается на несколько месяцев в году: летом – потому, что реки, из-за таяния снегов разливаясь, затапливают дороги; зимой – потому, что снежные завалы перекрывают дороги к высокогорным долинам...»²

В середине XIX в. в регионе произошли разительные перемены. Н.Н. Муравьев (1854 г.), став наместником Кавказа в своем письме А.П. Ермолову отмечал, что крепости превратились в города и у стен русских укреплений возникли много мирных местных аулов. «Край этот, подчеркивал наместник Кавказа, – через который в 1816 г. нельзя было проезжать без сильного конвоя и пушек, ныне спокоен»³

¹ Пронштейн А.П. Земля донская в XVIII веке. Ростов-н/Дону. Изд.: РГУ, 1961. С. 103.

² Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 38.

³ Русская старина. СПб., 1872. ноябрь. С. 542-543.

Здесь необходимо отметить уровень экономического развития двух меновых дворов, расположенных в с. Амир-аджи-юрт (на правом берегу Терека), основанный в 1847 г. и ст. Червленной. Эти меновые дворы получали российские промышленные товары из Грозного и Кизляра. В Амир-аджиюртовский меновой двор приезжали жители чеченских, аварских кумыкских, ногайских аулов и терско-гребенских станиц. Так, в 1849 г. сюда на продажу народы Чечни и Дагестана привезли 1132 пуд. риса, 130 пуд. грецких орехов, кукурузной муки и др. продуктов; 2310 кинжалов, 20 ружей, 265 пистолетов, 270 замков ружейных, кувшины. Кроме того, на Амир-аджиюртовский двор в этом году также поступило 993 штуки сафьяна, 600 мерлушек, 45 ковров и паласов, 1257 шкур диких зверей, 3560 ременных поясов, горское сукно, шерсть и много др. товаров. Всего было привезено на этот меновой двор товаров на сумму 11370 руб. В 1849 г. Амир-аджиюртовский меновой двор продал местным жителям российских и других товаров: около 148,5 тыс. аршин на 36212 руб., 100 пуд. сахара, 207 пуд. табака, много шелка-сырца, хлопка, чая, платков, местного сукна, других изделий – всего на сумму 104806 руб.¹

Меновой двор ст. Червленной в 1849 г. купил у населения региона товаров на 27837 руб., а продал им на 156244 рублей².

В первой половине XIX в. Кизляр продолжал вести бойкую торговлю также по Кавказской линии (простиравшейся от устья Кубани до устья Терека). В 1830 г. из Кизляра было вывезено разных товаров на 116 тыс. руб., а привезено оттуда товаров на 141 тыс. рублей³. Позже Кизляр, оставшись от важнейших торговых дорог, в 60-х годах XIX в. превращается в обыкновенный уездный город.

Мало чем отличались от Кизляра и другие города региона – Моздок, Пятигорск, Георгиевск. Промышленность здесь была развита слабо. Так, торговое значение Моздока в крае в 30-е гг.

¹ Гриценко Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. С. 133.

² Там же. С. 133.

³ ЖМВД. М., 1830. Кн. 5. С. 136-137.

XIX в. падает, его основным конкурентом становится Ставрополь¹.

Как выше отмечалось, немалую роль в жизни народов региона сыграла крепость Грозная. В середине XIX в. для вайнахов, казаков, аварцев, кумыков, ногайцев и др. крепость Грозная превратилась в административный экономический центр. Сюда местные народы привозили продукты своего хозяйства и покупали промышленные изделия и соль².

В 1832 г. в центре шамхальских владений, на соединении нескольких главнейших выходов из Нагорного Дагестана на месте небольшого селения было заложено укрепление Темир-Хан-Шура. Вскоре сюда стали прибывать торговые люди, в частности кизлярские армяне и несколько русских, астраханских купцов (Азаров, Голиков, Долгополов и др.)³.

Как докладывал М.С. Воронцов в своем «Всепопданнейшем отчете за 1849-1851 гг.», население Темир-Хан-Шуры состоит преимущественно из торговых людей⁴. Так, по данным архивного документа 1852 г. «О торговле железом в укр. Темир-Хан-Шура» указывается, что только купцы города ежегодно закупали в Астрахани до 1 тыс. пуд. железа и в Кизляре до 200 пуд. железа и 100 пуд. чугуна⁵, не говоря уже о поставке железа и др. товаров российскими купцами из центральных регионов страны.

Таким образом, к середине XIX в. Темир-Хан-Шура, появившись как военное укрепление, бурно развивается как экономический, торговый центр, через который российский капитал постепенно интегрируется в экономику региона.

В 1844 г. рядом с Каспийским морем на каменной гряде Анжи-Арка, где по преданию останавливался царь Петр I во время Каспийского похода, была создана укрепленная крепость Пет-

¹ Гриценко Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. С. 120.

² Там же. С. 132.

³ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 11.

⁴ Там же. С. 28, 41.

⁵ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 129.

ровск. Сразу же со дня основания крепости являлась одной из основных баз снабжения российской армии в регионе¹.

Выгодно расположенная у моря, крепость уже в первые годы своего существования привлекала купцов из Астрахани, Саратова и др. российских городов, многие из которых переселялись сюда надолго. Вскоре здесь уже были открыты лавки, духаны и т.п.

Порт-Петровская крепость привлекала восточных купцов и местных торговых людей. В середине XIX в. один из современников отмечал: «Городу Петровску многие предсказывают блестящую будущность основывая это, конечно, на том, что даже без всякой помощи со стороны науки, морская торговля Петровска развивалась сама»². Появились купеческие дома, складские помещения, торговые лавки, магазины. Сюда из окрестных и далеких мест переселялись люди, которые стали заниматься виноградарством, рыболовством, ремеслами, мелкой торговлей, перевозкой грузов.

С развитием капитализма вширь город приобретает важное экономическое значение для региона. В середине XIX в. на Каспии появляются построенные по заказу правительства первые пароходы. Эти пароходы предназначались для торговых и портовых перевозок³. Через Порт-Петровск поступали промышленные товары в Дагестан, Чечню, Ингушетию и Южный Кавказ. Следует отметить, что Порт-Петровск, по грузообороту по сравнению с соседними портами, расположенными на Западном побережье Каспия, в середине XIX в. занимал лидирующее положение. Через этот порт в северокавказские города и на Южный Кавказ отправляли железо, сталь, чугун, металлические изделия, хлебные продукты и снаряжения для военных гарнизонов, расположенных в регионе. Кроме того, из Северного Кавказа, через Порт-

¹ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 129.

² Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. СПб., 1862. № 3. С. 65.

³ Краткий очерк деятельности пароходного общества «Кавказ и Меркурий». СПб., 1909. С. 13-17.

Петровск отправляли в центральные регионы России сырье для заводов и фабрик, ремесленные и ювелирные изделия¹.

Здесь также росло население за счет горцев-переселенцев, расширяется земледелие, животноводство и другие отрасли сельского хозяйства.

Расположенные вблизи Порт-Петровска укрепленные военные пункты (Хасавюрт и Темир-Хан-Шура) постепенно приобретают черты поселений городского типа, а позже и городов. Купцы и торговые люди, ремесленники из этих городов получали товары из Порт-Петровска².

Эти первые российские города, хотя и возникли как форпосты российской оборонительной линии и опора колониальной политики царизма в регионе, исполняли здесь объективно и иные важные функции. Они превратились в центры ремесленного производства и главные торговые пункты, где местное население сбывало свою продукцию животноводства, земледелия, ремесла и скот и приобретало необходимые изделия российской промышленности. С основанием Кизляра и Моздока торговые связи между народами Дагестана и Северного Кавказа, а также Россией становятся постоянными. По торговым делам в эти города приезжали представители всех народов северокавказского региона. В российских городах местные народы приобретали необходимые им товары, которых сами не производили. Кроме того, народы Дагестана продавали овец, крупный рогатый скот, лошадей, шерсть, шкуры, фрукты, изделия ремесла и в русских станицах³. Местные народы, в том числе и Дагестана, занимались и отхожим промыслом. С наступлением весны и до поздней осени они уходили на заработки в казачьи станицы, занимались обработкой садов и виноградников, молотью хлеба, строительным делом и т.д.⁴

Следует отметить, что в Притеречных районах многое благоприятствовало развитию всех отраслей сельского хозяйства, ремесла и торговли. Как выше указывалось, важное место в хо-

¹ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. С. 138-140.

² Там же. С. 140.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 125. Л. 66-67.

⁴ Там же. Д. 9. Л. 34, 48.

зяйственной жизни занимало здесь шелководство. Ещё в XVII в. разведением тутовых деревьев и шелководством занимались гребенские казаки. В 1754 г. с шелкозавода в ст. Шелкозаводской было собрано 5 пуд., а в 1772 г. – 8 пуд. шелка-сырца. В 1775 г. одних только официально зарегистрированных «шелковых заводов» в Кизляре было 4¹.

В рассматриваемое время Дербент, как и ранее оставался крупным торговым центром в регионе. Через него транзитным путем проходили российские и восточные товары.

Необходимо указать, что с укреплением позиций Российского государства на Каспии исходным путем её экономических связей с восточными странами стала Астрахань, стоявшая на выходе Волжского торгового пути в море. Россия, в интересах развития торговли с Прикаспийскими государственными образованиями, стала заботиться о регулярном сообщении между Астраханью и портами Западного Прикаспия. После присоединения Астраханского ханства к России, российское правительство во второй половине XVI начало создать в Астрахань свой торговый флот.

Следует отметить, что транспортировка груза морем обходилась дешевле и охватывала большое количество товаров². Через Дербент в Астрахань везли шелк, джульфинские, шемахинские, ширванские и гянджинские купцы. Также через Дербент транзитом шли крупные партии шелка российских торговцев³.

После Каспийского похода Петра I, российское правительство решило создать в Дербенте более удобную гавань и большую по вместимости пристань. Работы по реконструкции гавани здесь велись в 1723-1724 гг., окончание строительства, естественно, сказалось на росте морской торговли Дербента и через Дербент с Россией.

Только за 1733 и 1734 годы из Дербента в Астрахань было вывезено дербентскими, гилянскими, грузинскими, шемахинскими и индийскими купцами товаров на 9 тыс. руб. В списке тран-

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 159.

² Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 311.

³ Там же. С. 312.

зитных товаров, шедших из Дербента в Астрахань и далее во внутренние районы России, значились ткани разных сортов, хлопок и т.д. Кроме того, из Дербента в Астрахань вывозились ремесленные изделия северокавказского производства, продукты животноводства, а также грецкие орехи, сухие фрукты, рис¹.

Необходимо указать, что специфика Дагестана способствовала естественному развитию обменных связей. Основной товар плоскостной зоны – зерно, шло в горы и на север, в города и русские гарнизоны.

Население Засулакской Кумыкии, приморской части Дагестана выставляли на продажу зерно, виноград, рыбу, соль, фрукты, хлопчатобумажные и шелковые ткани, шелк-сырец. А жители Нагорного и предгорного Дагестана поставляли лес, оружие, сукна, бурки, ковры, овчины, паласы, сыр, масло, гончарные, деревянные изделия и т.п. Следует отметить, что основным предметом ввоза жителей горной зоны Дагестана было зерно. Проблему зерна большинству населения Нагорного Дагестана приходилось решать, приобретая его, в частности в Засулакской Кумыкии, Чечне, Ингушетии, Азербайджане и Грузии.

Исторически в Дагестане существовал целый ряд торговых центров, игравших важную роль в экономической жизни местных народов.

Известными торговыми центрами в Дагестане и на Северном Кавказе были Дербент, Тарки, Буйнак, Аксай, Эндирей, Костек, Терекли-Мектеб, Акуша, Маджалис, Цудахар, Кумух, Ахты, Хунзах, Ботлих, Анди, Чох, Наурская, Червленая, Чечен-аул, Батал-паша, Пшады и др.²

Так, кизлярские и астраханские купцы поддерживали торговые связи с равнинными и предгорными селами Дагестана (Губденом, Эрпели, Карабудахкентом и др.). В ноябре 1772 г. двое купцов из Астрахани посетили Карабудахкент. 13 ноября астраханский татарин М.Магомедов обратился к кизлярской администрации: «... желаю я вести сухим путем в город Астрахань на

¹ Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII-XIX вв. Махачкала, 2008. С. 138, 148.

² История Дагестана. 2004. Т.1. С. 335; Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 45.

наемной подводе для продажи вывезенного в нынешнем 1772 г. в ноябре месяце из благополучной карабудацкой деревни яблоков шесть мешков, орехов одиннадцать мешков ... прошу дать билет»¹. Из Дагестана к вайнахам поступала соль, которая, как известно, была основным меновым товаром в торговле северокавказских народов. Жители Нагорного Дагестана (ботлихцы обменивали чеченцам фрукты на мясо и хлеб, а андийцы привозили в Чечню в основном бурки)².

В 1807 г. в Россию из Дербента было вывезено 6-7 тыс. пуд. марены, в 1830 г. – 30 тыс. пуд., а в 40-е гг. – среднегодовой вывоз марены вырос до 53 тыс. пуд.³

Так, в перечне товаров, привезенных в Кизляр с 4 января по 29 ноября 1812 г. из сел. Эндирея, Тарки, Костека, Брагуны, Девлет-Гирея, городов Дербент и Баку значилось 96 кинжалов, 155 ружейных замков, 7 пистолетов, 420 ковровых изделий (ковры, намазлыки, паласы), 405 бурок, а также 350 штук медных кувшинов и кунганов⁴. В ведомостях товаров, привезенных в Кизляр в 1842 г. упоминаются уже 1363 ружья, 870 пистолетов, 1537 кинжалов, 1144 ружейных замка, 290 медных кувшинов, 32 арбы гончарной посуды, 1398 кусков сукна, 2284 «ременных пояса», 280 газырей, 2806 «деревянных трубок» для табака.

В перечне товаров, зарегистрированных в Амир-Аджи-Юртовском меновом дворе в 1844 г., значатся 185 ружей, 300 ружейных замков, 239 кинжалов, 11 шашек, 30 ножей, 139 газырей, 1347 поясов, 26 медных кувшинов, 67 паласов, 61 бурка, 3 арбы глиняной посуды.

А в перечне товаров за 1847 г., привезенными местными народами за три месяца тот же Амир-Аджиюртовский меновый двор, 698 кинжалов, 620 ружей, 872 пистолета, 43 шашки, 1417 ружейных замков, 640 «поясов ременных».

¹ Джахиева Э.Г. Из истории экономической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа во второй половине XVIII – первой трети XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 9. Армавир, 2004. С. 36.

² Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 266.

³ Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. Махачкала, 1999. С. 121.

⁴ Там же. С. 124.

В таком же перечне за 1848 г. упоминаются 9863 единицы оружия (в том числе ружейные замки), 2257 ножей, 346 изделий из меди и железа, 144 паласа и ковра, 177 деревянных трубок¹.

Таким образом, мы видим усиление и роли меновых дворов в развитии ремесел местного населения. В этой связи отметим, что на наш взгляд, несколько односторонне встречающиеся в литературе суждения о том, что широкое развитие производства оружия в крае в первой половине XIX в. было связано с событиями народно-освободительной борьбы горцев². Напротив, расширение оружейного дела связано с вовлечением региона во всероссийский рынок через меновые дворы.

Между тем, масштабы развития оружейного производства в регионе были очень существенными. Так, в 1843 г. в Кизляр через Амир-Аджиюртовский меновой двор было привезено около 10 тыс. единиц оружейных изделий (ружья, пистолеты, шашки, замки, кинжалы). Растет изготовление шашек, сабель. Так, в 1844 г. через Амир-Аджиюртовский меновой двор было провезено 11 шашек, а за 3 месяца 1847 г. – уже 43. Шашка стала превращаться в элемент украшения костюма зажиточных слоев населения, казначества³.

В первой половине XIX в. развиваются и другие промыслы. Это изготовление «набрусов роговых» (пороховницы), «чехлов ружейных», медных форм для литья пуль «жирничков», деревянных трубок.

Деревянные трубки для табака в Дагестане, в основном, производились мастерами из с. Унцукуль⁴. Так в сообщениях за 1837 г. отмечается «корешковые трубки с разноузорной насечкой», выполненные материалами этого села⁵. Кроме того, жители

¹ Там же.

² Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного дела производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Ч. 1. С. 42, 43.

³ Магомедов А.Дж. Указ. соч. С. 125-126.

⁴ РДО. 1988. С. 168.

⁵ Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 67.

лакского селения Кумух также продавали на рынке «деревянные трубочки и чубуки», писал Н.И. Воронов¹.

Кроме того, в XIX в. в Дагестане также мастера производили «ременные» пояса, газыры, кожаные узкие пояса с металлической пряжкой. Особую форму поясу придавали разнообразные металлические накладки и подвесные ремешки². «Головки» газырей делали из кожи³. Комплект украшений из кинжала, газырей, пояса с накладками получает в рассматриваемое время на Северном Кавказе широкое распространение.

Следует отметить, что для первой половины XIX в. усиливается интерес народов региона к медной посуде из Дагестана. Только в 1842 г. в Кизляр на продажу было привезено около 300 медных кувшинов⁴.

Немало сведений о торговых людях из Кабарды в Дагестане встречаются в архивных делах⁵. Кроме того, часто упоминаются в документах и о торговых караванах торговцев из Дагестана в Центральный и Северо-Западный Кавказ. Так, например, в обращении к российской администрации эндиреевских владельцев отмечается: «наши люди, сообразно своим состояниям, покупали баранов ... и возвращались из Черкеса»⁶.

Необходимо указать, что одной из важных статей дагестано-адыгских торговых отношений являлись кабардинские скакуны⁷. Даже на временный запрет российских властей на продажу лошадей в регионе, «тайные прогоны лошадей» из Кабарды в Дагестан происходили нередко. Так, в одном архивном документе указывалось, что: «день и ночь крымцы и черкесы прогоняют лошадей через чеченские и гребенчуковские деревни»⁸.

Нужно отметить, что одним из наиболее развитых и удобных для торгово-экономических отношений Дагестана с северо-

¹ Воронов Н.И. Из путешествия по Кавказу // ССКК. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 38.

² Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. С. 34, 35.

³ Там же. С. 27.

⁴ Магомедов А.Дж. Указ. соч. С. 127.

⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 5. Л. 95-106.

⁶ Там же. Д. 357. Л. 55.

⁷ Там же. Д. 517. Л. 107, 108; Д. 520. Л. 34.

⁸ Там же. Д. 115. Л. 67.

кавказскими народами являлась Засулакская Кумыкия, куда съезжались представители со всего Северного Кавказа для торговых операций. Здесь исторически существовали такие крупные торговые центры, как Эндирей, Тарки, Аксай, Костек и др., находившиеся на выгодной трассе прикаспийского торгового пути. В этих и некоторых других крупных населенных пунктах Дагестана, имевших многовековую традицию крупных торговых пунктов региона, через которые проходила «купеческая дорога, сообщающая посредством торговли народы от Каспийского до Черного моря живущие»¹, регулярно собирались базары, где шла оживленная бойкая торговля местного населения с персидскими, азербайджанскими, грузинскими, армянскими, русскими, крымскими и северокавказскими купцами². Все торговые люди Северного Кавказа издавна поддерживали торгово-экономические отношения с Дагестаном, которые осуществлялись в основном двумя путями: первый из них проходил через Терки «в кумыкские земли до Таркова, а оттуда через Кайтагское владение в Дербент и Шемаху»³, другой связывал Центральный и Северо-Западный Кавказ с Тарки и Эндиреем через Сунженский перевоз⁴. При проведении торговых операций многие северокавказские и дагестанские владельцы поддерживали между собою тесную связь, помогали друг другу. Так, коменданту Кизляра Е.В.Оболенскому 7 мая 1746 г. писал кизлярский посланец Я.Тюкаев: «Будучи ж я во оной Аксайской деревне, известился от разных жителей, что оной деревни владелец Раслан-бек Салтамутов в недавних числах поехал для провожания в Дербент кубанских, кабардинских и присланных от наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши 60 лошадей, а всех 2600 лошадей... А оной Раслан-бек взял с каждой лошади по полтине проводить до Буйнак, а от Буйнак провожатым

¹ Цит. по: Иноземцева Е.И. К вопросу о торгово-экономических связях Дагестана с народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Торгово-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 46.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. С. 159.

³ Мамбетов Г.Х. К истории взаимоотношений кабардинцев с народами Дагестана в XVI-XVIII вв. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 29.

⁴ Там же. С. 29-30.

будет буйнацкий владелец Ислам-Бамат»¹. Как видно из того же сообщения, посланец кизлярского коменданта Я.Тюкаев после нескольких дней поездок по другим населенным пунктам Дагестана возвратился вновь в Аксай: «И с предписанной же Андреевской деревни (с. Эндирей – Д.К.) по возврату прибыл он в Аксайскую деревню и известился, что реченной деревни владелец, уцмий Салтамамутов, до приезде ево за 3 дня пригнал из Кабарды в Аксайскую деревню с 400 лошадей, при которых-де лошадях имеются кубанцы, кабардинцы и киргизцы. А скоро оных лошадей в Персию ещё не погонят, а будут ожидать вышеописанного владельца Раслан-бека, который погнал в Дербент лошадей, – какая там цена лошадям будет и пропустят ли за Дербент, и в Дербенте повольно ль будет продавать»².

В мае 1746 г. кумыкский владетель У. Салтамамутов «пригнал ис Кабарды в Аксаевскую деревню» табун в 400 лошадей³. В другом архивном документе, в обращении княжны Джаны, жительницы Аксая, дочери кабардинского владетеля Э.Бекович-Черкасского кизлярскими властям отмечается: «Отец мой князь Эльмурза Бекович дал мне 100 рублей денег, и я на оные купила здесь (Аксае – Д.К.) парчевых товаров, отправила я с узденем своим Сатыбалом в Кабарду для вымену лошадей, и оный купил тамо 42 лошади»⁴.

Тарки в изучаемый период являлся крупным торговым и ремесленным центром, а также связующим звеном в транзитной торговле России с Востоком. Сюда также приезжали торговые люди со всего Северного Кавказа. Кроме того, Тарки в начале XVIII в. уже выполнял функцию торгового порта на Каспии. Следует отметить, что пристань здесь была неудобной, но тем не менее, торговцы имели свои суда, на которых ходили с товарами в Терский город и Астрахань, а также в Дербент⁵.

В Тарках как и во многих торговых центрах исследуемого периода имелся квартал, где в основном было сосредоточено тор-

¹ РДО. 1958. С. 80-81.

² РДО. 1958. С. 80-81.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1.. Д. 112. Л. 19, 20.

⁴ Там же. Д. 543. Л. 91.

⁵ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 44.

гово-ремесленное население¹. Таркинцы поставляли в Кизляр и далее в Россию сырье (марена, шелк-сырец, хлопок), изделия кустарных ремесел, продукты сельского хозяйства. В Тарки стекались товары со всего Северного Кавказа и из внутреннего Дагестана. Необходимо указать, что одним из источников обеспечения населения не только Дагестана, но и сопредельных территорий, в частности Чечни солью были Туралинские озера, служившие не только одним из главных источников дохода тарковского шамхала, но и орудием политического воздействия на соседние народы².

Трудно переоценить роль Эндирея центра международной транзитной торговли, с одной стороны, и центра русско-дагестанских, дагестано-северокавказских торгово-экономических контактов³, связующим звеном между Россией и Нагорным Дагестаном, – с другой.

В Эндирей каждую пятницу съезжались все народы Дагестана, русские и жители всего Северного Кавказа. Здесь совершались крупные торговые операции между народами всего северокавказского края. Эндирей вел обширную торговлю с Чечней, Ингушетией, Карачаево-Черкесией, Кабардино-Балкарией и даже с Крымом⁴. Здесь можно было купить продукты изделия, изготовленные не только местными жителями, но и привезенные из Анди, Ботлиха, Гумбета, Салатавии и др.⁵ В начале XIX в. кизлярский комендант А.И. Ахвердов писал о Эндирее: «... деревня сия есть всему кавказскому народу воротами ведущими на плоскость», где «... бывает базар и на самом малочисленном находится до 1500 человека из других мест»⁶. Даже в XIX в. кумыки хо-

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. С. 159.

² Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С. 22.

³ Умаханов М.-С.К. Феодалные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). Махачкала, 2008. С. 167.

⁴ Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. С. 103; Абдусаламов М.-П.Б., Чекулаев Н.Д. Роль Кизляра в торгово-экономических связях кумыкских феодалных владений с Россией в XVIII веке. С. 168.

⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 710. Л. 68; Д. 915. Л. 145.

⁶ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213.

рошо понимали «... то цветущее для Эндери время, – отмечал Н. Семенов, – когда он вел обширную торговлю с Персией, Дагестаном, Черкессией и Крымом»¹.

Необходимо отметить, что в XVIII в. в Дагестане имела место и работорговля. Основными невольничьими рынками были крупный населенный пункт в Засулакской Кумыкии – с. Эндирей, а также Черный Рынок или «Кара-базар» (современное пос. Кочубей Тарумовского района РД)². Кроме того, живой товар можно было приобрести в Тарках, Дербенте, Аксае и т.д. Контингент рабов поставляемых на невольничьи рынки северокавказского региона пополнялся в основном за счет пленников-христиан «мужска и женска полу, природы из Грузии, ясырей»³. Сюда приезжали торговые люди не только со всего Северного Кавказа, но и купцы из Турции и других стран Ближнего Востока и покупали живой товар. Так, в народной памяти сохранились предания о работорговле в с. Эндирей:

«Богатый невольничий рынок его
Соперничал с рынком Стамбула.
Съезжались купцы из дальних сторон
За редким товаром аула»⁴.

Так, в 1804 г. Кизлярский комендант А.И. Ахвердов писал: «Деревня сия (Эндирей – Д.К.) есть всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость, в которую из всех мест лезгинны (народы Дагестана – Д.К.), в Кавказе внутри живущие чеченцы и прочие народы достатых ими в плен разных людей приводят на продажу, которых большею частию покупают у горцев и чеченцев сами андреевские жители ... Сим ремеслом, перекупкою и продажею пленных, андиреевцы довольно обогатели. Часть же

¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 216.

² История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева / сб.статей и документов. Нальчик, 2005; Клычников Ю.Ю. «Хищничество» и пленопродавство на Северном Кавказе // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Пятигорск, 2005. Вып. 3. С. 58; Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала, 2014. С. 126.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1193. Л. 93; Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 2004. Вып. 9. С. 22.

⁴ Ибрагимова М. Стихи и поэмы. М., 1999. С. 189.

пленных, самых лучших, обоюга пола дают андреевцы приезжающим из Константинополя и Анапы турками и жидам, а иногда и сами доставляют в Константинополь и продают там за великие деньги»¹.

Уже в XVIII в. российские власти делали все, чтобы прекратить работорговлю на Северном Кавказе. Именно этим и объясняется указание российского правительства, данное в 1770 г. военному командованию на Кавказе, не пропускать в населенные пункты Дагестана купцов. Приезжающих для покупки рабов².

Только в 1867 г. под давлением российских властей было завершено освобождение рабов³.

В изучаемое время в Эндирее проживали кумыки, ногайцы, чеченцы, аварцы, горские евреи, армяне и др. Немалую роль в экономической жизни Эндиреевского владения играла добыча и разведение марены. Поставки марены из Эндирея в Кизляр в XVIII в., согласно документальным данным, были значительными по сравнению с другими населенными пунктами, традиционно поставлявшими её на российский рынок⁴. Как правильно отмечает известный дагестанский исследователь Е.И. Иноземцева, это было связано с политическими событиями на Северном Кавказе, а также с тем, что часть марены через Дербент уходила в Персию или морем в Россию⁵.

В Аксае торговали не только привозимыми из России или восточными товарами, но и перекупленными или привезенными из других регионов Северного Кавказа⁶. Согласно архивным данным, в первой четверти XVIII в. жители Аксая вели торг лошадьми и верблюдами⁷. В 1782 г. в Аксай, как сообщается в другом архивном документе Томского пехотного полка, раскварти-

¹ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213.

² История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 315.

³ Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. С. 175.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 750. Л. 18, 28, 40.

⁵ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. С. 96.

⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 710. Л. 12, 40; Абдусаламов М.-П.Б. Роль торговых центров Кумыкии в торгово-экономических связях России с народами Северного Кавказа в XVIII в. // Вестник ЛГУ. № 2. Т. 4. СПб., 2012. С. 12.

⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 710. Л. 69.

рованного в Кизляре, «... для вымена на холст лошадей», на «50 аршин холста было выменяно 14 обозных лошадей у аксаевских ногайцев»¹.

В XVIII в. Аксай выступает в роли торгового центра, где осуществлялись торгово-экономические связи не только русско-дагестанские, но и между всеми народами Северного Кавказа². Так, в одном архивном документе от 15 февраля 1726 г. отмечается, что с терских окочан (чеченцев) с двумя его работниками и У. Минкишиева с одним его работником, которые были пропущены в Аксай «для покупки запасов», были взяты пошлины³. В этом же документе подчеркивается, что «производимый в оном (Аксае – Д.К.) торг привлекает туда многих соседственных чеченцев, относительно коих также весьма важно сие место»⁴. Кроме того, в Аксае изделия местных ремесленников, а также различное сырье (хлопок, марена и др.) включались в международный транзитный товарообмен.

В рассматриваемое время одним из известных центров в Засулакской Кумыкии был Костек⁵. Известный немецкий автор второй половины XVIII в. Я. Рейнеггс так писал о Костеке: «Оное место в рассуждении земледелия и скота весьма изобильно, сверх того находится в нем весьма выгодная рыбная ловля, почему и жители ведут здесь жизнь весьма благополучную»⁶. Необходимо отметить, что Костек в торговом отношении уступал Эндирею и Аксаю, но судя по документальным данным, имел большое значение в осуществлении торгово-экономических связей не только населения Северного Кавказа, но и России⁷. В Костеке имелись

¹ Там же. Д. 1183. Л. 80.

² Умаханов М.-С.К. Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. (экономический аспект). С. 169-170; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. С. 104.

³ ЦГА РД. Ф. 335. Терский комендант. Оп. 1. Д. 4451. Л. 2. об.

⁴ Там же. Л. 3 с об.

⁵ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. С. 123-125.

⁶ Дагестан в известиях русских, западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 225.

⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1146. Л. 1, 2; Абдусаламов М.-Б.П. Роль торговых центров Кумыкии в торгово-экономических связях России с народами Северного Кавказа в XVIII в. С. 13.

лавки кизлярских армян, комиссионеры крупных русских предпринимателей скупали хлопок, марену, поставляя сюда, со своей стороны, «потребные вещи»¹.

В первой трети XIX в. в торговых связях с Кизляром значительной была роль с. Эндирей. В начале XIX столетия в Эндирее существовал большой базар, куда приезжали кизлярские и другие русские, армянские купцы, привлекая своим товаром «всегдашнее стечение соседственных горцев»². Несомненно в первой половине XIX в. и с. Аксай оставался своеобразным транзитным пунктом, через который шли в Кизляр продукты сельского хозяйства и ремесленные изделия из Нагорного Дагестана. Жители населенных пунктов Засулакской Кумыкии продавали в Кизляре строительный лес, сыр, рыбопродукты, рис и др.³ Так, в общей сложности в 1812 г. из Эндирея, Костека и др. сел было привезено в Кизляр: около 1400 бурок, 200 ковров, 800 паласов, 1169 сафьянов, 330 овчин, сотни аршин местного сукна⁴. Следует указать, что в этот список не вошел ряд других ремесленных изделий, а также продуктов скотоводства и садоводства.

Народы Дагестана и Северного Кавказа занимались отхожим промыслом. С наступлением весны они уходили на заработки в Кизляр и в казачьи станицы, занимались обработкой садов и виноградников, молотьбой хлеба и т.п.⁵

Следует отметить, что в торговле народов Дагестана и Северного Кавказа с Центральной Россией все больше возрастала роль Астрахани. Этому способствовало установление регулярного морского сообщения между Астраханью и Кизляром, Дербентом, а с 50-х гг. XIX в. – и с Порт-Петровском, в результате чего сокращалось время и удешевлялось стоимость товаров и особенно тяжеловесных грузов.

¹ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. С. 100.

² Гриценко Н.П, Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. С. 118, 128, 131, 137, 145, 166.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 9. Л. 34, 48; Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. С. 123.

Кроме того, из Персии в Кизляр и далее в Россию поступали шелк, шелковые и хлопчатобумажные ткани, мёд и т.д. Основным предметом вывоза в Центральную Россию и далее в Европу была марена. Например, в 1746 г. восточными купцами было привезено в Астрахань 18 партиями 2008 пуд. марены на 5014 руб., что составило 64% от общей суммы вывоза товаров из Кизляра¹.

6 июня 1772 г. от тезицкого старосты М. Бамматова к кизлярской администрации было послано прошение о разрешении на вывоз в Астрахань шелка-сырца 9,5 пуд². Летом того же года к кизлярским властям обратился астраханский мещанин К.Гейрапетов с просьбой разрешить ему вывоз товаров в Астрахань³. С такой же просьбой о выдаче билета на проезд в Астрахань для продажи товаров в канцелярию обратился кизлярский житель А.Парсаданов⁴.

Необходимо указать, что через Кизляр и Астрахань активно вела торговлю в регионе, хорошо известная на Западе и Востоке Джульфинская торговая компания. В 1760 г. она отправила в Астрахань и Кизляр товаров на сумму 390 тыс. рублей⁵.

Следует отметить, что из Дагестана и Северного Кавказа через Кизляр в Астрахань в основном вывозили марену, мех, сукно, бурки, шкуры зверей, сухофрукты, вино, воск и т.д. Так, в 1746 г. было вывезено товаров в Астрахань 48 партий местных товаров на 7758 руб⁶. В этом же году из Кизляра в Астрахань было отправлено 160 ведер вина⁷.

Нужно подчеркнуть, что со второй половины XVIII в. виноградарство и виноделие в Кизляре и округе начало приобретать экономическое значение. В 60-70-е гг. XVIII столетия в низовьях Терека появились первые виноградно-водочные и спиртокури-

¹ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 177.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 883. Л. 11.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 111.

⁵ Шидловский Ю. Записки о Кизляре // ЖМВД. М., 1843. Ч. 44.

⁶ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 70.

⁷ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 178.

тельные заводы. Было издано специальное распоряжение Кавказской казенной палаты, которое разрешало населению края вывозить на продажу в центральные губернии России вино, спирт и водку¹. Путешественник И.А. Гильденштедт, побывавший в начале 70-х гг. XVIII в. в Кизляре отмечал, что «налажены правильные сношения» по сбыту вина, спирта и водки в Астрахань и другие города². Так, в 1772 г., согласно архивным данным в Астрахань из Кизляра было отправлено 600 (тридцативедерных) бочек вина и 7 бочек спирта³.

Необходимо также указать, что в исследуемый период также увеличивался и вывоз товаров из России в северокавказский регион. Согласно архивным документам, 2 августа 1745 г. была послана в Кизлярскую канцелярию выпись астраханской портовой таможни о пропуске в Кизляр посадского жителя г. Астрахани В.Буркина с мукой на продажу⁴. В 1749 г. в 4 партиях товаров, привезенных из Астрахани в Кизляр, имелось 63877 аршин костромского холста и других сортов, 16651 аршин пестряди, 626 аршин кармазинского сукна, 4 пуд. зеленого чая, 4 пуд. сахара, 800 деревянных ложек, 15 стоп канцелярской бумаги, а также мыло, платки, перец, шерстяные кушаки, платки и другие товары⁵.

Многочисленный документальный материал ярко свидетельствует о ассортименте товаров, вывозимых из Кизляра (отправленных из Астрахани) в населенные пункты Дагестана и всего Северного Кавказа. Например, согласно данным таможенной ведомости за январь 1751 г. товаров в Тарки было отправлено: сундуки, красный кумач, бязь, беличьих меха, сито, выбойка, башмаки, деревянные чашки, зеркала, мыло, ножницы, белила, иглы и т.д.; в Чиркей: посуда, канцелярская бумага, коробки деревянные, зеркала; в Эндирей: решета, выбойка, пестрядь; в

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 4. Д. 357. Л. 2.

² Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. С. 211.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 4. Д. 165. Л. 37.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 111. 81.

⁵ Там же. Д. 259. Л. 49-53.

Большую Кабарду: башмаки, сапоги, кожи крашенные, холст, деревянные чашки, сита, сундуки и другие различные товары¹.

В середине XVIII в. в низовьях Терека чеченцы, ингуши, народы Дагестана вели оживленную торговлю с казаками. Казаки меняли у местных народов пшеницу, муку, просо, мёд, воск, на соль, рыбу, икру. Кроме того, северокавказские народы привозили на продажу лошадей, коров. Часто жители региона приезжали сюда целыми обозами. Для многих народов Дагестана и Северного Кавказа Кизляр для торговых отношений между собой и русскими стал жизненно необходимым. Жители края могли удовлетворить свой спрос на все необходимые товары, особенно российского производства.

Следует отметить, что в рассматриваемое время на рынках товарное зерно появлялось очень редко. Его недостаток русское население Притеречных районов выполняли закупками у местных жителей. Например, в 1746 г. казаки из станицы Курдюковской отправились в Засулакскую Кумыкию за покупкой пшеницы на 9 арбах. В Аксай для мены казаки привезли с собой по 100 сервюжьих спинок и по 3 куля икры².

В 1761 г. кизлярская администрация указывала, что жители Кизляра, уезжая по торговым делам в Кабарду, «берут с собою по небольшому числу холста и других недорогих вещей ...» и меняют на необходимые им товары³.

Российское правительство, во второй половине XVIII в. рассматривая торговлю с жителями Северного Кавказа как средство усиления своего влияния на народы региона с целью их «приласкания», стремилось расширить торговые отношения с ними, разрешив в 60-е гг. XVIII в. вывозить из Кизляра холст и другие предметы, экспорт которых из России в Персию был запрещен⁴. Так, например, в прошении жителя Дербента М.Мурзакаева от 11 октября 1760 г. к кизлярской администрации о разрешении на вывоз холста из Кизляра для продажи в Засулакской Кумыкии, отмечается «... и оный холст, намерен я с платежом ... указанной

¹ Там же. Д. 320. Л. 65-72.

² Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII –первой половине XIX в. С. 183.

³ Там же. С. 183-184.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 484. Л. 77.

пошлины вести для продажи в подданные е.и.в. кумыцкие деревни, а в Персию его вести не намерен»¹.

В начале XIX столетия торговые отношения Кизляра с народами Дагестана и Северного Кавказа получили дальнейшее развитие. Так, из Южного Дагестана торговцы привозили ковры, шелк, паласы, парчу, сафьян, атлас и другое. Взамен они приобретали холсты, меха, кожу, изделия из железа, украшения и фабрично-заводскую продукцию, привезенную в Кизляр русскими купцами. Русские купцы покупали здесь у местных народов кинжалы, сабли, керамические и чеканные изделия, фрукты (свежие и сушеные) и т.д.²

Следует отметить, с 1848 по 1852 гг. Кизляр посетили около 75 тыс. жителей Дагестана и Северного Кавказа, которые привезли сюда на продажу товаров на сумму 461168 руб. и приобрели продукты на сумму 489022 рублей³.

Необходимо также указать, что в это же время, в течение 4 лет, из Кизляра русскими было доставлено для строительства крепостей, довольствия военных госпиталей и т.д., железа и стали на почти 11 тыс. руб., крупного рогатого скота, лошадей и овец на почти 318 тыс. рублей. Кроме того, в этот же период из Кизляра отправилось по торговым и служебным делам в разные центральные регионы России и Северного Кавказа 4692 человек⁴.

Следует отметить, что в первой половине XIX века вырос вывоз марены из Дагестана в Россию. Мареноводство стало расширяться в Дербенте, Табасаране, Кайтаге, Тарковском шамхальстве и в Засулакской Кумыкии. О развитии этой культуры в первой половине XIX в. в регионе показывают размеры вывоза марены. Если в 1807 г. из Дербента и округа вывозили 6-7 тыс. пуд. марены⁵, то в 30-х гг. вывоз её достиг 35 тыс. пуд⁶. Дагестанская марена сбывалась в Астрахани, Нижнем Новгороде, Казани и в

¹ Там же. Л. 77.

² Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 97.

³ Кавказский календарь на 1853 год. Тифлис, 1852. С. 285.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 452.

⁶ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 250.

Москве¹. В 1845 г. вывозилось более 80750 пуд. марены, а в 1860 г. – более 134980 пудов². Мареноводство развивалось также и в Притеречных районах. Только в 1839 г. жителями Кизляра и прилегающих сел собрано было марены 1065 пуд.³ Естественно, быстро развивающееся мареноводство являлось важнейшим источником доходов населения Дагестана. Необходимо указать, что развивающееся в плоскостных и предгорных районах мареноводство являлось значительным подспорьем и для населения Нагорного Дагестана. Многочисленные данные показывают, что в Дербенте, Тарках, Кайтаге, Засулакской Кумыкии, Кизляре и др. местах жители Нагорного Дагестана с весны до осени работали на сборах марены. А.А. Бестужев-Марлинский в «Письме к доктору Эрману» отмечал, «марену садят и собирают лезгины»⁴. О числе горцев работавших в 1845 г. в районе Дербента ярко свидетельствуют полученные им более 200 тыс. руб. серебром «за обработку марены» при заработке по 1 руб. за 6 дней⁵. В 1850 г. только в Дербент и округу для обработки марены прибыло до 20 тыс. горцев. В хозяйстве жителей с. Тарки, по свидетельству известного российского востоковеда И.Н. Березина, «первое место занимает сеяние и сбор марены: огромные огороды этого растения находятся около Низового укрепления и здешняя почва считается очень способной для произрастания марены. На эти работы в Тарку приходят толпы горцев»⁶. Таким образом, развитие мареноводства имело большое экономическое значение в жизни народов Дагестана.

Дербент в первой половине XIX в., как и ранее, был тесно связан с Кизляром и через Кизляр (сухопутно) – с Астраханью. Так, в 1824 г. дербентские купцы привезли в Кизляр товары на сумму 62957 руб., купили на 74337 руб⁷.

¹ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. С. 114.

² Козубский Е.И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 207.

³ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 85.

⁴ Бестужев-Марлинский А.А. Соч. Т. 1. М., 1958. С. 307.

⁵ Кавказ. 1848. г. № 13.

⁶ Березин И. Путешествия по Дагестану и Закавказью. Ч. 1. Казань, 1849. С. 65.

⁷ ЦГА РД. Ф. 354. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-96.

Следует отметить, что российское правительство было заинтересовано в укреплении и развитии торговых связей с Дербентом. В 1848 г. наместник Кавказа князь М.С. Воронцов предложил местным властям улучшить дербентский рейд «для доставления убежища судам», потому что, суда, не имея безопасной якорной стоянки, вынуждены были отправляться из Дербента в Баку или Петровское укрепление. Устройство в Дербенте, хотя бы небольшого порта, указывал кавказский наместник, «чрезвычайно оживит город и промышленную деятельность Дагестана»¹. В середине XIX в. конкурентом Дербента становится Порт-Петровск.

В 30-е гг. XIX в. доставка 1 пуда груза марены из Дербента в Астрахань обходилась от 1 руб. 40 коп. до 2 руб., в то время как стоимость доставки по суше колебалась от 3 руб. до 3 руб. 20 коп.², не считая многочисленных пошлин (рахтаров), взимающихся по пути следования. Так, между Дербентом и Кизляром пошлина взималась в следующих пунктах: «В самом Дербенте ... 2 руб. 50 коп., в Тарху 5 руб. 20 коп. сер. и в Казиюрте 3 руб. сер. с арбы товаров, заключающей обыкновенно от 40 до 50 пудов; сверх того, во владениях шамхала Тарковского взимается серебром: с каждого тая (тюк весом примерно в 6 пуд. – Д.К.) шелка по 2 руб. ..., за верблюда 1 руб., за лошадь и рогатый скот по 50 коп. ...»³.

Рахтарные сборы в Дагестане, как и на всем Северном Кавказе, сильно тормозили развитие торговли. Положение усугублялось ещё тем, что сбор рахтара отдавался в откуп. «Существование человека, пища, питье, одежда, всякая торговля, промышленность, рукоделие, земледелие, шелководство и все без изъятия заведения, изобретения и труды обречены рахтарными поборами; даже земные и лесные плоды, камыш и всякие мелочи подвергаются рахтару ... Откупщик ... многие мелкие рахтарные статьи передает уже от себя другим откупщикам, содержащим в городах и деревнях приказчиков и множество объездчиков для

¹ АКАК. 1885. Т. 10. С. 871.

² Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. М., 1836. Ч. 1. С. 182.

³ Там же. С. 182-183.

наблюдения за человеческими трудами и взимания за оных рахдаров»¹. Это положение, существовавшее в Грузии к началу второй трети XIX в., в основном было характерно и для значительной части территории Дагестана и Северного Кавказа². Поэтому торговцы все чаще прибегали к морским перевозкам.

Между тем, несмотря на преимущества морского транспорта, Кизляр и в первой половине XIX в. продолжал играть немалую роль в экономических связях народов Дагестана и Северного Кавказа между собой, а также с промышленными центрами России. «Кизляр, – отмечал П. Заболоцкий, – превосходит прочие города Кавказской области обширностью своей торговли, которую он ведет с губерниями: Астраханской, Нижегородской, Екатеринодарской, Харьковской, Курской и с обеими столицами, с горскими и Закавказскими народами»³.

Следует отметить, что морские и речные перевозки по Каспийскому морю через Шандруковскую и Серебряковскую пристани, а затем по Волге, издавна связывавшей, как выше отмечалось, Северо-Восточный Кавказ, по своему объёму в значительной степени уступали сухопутным.

Перевозка товаров стоила дорого и требовала длительного времени. Так, например, товары, отправлявшиеся в первой половине XIX в. на Макарьевскую ярмарку, достигали пункта назначения только через три месяца. Тем не менее в 1847-1852 гг. рыбы из имений Всеволожского было продано на этой ярмарке на 200 тыс. руб., поташа – до 7 тыс. руб. и т.д.⁴

Большое место в торговле в первой половине XIX в. продолжал занимать скот, значительная часть которого продавалась в центральные губернии России. Как известно, народы Дагестана, в частности, ногайцы были основными поставщиками живого скота и продуктов животноводства не только для многих районов Северного Кавказа, но и внутренних губерний России. Так, но-

¹ АКАК. 1878. Т. 7. С. 130.

² Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. С. 47.

³ Заболоцкий П. Путевые записки из Астрахани в Баку // ЖМВД. СПб., 1839. Ч. 29. С. 12.

⁴ Дон и Степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. Ростов н/Д., 1977. С. 192.

гайцы продолжали поставку лошадей в российскую армию. В 1809 г. по поручению ген. С.А. Булгакова поручик Телегин занимался покупкою по ногайским аулам для армии «строевых лошадей»¹. В 1810 г. г., как указывалось в том же архивном документе, ногайцы «пригоняют в города и селения Кавказской губернии ... ежегодно продают достаточное число лошадей своих кавалерийским офицерам ..., а также шкуры, овчины, шерсть, масло и сыр продают разным людям ... в Кизляре и Моздоке»². А согласно данным ген-м. Вердеровского, с 1805 по 1810 г. ногайцы продали в городах России до 5 тыс. голов разного скота³. Только в 1813-1814 гг. местными народами в Москву, Петербург и другие российские города было продано почти 19 тыс. голов крупного рогатого скота, более 71 тыс. овец и 2 тыс. лошадей⁴.

Необходимо указать, что в первой половине XIX в. средняя цена за одну голову скота составляла: на лошадь от 15 до 30 руб., на верблюда от 75 до 100 и более руб., на рогатый скот от 10 до 15 руб., овец от 1 до 1,50 руб. серебром⁵.

Согласно многочисленным документальным материалам можно проследить заметный оборот кизлярской торговли в первой четверти XIX в. Так, например, в 1825 г. в город было привезено товаров почти на 625 тыс. руб., а вывезли на более чем 340 тыс. руб., то через год соответственно привоз составил почти на 828 тыс. руб., вывоз – более 390 тыс. рублей. А в 1828 г. привоз уже составил почти 1492 тыс. руб., вывоз – почти 6260 тыс. руб.⁶

Русские и армянские купцы привозили в Кизляр из Центральной России хлопчатобумажные ткани, изделия из шерсти, железо, чугун, свинец, лес и другие различные товары, которые сбывали местным народам в обмен на соль, предметы ремесел, фрукты, частью продавали в Южном Кавказе. Автор начала XIX в. И.В. Равинский писал: «Из-за границы горские кумыки и дру-

¹ ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

² Там же. Д. 115. Л. 7.

³ АКАК. 1870. Т.4. С. 923.

⁴ ГАСК. Ф. 87. Д. 31. Л. 27-39.

⁵ Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII-XIX вв. С. 50.

⁶ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 191.

гие народы привозят хлопчатобумажную бумагу, марену, куньи меха, медь и разные фрукты, кои из Кизляра отправляются по большей части в Астрахань. Притом армяне торгуют в Персию, с Дербентом, с кавказскими народами в городе Тарки и в кумыкских деревнях – Индери, Брагуне, Костеке»¹.

В 1812 г. только жителям 4 сел Засулакской Кумыкии (Тарки, Эндирея, Костека и Казияурта) выдали билеты на выезд в Кизляр по торговым делам 250 раз². Всего в 1812 г. из этих 4 сел было привезено в город около 1400 бурок, до 200 ковров, до 800 паласов, сотни аршин местного сукна, 1169 сафьянов, 330 овчин³. По архивным данным с 29 марта по 1 июля 1818 г. билеты на въезд в Кизляр получили 312 жителей Дагестана⁴. А в 1828 г. жители Северного Кавказа привезли в Кизляр товаров на 140350 руб., приобрели товара – на 115965 руб., вывезли в центральные регионы России – на 526470 руб⁵.

Материалы кизлярской таможни свидетельствуют о том, что вайнахские торговцы приобрели много различных тканей в Кизляре. Так, в 1828 г. житель с. Старый-Юрт Х.Шахтемиров закупил товар в Кизляре и привез в Грозный: 1140 аршин холста на сумму 250 руб. 20 коп., 115 аршин «пестряди» – на 25 руб. 30 коп., 60 аршин нанка – на 13 руб. 60 коп., 5 концов кумача – на 20 руб., 25 «цевок» пряденого серебра – на 35 руб., 3 аршина миткаля – на 1 руб. 50 коп., 2 платка⁶.

Следует отметить, что торговля народов Северного Кавказа с Кизляром, через него с Россией в исследуемый период продолжала оставаться жизненно необходимой. Так, в 1849 г. из Кизляра во внутренние губернии страны через Астрахань (сухопутным

¹ Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. С. 446.

² ЦГА РД. Ф. 354. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

³ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. С. 74.

⁴ ЦГА РД. Ф. 344. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-15; Ф. 354. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-78.

⁵ Там же. Ф. 354. Оп. 1. Д. 137. Л. 43-46.

⁶ Абдулвахабова Б.Б. Из истории торговых отношений между чеченцами и казаками (XVI – начало XIX вв.) // Чеченцы в сообществе народов России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18 декабря 2008 г.). Т. 1. Назрань, 2008. С. 103.

путем) было вывезено товаров на сумму – 287 000 руб., а морем, через Шандруковскую пристань – на 716734 руб.¹

В 1834 г. в Кизляре было продано русских и восточных товаров на 1130 тыс. руб., в том числе одних лишь хлопчатобумажных тканей – на 829,5 тыс. руб.² Необходимо подчеркнуть, что завоз текстильных тканей из центральных районов России привел к падению, а в пореформенный период – и к ликвидации кустарного производства грубых местных тканей из хлопка; вслед за этим прекращались посевы хлопчатника.

Следует отметить, что своей ролью в торговых отношениях Дагестана с народами Северного Кавказа и промышленными регионами России Кизляр был обязан тому, что внутри дагестанского побережья не было больше портовых сооружений и естественных гаваней для стоянки и укрытия судов. У Дербента они должны были бросить якорь в 2 км от берега, подвергаясь на открытом рейде опасности частых штормов³.

Как известно, в середине XIX в. между Кизляром и Астраханью была проложена сухопутная дорога вдоль западного побережья Каспия, протяженностью в 315 версту⁴. Следует отметить, что перевозку товаров от Кизляра до Астрахани и обратно, а также «почтовую гоньбу» выполняли ногайцы. Обычно в Астрахани у Кизлярской пристани северокавказские возчики ожидали товары с Нижегородской ярмарки, от Астрахани их везли в Кизляр, а часто и дальше вглубь, во все территории Северного Кавказа. О масштабах этих перевозок писал один из современников в 40-х гг. XIX в. Он отмечал, что территория вблизи Кизлярской пристани на Волге была покрыта арбами «около квадратной версты пространства... вся эта компания опять прибыла для свозу на Кавказ привозимых с ярмарки товаров»⁵.

¹ Забудский. Военно-статическое обозрение Российской империи. СПб., 1851. Т. 16. Ч. 1. С. 231-233.

² Там же. С. 17-19.

³ Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII-XIX вв. Махачкала, 2010. С. 53.

⁴ Астрахань и Астраханская губерния. М., 1852. С. 127.

⁵ Там же. С. 128.

Кроме того, ввоз товара в Кизляр осуществлялся и по морю. Нужно подчеркнуть, что ещё при основании Кизляра, для его сообщения с Каспийским морем в устье самого южного рукава Терека в 50 верстах от города был возведен Долобинский фельдшанец (укрепление – Д.К.), ставший складочным пунктом товаров, поступавших в Кизляр морским путем¹. На побережье моря одновременно существовало ряд пристаней, которые также обслуживали Кизляр: Очинская, Сладкоеричная, Серебряковская и Шандруковская. Следует отметить, что на последнюю пристань ежегодно приходило до 200 судов, а уходило с грузом более 25².

Следует отметить, что Кизляр в 20-30-х гг. XIX в. расширяет торговые связи с городами Центральной России. Так, в одном из экономических обзоров за 1830 г. подчеркивалось, что Кизляр превосходит другие российские города обширностью своей торговли с Астраханской, Нижегородской, Екатеринославской, Слободско-Украинской, Курской губерниями, Москвой и Петербургом, северокавказскими народами, Южным Кавказом и Ираном³. Кроме того, газета «Кавказ» за 1848 г. сообщала, что Кизляр постоянно получает товары из внутренних губерний России (через Астрахань), из Грузии, Азербайджана, Дербента и снабжает ими многие населенные пункты всего Северного Кавказа⁴.

Необходимо указать, что на левом фланге Кавказской линии «самая деятельная меновая торговля» шла в Кизляре, где привозные товары в 1848 г. оценивались в 70 тыс. руб. серебром, в ст. Червленной – более чем в 31 тыс., Известнобродской и Пятигорской – в 23 тыс. руб. и т.д.⁵

В 50-х гг. XIX в. из Кизляра на ежегодную Нижегородскую ярмарку было вывезено до 500 тыс. ведер вина, тысячи ведер водки-кизлярки. Кроме того, в центральные российские города кизлярские купцы отправляли шелка-сырца на сумму до 100 тыс.

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 29. Л. 82; Д. 44 Л. 73.

² Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. С. 189.

³ ЖМВД. М., 1830. Кн. 5. С. 137.

⁴ Сборник газеты «Кавказ» за первую половину 1848 г. С. 187.

⁵ Газ. «Кавказ». 1847. № 11.

руб., на 150-200 тыс. рыбы, на десятки тыс. ремесленных изделий и т.д.¹

В первой половине XIX в. жителей Дагестана и Северного Кавказа можно было встретить на ярмарках и базарах в Кизляре, Моздоке, Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре, Хасавюрте, Грозном, Владикавказе, Ставрополе, Екатеринодаре, а также в притеречных станицах (например, в ст. Наурская). Здесь они продавали свой товар. Скот для отгона в Центральную Россию закупался на ярмарках. Наиболее значительные ярмарки живого скота бывали в Ставрополе². Лошадей закупали на конских ярмарках, две устраивались в Моздоке, две – в Ставрополе и пять – в крупных селениях Ставропольской губернии³. Так, в 1815 г. в центральные регионы России было продано 14700 овец и до 10 тыс. голов крупного рогатого скота⁴. В 1817 г. из Кавказской области было продано только крупного рогатого скота 18060 голов, в том числе в Санкт-Петербурге – 8480, Москве – 2670, Воронежской губернии – 2760, Тамбове – 1250 и т.д.⁵

Особенно активное участие в ярмарочной торговле в русских городах, селах и станицах местное население принимало в конце 20-х гг. XIX в. Так, на Моздокскую ярмарку 1829 г. было завезено на 385 тыс. руб. различных товаров. Из них более чем на 100 тыс. руб. товаров моздокских купцов, в том числе из представителей северокавказских народов. Кроме того, значительное число товаров сосредотачивалось на Покровской ярмарке в Георгиевске⁶. Весной (мае) 1834 г. сюда было пригнано 1270 лошадей, 1400 овец⁷. В 1837 г. основным предметом торговли на ярмарках в Моздоке были лошади, пригоняемые жителями Дагестана и Северного Кавказа. В 1847-1848 гг. на ярмарки Ставрополя кумыки

¹ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. С. 112-113.

² ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 586. Л. 4, 15-17.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII–XIX вв. С. 55.

⁵ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 604. Л. 11, 12, 18.

⁶ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. С. 48-49.

⁷ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1596. Л. 43.

и кабардинцы пригоняли на 40 тыс. руб. лошадей и крупного рогатого скота¹.

Рассмотрим ассортимент товаров, имевших спрос и сбыт в торговле народов Дагестана и Чечни начале XIX в. Так, в архивном документе – таможенной книг Кизлярской карантинной заставы имеются данные за 1812 г. о продаже вайнахами продуктов и изделий ремесла в Кизляре, из которых следует, что из «Девлет-Гиреевской деревни вывезено: сукно в концах – 14, бурок – 10, зипунов и чекменей – 11; из Брагунской: сукон – 10, бурок – 23, зипунов – 9»². Кроме того, согласно указанного документа из перечисленных чеченских сел было поставлено на рынки Кизляра: 62 пуд. мёда, 19 пуд. воска, 24 пуд. масла, 40 мешков риса, 16 харалов марены, 1030 штук железной и медной посуды, 69 кинжалов и т.д.³

Следует указать, что главным товаром чеченцев являлся хлеб, который сбывался ими в значительном количестве в Нагорном Дагестане, в частности в Ботлихе, Анди и ногайцам⁴. Со своей стороны жители Нагорного Дагестана обменивали вайнахам фрукты на мясо и хлеб, в Чечне особенно ценилась андийская бурка⁵.

Необходимо указать, что хозяйственное тяготение местных народов к России было по общему признанию, очень сильным, несмотря на антироссийскую пропаганду османских и иранских эмиссаров. Так, главный смотритель над меновыми дворами в крае Шведов отмечал, что свободная торговля местного населения с русскими характеризовалась «обоюдную пользою продавца и покупателя», она сближала их между собою «тесною дружбою и хлебосольством»⁶.

Развитие товарно-денежных отношений всё больше втягивало местное население в общероссийскую экономику. И хотя шла Кавказская война и было невероятно много препятствий к

¹ Там же. Ф. 444. Оп. 1. Д. 54. Л. 18-19.

² ЦГА РД. Ф. 354 Оп. 1. Д. 2. Л. 1-55.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. С. 109-110

⁵ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 266.

⁶ Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. С. 199.

экономическому общению народов региона с русскими, в их жизни происходили огромные перемены. Стремление приобрести российскую монету стало весьма заметным явлением в жизни большинства жителей края. В 1839 г. ген. Пулло писал из Чечни, что ежегодно 40 тыс. горцев приходило на Сунженскую линию для продажи своих продуктов и «звонкая монета усиливалась в обращении»¹. Другой русский офицер в это же время указывал, что народы Северо-Западного Кавказа «узнали теперь цену деньгам и потому охотнее продают свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров»².

Следует отметить, что по мере заселения и экономического освоения Черномория, как и другие районы региона, постепенно втягивалась в систему всероссийского рынка. В середине XIX в. в «Черноморском торговом обществе» насчитывалось 114 купцов. Иногородних купцов, производивших торг на Кубани, было около 3 тыс. человек. Приезжали они из разных городов России, закупаая скот, шерсть, кожу и др. товары.

Основной формой торговли здесь была ярмарочная. Три раза в год проводились ярмарки в Екатеринодаре (Благовещенская, Покровская, Троицкая)³. Кроме того, ярмарки на Кубани проводились в различных станицах, по очереди, создавая, таким образом, непрерывный торг, не прекращая свою работу круглый год. В 1858 г. на станичные ярмарки было привезено товаров на 390 тыс. руб., а продано на 95 тыс., в 1859 г. эти цифры возросли соответственно до 416 тыс. руб. и 117 тыс. руб⁴.

С 1843 г. по 1858 г. на всех ярмарках Кубани стоимость проданных товаров возросла с 394 тыс. до 984 тыс. руб⁵. На этих ярмарках было очень много крупного рогатого скота, лошадей, овец. Его закупали купцы из центральных губерний России. Чистая прибыль от проданного скота ежегодно составляла более 223 тыс. руб. Вывозилось также во внутренние регионы страны много сырья: ежегодно до 10410 кож на сумму до 21 тыс. рублей.

¹ Там же. С. 199.

² Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период // История СССР. М., 1957. № 1. С. 153.

³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2294. Л. 130-131.

⁴ Там же. Л. 94.

⁵ Там же. Л. 222.

Так, в 1838 г. было продано 29488 пуд. овечьей шерсти на сумму 179 тыс. руб. серебром¹.

Как отмечалось выше, крупным торговым центром на Кубани был Екатеринодар. В мае 1830 г. сюда на Троицкую ярмарку местные народы привезли для продажи кожи, бурки, арбы, седла, пояса, плети, орехи, мёд, воск и др. На всю вырученную сумму, в размере 3887 руб. жители региона закупили здесь же соль, ситец, платки, замки, иголки, наперстки, медные тазы, зеркала, чашки, кружки, глиняную посуду².

Как известно, в конце XVIII в. украинские переселенцы положили начало развитию на Северном Кавказе тонкорунного овцеводства³. С дальнейшим развитием скотоводства в крае появляются новые породы, среди которых выделялись в Дагестане ногойские и горские (курдючные), дававшие хорошую шерсть длиной от 4 до 7 вершков⁴. Часть этой шерсти шла на изготовление бурок (андийские, ногойские), другая отсылалась на российские суконные фабрики. Кроме того, много местной шерсти шло за пределы России, в основном, через Ростов-на-Дону. Так, в 1840 г. отсюда за границу было продано 49112 пуд., а в 1845 г. – 168643 пуд. шерсти⁵.

Слабостью рыночных связей и путей сообщения Дагестана и Северного Кавказа с Центральной Россией в дореформенный период объясняется ярмарочной торговлей. Особое место в городской жизнедеятельности занимала торговля. В Моздоке обычно бывали две ярмарки в год – весной (с 23 апреля по 1 мая) и осенью (с 19 по 27 сентября). В 1839 г. на них было завезено товаров общей стоимостью в 144048 руб.⁶ В 1854 г. в Ставропольской губернии было 20 ярмарок, из них 12 в казенных селах. На

¹ Там же. Оп. 1. Д. 1599. Л. 22, 23.

² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1416. Л. 57-58; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 590.

³ Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. С. 31.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 225, 279, 280, 380.

⁵ Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850. Ч. 2. С. 43, 66.

⁶ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX веке. С. 58.

Северо-Восточном Кавказе наиболее крупной была ярмарка в ст. Наурской. В 1834 г. здесь общий оборот составил 27370 руб.¹ Следует отметить, что много товаров оставалось не проданным. Дело в том, что покупательная способность местного населения продолжала оставаться низкой.

Необходимо отметить, что в рассматриваемое время многие ярмарки во всех основных регионах России по срокам их проведения и передвижению товаров и купцов действовали в определенном порядке, по принципу круга или цепи. Например, такая цепь ярмарок существовала в Предкавказье «между главными торговыми центрами края: Екатеринодаром, Ставрополем, Александровском, Георгиевском, Моздоком и Кизляром»². Наличие такого определенного порядка в проведении ярмарок давала возможность купечеству последовательно быть на многих из них и «одновременно поддерживать оживленные торговые отношения с обеими столицами, с волжскими городами и «Макарием», с новороссийскими и украинскими ярмарками, Астраханью и с границей»³. Таким образом, в России второй половины XVIII – первой половины XIX вв. действовала сложившаяся система ярмарок, функционировавшая по принципу цепи, которая удовлетворяла производителей, потребителей, торговцев и являлась в экономических и географических условиях того времени чрезвычайно целесообразной и служила одним из свидетельств наличия единого всероссийского рынка⁴.

Наряду с ярмарочной торговлей в городах региона, а также в ряде крупных сел и станиц функционировали еженедельные базары, имевшие важное значение во внутренней торговле, втягивании в неё всё больше местных народов, служившие средством осуществления экономических связей города с сельской местностью. В 1840 г. ген. А.П. Пулло писал, что в «Кизляре и на некоторых других пунктах открылись торжища», куда местные жите-

¹ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. С. 70.

² Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981. С. 226.

³ Там же. С. 225.

⁴ Там же. С. 229.

ли «стекались со всех сторон» для продажи своих товаров¹. В среде местного населения вошли русские деньги².

Необходимо подчеркнуть, что российские власти рассматривали торговлю и как средство сближения местных народов с русскими, мирного подчинения первых. В то же время они ревниво оберегали торговую монополию в Кизляре, что естественно мешало частой встрече торгующих, и их сближению. Но сила экономического развития, приводившая ко все большему расширению меновых операций, развитию товарно-денежных отношений неуклонно толкала местных жителей на рынок, заставляя их изобретать всякие способы преодоления различных барьеров и преград на этом пути. Не случайно местные народы и некоторые общества непременно выдвигали при переговорах с российской администрацией требование права на свободную торговлю вне своих пределов.

В 30-х гг. XIX в. Северный Кавказ включается в единую таможенную систему России, что способствовало усилению экономических связей края с промышленными центрами страны.

Другим прогрессивным явлением, имевшим большое значение для дальнейшего развития торговли в Дагестане и способствовавшим росту товарно-денежных отношений, являлась отмена в 1831 г. права местных владетелей (шамхала Тарковского, хана Мехтулинского и др.) на взимание пошлин. Был создан Закавказский таможенный округ, куда входил и Дагестан³.

До 1846 г. на левом фланге Кавказской линии существовали меновые пункты – самый большой в Кизляре, а также при карантинных заставах – Червленской и Моздокской. «Самая деятельная меновая торговля, – указывается в отчете за 1846 г., производилась при Кизлярском частном карантине, где привозные товары оценены на сумму более 70000 руб. серебром»⁴.

В 1845 г. наместник царя на Кавказе М.С. Воронцов представил российскому правительству проект расширения меновой

¹ Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сб. документов. М., 2005. С. 221.

² Там же. С. 221.

³ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 128.

⁴ Газ. «Кавказ». № 11. 1847 г.

торговли с народами Северного Кавказа. Нужно отметить, что ещё в 1833 г. кавказская администрация представила царю проект «о способах, могущих привести меновой торг с горцами в лучшее состояние». Проект предлагал разрешить торговлю с местными народами только русским купцам и мещанам. Эти предложения в 1836 г. были одобрены российским правительством¹. Но все эти усилия и старания кавказской администрации остались «безуспешными». Свободной торговли требовали не только русские купцы, но и местные народы. Осуждая «стеснительные» порядки на меновых дворах, они добивались «вольных сатовок», т.е. свободы действий в торговых операциях. Согласно проекту 1845 г. некоторые меновые дворы должны были быть перенесены из небольших постов кордонных линий в города – Моздок, Кизляр, что дало бы возможность привлечь к торговле с местными народами русских купцов².

Несмотря на возражения некоторых российских чиновников, считавших, что торговля с кавказскими народами не может иметь «благодетельных последствий», царь Николай I 9 февраля 1846 г. издал новое «Положение» о меновой торговле, сделав определенные уступки русской буржуазии, но основная цель документа состояла в том, чтобы удержать монополию торговли, расширить и укрепить свое влияние среди народов Северного Кавказа³.

Следует отметить, что после издания нового «Положения» о меновой торговле, возле кордонных укреплений стихийно возникал меновой торг, который со временем приобретал форму регулярно действовавших базаров⁴.

В 1847 г. были открыты новые меновые дворы, в том числе, как отмечалось выше, при Амир-Аджиюртовской карантинной заставе Веденского округа Чечни. Нуждаясь в соли и промышленных товарах, народы Дагестана и Северного Кавказа вынуж-

¹ Кумыков Т.Х, Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX веке. С. 55.

² Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII – XIX вв. С. 64.

³ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. С. 177-179.

⁴ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 43. Л. 47.

дены были покупать на меновых дворах почти всё необходимое и за дорогую цену. Произвол царских чиновников на меновых дворах и карантинных заставах лишал жителей Дагестана и Северного Кавказа права свободно продавать продукты своего хозяйства и покупать на меновых дворах промышленные товары. Только за 3 месяца 1847 г. на Амир-Аджиуртовском меновом дворе было продано северокавказскими народами ружей, пистолетов, кинжалов, оружия, замков ружейных на 8445 руб. В 1848 г. они, кроме оружия, продали здесь крупный рогатый скот, лошадей, овец, шкуры диких зверей, кустарные изделия из меди и железа – кувшины, ножи, ножницы, паласы, ковры, пшеницу, просо, ячмень, муку, рис, крупы. Жители региона привозили также в большом количестве фрукты (свежие и сушеные), овощи, орехи, лук, чеснок и многое другое. Сами же покупали здесь всевозможные ткани российской текстильной промышленности. Так, по данным «Обзора меновых сношений с горцами по Кавказской линии» только в 1848 г. в Амир-Аджиуртовский меновый двор прибыло 2700 кумыков, горских евреев и др.¹ За 1848-1849 гг. местными народами на Амир-Аджиуртовском меновом дворе было продано товаров на сумму более 31 тыс. руб. серебром, а куплено на 200 тыс. руб.²

В 1851 г. на Червленский меновый двор народы Дагестана и Северного Кавказа привезли крупный рогатый скот, лошадей, овец, коровье масло, говяжье и баранье сало, кожи, овчины, овечью и верблюжью шерсть, воск, шкуры диких зверей: куньи, лисьи, волчьи и др.³ Жители региона привозили сюда также строевой лес, колья для виноградников, дрова, жерди, ремесленные изделия (арбы, шубы овчинные, бурки, ружейные чехлы, местное сукно, пистолеты, ружья, кинжалы, кувшины и др.). В 1851 г. населением края здесь было продано 790 пуд. коровьего масла, 5830 воловьих кож, 2865 выделанных и необработанных козловых шкур, 2684 лисьих и др. шкур⁴. За этот же год местными

¹ Газ. Кавказ. 1849 г. № 12; История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. Махачкала, 2009. С. 135.

² Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII-XIX вв. С. 65.

³ Гриценко Н.П. Истоки дружбы. С. 57.

⁴ Там же. С. 56.

народами было продано здесь 7500 аршин сукна, 1100 бурок, 5060 черкесок, 1512 ноговиц, 200 шапок, 70 пистолетов, 50 ружейных чехлов, продуктов животноводства и др. на 46376 руб.¹

В список проданных товаров вошли медная, фарфоровая, хрустальная посуда, сундуки, одеяла разных сортов, салфетки, скатерти, писчая бумага, мыло свечи и т.д.² Кроме того в Червленском меновом дворе местные жители также покупали соль.

Червленский меновой двор являлся связующим звеном между народами Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды и терскими станицами. Ещё при учреждении этого торгового пункта один из русских чиновников отмечал, что Червленский меновой двор находился на таком месте, что «можно ожидать и русских и азиатских торговцев, ибо некоторые грозненские евреи и староюртовские жители по открытии меновой торговли, желают строить обзаведения для своей торговли, одинаково и русские торговцы в то время надеются открыть и свою торговлю»³.

В 1847 г. жителями северокавказского региона, в том числе Дагестана в Моздок было привезено для продажи 458 «новых арб», 85 арб, 26 арб ободьев, 15 арб обручей, 69 арб осей, 16 арб угольев⁴. А за период с 1847 по 1853 гг. здесь была зарегистрирована продажа арб и частей к ним на общую сумму около 29,5 тыс. руб. серебром. Кроме того, в большом количестве вывозились через Моздок изделия из шерсти, в частности сукно местного производства, бурки, ноговицы. Так, в 1852 г. в Моздок было привезено: сукна 3109 аршин, бурок – 10, ноговиц – 18, черкесок – 1319 на сумму 2405 руб.⁵

Специально для продажи изготавливались деревянные плуги с железным лемехом. В 1852-1853 гг. через Моздок проследовало 166 арб с деревянными плугами на сумму в 664 руб.⁶

Народы Дагестана вели торговые операции и в других меновых дворах и городах северокавказского региона. Так, в 40-х гг.

¹ Там же. 56.

² Там же. 57.

³ Там же. 57.

⁴ Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII – XIX вв. С. 66.

⁵ Там же С. 66

⁶ Там же. С. 66.

XIX в. ежегодно в торговле принимало участие около 12 тыс. дагестанцев¹.

Следует отметить, что по мере развития экономики в России стало ясно, что Предкавказье будет играть важную роль в деле включения Кавказа в систему всероссийского рынка. Российские власти, признав этот факт, пошли на создание некоторых благоприятных условий в этом направлении. Так, царь Александр II своим указом от 7 июня 1857 г. упразднил таможенную линию по Тереку и Кубани. В этом постановлении, в частности, отмечалось, что «внутренние таможенные линии всегда вредны для промышленности и крайне затрудняют внутренние сношения»².

Естественно, упразднение этой таможенной линии должно было способствовать развитию торгово-экономических взаимоотношений между народами Дагестана и Северного Кавказа между собой и Россией. Необходимо подчеркнуть, что в полной мере это решение сказалось немного позднее, в пореформенный период.

Несмотря на то, что в той части Дагестана, Чечни, Адыгеи, а также Северного Кавказа, где население не было вовлечено в народно-освободительное движение 20-60-х гг. XIX в., имело место некоторое оживление торговли, все же до конца 30-х гг. XIX в. она не получила большого развития. «Торги здешние не знатны»³, – писал С. Броневский о торговле в Дербенте.

Необходимо отметить, что развитию торговли в Дагестане и на Северном Кавказе мешали и происходившие военные действия в первой половине XIX в. на значительной части края. Так, например, в первые годы военных действий торговля Дагестана с народами Северного Кавказа пала⁴. В 30-х гг. XIX в. поступательный процесс развития торгово-экономических связей русско-го населения низовий Терека с местными народами почти прерывается в связи с обострением внешнеполитической напряженностью на левом фланге. В секретном приказе от 23 февраля 1831 г.

¹ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 135.

² РГИА. СПб. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 54. Л. 27.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. С. 224.

⁴ Заболоцкий П. Путевые заметки из Астрахани в Баку. С. 19.

«О мерах к недопущению продажи горским народам серы, селитры, кремня, свинцу и пороху» отмечалось, что «... затеречные горские народы... не могли бы существовать без наших провинций, все они продовольствуются от нас солью, не имея своих: ни льна, ни бумаги, ни шелку, получают от нас половину своей одежды, нанимаются в разные работы в наших провинциях, и продают или выменивают у нас свои произведения на хлеб, которого у многих народов в горах весьма недостаточно»¹.

В ноябре 1837 г. российские власти на Кавказе решили полностью прекратить отпуск соли народам региона. Следует отметить, что эта мера была направлена против «немирных» жителей края, перекупавших соль у своих родственников, которые могли приобретать её на Кавказской линии в неограниченном количестве. Введенное ограничение военным командованием лишь вызвало недовольство и 30 сентября 1842 г. было отмечено, так как местное население приобретало соль у казаков, причем на более выгодных условиях².

Между тем, несмотря на трудности военного времени, торговля между народами Дагестана, Северного Кавказа и русскими не прекращалась.

В первой половине XIX в. производство товаров и товарооборот занимало значительное место в экономике Нагорного Дагестана. И. Загорский, дважды побывавший в Анди в годы Кавказской войны, отмечал, что до 1839 г. андийцы отличались от других горцев видимой зажиточностью, благодаря обширному скотоводству и торговле бурками, славившимися на Северном Кавказе³.

Следует отметить, что торговля и оборот от неё имели настолько ощутимый удельный вес, что командующий войсками в регионе Клюки фон Клюгенау предлагал в 1841 г. для покорения горцев завладеть торговлей, которая шла по крупной коммерческой артерии из Кюры и Нухи в Чечню по Аварскому Койсу. «Вся торговля гор, – отмечал главнокомандующий войсками в

¹ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 140. Л. 3 с об.

² Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 241.

³ Загорский И. Восемь месяцев в плену у горцев // Кавказский сборник. Тифлис, 1898. Т. 19. С. 229.

своём представлении, вышестоящему командованию, производится казикумухцами и андалальцами через Гидатлинский мост, занятием Аварского Койсу она будет в наших руках. Это одно обстоятельство будет иметь сильное влияние на совершенное покорение гор»¹.

В годы Кавказской войны, в 1841 г. военными властями были арестованы андалальские купцы, находящиеся по торговым делам в различных торгово-экономических центрах Кавказского края. Таких торговцев было арестовано около 4 тыс., из которых, в свою очередь, каждый являлся «поверенным от 3-4 человек, вручивших ему свои капиталы». Таким образом, задетых арестом торговых людей насчитывалось до полутора тысяч². Известный кавказовед XIX в. А. Берже отмечал, что «Андалальцы отличались предприимчивостью и в давнее время служили главными проводниками нашей торговли с горцами»³.

Необходимо указать, что методом Клюки фон Клюгенау военное командование в регионе пользовалось нередко. Командование войсками прибегало обычно, когда ему нужно было принудить повстанцев выполнить, то или иное требование. В таких случаях российская администрация грозила закрыть торговые пути⁴, прекратить сношения с российскими «базарными и хлебными областями». И мера эта, естественно, отзывалась потоком заявлений со стороны «строптивных» обществ Нагорного Дагестана с изъявлением покорности и с просьбами дать им разрешение на торговлю⁵.

Следует отметить, что жители Нагорного Дагестана вынуждены были искать выход из сложившейся ситуации, как-то приспособливаться, чтобы не прекращать жизненно им необходимый товарооборот с российскими городами, селами и станицами Кавказской линии. Как видно из рапорта ген-м. А.А. Вельяминова управляющему гражданской частью на Кавказе, «акушинцы, вы-

¹ Хашаев Х.О. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С. 102.

² Там же. С. 102.

³ Цит. по кн.: Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 272.

⁴ АКАК. Т. 1. С. 657.

⁵ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 126.

езжающие по билетам ... во многие наши города, имея с аварцами связи, кои сделались теперь непозволительными, провозят их (аварцев – Д.К.) с собою ... и дают им случай иметь вместе же с акушинцами торговлю в Российских городах...». Военное командование в Дагестане, обнаружив это, предприняло меры, чтобы «строго было наблюдаемо за приезжающими в наши города акушинцами и если между ними скажутся (мятежные – Д.К.) аварцы, не имеющие билетов за печатью Сурхай-хана аварского, то их, равно и акушинцев, привезших с собой аварцев, ... арестовать»¹.

С назначением ген. А.П. Ермолова главнокомандующим на Кавказе отношение военных властей к внешней торговле горцев Дагестана ужесточается. Главнокомандующий применяет ряд репрессивных мер, стесняющих или вовсе запрещающих жителям Нагорного Дагестана вести торговлю. Так, в 1823 г. последовало запрещение посредникам армянам и горским евреям вести торговлю с аварцами². Вдобавок, всем постам вменялось в обязанность не пропускать жителей Нагорного Дагестана в Засулакскую Кумыкию³.

Разумеется, такие жесткие меры кавказского командования отрицательно сказывались на положении жителей Нагорного Дагестана. Вместе с тем, как правильно указывает известный исследователь истории терских казаков И.П. Омельченко, в период Кавказской войны «торговые отношения казаков с горцами частично суживались, местами ограничивались, но не прекращались совсем»⁴. Так, в одном официальном документе министр финансов России отмечал, что «Жители Кизляра не только передают товары в Андию непокорную, но и получают из оной взамен бурки. Если некоторые непокорные нам горские народы будут получать все им нужное и беспрепятственно сбывать свои изделия и избытки, то не будет настоять им надобности и покоряться нам»⁵. В годы военных действий в Дагестане в первой половине XIX в. военное командование предпринимало решительные

¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959. С. 37.

² АКАК. Т. 1. Ч. 2. С. 30.

³ Там же. С. 29.

⁴ Омельченко И.П. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 242.

⁵ АКАК. Т. 12. С. 145.

меры по запрету продажи железа. Однако, приостановить её продажу совсем властям так и не удалось. «Подданные шамхала Тарковского, покупая полосное железо на судах, приходящих к дагестанским берегам из Астрахани, перепадают оное некоторым горским племенам», – указывает документ¹. По сообщению ген. Галафеева местное население, «живущее за Терекон, покупают зерновой хлеб... перепродают приверженцам Шамиля... обеспечивая тем продовольствие его скопищу»². «Я крайне удивляюсь, говорил один из царских старших офицеров, – той приязни казаков к туземцам и искреннему желанию способствовать в сближении туземцев с гражданственностью, которая проявлялась и проявляется казаками»³.

Особенно страдали от запретов на торговлю жители горной части Чечни. Чеченцы не могли выезжать за пределы территории, к ним не пропускали других торговцев, хотя вайнахи были кровно заинтересованы в торгово-экономических связях с жителями Дагестана, Северного Кавказа и Россией. В результате этого население горной зоны Дагестана и Чечни вынуждены были втридорога платить посредникам за товар, доставляемый тайно к ним⁴. Лишь после замены в 1831 г. рахтаров таможенными сборами и организации Закавказского таможенного округа, в состав которого входил и Дагестан, происходит рост товарооборота, который достиг в конце дореформенного периода значительного уровня. За десятилетие с 1845 по 1855 год вывоз морем из Дербента в Астрахань увеличился в тоннаже: сушеных груш почти в 2,5 раза, грецких орехов – свыше 4-х раз, марены – больше чем в 1,5 раза⁵.

Усиливалась роль Порт-Петровска в торговых связях с народами северокавказского региона и Россией. Согласно правительственному указу от 24 октября 1857 г. в целях «развития торговли и промышленности на северо-западном берегу Каспийского моря» Порт-Петровск стал городом, а лицам, желавшим в нем

¹ Цит. по кн.: История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 127.

² Там же. С. 127.

³ Там же. С. 127.

⁴ История Чечни. Грозный, 2008. Т. 1. С. 400.

⁵ Кавказский календарь на 1858 год. Тифлис, 1857. С. 338.

поселиться, были предоставлены льготы и преимущества¹. В городе появились купеческие дома, торговые лавки, магазины и складские помещения сюда из окрестных далеких мест переселялись люди, которые стали заниматься виноградарством, ремеслами, рыболовством, торговлей, перевозкой грузов. В Порт-Петровске создаются два рейда, один для купеческих судов, другой казенный, где останавливались суда с военными снаряжениями и съестными припасами².

Следует отметить, что долгое время, до появления в последней четверти Владикавказской железной дороги, перевозкой грузов в регионе за плату на дальние расстояния в основном, как уже отмечалось, занимались ногайцы. Так, в 1803 г. главному приставу ногайцев предлагалось «для развозки со Сладкоеричной пристани провианта» нарядить от кизлярских ногайцев до 2 тыс. арб «за обыкновенную плату 1,5 коп. на версту и арбу»³. Кроме того, в середине XIX в. для доставки грузов до станицы Екатериноградской и Владикавказа осетины, ногайцы, ингуши, русские выставили до 6 тыс. подвод⁴.

Необходимо указать, что с середины XIX в. транзитные торговые пути стали проходить через порты и пристани на Каспийском, Черном и Азовском морях.

Следует подчеркнуть, что в первой половине XIX в. большую роль в экономических связях Дагестана с народами Северного Кавказа и Россией играла Серебряковская пристань, расположенная на западном берегу Каспийского моря, севернее устья р. Терек. Значение Серебряковской пристани стала возрастать с начала второй трети XIX в.⁵ В середине XIX в. на эту пристань приходили не только купеческие товары, но и казенный провиант. Так, в 1857 г. к Серебряковской пристани прибыло из разных мест 563 купеческих судов, доставивших на Северный Кавказ около 97 тыс. четвертей муки, круп, 500 четвертей овса, 1200 тю-

¹ АКАК. 1904. Т. 12. С. 415.

² Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. М., 1862. № 3. С. 305.

³ ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁴ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. Л. 116.

⁵ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. С. 76.

ков рогожных материалов, досок и др.¹ Как выше указывалось, ногайцы своими арбами за плату доставляли весь этот груз к месту назначения по всему северокавказскому региону.

Выше отмечалось, что с открытием меновых дворов в конце XVIII в. народы региона были поставлены в жесткие условия, стеснены в своих торговых операциях обязательностью обмена своих товаров только в определенных местах. Обмен товаров совершался под непосредственным присмотром представителей российских властей, которые вместе с чиновниками меновых дворов зачастую прибегали к различным злоупотреблениям с целью наживы и обогащения. На меновых дворах всячески обманывали неискующих в торговых операциях местных жителей, сбывая им часто залежалый товар по завышенным ценам. Возникновение меновой торговли обнажило колонизаторскую сущность экономической политики царизма на Кавказе, что выразилось, прежде всего в том, что народы Дагестана и Северного Кавказа должны были, прежде всего, покупать соль, муку и другие товары за деньги, а сбывать свою продукцию только путем обмена товара на товар.

Нередко, чтобы избежать уплаты таможенных пошлин местные жители прибегали к обходным путям. Для обслуживания этой торговли из местных людей появились специальные проводники, водившие торговые караваны обходными путями и получавшие за это хорошее вознаграждение.

Меновые дворы, несмотря на то, что они носили по своей сущности колониально-грабительский характер, все же сыграли некоторую положительную роль в торговых отношениях народов региона между собой и Россией. В 1811 ген. А.П. Тормасов отмечал об этом военному министру Барклаю де Толли, что на меновые дворы обитатели Кавказской губернии «весьма охотно начали доставлять хлеб к карантинам, в тех местах учрежденных, и взаимно с горцами выменивают произведения и изделия свои при существенном обхождении и обоюдной доверенности»².

¹ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 586. Л. 4, 15-17.

² АКАК. Т. 4. С. 929.

Как известно, в результате сооружения в 70-80-х гг. XVIII в. сплошной кордонной Азово-Моздокской линии в регионе выросли города-крепости Георгиевск, Ставрополь, Екатеринодар и др.

Российские власти, рассматривая и торговлю как средство укрепления своих политических и экономических позиций на Северном Кавказе, как орудие давления и воздействия на местных народов, всячески регламентировало обменную торговлю с ними. Поэтому, в 1780 г., например, предлагалось проводить меновую торговлю только в городах, в частности, Екатеринодаре, Ставрополе и др. В указе от 3 мая 1785 г. об открытии Кавказского наместничества также говорилось о необходимости заводить города для «развития торговли» с жителями края¹.

Местные народы приезжали с крупным рогатым скотом, лошадьми, овчинами, зерном, фруктами и пр. в эти российские города, чтобы продать или обменять «у казаков соль, рыбу, хлопчатобумажные ткани, железо, чугун, свинец»².

Как выше указывалось, равнинные районы Дагестана, Чечни обладали излишками хлеба, поступавшими на рынок. Засулакская Кумыкия, находившаяся в плодородном Терско-Сулакском междуречье, являлась одним из основных поставщиков хлеба на Северном Кавказе³.

В 1810 г. российскими властями было принято решение вернуть меновую торговлю с местными народами на Кавказской линии. Для этого в 1811 г. на ней было учреждено 6 меновых дворов: Усть-Лабинский, Прохладненский, Прочноокопский, Константиногородский, Лашуринский и Наурский. Кроме того, на территории Чернорского казачьего войска существовали «войсковые» меновые дворы: Екатеринодарский, Редутский, Славянский и др.⁴ В 1845 г. по просьбе кабардинских владетелей Атажу-

¹ Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 53.

² АВПРИ. Ф. Кумыцкие и Тарковские дела. Оп. 121/1. Д. 1. 1759 г. Л. 2.

³ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 107-108.

⁴ Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказе (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). С. 35.

кина и Хахандукова был открыт меновой двор при Баталпашинской карантинной заставе¹.

Местные товары разрешалось принимать в этих пунктах и также отпускать народам региона российские товары в соответствии с тарифом, исключая золотые, серебряные и медные монеты, банковские ассигнации, огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец².

В своем рапорте ген. Торماسову от 19 января 1811 г. ген. Дельпоццо отмечал, что адыги, осетины, кумыки и «мирные» чеченцы более предпочитают сами привозить свои товары в Кавказскую линию и продавать их по сходной цене, да и с российской стороны гораздо выгоднее покупать их из первых рук, нежели от перекупщиков (армян и грузин), которые продают вымененные у местного населения вещи русским переселенцам по двойной цене³.

Следует отметить, что право свободной торговли в кордонных укреплениях и казачьих станицах российская администрация предоставляла, как своеобразную привилегию, для народов региона, привлекая тем самым на свою сторону местную знать. Северокавказским владельцам Б. Ханмурзину, К. Касаеву и Т. Казанищеву в 1811 г. была дана российским правительством особая грамота с разрешением ездить для торгова в Кизляр и Астрахань⁴.

Необходимо подчеркнуть, что российскому правительству так и не удалось до конца монополизировать меновую торговлю с местным населением, торгово-экономические взаимоотношения между народами Дагестана и Северного Кавказа, а также с Россией в больше и больше расширялись благодаря ярмаркам и другим формам товарного обмена.

Следует отметить, что торговля на меновых дворах по причине того, что мало доставлялось российских и иностранных товаров, а главным предметом обмена была в основном соль, стала постепенно затихать, а потом и прекратилась вовсе.

¹ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. С. 84.

² Там же. С. 35.

³ АКАК. 1869. Т. 4. С. 834; Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII веке. С. 141.

⁴ Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 62.

Особенно большое значение для местного населения имела соль – это действительно важный продукт, «к поддержанию жизни необходимый». В указе императрицы Екатерины II от 19 апреля 1793 г., отправленный командующему войсками на Кавказской линии ген. И.В. Гудовичу, содержится специальный пункт о снабжении солью народов региона. В нем, в частности отмечалось, что «для выгоды подданных наших кабардинцев, шамхала Тарковского – владельца дагестанского, осетинцев и других народов, за рр. Терекон и Малкою живущих, распорядить снабжением их солью из озер Можарских, близ р. Кумы, позади Кавказской линии находящихся, постановя также цену для них сходную; и в рассуждение, что все сии народы изобилуют более скотом и разными продуктами, нежели деньгами, устроить мену, где прилично»¹.

Кроме того, вайнахи в первой половине XIX в., как и ранее, покупали соль в Дагестане. Так, в одном архивном документе указывается, что «большая часть чеченцев и ингушей получала соль из Шамхальского владения соляного озера Турали, меняя оную на просо и хлеб»².

Зная, что проблема соли затрагивала интересы народов Дагестана и Северного Кавказа, российская администрация пыталась регламентировать её продажу через учрежденные меновые дворы и карантинные заставы, то есть создать монополию в соляной торговле. Так, в Кизляре существовало в исследуемый период множество соляных магазинов, где местные народы за деньги необходимое количество соли³. Кроме того российское правительство, зная о постоянной потребности населения региона в соли и пытаясь расположить к себе местных владельцев, 8 февраля 1812 г. издало распоряжение, по которому цена на соль не должна была превышать 45 коп. за пуд. с вычетом затрат на добычу и транспортировку⁴.

Следует отметить, что почти до конца XVIII в. главным мериллом, на который прикидывались цены кож, дров, меда, фруктов

¹ РДО. 1988. С. 225; Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. С. 125.

² Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 163.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 2. Д. 2492. Л. 97; Д. 2547. Л. 7.

⁴ АКАК. 1873. Т. 5. С. 851.

и т.д. служила соль. Кроме того, на меновых дворах местные народы могли покупать товары и за деньги, а сбывать свою продукцию имели только путем обмена товара на товар, в основном на соль. Её цена на меновых дворах составляла 20 коп. за пуд. Естественно, это вызывало недовольство местного населения. Российские власти, понимая, что соль играет большую роль в хозяйстве северокавказских народов, монополизировали соляную торговлю, строго регламентировали её продажу через меновые дворы и карантинные заставы.

Территория Северного Кавказа была оцеплена карантинными заставами. Был также запрещен свободный проезд через Кавказскую линию. Местные торговцы, едущие в русские станицы и города, подвергались карантинному очищению в течении определенного срока (более 1 месяца). Естественно, все это отрицательно сказывалось на снабжении местных жителей солью.

Необходимо отметить, что торговля солью, да и то по очень высокой цене, толкала местное население к расширению торговых отношений с османами, которые закупали её по относительно дешевой цене в центральных губерниях России или в других странах и продавали жителям Северного Кавказа, чем привлекали их на свою сторону¹.

Народам Дагестана и Северного Кавказа была невыгодной продажа своих товаров на меновых дворах, что часто вызывало с их стороны недовольство. Но все же местные народы стремились к торговле на меновых дворах между собой и русскими переселенцами. Кавказский гражданский губернатор в своем рапорте на имя главнокомандующего войсками на Кавказе докладывал, что меновые торги «... восприняли свое действие, тем более, что и обыватели охотно начали доставлять хлеб на промен и при карантинных, ...как оказалось по самоличному обозрению моему, часто бывает с обеих сторон великое стечение народа и взаимно выменивают здешние обыватели на хлеб, лес, арбы, мед, воск и другие необходимые изделия при дружественном и искреннем с обеих сторон доверенности»². Гражданский губернатор указывал также на то, что между местными жителями и русскими суще-

¹ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. С. 84.

² ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 233. Л. 140.

ствуют дружественные взаимоотношения¹. Следует указать, что большую роль в этом сыграли русские города и крепости, где местные жители и русские встречались во время торговых операций.

Претерпев эволюцию от укрепления – острога до города в социально-экономическом понимании слова, помимо своего военно-стратегического назначения, эти города (Кизляр, Моздок, Ставрополь, Георгиевск, Екатеринодар и др.) сыграли и посредническую роль, быстро становясь важными пунктами торгово-экономических и культурных связей с северокавказскими народами, способствуя их дальнейшему, более тесному сближению с русскими. С появлением этих новых городов в крае встречи местных народов с русскими на базарах и ярмарках стали теперь более регулярными, чем прежние эпизодические, а затем и просто обычным явлением. Ломались старые устои. Круг лиц, связанный с рынком, заметно увеличился. В торговые отношения уже вовлекались многие сельские труженики, которые раньше из-за дальности поездок не имели возможности участвовать в товарообмене в городах региона.

В последней четверти XVIII в. в России ведущей формой товарного обращения была периодическая, в особенности ярмарочная, торговля сельскохозяйственной продукцией и промышленными товарами.

Наиболее крупными в крае являлись ярмарки Кизляра, Ставрополя, Моздока. Например, ярмарки в Ставрополе собирались дважды в год (Троицкая – весной и Ивановская – осенью). Сюда съезжались торговцы из всех населенных пунктов Дагестана и Северного Кавказа, купцы из Москвы, Ростова, Воронежской, Курской и Екатеринодарской губерний². В 1849 г. на Кавказской линии и в Ставропольской губернии состоялась 41 ярмарка. Так, только на 21 ярмарке в Ставрополье было продано скота и лошадей на 1117307 руб., а торговый оборот на 29 ярмар-

¹ Там же. Л. 140.

² Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь, 1957. С. 62.

ках в станицах Кавказского линейного войска составил 639382 руб.¹

Жители Дагестана, принимавшие активное участие в ярмарочной торговле в городах, пригоняли сюда для продажи крупный рогатый скот, лошадей, овец, привозили продукты животноводства, фрукты, ювелирные украшения, изделия ремесла, мед, воск и др., взамен они получали пшеницу, муку, ткани, металлические предметы и другие промышленные товары².

В конце 20-х гг. XIX столетия наблюдается некоторое оживление ярмарочной торговли в Моздоке и Георгиевске. На ярмарку, состоявшуюся осенью в 1829 г. в Моздоке было привезено товаров российской промышленности на сумму более 168 тыс. руб. Кроме того, на эту ярмарку были завезены европейские товары на 8903 руб., турецкие на 15720 руб.³ Ярмарки эти играли огромную роль в деле постепенного вовлечения местных жителей в рыночные связи, развития торгово-экономических контактов между Дагестаном и народами Северного Кавказа, а также и Россией.

Начальник Черноморской береговой линии ген.-л. Н.Н. Раевский в рапорте командиру Отдельного Кавказского корпуса ген. Е.А. Головину летом 1839 г. указывал, что «торговля, сближая горцев с нами, доставляет огромные выгоды гарнизонам и уменьшает контрабанду. Уничтожение торговли и перемена всей системы лишает нас плодов, уже приобретенных, снижает доверие к нам горцев, покажет нашу слабость, повлекут за собой бесчисленные и грязные злоупотребления, неразлучные с ... войной»⁴. Он также не раз докладывал российскому правительству, что с развитием торговли на восточном берегу Черного моря регион начнет в изобилии производить виноград, шелк, оливки, рис, хлопок⁵. Кроме того, Н.Н. Раевский по своему личному почину начал посадки пробочного дуба, чайных, кофейных, кам-

¹ Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. Ростов н/Д. 1977. С. 192.

² ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 945. Л. 29-31.

³ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. С. 49.

⁴ Голубов С.Н. Солдатская слава. Краснодар, 1983. С. 301-303.

⁵ Там же. С. 305.

форных деревьев и льна. Император Николай I хорошо понимал, что ген.-л. Н.Н. Раевский дает дельные советы. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что просьба начальника Черноморской береговой линии об отпуске ему 2 тыс. пуд. соли для начатия торговли гарнизонов с местными народами была удовлетворена¹.

В 1841 г. ген.-м. Г.А. Рашпиль был назначен командиром Черноморской кордонной линии, а в 1844 г. он стал наказным атаманом Черноморского войска. Приступив к исполнению своих обязанностей в Черномории, он обратил внимание на развитие русско-закубанской торговли. Весной 1845 г., получив поддержку наместника Кавказа М.С. Воронцова, Рашпиль Г.А. открыл у меновых пунктов ряд постов кордонной линии воскресные базары местных народов – сатовки для обмена зернового хлеба на лес². Также наказной атаман получил официальное разрешение российских властей на предоставление местному населению Закубанья права свободной беспошлинной торговли на Благовешенской весенней ярмарке в Екатеринодаре³. Известный кубанский историк XIX в. И.Ф. Щербина писал: «с 1845 г. начался новый период в истории торговых отношений русских с горцами. Мирным горцам был открыт доступ на русские ярмарки»⁴.

В 1846 г. вышло новое «Положение» о меновой торговле. Так, согласно наставления о меновой торговле, посланном на имя смотрителя Прохладненского карантинного коллежского асессора Ахвердова отмечалось: «начальное действие менового торга с горцами будет до времени ограничиваться выпуском к ним с нашей стороны одного хлеба, в коем они имеют вообще недостаток»⁵. После утверждения «Положения» ситуация должна была поменяться в лучшую сторону: «Предметами менового торга с горцами, кроме соли, доставленной от казны, могут быть все во-

¹ Там же. С. 308.

² Мошкович Г.Г. Генерал-лейтенант Г.А. Рашпиль и его роль в решении проблемы межнациональных отношений в период Кавказской войны (1817-1864) // Кавказская война. Уроки и современность. Материалы научной конференции. Краснодар: Изд-во КГУ, 1995. С. 164.

³ Там же. С. 167.

⁴ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. 1913. Т. 2. С. 96.

⁵ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 233. Л. 33.

обще товары и вещи, дозволенные к привозу горцами из России... Предметами торга горцев с русскими промышленниками могут все вообще товары горского происхождения ..., дозволенные к без пошлинному провозу в Россию»¹.

Таким образом, экономическая жизнь в середине XIX в. приобретает новые черты, товарно-денежные отношения расширяются, усиливается проникновение к народам региона товаров российской промышленности. Однако, этот процесс был неравномерным и неодинаковым для всех районов региона. И те меры, которые были приняты российским правительством по расширению свободной торговли в крае, явились результатом как давления со стороны нарождавшейся русской буржуазии, так и обострения классовой борьбы местного населения.

Наряду с ярмарочной торговлей в городах Дагестана и Северного Кавказа, а также в ряде крупных сел и станиц (Тарки, Эндирей, Аксай, Гудермес, Брагуны, Старый Юрт, Наурская и др.) функционировали еженедельные базары, имевшие важное значение во внутренней торговле, втягивания в неё все больше местных народов, служившие средством осуществления экономических связей города с сельской местностью².

Большая часть внешней торговли Северного Кавказа проходила через Дербент, Тарки и другие торговые центры прикаспийской части Дагестана³. В Дербенте имелись торговые ряды русских, северокавказских, южнокавказских и иранских купцов. Хотя торговля по Каспийскому побережью, на протяжении рассматриваемого времени сокращалась, она все же являлась важной частью внешней торговли Дагестана и Северного Кавказа со странами Южного Кавказа и Ближнего Востока.

¹ Цит. по: Гарунова Н.Н. Роль меновых дворов в развитии торговли России с народами Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в. // Россия и Кавказ: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19-20 июля 2012 г. Махачкала, 2013. С. 236.

² История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. С. 119; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 164-165.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 385.

В конце XVIII – первой половине XIX в. все большее значение приобретают причерноморские порты Северного Кавказа – Тамань, Темрюк, Анапа.

Пунктами берегового обмена на кавказском побережье являлись устья рек, имевшие удобные пристани для турецких судов. Таковыми были места впадения в Черное море Мезыба, Туапсе, Сочи, Хосты и др.¹ До установления российского контроля на восточном берегу Черного моря османские купцы вели активную торговлю в Анапе и Суджук-кале². Так по свидетельству В.С. Шамрая, до 1827 г. из Анапы ежегодно отправлялось от 100 до 150 тыс. шкур заячьих и до 4 тыс. кабаньих, а также немалое число волчьих, лисьих, куньих и беличьих мехов³. Кроме того, часто появлялись османские купцы и в Геленджике.

В изучаемое время все большую роль во внешней торговле народов Дагестана и Северного Кавказа стала играть Россия. Это объяснялось не только усилением России в северокавказском крае и, следовательно, падением роли Персии, Порты и Крыма здесь, но и характером торговли. Об этом свидетельствуют многочисленные источники. Так, в сентябре 1827 г. на Новоекатери́нский меновый двор явилась группа адыгов (шапсугов), живших на реках Иль, Хабль, Вогундыр, Антхыр и Абин. Они просили разрешить им свободную торговлю на русских меновых дворах, находившихся напротив территории шапсугов. Последние считали более выгодным торговлю с Россией, нежели с Портой, по той причине, что «одни только достаточные (зажиточные – Д.К.) у них жители могут пользоваться меною от Анапы, доставляя им одно коровье масло, мёд, воск; бедные же, не имея у себя таких довольствий, должны для необходимых своих нужд и вымене от Анапы лишаться последнего своего имущества»⁴.

Население русских городов Северного Кавказа нуждалось в продуктах местных жителей, а народы края – в российских промышленных товарах первой необходимости. В расширении рос-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6247. Л. 8. об; ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 39. Л. 9. об.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 39. Л. 10.

³ Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т. 8. С. 460.

⁴ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 39. Л. 10 об.

сийской торговли на Северном Кавказе власти видели средство для распространения своего политического влияния в районе Черного и Каспийского морей. Неслучайно в «Положении» о меновой торговле с народами региона от 9 февраля 1846 г. прямо указывалось, что торговые связи устанавливаются для того, чтобы «посредством оных приобрести доверие горцев»¹.

В период Кавказской войны, некоторые представители военной администрации на Кавказе, например, командир Черноморской береговой линии ген. Н.Н. Раевский, ратовали за расширение торговли с народами региона, руководствуясь желанием заменить «пагубные военные действия» мирным сотрудничеством с местным населением в целях «насаждения гражданского благоустройства»². Он же в 1839 г. сообщал, что «во всех укреплениях горцы настоятельно просят о доставлении им холста, сатфьяна, турецких шелковых и бумажных тканей и о покупке у них кур, воска, мёда, мехов и бараньего сала»³. К сожалению, подобные рассуждения часто не находили сочувствия у правящих кругов России. Большинство высших чиновников России разделяло мнение начальника Кавказской линии ген. П. Граббе, который считал, что «миролюбивые сношения» с жителями края только «сделали их более дерзкими» и «уронили достоинство» российских властей на Северном Кавказе⁴.

Как бы в ответ на свой проект о расширении торговли с народами Северного Кавказа в 1839 г. ген. Н.Н. Раевский получил распоряжение от начальника Кавказской линии ген. П. Граббе «прекратить с горцами все мирные и торговые сношения»⁵. Необходимо отметить, что такие дискриминационные меры имели место и раньше (в 1796, 1822, 1830 гг.)⁶.

Спустя почти 10 лет, в 1850 г. была «по политическим видам воспрещена ... меновая торговля с горскими народами» на правом фланге Кавказской линии⁷. Немного позже, через 5 лет, в

¹ РГИА СПб. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 782-а. Л. 112.

² Там же. Д. 134. Ч. 3-а. Л. 11.

³ Там же. С. 475.

⁴ АКАК. Т. 9. С. 248, 251.

⁵ Там же. С. 252.

⁶ Кубанский сборник. Екатеринодар, 1901. Т. 8. С. 372, 382.

⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2294. Л. 242.

1854 г. всякие торговые связи с местными народами на Кубани и Черноморском побережье были прерваны в связи с Крымской войной. И только в 1859 г. они были разрешены там лишь «в пяти пунктах кордонных постов»¹.

Следует также указать, что развитию торгово-экономических связей России с народами региона препятствовали и другие обстоятельства. Среди них нужно отметить попытки ограничить эти связи тесными рамками откупной системы. Меновые дворы отдавались на откуп неоднократно. Так, в 1811 г. два меновых двора на Северо-Западном Кавказе были отданы на откуп купцам С.Сыромятникову и С.Антиномову из Курска². В 1853 г. была отдана на откуп продажа казенной соли в Ставропольской губернии с передачей всех запасов соли по меновым дворам Кавказской линии³. Естественно, откупная система ещё более сковывала развитие торгово-экономических взаимоотношений переселенцев из внутренних губерний России и приезжавших оттуда русских купцов с местными жителями края.

Необходимо указать, что несмотря на все эти ограничения торгово-экономическая жизнь Северного Кавказа неуклонно развивалась. Так, например, в 1856 г. командир карабинерского Эриванского полка де-Саже отмечал, что «кто посещает Кавказ – с приездом в Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск, Владикавказ, Грузию и проч., – видит города, оживленные торговлей и русской жизнью»⁴.

Следует отметить, что в отличие от торговли с шахским Ираном или Османской империей, торговля с Россией доставляла местному населению прежде всего товары широкого потребления (хлопчатобумажные ткани, холст, металлические изделия, хлеб). А из Ирана и Турции везли парчу, бархат, шелк, дорогие пряности. Кроме того, в торговле с Османской империей, наиболее ценным товаром были рабы. Большую роль в поддержании работ торговли на Северном Кавказе играло Крымское ханство⁵. Из од-

¹ Там же. Л. 242.

² Там же. Д. 650. Л. 1.

³ РГИА. СПб., Ф. 1268. Оп. 1. Д. 728-а. Л. 138.

⁴ АКАК. 1888. Т. 11. С. 449.

⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 386.

ной лишь Новороссийской бухты, по сведениям С. Пушкарева отплывало во время господства османов ежегодно до 120 больших кораблей, везших местные продукты в Порту¹. Большое место в этой торговле занимал вывоз невольников. Немалое количество судов, груженных местным сырьем, покидало берег Северо-Западного Кавказа и плыло в Англию².

Успешному развитию османской торговли на Северо-Восточном побережье Черного моря весьма благоприятствовало то обстоятельство, что вплоть до 1829 г. территория, согласно существующим международным договорам, считалась владением Османской империи. Порты всячески поощряла торговое проникновение на Северо-Западный Кавказ, считая его одним из важных средств для утверждения своего политического влияния среди местных народов.

Такие формы торговли с османами не могли способствовать соединению народов и стран. Естественно поэтому, местные народы желали «пользоваться от России производством мены разному товару невозбранно без всякой обиды». Депутация уважаемых шапсугских старейшин, о которых выше отмечалось, явившись вторично 24 октября 1827 г. на Новоекатери́нинский пост, заявила, что адыги-шапсу́ги отказываются от османского подданства и присяги, принесённой ранее султанскому паше в Анапе «желают к России быть приверженными»³.

Таким образом, народы Северного Кавказа, не идеализируя «благодетелей» царских властей, тем не менее охотно шли на взаимовыгодную торговлю.

Следует отметить, что торговля народов Северного Кавказа с Персией, Портой и Крымом, по существу, сильно сокращала круг торговцев, участвовавших в операциях, замыкая его рамки крупной северокавказской аристократической верхушкой. Естественно, такая торговля с восточными странами не отвечала инте-

¹ Пушкарев С. Обзор торговли Новороссийска // Кавказ. 1849 г. № 9.

² Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. М., 1940. Т. 9. С. 155.

³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1003. Л. 94-95.

ресам основной массы населения Северного Кавказа, тормозила развитие производительных сил края¹.

Торгово-экономические связи имели прогрессивное значение для народов Северного Кавказа, поскольку они стимулировали рост местного производства, и в этом отношении они принципиально отличались от торговли с персидскими, османскими и крымскими купцами. На свои ремесленные изделия, скот, хлеб, меха, фрукты, овчины, народы Северного Кавказа приобретали у русских не только соль, но и предметы первой необходимости, легкий и дешевый ситец, холст и другие ткани, различные орудия производства. Естественно, местные народы больше тянулись к развитию торговых отношений с Россией, несмотря на сложность политической обстановки и антироссийскую пропаганду со стороны Персии и Османской империи².

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 386.

² Там же. С. 386.

ГЛАВА III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XVIII – середина XIX в.)

§ 1. Народы Северного Кавказа в системе политических взаимосвязей в первой половине XVIII в.

Интерес к Кавказу – необычайно живописному и богатому природными ресурсами и разнообразным ландшафтом краю всегда очень высок. За обладание этим важным стратегическим и геополитическим регионом соперничали многие великие державы.

На исторические судьбы народов северокавказского региона в рассматриваемый период ещё в большей степени, чем ранее, оказывала влияние сложная международная обстановка.

В конце XVII – начале XVIII столетия народы Северного Кавказа оказались в орбите международных интересов Порты, Персии и России. Россия твердо отстаивала свои интересы в крае, что было непосредственным образом связано с необходимостью обеспечения военно-политической и экономической безопасности на южных рубежах. Кроме того, особое значение приобретало утверждение Российского государства на Каспии. Это дало бы возможность вести всю европейскую торговлю с восточными странами через территорию России.

Султанская Турция, оставаясь одной из сильнейших военно-феодальных держав, усиливала свою военно-политическую экспансию на Кавказе и на юге Российского государства в связи с приходом к власти представителя наиболее агрессивных кругов османской знати – султана Ахмеда III (1703-1730 гг.). С самого начала своего правления новый турецкий правитель встал на путь завоеваний. При султанине Ахмеди III была построена крепость Еникале на побережье Черного моря. Кроме того, была сильно укреплена Керчь.

Турецкий султан разослал своих эмиссаров на Северный Кавказ (Дагестан, Чечню, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Адыгею) – с целью проведения активной антироссийской пропаганды. Одной из ближайших задач Порты ставила воз-

врат Азова. Потеря османами в войне с Россией Азова и появление русского флота в Азовском море заставила османское правительство особенно усиленно добиваться захвата Северного Кавказа и подчинения своей власти местных народов¹.

Северокавказский край нужен был османам как опора для его завоевательной политики, а также как противодействие росту влияния России в этом регионе².

Такая политика турецкого султана Ахмеда III вызвала всплеск агрессивной активности крымских ханов. Крымские правители почти ежегодно совершали разорительные походы на Северный Кавказ (в частности на Кабарду в 1700 и 1701 гг.)³.

В 1702 по приказу султана Турции был смещен крымский хан Девлет-Гирей. Это привело к восстанию в Крымском полуострове и на Кубани против османов. Восстание было подавлено, а крымский хан укрылся в Кабарде⁴.

Вскоре османское правительство потребовало от нового крымского хана Салам-Гирея направить крымских татар и ногайцев в поход на Кабарду. Этот поход против кабардинцев состоялся летом 1703 г. во главе с калгой (второе лицо в государстве – Д.К.) Гази-Гиреем⁵.

Между тем в 1704 г. некоторые вайнахские и кумыкские владетели намеревались заключить с крымским ханом союз с целью уничтожения русских укреплений на Тереке⁶.

Следует отметить, что с начала XVIII столетия в условиях, когда султанская Турция всячески стремилась развивать свою военно-политическую экспансию в регионе, вопрос о Дагестане и Кабарде имел огромное значение, особенно в связи с тем, что через эти территории проходили важнейшие стратегические пути: дарьяльский, соединяющий северокавказский край с Южным

¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. С. 58.

² Там же. С. 58.

³ Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII веков // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 34.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. С. 704.

⁶ Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII-20-е годы XIX в. С. 182.

Кавказом, и региональный, соединяющий Прикаспие с Причерноморьем. Поэтому ещё царь Петр I потребовал у местных владельцев подтверждения их обязательств о верности Российскому государству. В это же время часть адыгских владельцев во главе с Али-Мурзой обратились к азовскому губернатору Ф. Апраксину с предложением заключить военный союз против Порты¹.

Весной 1708 г. по требованию Порты крымский правитель Каплан-Гирей вторгся в пределы Кабарды с войском, состоявшим из крымских татар, турок и ногайцев, численностью более 20 тыс. человек². В этом походе, окончившемся полным поражением крымцев, вынуждены были принять участие некоторые адыгейские и ногайские отряды³. В ходе нашествия крымцев произошла Канжальская битва. В этом кровопролитном сражении победу одержали кабардинцы. Погибло почти всё крымское войско, в Крым вернулось не более 5 тыс. человек⁴. Следует отметить, что поражение крымцев в 1708 г. было выгодно Петербургу. Воевавший с Россией шведский король Карл XII не мог уже в этих условиях привлечь на свою сторону Крым, что было важно в условиях многолетней Северной войны.

Необходимо отметить, что слабость позиций России на Северо-Западном Кавказе дала возможность Крыму с помощью султанской Турции укрепить свое политическое влияние среди западных адыгов и ногайцев. Они платили крымскому хану дань (в частности рабами) и должны были поставлять значительные контингенты войск в случае военных действий.

В 1707 г., узнав от терских ногайцев, что калмыцкие улусы появились близ Терека, чеченцы совместно с ногайцами и кумыками выступили против калмыков, но те успели перекочевать к Волге⁵. В следующем 1708 г. около 700 ногайских воинов участ-

¹ История Кабарды. М., 1957. С. 58.

² Сокуров В.Н. Указ. соч. С. 55.

³ Главани К. Описание Черкесии 1724 г. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. XVII. С. 20-21.

⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. 1708 г. Л. 437; Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII-20-е годы XIX в. С. 182.

⁵ История Чечни. Т. 1. С. 371; Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – нач. XX в. Махачкала, 2008. С. 170; Махмудова К.З. Повстанческие движения и военно-политический вектор

ует в восстании чеченцев. Местные народы подверглись карательным акциям Петра I, обязавшего калмыцкого правителя Аюку послать войска и разорить «чеченцев и терских ногайцев» в отместку за участие в восстании¹.

В годы Северной войны российское правительство внимательно следило за развитием событий в Персии. В первой четверти XVIII в. шахский Иран переживал глубокий экономический и политический кризис. Все возростающая феодальная эксплуатация крестьянства, трудового населения городов привели к подрыву сельского хозяйства и ремесла. Иранское государство подрывали также непрекращавшиеся феодальные междоусобицы, коррупция, разложение шахского двора и т.д. Пользуясь сложившейся ситуацией, султанская Турция решила осуществить свою давнюю мечту: прибрать Кавказ к своим рукам. Об этом хорошо знала Россия.

Российское правительство не собиралось уступать никому этот важный в стратегическом отношении край, который обеспечивал безопасность южных границ Российского государства, а также служил надежным плацдармом для связи с народами Южного Кавказа. А укрепление своих позиций в Дагестане открывало возможность для России контролировать всю европейскую торговлю с восточными странами. Не случайно Петр I ещё в 1700 г. дает указание астраханскому воеводе Мусину-Пушкину «завести дружественные и торговые сношения с дагестанскими горцами»². Одновременно российские власти, учитывая осложнившуюся обстановку в связи с тем, что Порты «начинает помышление о войне», запросило азовского губернатора, «похотят ли они (северокавказские народы – Д.К.) с нами заодно быть»³.

политики Петра I на Северо-Восточном Кавказе накануне Каспийского похода // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха / Материалы международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». 25 мая 2012 г., г. Махачкала. Махачкала, 2012. С. 188.

¹ Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001. С. 345.

² Исторические сведения о местах, на которых основан город Петровск // Кавказ. 1869. 14 декабря. № 147.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 408.

Совершенно очевидно, что утверждение Порты в Прикаспии не только ослабило бы сильно позиции Российского государства, но и создало бы реальную угрозу юго-восточным рубежам страны. Поэтому основной задачей похода Петра I на Кавказ было предотвратить овладение Османской империей Южного Кавказа и Прикаспия. К тому же в планах российского правительства Прикаспию отводилась важная экономическая роль. Россия с присоединением Прикаспийских областей надеялась обеспечить необходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность страны.

Российское правительство, в полной мере оценившее важность Северного Кавказа в борьбе с Портой и разваливающейся Персией, несмотря на занятость подготовкой в Прутском походе, нашло возможность направить 10-ти тыс. корпус в северокавказский регион, тем самым продемонстрировав нарастающую военную мощь Российского государства.

Для усиления влияния России в регионе в 1711 г. в Дагестан и Кабарду был направлен адыгский князь А. Бекович-Черкасский, находившийся на русской службе. В июне 1711 г. снабженный грамотой Петра I на Северный Кавказ прибыл А.Б. Черкасский. Основная цель миссии А.Б. Черкасского была помещать враждебным действиям кубанских владетелей, подданных султанской Турции¹.

По пути следования в северокавказский край А.Б. Черкасский побывал у калмыцкого тайши (правителя – Д.К.) Аюки и вел с ним переговоры об участии калмыцких отрядов в военных действиях против кубанцев². Кроме того, прибыв на Северный Кавказ, А.Б. Черкасский обратился к местному населению с призывом объединения в борьбе против султанской Турции и Крымского ханства³. Адыгский князь в своем обращении, напомнив местным правителям об их многочисленных жалобах на султанскую Турцию и её вассала – Крымского ханства, а также об обещании Петра I защитить их от недругов, посоветовал: «... вам

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 2. Вып. 1. С. 122-123.

² Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством С. 66.

³ РГАДА. Ф. 115. Д. 1. 1711 г. Л. 2-3.

надлежит к себе таковую его царского величества милость, в начале показати к нему, великому государю, свою службу и, собрав войска свои, итти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск»¹. О пророссийской ориентации местного населения указывает тот факт, что летом 1711 г. северокавказцы вместе с российскими войсками предприняли поход на Кубань против крымцев².

В конце августа 1711 г. северокавказский отряд под командованием А.Б. Черкасского встретился в бою на землях кубанцев с 15-тыс. кубанскими войсками крымского царевича Нурадина. Для адыгов это сражение закончилось успешно. После этой битвы отряд А.Б. Черкасского углубился в Прикубанье³. А.Б. Черкасский ждал вестей от казанского губернатора П.М. Апраксина, с которым совместно действовали отряды казаков и калмыков. Черкасский хотел договориться с казанским губернатором о совместных действиях. По замыслам А.Б. Черкасского, П.М. Апраксин должен был нанести удар по крымским войскам в Закубанье с северо-востока⁴. Однако П.М. Апраксин не выполнил данного обещания и повернул назад.

Почти год пробыл А.Б. Черкасский на Северном Кавказе⁵.

Между тем Порты и Крымское ханство продолжают вести подрывную деятельность в регионе, стремясь ослабить здесь влияние России, разобщить местные народы, противопоставляя их друг другу. Так, осенью 1712 г. адыгские послы в Посольском приказе говорили о попытках Крыма склонить дагестанских владетелей Султан Махмуда, Адиль-Гирея «и других тамошних» кумыкских князей к совместному нападению на Кабарду для приведения адыгов в подданство Крымского ханства⁶.

Весной 1714 г. Петр I предложил Правительствующему Сенату учинить совет, «каким образом их (северокавказские народы

¹ КРО. Т. 2. С. 4-5.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 408.

³ История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 118.

⁴ РГАДА. Ф. 115. Д. 1. 1711 г. Л. 2-3.

⁵ Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. С. 67.

⁶ КРО. Т. 2. С. 11.

– Д.К.) к нашей стороне склонить». На рассмотрение Сената была представлена обстоятельная справка, в которой содержалась характеристика политической обстановки, сложившейся на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, в результате происков султанских эмиссаров в крае¹. В документе обращалось внимание российского государя на агрессивные планы султанской Турции по отношению к региону, в том числе и Дагестану, указывая, что османы пытаются на Северный Кавказ «волю свою привести». Поэтому Сенат советовал государю не допустить султанской Турции покорить край, а также обращалось внимание на то, что утверждение Порты в Прикаспии будет представлять серьезную угрозу южным рубежам страны².

В 1715-1718 гг. военно-политическое и экономическое обследование Северо-Восточного Кавказа производил А.П. Волынский. Он предлагал Петру I «кумыцкий народ» принять в подданство России³.

Как выше отмечалось, владельцы Дагестана, земли которых были близки к южным границам России, поддерживали с ней тесные торгово-экономические связи, некоторые из них ориентировались на Россию и обращались к ней с просьбой принять их в своё подданство.

В 1717 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей обратился к российскому государю «с неприятельными вашим противися от сердца желаю..., я от него, шаха, отложился и к вам, российскому государю, поддался и службу принял». Дальше Адиль-Гирей пишет: «и ныне в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаги, и казикумуки, и их сильные князи и начальники и старшины здесь суть согласившись вашу службу принять поддались»⁴.

С такой же просьбой тарковский правитель обратился и в 1719 г. Вслед за ним к российскому правительству и другие вла-

¹ РДО. 1988. С. 4.

² Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. С. 614.

³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 104.

⁴ РДО. 1958. С. 225-226; Абдусаламов М.П. Тарковский шамхал Адиль-Гирей в планах России на Кавказе в начале XVIII в. // Вопросы истории. № 10. М., 2011. С. 134.

детели Засулакской Кумыкии¹. В конце августа 1720 г. адыгские князья во главе с А. Кайтукиным сообщили Петру I о совместном походе с донскими казаками против «недругов», о нападении на них крымцев и разорении их и просили прислать на помощь терских и донских казаков и кумыков»². Как выше указывалось, в этот период Россия была занята Северной войной. Поэтому победоносно завершив в 1721 г. Северную войну, российское правительство решило добиться присоединения прикаспийских владений к Российскому государству. К маю 1722 г. была завершена подготовка к Каспийскому походу. 27 июля 1722 г. российские войска высадились в Аграханском заливе³.

Следует отметить, что Каспийский поход (1722-1723 гг.) Петра I не приобрел тех масштабов, которые планировались перед его началом. Для Российского государства было важно в тот период не оказаться втянутой в военный конфликт с султанской Турцией, которую обеспокоил выход русских войск в Прикаспие. Однако этот поход позволил царю Петру I, первому из российских правителей по настоящему оценить стратегическое значение кавказского региона в борьбе с Портой.

Именно тогда, с возникновением восточного вопроса, ставшего одним из важнейших в доктрине России, встал вопрос о присоединении Кавказа к России.

В ходе Каспийского похода на территории Дагестана была заложена очень важная в стратегическом отношении крепость Святого Креста⁴. Постройка этой крепости свидетельствовала о попытке России усилить свои позиции на Северном Кавказе. К 1724 г. было завершено строительство крепости Святой Крест, куда был переведен гарнизон и жители Терского города. По указу Петра I «от крепости Святого Креста по Аграхани» было поселено 1 тыс. семей донских казаков⁵. У крепости Святой Крест поселились после упразднения крепости Терки выходцы из северо-

¹ РДО. 1958. С. 227-240.

² КРО. Т. 2. С. 154.

³ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723 гг. М., 1951. С. 121; Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала, 2008. С. 99.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 32-33.

⁵ РДО. 1958. С. 280.

кавказских народов (народы Дагестана, вайнахи, адыги и др.), которые образовали здесь «татарскую слободку»¹. Кроме того, в самой крепости вместе с русским гарнизоном было оставлено 4300 кабардинских людей князя Эльмурзы Черкасского².

Постройка крепости всего в 40 км от Тарков обеспокоила тарковского шамхала, что было использовано османами. Сооружение крепости Святой Крест, – писал И.Гербер, – шамхалу «сумнительно и для других всяких дел, которые он себе в обиду почел, а больше для шемахинского хана ... и турков, которые его подговаривали, чтоб он российскую партию оставил, их правительству внял, и притом обещали ему не только яко правоверному мусульманину против России сильною рукою охранить и оборонять»³.

Осенью 1725 г., чтобы наказать шамхала, был отправлен отряд под командованием ген.-м. Кропотова. Кропотков разорил «Усмийскую, Тарковскую, Ирпелинскую и многие другие деревни, ... рассеял ногайцев, ... изменивших России»⁴. Вскоре, ногайцы «некоторые опять в жилища возвратились, к крепости Святого Креста»⁵.

Союзник тарковского шамхала Адиль-Гирея – кабардинский князь А. Кайтукин не оказал ему поддержки, в связи с чем шамхал был вынужден обратиться за помощью к Крыму, но её он не получил. После этого, в сентябре 1725 г., поддавшись уговорам кабардинского владельца А.Кайтукина, шамхал Адиль-Гирей прибыл в лагерь российских войск за прощением. Однако Адиль-Гирей был арестован и сослан в Архангельскую губернию, где и умер⁶.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 118.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 82.

³ Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 72.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 81; Абдусаламов М.-П.Б. Чекулаев Н.Д. Выступление шамхала Адиль-Гирея Тарковского в 1725 г. против российского военного присутствия в Дагестане и начало Кавказской войны // Вестник Крас. ГАУ. Вып. 12. Красноярск, 2013. С. 277.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 83.

⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 82-83; Абдусаламов М.-П.Б. Из истории военного конфликта шамхала Адиль-Гирея Тарковского с царской администрацией на

После смерти императора Петра I в России началась борьба различных группировок за власть, заметно ухудшилось внутреннее и международное положение страны. В этой обстановке встал вопрос, как быть с прикаспийскими провинциями Кавказа. Часть правящей верхушки Петербургского двора высказывалась за возвращение их шахскому Ирану. В то же время Петербург, опасаясь вторжения османов, воздерживался от немедленной передачи Прикаспия Персии¹.

Между тем, под влиянием европейских держав (Англии и Франции) 12 января 1732 г. был подписан Керманшахский договор между султанской Турцией и шахским Ираном, по которому шах уступил султану Тифлис, Ереван, Шемаху с Ширванской областью и Дагестан².

Следует отметить, что в конце 20-х – начале 30 гг. XVIII в. положение в Иране несколько стабилизировалось. Упорная и длительная освободительная борьба покоренных народов против турецких завоевателей позволила шаху Тахмаспу сохранить своё влияние в Персии, где на политическую арену выдвинулся талантливый полководец Надир. Последний, став всесильным регентом при малолетнем сыне Тахмаспа Аббасе III, 21 января 1732 г. подписал с Россией Рештский договор, а затем возобновил военные действия против Порты³. Необходимо отметить, что мирный трактат предусматривал важные территориальные уступки со стороны Петербурга⁴. Например, в договоре содержалось обещание вернуть Ирану Баку и Дербент, когда Надир оконча-

Кавказе: причины и последствия // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 4(88). Майкоп, 2011. С. 85.

¹ История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 356.

² Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 72; Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722-1735 гг.). Махачкала, 2008. С. 151.

³ Сотапов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой пол. XVIII в. Махачкала, 1989. С. 122.

⁴ Алиев Ф. М. Азербайджано-русские отношения (XV-XIX вв.). Баку, 1985. Ч. 1. С. 152; Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII-20-е годы XIX в. С. 262.

тельно освободит иранские земли от османов и утвердится на шахском престоле¹.

Необходимо указать, что подписание Рештского договора 1732 г. изменило соотношение сил на Востоке в пользу шахского Ирана, что вызвало ответную реакцию со стороны Порты. Стамбул, недовольный подписанием этого договора, способствовавшего сближению Персии с Россией, стал обострять обстановку на Северном Кавказе, провоцируя пограничные конфликты с помощью крымского хана Каплан-Гирея с запада и казикумухского владетеля Сурхай-хана с юга. По прямому подстрекательству Стамбула Бахчисарай выступил в претензиями на Кабарду и часть территорий адыгов на Северо-Западном Кавказе. Поддерживая эти притязания султанская Турция, ссылаясь на то, что «в реестрах при Порте находится», что Кабарда и Северо-Западный Кавказ «от сего хана зависят». Стремясь создать простор для агрессии крымского хана на Центральном Кавказе, османское правительство настаивало на провозглашении Кабарды нейтральной территорией. Естественно, российские власти не могли с этим согласиться и представили справку «О Кабардах Большой и Малой, о пребывании их в протекции или же в подданстве Российской империи»². Сам крымский правитель Каплан-Гирей выступил с угрозами «не токмо Кабарду разорить, но и в Россию татар и запорожцев послать», объявляя себя в «состоянии Россию плетми заметать»³.

Одновременно османы готовили Сурхай-хана для нападения на Дербент, Низовую и Кубу, чтобы местных жителей «пришед с войсками разорить ... и на свою сторону привести»⁴. Но выполнить казикумухскому владетелю эту задачу, вызвавшую недовольство своих подданных проосманской ориентацией, не удалось. Петербург, со своей стороны, в качестве ответных мер летом 1732 г. привел в боевую готовность российские войска на Дону и Тереке. Кроме того, Россия взяла Кабарду открыто под

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 122.

² Юдин П. Мурза Сюнчалей Янглычев // Русский архив. М., 1913. С. 160.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 90/1. Св. 33/в. Стб. 1. Д. 7. 1732 г. Л. 82, 318 с об.

⁴ Там же. Д. 11. 1732 г. Л. 58-59.

свою защиту. Османы вынуждены были отступить, обещая отпустить крымскому хану фирманы воздержаться от похода на Северный Кавказ¹.

Однако эти заверения Порты вовсе не означали отказа от своих замыслов в крае. Так, на Северо-Восточном Кавказе Сурхай-хан Казикумухский продолжал свои действия, направленные против России².

Между тем положение на Северо-Восточном Кавказе оставалось сложным. Надир, ставший фактическим правителем Персии, отверг Керманшахский трактат 1732 г. и стал готовиться к продолжению войны с султанской Турцией за возвращение захваченных османами персидских территорий, особенно в Дагестане и Ширване. Известия об этом, естественно, вызвали обеспокоенность правительства Порты. Так, в Бахчисарай был направлен срочный фирман турецкого султана быть готовым к предстоящей войне с персами³.

Для принятия общего командования над всеми османскими войсками на Кавказе был отправлен бывший великий визирь (глава правительства – Д.К.) Топал-Осман-паша. Вместе с ним Сурхай-хан также получил приказ быть со своими отрядами в боевой готовности, ожидая сигнала от султанских командующих. Получив конкретное предписание, крымский хан снова развернул активную деятельность в регионе, обратился с письмами к адыгским и кумыкским владельцам, призывая перейти на сторону Порты и Крымского ханства. Кроме того, по приказу хана Каплан-Гирея кубанский сераскер (командующий османской армией – Д.К.) Хаджи-Гирей обратился к находившимся в российском подданстве владельцам Северо-Западного Кавказа «с возмутительными письмами, чтоб они ... имели по единозаконству с нами салтаном сообщение и с неприятелями ... поступали неприятельски»⁴.

Необходимо указать, что действия Бахчисарая, выработанные в Порте, активно поддерживались и подталкивались Франци-

¹ КРО. Т. 2. С. 69-70.

² Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. С. 263.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 8. 1732 г. Л. 221.

⁴ Там же. 1732 г. Л. 64 об.

ей. Находившийся на французской службе венгерский майор барон Тотт, направленный в Крым со специальным заданием из Версаля, подготовил корпус крымской конницы для отправки через Кабарду, Чечню и Дагестан на Южный Кавказ. Французский посол в Турции Луи де Вильнев энергично настраивал нового великого визира Али-пашу Хаким Оглы против России. Следует отметить, что вопрос о походе крымцев через Северный Кавказ детально обсуждался с великим визирем с участием французского посла¹. Таким образом, над Северным Кавказом нависла угроза. Российский посланник в Порте И.И. Неплюев дважды заявил протест султанскому правительству, требуя оставить народы Северного Кавказа «в покое»².

Между тем к осени 1732 г. положение султанской Турции осложнилось. От правителя Багдада Ахмед-паши было получено известие, что Надир активно готовится к войне с османами³. Для борьбы с шахским Ираном в 1733 г. турецкий султан снаряжает в Южный Кавказ через Дагестан, сильный корпус из крымских татар, кубанских ногайцев и западных черкесов, во главе с Фетхи-Гиреем⁴.

В конце марта – начале апреля 1733 г. крымский хан от имени турецкого султана Махмуда I обратился с воззванием к северокавказским владетелям, склоняя их на свою сторону для содействия проходу крымских войск через Кабарду, Чечню и Дагестан⁵.

Следует отметить, что эти воззвания турецкого султана и крымского хана не встретили той поддержки среди местных народов. Воззвания, адресованные чеченскому владетелю Патуду, кайтагскому уцмию Ахмед-хану, эндиреевскому князю Айдемиру и сыну тарковского шамхала Хасбулату были вручены ген. В.Я. Левашову⁶.

¹ Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 88-89.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 93.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 48.

⁵ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 86; Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 2007. С. 77.

⁶ КРО. Т. 2. С. 79-80.

Между тем во время похода крымского хана в Дагестан крымцы прошли через земли кабардинских князей баксанской партии и сильно опустошили их. Российские власти не могли оказать помощь адыгам, и те вынуждены были признать покорность крымскому хану и обязались послать ему в Дербент отряд из 200 человек. Однако благодаря принятым мерам Левашова адыги не послали вспомогательного отряда крымцам. ген. Левашов обещал адыгским владетелям прислать на помощь 300 терско-гребенских казаков. Это позволило кабардинцам действовать более решительно против крымского хана¹.

Заклучив перемирие в феврале 1733 г. с Надиром, Порта стала форсировать поход крымцев через Дагестан. Вполне сознавая, что крымские войска должны пройти через российские владения или владения подвластных России адыгских, чеченских и дагестанских владетелей, что противоречило духу российско-турецкого трактата 1724 г., турецкий султан послал фирман (указ – Д.К.) хану Каплан-Гирею «чтоб немедленно послал татар в Персию тем путем, который он вновь усмотрел чрез кавказские горы»². Крымскому хану предлагалось «выступить против персов и привлечь себе горские племена Северного Кавказа от устья Кубани до русской границы и идти к Дербенту»³.

Таким образом, Северный Кавказ вновь выдвинулся на передний план в политике России и султанской Турции, став предметом острого спора между правительствами обеих стран. Следует отметить, что отстаивая свои интересы в крае, Россия брала под свою защиту кабардинцев, чеченцев, дагестанцев и другие местные народы⁴.

Не случайно по указанию своего правительства И.И. Неплюев проявил большую активность, чтобы разоблачить происки Порты и не допустить похода Каплан-Гирея через территорию Северного Кавказа. В начале марта 1733 г. российский посланник представил османскому правительству письменное «объявление» о том, что в тех краях «никакого иного пути к про-

¹ Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 165.

² АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 8. 1732 г. Л. 227.

³ Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. С. 77.

⁴ Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 95.

ходу нет, кроме лежащего через кабардинские, кумыкские и дагестанские места». Добившись в тот же день, 1 марта аудиенции у великого визира, И.И. Неплюев заявил, что «все эти места» находятся в подданстве России и «ни один татарин намеренным путём в Персию не дойдёт»¹.

Кроме того, российский посланник в Турции И.И. Неплюев отправил донесения принцу Людвигу Гессен-Гамбургскому в Кизляр, ген. Д.Ф. Еропкину в Святой Крест и ген. В.Я. Левашову в Гилян, предлагая им принять срочные меры, чтобы в случае приближения крымских войск «к кумыкам и прочим горским народам самим с войском выступить и татар ... оружием отвадить яко явных неприятелей»².

Пока шла словесная дуэль между правительствами России и Порты, на Северном Кавказе начались военные действия. 4 июня 1733 г. сопровождавший крымское войско Мустафа Ага обратился к стоявшему в гребенских городках ген. Д.Ф. Еропкину с требованием пропустить крымский корпус.

Получив отказ от российского командования с предупреждением, что дальнейшее продвижение крымских войск будет отращено «вооружённой силой», крымцы вынуждены были двигаться зигзагами³. Чтобы не встретиться с основными российскими отрядами, крымцы переправились через Терек выше гребенских городков во владения чеченских владетелей. Для преграждения пути крымским войскам ген. Д.Ф. Еропкин стал у р. Белой, куда прибыл с небольшим отрядом сам главнокомандующий принц Евгений Гессен-Гамбургский. На второе требование российского командования прекратить поход Фетхи-Гирей ответил отказом. 11 июня 1733 г. 25-ти тыс. крымский корпус вышел из гор у с. Горячевской, но в бою с русскими войсками был отбит с большими потерями. В ходе ожесточенного сражения крымские войска были отброшены на 10 верст назад, потеряв в бою до 1 тыс. человек и 12 знамен. После этого крымцы обратились к населению Чечни и Дагестана с призывом «к бунту, чтобы они с

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 5. 1733 г. Л. 260.

² Там же. Л. 290.

³ Сотавов Н.А., Касумов Р.М. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008. С. 82.

Фетхи-Гиреем Султаном против россиян и российских войск неприятельски действовали»¹. Калга Фетхи-Гирей от имени турецкого султана Махмуда и крымского правителя Каплан-Гирея раздавал наиболее влиятельным северокавказским владетелям воинские звания, ценные подарки и денежные вознаграждения, чтобы привлечь последних на свою сторону. Но эти мероприятия не имели успеха². Крымцы остановились в чеченских землях, чтобы «возмущать» местное население против русских³.

Получив сведения об этих событиях, великий визир возобновил требования о пропуске крымцев, угрожая в противном случае войной.

Необходимо указать, что в этот ответственный момент главнокомандующий принц Евгений Гессен-Гамбургский проявил полную беспечность. Против двигавшихся из Чечни крымского корпуса была выслана с запозданием небольшая команда под начальством полковника Ломана, не сумевшая дать им надлежащий отпор. Воспользовавшись этим, калга (второе лицо в Крыму – Д.К.) Фетхи-Гирей договорился с чеченским владетелем А. Бартыхановым кайтагским уцмием Ахмед-ханом, который следуя через Терек, Аксай, Ямансу, Койсу, Тарки провели «оных крымцов и кубанцов через свои владения за Дербент к Шемахе»⁴.

Следует отметить, что от Дербента к войску Фетхи-Гирея присоединились зависимые от уцмие Ахмед-хана кайтагского старшины. Сыновья Сурхай-хана были обласканы крымским калгой, а уцмию Ахмед-хану Фетхи-Гирей сообщил, что ему присвоено турецким султаном титул трехбунчужского паши (высший титул в Порте, равный званию визира – Д.К.)⁵.

Что касается табасаранских владетелей Магомед-бека и Рустем-кади, то они не примкнули к крымскому калге. Муртузали, сын кадия Рустема и племянник Темир отказались перейти на сторону Фетхи-Гирея и ушли с российскими войсками в Дербент. За пророссийскую ориентацию от правительства Муртузали стал

¹ Соловьев С.М. История России. Кн. 10. Т. 20. С. 380.

² Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 97-98.

³ Соловьев С.М. История России. Кн. 10. Т. 20. С. 380.

⁴ АВПРИ. Ф, Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 7. 1733 г. Л. 114.

⁵ Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. С. 75.

получать «годовое жалованье» в 150 руб., а Темир – «в приказе, а не в оклад» – 50 руб.¹

В июле на подступах к Дербенту российские войска атаковали крымцев, нанесли им ощутимый ущерб, но часть корпуса калги Фетхи-Гирея пробралась через заслон, с помощью Сурхай-хана Казикумухского отбилась от джарцев, по горным тропам через земли табасаранцев, вторглась в Ширван и оттуда соединились с турецкими войсками на берегу р. Куры².

В начале сентября 1733 г. в Стамбуле были получены письма от казикумухского владетеля Сурхай-хана и Фетхи-Гирея, что крымские войска под командованием Фетхи-Гирея «кавказские горы прошли, с Сурхаем соединились и путь в Персию продолжают»³.

Сурхай-хан писал, что Фетхи-Гирей, оказавшись в критическом положении, обратился к нему за помощью, указывая, что «с одной стороны нашей кайтаки, а с другой стороны – табасаранцы, а мы де стали между ними, и ежели вы с войсками к нам поедете, и мы де отсюда к вам приблизимся»⁴. Казикумухский владетель не замедлил отозваться на просьбу крымского калги. Для встречи крымского войска Сурхай-хан прибыл на Самур и в сопровождении своего племянника Карат-бека отправил их на Куру⁵.

О продвижении крымского корпуса через Чечню и Дагестан сам Фетхи-Гирей сообщал сераскеру в Гяндже Али-паше следующее: ввиду угрозы со стороны российских войск в гребенских городках он задержался в Чечне у горы Герзели в местечке Гудермес 17 дней, но не найдя другого пути, «оставя 12 часов езды вышли к дагистанской стороне», ведущей к Дербенту, куда прибыли через 12 дней с остатками войск после сражения у деревни Горячевской. На подступах к Дербенту российские войска снова атаковали крымцев, в силу чего они «40 дней стоять на том месте принуждены были»⁶.

¹ ЦГА РД. Ф. 18. Дербентский комендант. Оп. 1. Д. 168. Л. 11.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 125.

³ Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 99.

⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 7. 1733 г. Л. 117.

⁵ Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 99.

⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1733 г. Д. 7. Л. 114.

Со своей стороны, российские власти в регионе предприняли ряд мер для восстановления спокойствия в крае после похода крымцев. Против кайтагского уцмийа был послан отряд под командованием полковника Ломана, который занял резиденцию Ахмед-хана Башлы, опустошил и сжёг её¹. За эту успешную операцию русский командир получил денежное вознаграждение от российских властей в сумме 600 рублей².

Прибыв на Сулак в ноябре 1733 г., В.Я. Левашов принял жёсткие меры против отошедших от России некоторых владельцев Дагестана. Действуя дипломатично, а в некоторых случаях и силой оружия, В.Я. Левашов восстановил спокойствие в Дагестане³.

Между тем, в начале 1735 г. российско-персидские переговоры о возвращении шахскому Ирану Прикаспийских областей и части Северного Кавказа уже завершались. Петербург, оказавшись перед перспективой войны из-за конфликта вокруг польского престола и совместных ирано-турецких действий на Кавказе, решил вывести свои войска из Прикаспийских провинций, чтобы превратить Персию из потенциального противника в союзника⁴.

10 марта 1735 г. был заключен Гянджинский мирный договор между Россией и Ираном. Согласно условиям мирного трактата, Россия обязалась вывести свои войска за р. Сулак и передать Персии Баку в две недели, а Дербент «с уездом и ему подлежащими местами», до старой его границы, в 2 месяца⁵. Это означало, что Прикаспийские области, входившие в состав России после похода Петра I, отходили от неё и снова попадали под власть иранского шаха. Для народов Северного Кавказа договор 1735 г. сулил новые испытания. Эту весть народы Дагестана и всего Северного Кавказа встретили с глубокой тревогой, оказав-

¹ Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX в. С. 79.

² Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 193.

³ Там же. С. 194.

⁴ Абдусаламов М.-Б.П. Кумыкские феодальные владения в кавказской политике России: от Петербургского договора до Гянджского трактата (1723-1735 гг.) // Армия и общество. № 1. М., 2012. С. 81.

⁵ Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1868. С. 202-207.

шись представленными собственной судьбе накануне новых испытаний.

Согласно мирному договору 1735 г., российские войска оставили Прикаспийские провинции и направились за р. Сулак. В конце мая ген. Д.Ф. Еропкин сдал Дербент вновь назначенному иранским шахом правителю, а сам с русскими полками переместился в крепость Святой Крест. Вскоре уничтожив эту крепость, российские войска переместились в Кизляр. Сюда же были переселены жители многонациональной крепости Святой Крест¹.

Кроме того, на левом берегу Терека между гребенскими казаками и крепостью Кизляр было поселено Аграханское казачье войско. Они основали городки Каргалиновский, Дубовской и Борздиновский. Поселенцы этих городков именовались Терским семейным казачьим войском².

Следует отметить, что с самого своего основания Кизляр (1735 г.) становится административным центром всего Северного Кавказа. В ведении кизлярского коменданта находился и аманатный двор. Взятие аманатов (заложников) от влиятельных северокавказских владетелей входило в сложившуюся в регионе систему взаимоотношений российских властей в крае и местных народов³.

Между тем, султанская Турция, рассматривая Рештский договор 1732 г. как ослабление интереса России к Кавказу, активизировала в регионе агрессивную политику. Султан подталкивал крымского хана к вторжению на Северный Кавказ, подчеркивая, что Кабарда и ряд территорий Северо-Западного Кавказа якобы принадлежат Крыму. Кроме того, 25 апреля 1735 г. турецкий султан официально объявил себя «покровителем горских народов»⁴. Порта стала внушать местным народам, что она избавит их от

¹ Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. С. 82; Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722-1735 гг.). С. 154.

² История Дагестана. М., 2004. Т. 1. С. 431.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 157, 268; Гарунова Н.Н., Кидирниязов Д.С. Права и полномочия кизлярского коменданта как военного руководителя гарнизона (1725-1800 гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. № 7. Пятигорск, 2013. С. 40.

⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. Д. 6. 1735 г. Л. 13 об.

персидского порабощения. Тем самым турецкий султан пытался привлечь северокавказские народы на свою сторону, чтобы перебросить крупные воинские силы из Крыма через Северный Кавказ на помощь своим войскам, сражавшимся на Южном Кавказе с шахскими войсками.

Крымский хан Каплан-Гирей, активно участвовавший в агрессивных планах Порты, в надежде на поддержку адыгских владетелей кашкатавской партии, предупреждал их весной 1735 г., что он вскоре отправится в военную экспедицию в Персию¹. Необходимо указать, что в Дагестане сторонником турецкой ориентации был только кайтагский уцмий Ахмед-хан². В мае 1735 г. кайтагскому владетелю турецкий султан через своего посланника Кади-Халиил-агу отправил алмазную печать, большое количество подарков и жалованные грамоты для подкупа местных владетелей³.

В конце июля 1735 г. правитель Крымского ханства Каплан-Гирей выступил в поход, надеясь пройти через Северный Кавказ, чтобы оказать помощь турецким войскам в Южном Кавказе⁴. Донской атаман И.Фролов сообщал российскому правительству, что по пути следования к Каплан-Гирею присоединились 20 тыс. войско аккерманских ногайцев и далее он писал, что крымский хан намеревается оттуда двинуться в Кабарду⁵.

По пути следования из Крымского полуострова на Северный Кавказ войско крымского хана опустошали населенные пункты. Так, в середине августа, когда крымцы были уже в Кабарде, получив отказ в даче Каплан-Гирею в помощь войско хан «плени людей, зажигая и пустоша и в разорение приводя все места, до которых дойти шастие послужит»⁶.

Следует указать, что в фирмане османского султана на имя правителя Крыма предлагалось: срочно выступить в поход на

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 45. Л. 52-53.

² Сотапов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 89.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 6. 1735 г. Л. 107 с об.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 45. Л. 4-5.

⁵ Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 75. С. 431.

⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. Д. 11. 1735 г. Л. 66.

Южный Кавказ, набрать в Дагестане более 60 тыс. войска, путем подкупа местных владетелей, отстранить казикумухского владетеля Сурхай-хана от власти¹. Кроме того, в случае противодействия со стороны российских войск крымцам султан приказывал «поступать с ними как с неприятелями и стараться пойти насильно»².

Российский посланник в Стамбуле И.И. Неплюев, докладывая об этом своему правительству предлагал принять срочные меры, чтобы сорвать планы Порты и Крыма. Кроме того, И.И. Неплюев, добившись аудиенции у великого визиря Али-паши, заявил, чтобы султанская Турция «на берега Каспийского моря не поставила ноги ... двор его (Российского государства – Д.К.) никогда татарам прохода через свои области не позволит, а меньше ещё согласиться на принятие Портой в подданство дагестанцев»³.

Необходимо отметить, что выступая в поход, хан Каплан-Гирей решил апеллировать к религиозным чувствам единоверцев – мусульман Северного Кавказа поднять их на борьбу против России. В этих целях к местным народам были разосланы «призывные письма»⁴.

Следует указать, что неоднократные вторжения крымцев на территорию Северного Кавказа и вопрос о Кабарде стали одним из непосредственных поводов к российско-османской войне 1735-1739 гг. Главной задачей для России в этой войне было обеспечение безопасности своих южных границ и получение возможности выхода к Черному морю⁵.

15 июня 1735 г. российское правительство приняло решение о необходимости отражения похода хана Каплан-Гирея на Северный Кавказ⁶. Находившемуся в крае ген. В.Я. Левашову было

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. Д. 6. 1735 г. Л. 107 об.

² Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 110.

³ Там же. С. 110.

⁴ Кидирнязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 154; Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М. Елису и Горный магал в XII-XIX вв. (очерки истории и ономастики). Махачкала, 2011. С. 336-337.

⁵ АВПРИ. Ф. Азиатские дела. Оп. 103. Д. 3. 1724-1735 гг. Л. 26.

⁶ Шульман Е.Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735-1736 гг. // Балканский исторический сборник. Вып. 3. Кишинев, 1973. С. 25.

дано указание, чтобы он преградил путь крымцам на Кабарду и Дагестан¹.

Выполняя указания российского правительства ген. В.Я. Левашов и стремясь удержать местных владетелей на стороне России, стал закреплять их подданнические отношения, подписывая с ними соглашения о взаимной поддержке. Так, до середины 1735 г. кизлярским комендантом В.Я. Левашовым были приняты присяги на верность России от владетелей и старшин 30 населенных пунктов Дагестана и Чечни. Кроме того, в заложниках в Кизлярской крепости находилось от Кабарды – 15 человек, Чечни – 2, Аксая и Эндирея – 5. Специальным распоряжением В.Я. Левашова было выдано денежное жалование кумыкским князьям Мехти-беку, Султан-Мураду, Сурхаю и Алишу Хамзину, брагунским мурзам Мураду и Мудару Кучумовым. Всего от адыгских и дагестанских владетелей содержалось аманатами в Кизлярской крепости 22 человека². Следует также отметить, что для пресечения сговора кабардинской кашкатавской партии и протурецки настроенных кумыкских владетелей с Каплан-Гиреем, заложниками в Астрахань были доставлены сын адыгского князя А. Кайтукина – Арсланко и сын кумыкского князя Алиша Хамзина – Баммат. Кроме того, с той же целью в Кизляре и Астрахани аманатами содержались сыновья адыгских владетелей Татархана Бековича и Басыра Куденетова – Кургоко и Сыбу – Гирей³.

Двигаясь из-под Копыла, в середине августа крымский хан был уже в Кабарде. К исходу августа вся Кабарда была оккупирована крымцами.

Продвигаясь дальше, к началу сентября крымский хан со своим войском подошел к территории Чечни, откуда Каплан-Гирей обратился к чеченским старшинам и князю Айдемиру Бартыханову поддержать его в военной экспедиции, как они в 1733 г. помогли в походе Фетхи-Гирею. Требования дани и покорности вызвали всеобщее возмущение чеченцев. Даже владетель А. Бартыханов, находившийся раньше в союзе с Крымом, отказался поддержать их. Кроме того, князь Бартыханов присягнул на вер-

¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. С. 75.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 120, 130, 157, 159.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 45. Л. 4-5.

ность России и, как указывается в архивном документе, «по многим от хана письмам и подзывам не только к нему не поехал и людей не отпустил, но и немалые отгоны людей из войск ханских и другие вредительства показал»¹. Таким образом, вайнахи решительно отказались пропустить крымцев через свои земли.

Крымские войска решили вторгнуться на Чеченскую равнину для захвата основных чеченских сел через ущелье Хан-Кала на Сунженском хребте, но ополченцы, стянутые со всей Чечни, закрыли проход и истребили до последнего человека крымские отряды, направленные на прорыв. В ожесточенном бою было убито до 10 тыс. крымцев². В память об этой победе чеченцы поставили в ущелье каменную башню «Хан-Кала» (ханская крепость – Д.К.), отчего и само ущелье получило название «Ханкальское»³.

Между тем с помощью проводников крымцам удалось обойти это ущелье и подойти к границам Дагестана.

Необходимо указать, что обстановка в Дагестане благоприятствовала походу крымских войск. В середине сентября российские войска оставили Сулакскую линию и перешли в левобережье Терека.

В конце сентября в станицу Старогладковскую на Тереке прибыл посланник хана Каплан-Гирея, потребовавший свободного пропуска крымских войск, угрожая, в противном случае, применением силы. Но кизлярский комендант ген. В.Я.Левашов отверг предложения крымского хана, хотя и не имел сил для выполнения указаний российского правительства⁴. Под командованием кизлярского коменданта против 80 тыс. крымской конницы находились всего 8 тыс. человек. Как известно, основные силы российских войск в это время были переброшены с Кавказа в Крым для участия в российско-османской войне 1735-1739 гг. Поэтому ген. В.Я. Левашов вынужден был пропустить без сопротивления крымские войска, которые двинулись к Дербенту, выше гребенских городков, сел Аксай и Эндирей. В 30 верстах от Дербента произошла ожесточенная битва между войсками крымцев

¹ КРО. Т. 2. С. 233-234, 237, 243.

² Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. С. 278.

³ Там же. С. 278.

⁴ Там же. С. 278-279.

и тарковского шамхала. В ходе сражения войско шамхала Хасбулата было разбито, он был вынужден отступить в горы. Но крымский хан также был вынужден остановиться, получив тревожные вести из Стамбула¹. Дело состояло в том, что в июле 1735 г. иранские войска разгромили турок под Карсом и Ереваном, заставили капитулировать их гарнизоны на Южном Кавказе. Между тем, в октябре 1735 г. российские войска были направлены в сторону Крымского полуострова. Вскоре войска подошли к границе ханства, разбили союзных Крыму ногайцев и расположились на землях запорожских казаков².

Следует отметить, что из-за погодных условий российские войска не выполнили всех задач, однако следствием этой кампании стало поспешное возвращение хана Каплан-Гирея из похода, совершаемого в Персию, через Северный Кавказ.

Между тем, прежде чем отступить из Северо-Восточного Кавказа, Каплан-Гирей предпринял ряд мер для сохранения в крае влияния Порты и Крыма. Загнав в горы сторонника иранского шаха – тарковского шамхала Хасбулата, крымский хан осыпал ценными подарками других дагестанских владетелей. Кроме того, хан Каплан-Гирей назначил тарковским шамхалом племянника Адиль-Гирея – Эльдара, казикумухского владетеля Сурхайхана оставил правителем Ширвана, а кайтагского уцмия Ахмедхана-вали³ Дербента⁴. Необходимо однако указать, что эти предпринятые меры крымского хана не играли особой роли. Кроме того, попытка хана Каплан-Гирея на обратном пути «расположиться» в Кабарде также закончились безуспешно. Правитель Крыма, узнав о решительной позиции российского правительства дальше наступать вглубь Крымского полуострова, пока не будут

¹ Сотавов Н.А., Касумов Р.М. Указ. соч. С. 94; Сотавов М.Н. Крымское ханство в русско-турецких отношениях в XVIII в. (1700-1783) в свете влияния их на Дагестан. Махачкала, 2010. С. 65.

² Кидирнязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ с политике России в XVIII-20-е гг. XIX в. С. 207.

³ Вали – официальный титул правителя провинций в султанской Турции.

⁴ Сотавов Н.А., Касумов Р.М. Указ. соч. С. 94; Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. С. 137.

отозваны крымские войска с Северного Кавказа, вынужден был уйти из Кабарды на Кубань¹.

Необходимо указать, что уход Каплан-Гирея из Северного Кавказа не принес спокойствия местным народам. Наоборот, вторжение крымцев ускорило нападение персидских войск на Дагестан. В октябре 1735 г. персы, опустошив джарские населенные пункты, Ширван, лезгинские и табасаранские села, встречая упорное сопротивление местных жителей и неся большие потери, 21 ноября войска под командованием Надира подошли к Дербенту².

Следует отметить, что появление войск Надира у стен Дербентской крепости заставило объединиться дагестанских правителей. Персидскому командованию стало известно, что шамхал Эльдар Тарковский, уцмий Ахмед-хан Кайтагский и Сурхай-хан Казикумухский решили совместно напасть на сторонника Надира Хасбулата в Казанище³.

Шамхал Эльдар Тарковский, уцмий Ахмед-хан Кайтагский и Сурхай-хан Казикумухский решил совместно напасть на сторонника Надира Хасбулата в Казанище⁴.

Персы решили помочь бывшему шамхалу Хасбулату. Объединенное войско Надира и Хасбулата расправилось с военными силами дагестанских владетелей. Необходимо указать, что Надиру удалось облегчить свою задачу благодаря разногласиям между дагестанскими правителями.

Вскоре захватив Акушу, Губден, Кумух и Башлы, оставив часть своих войск в Дербенте, весной 1736 г. Надир с основными воинскими силами возвратился на Мугань, где был коронован шахом на персидский престол⁵.

После ухода из Северного Кавказа иранских и крымских войск обстановка в регионе временно стабилизировалась.

Между тем события осени 1735 г. в Крыму стали для Российского государства фактическим началом войны с Османской

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. С. 49.

² Сотавов Н.А. Крах «Грозы вселенной». С. 155-156.

³ Хроника войн Джары в XVIII столетии. Баку, 1935. С. 35.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 128.

империей, формально она была объявлена весной 1736 г. В манифесте, отправленном султану 12 апреля 1736 г., указывалось об объявлении Турции войны. В ответ османы решили двинуть свои войска в Кабарду. В мае 1736 г. крымский хан выступил в поход с 60 тыс. войском и артиллерией¹.

Следует отметить, что в это время принятыми русским командованием мерами удалось прекратить междоусобицы между адыгскими князьями. Вскоре российские власти обратились к кабардинским владетелям с предложением: «собрався с своими военными людьми и совокупясь с отправленными ... на кубанскую сторону з донскими казаками, старшиною Иваном Краснощековым, шли на Кубань и на тамошних татар и протчих турецких подданных нападения чинили, и оных до того не допускали, чтоб они при осаде от наших войск Азова не мешались»². Необходимо указать, что адыгские конные отряды активно участвовали в русско-турецкой войне на стороне России во взятии Азова, а также в военных действиях на Кубани³.

Между тем в 1736 г. крупный отряд «военных людей более 10000 человек» ногайской конницы во главе с мурзой Солтанулы на Кубани перекрыл путь наступавшим русским войскам⁴. Однако ногайцы в кровопролитном сражении потерпели поражение от объединенных войск русских, адыгов и калмыков⁵.

В 1739 г. кабардинский отряд во главе с князем А.Кайтукиным нанес большое поражение на берегу р. Лабы вторгшимся из Крымского полуострова войскам султана (царевича – Д.К.) Казы-Гирея⁶. Летом того же года крымцы совершили ответное нападение на Кабарду. Крымские татары захватили в

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 45. Л. 47.

² АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. Д. 1. 1736 г. Л. 9 об.

³ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. С. 462.

⁴ Кидирнязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 155.

⁵ Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008. С. 13.

⁶ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. С. 462.

плен свыше 500 жителей, угнали 7 тыс. крупного рогатого скота и 200 тыс. овец¹.

Необходимо указать, что русско-турецкая война 1735-1739 г. совпала по времени с подготовкой и осуществлением похода Надир-шаха в Индию, Афганистан и Центральную Азию. Между тем, иранский шах обезопасив накануне индийского похода западные границы, старался этими мерами оставить в тылу усмиренный Кавказ. Задачу покорения Дагестана Надир-шах возложил на своего брата Ибрагим-хана. Ценой крупных потерь последнему в конце 1737 г. удалось вытеснить дагестанцев из Кахетии. Однако весной 1738 г. восстали 6 «вольных» обществ Джаро-Белокан. Вскоре к восставшим присоединились казикумухский владетель Муртузали, сын Сурхай-хана и сын Мухаммед-бека Цахурского. Кроме того, на помощь джаро-беклоканцам пришло 20 тыс. войско. Попытка иранцев расколоть повстанцев подкупом их представителей закончилась безуспешно².

Узнав об этом, персидский правитель летом 1738 г. направил грозное письмо уцмию Ахмед-хану. В нем говорилось, что дагестанцы, обязанные подчиняться ему, стали отходить от него и попали под влияние казикумухского владетеля Сурхай-хана, за что будут строго наказаны³. С возвращением в Дагестан Надир-шах предупредил кайтагского правителя, что он будет жестоко преследовать повстанцев «до пределов аваров и черкесов, чтобы об этом сохранить память до конца света в горах Эльбруса»⁴.

Брат Надир-шаха, Ибрагим-хан, убедившись в неподкупности дагестанцев, решил усмирить джарцев. Ибрагим-хан во главе крупного войска, численностью 38 тыс., летом 1738 г. вступил на территорию Джаро-Белокан. Ибрагим-хан в битве с джарцами был убит.

Между тем в 1739 г. адыги участвовали в закубанских походах российских войск. Так, адыгский князь А.Кайтукин совершил поход на Кубань во главе кабардинского и калмыцкого войска. В

¹ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. Д. 1. 1739 г. Л. 15.

² Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 212.

³ Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 124.

⁴ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 97.

этом походе А.Кайтукин со своим войском нанес поражение крымцам. В ответ, летом того же года крымские воинские силы совершили ответное нападение на Кабарду¹.

Однако Петербург не сумел воспользоваться изменением ситуации на Северном Кавказе. В сентябре 1737 г. между Россией и Османской империей был заключен Белградский мирный трактат. Следует указать, что поспешное заключение мирного договора состояло в том, что Россия ожидала предстоящей войны со Швецией, а также по причине обострения отношений с персидским шахом.

Необходимо отметить, что по условиям мирного трактата 1739 г., Россия не получила главного – выхода к Черному морю². Кроме того, по условиям договора, Кабарда была признана независимой, «нейтральной»³. Следует подчеркнуть, что превращение Кабарды в «буферную зону» между Портой и Крымом, с одной стороны, и Российским государством – с другой, не соответствовала интересам ни России, ни Кабарды.

Между тем, возвращение Персии по Рештскому и Гянджинскому мирным трактатам Прикаспийской провинции, с условием, что Иран не допустит завоевание этих земель султанской Турцией, а также соглашение на объявление Кабарды «нейтральной» по Белградскому договору с Портой естественно, не означали отказа Петербурга от своей восточной политики, ослабления его интереса к Кавказу.

С началом 40-х гг. XVIII столетия в истории народов Северного Кавказа, особенно Дагестана, открылась новая героическая страница, связанная против владычества шахского Ирана и султанской Турции.

Весной 1741 г. иранские войска начали наступление на Джаро-Белоканы.

¹ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 1. Д. 1. 1739 г. Л. 15; Кидирниязов Д.С. Кабардинцы и ногайцы в российско-османо-иранских отношениях в первой половине XVIII в. // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 171.

² Бегеулов Р.М. Центральный Кавказ в XVII - первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. Карачаевск, 2009. С. 117.

³ Там же. С. 117.

Однако владельцы Северного Кавказа, в частности влиятельные старшины Анцуха и Цудахара, решительно отказались от предложения шаха поддержать его¹.

Между тем создавшейся обстановкой пыталась воспользоваться султанская Турция. Порты тайно подстрекала местные народы на борьбу и обнадёживала их поддержкой, избегая открытого конфликта с Персией.

В мае 1741 г. Надир-шах во главе крупного войска вторгся на территорию Дагестана². Необходимо указать, что этот персидский поход был направлен в первую очередь против России.

Следует отметить, что поход 1741 г. изменил обстановку в регионе, очень возросла пророссийская ориентация северокавказских правителей. Ярким свидетельством тому являются многочисленные обращения местных владельцев и старшин за покровительством и военной помощью к российскому правительству³. Например, правитель Мехтули Ахмед-хан писал, что «все дагестанцы, ... положили с прочими горскими народами намерение заодно и баталию с персиянами дать изготовились, однако ожидают российского войска»⁴. А чеченский князь А. Бартыханов, прибыв в Кизлярскую крепость, заявил русской администрации о своей решимости выступить против персов⁵. В 1742 г. грузинские миссионеры Иосиф и Николай предложили Петербургу «привести осетин в российское подданство», подчеркивая, что ни Порты и ни Персия «ими не владеет»⁶.

Однако Петербург, связанный с Персией Гянджинским трактатом и Белградским договором с Османской империей, не мог принять местные народы в российское подданство. В связи с этим, российским правительством к кумыкским, чеченским и кабардинским владельцам были посланы новые присяги «в утвер-

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77. Д. 4. 1741 г. Л. 94.

² История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 442.

³ Там же. С. 442.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 131.

⁵ Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 2. С. 58.

⁶ Цит.: Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970. С. 76.

ждении их верности, а тайно, ... сделаны были засылки к призыванию в верное и вечное подданство горских владельцев»¹.

Одновременно Россия осторожно поощряла северокавказские народы к борьбе против персидских завоевателей, снабжая провиантом и т.д. Так, командующий Царицынской линией ген.-м. А.И. Тараканов сообщил кизлярской администрации, что они направлены в край для оказания помощи «шаховским неприятелям, яко то лезгинам, тавлинцам (горцам – Д.К.) и прочим ... дабы чрез то ... противу шаха и лутчее одобрение оные прийти могли»². Прибывший оченью 1742 г. в Россию от кабардинских владетелей князь М. Атажукин получил заверение от российских властей, что они в случае нападения крымского хана «без защищения оставлены не будут»³. Кроме того, через князя М. Атажукина адыгским владетелям были посланы 2 грамоты от императрицы Елизаветы Петровны. В них, в частности, указывалось о выдаче им жалованья 2 тыс. руб.⁴

Разумеется лояльная политика российских властей по отношению к северокавказским ханам, князьям и влиятельным старшинам содействовала укреплению пророссийской ориентации в регионе.

В 1744 г. крымцы вновь напали на Кабарду, о чем сообщил в Петербург кизлярский комендант князь В.Е.ский⁵. Следует отметить, что в этом бою адыгскому князю А.Кайтукину удалось разбить кубанского сераскера, и «на реке Лабе и с ним, сераскером, и с ним, сераскером, и с командою своею учинили бой, на котором-де бою убили со стороны сераскеровой Большого Ногаю мурзу Касая Сыртланова да со сто человек»⁶.

Между тем, летом 1747 г. произошло вновь столкновение между крымцами и кабардинцами, о чем кабардинские князья из-

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 223.

² Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 107.

³ КРО. Т. 2. С. 109.

⁴ Там же. Т.2. С. 112-113.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 223.

⁶ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. Д. 3. 1745 г. Л. 15 об.

вестили кизлярскую администрацию¹. Ровно через два года, в 1749 г. крымцы вновь приходили на Кабардинскую землю «для взятия ... ясырей», с ними был ногайский мурза Магомет². Возвращаясь назад, необходимо отметить, что вместе с тем на Северном Кавказе предпринимались и другие решительные меры, направленные на предотвращение похода иранских войск в Засулакскую Кумыкию. Так, ещё в августе 1742 г. когда шахские войска проникли на территорию Чечни и попытались навести мосты в районе с. Брагуны, персы вынуждены были отступить ввиду решительного протеста российских властей и готовности русских войск «дать персиянам отпор»³. Для подкрепления этих мер, гренадерские казаки встали на защиту Терской линии, по Сулаку были учреждены форпосты, в Эндирее и Костеке выставили воинские отряды из 2 тыс. драгун, подчиненных непосредственно кизлярскому коменданту⁴. Вдобавок, через российского посланника В. Братищева иранский шах официально был предупрежден, чтобы не форсировал р. Сулак, «ибо граница Ирана на севере проходит от этой реки». В результате решительных мер со стороны Петербурга поход иранских войск в Засулакскую Кумыкию и притеречные районы Чечни был предотвращен⁵.

Принятые российским правительством на Северо-Восточном Кавказе меры оказали отрезвляющее воздействие на шахский Иран. В сообщении русского посланника в Персии В. Братищева от 23 декабря 1743 г. говорилось, что ближайшее окружение шаха, узнав о том, что «в российских границах взяты достаточные к обороне меры ... его величество от таких намерений (вторжения – Д.К.) секретно отвращают ... почему его величество склоняется нападению на российские порубежные места забвению предать и поиски на Кабарду уничтожить»⁶. Убедившись в том, что продолжение войны с северокавказским народа-

¹ Там же. Оп. 115/2. Д. 8. 1749 г. Л. 41-43.

² Там же. Д. 4. 1749 г. Л. 118-119.

³ Там же. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. Д. 6. Ч. 1. 1742 г. Л. 162-163.

⁴ История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 443.

⁵ Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 579.

⁶ Сотапов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 110.

ми не принесет ничего иного, кроме новых поражений, в 1743 г. персидский правитель Надир-шах отступил из Дагестана под предлогом войны с султанской Турцией¹.

Между тем наступление персидского шаха на Карс и осада им Мосула летом 1744 г. вынудили турецкого султана отозвать самозванца на шахский престол Сам-Мирзу II. Но временная победа над турками не означала упрочение власти Надир-шаха на Кавказе ввиду того, что усиленно шёл процесс сближения Северного Кавказа с Российским государством. Касаясь эволюции политических настроений различных слоев населения края, российский посланник в шахском дворе В. Братищев подчеркивал, что они ожидают «пришествия российских сил ... в упрочении яacob тем способом от тирановых надировых рук избавиться»².

Реально сознавая опасность влияния такого процесса на свои гегемонические устремления на Кавказе персидский правитель предпринял новые попытки покорения Дагестана. В декабре 1744 г. Надир-шах стремительным маршем привел к Дербенту 30-тыс. войско. Необходимо указать, что эта поспешность иранского правителя преследовала определенную цель – помешать России оказывать покровительство северокавказским народам, многие из которых продолжали обращаться к ней за подданством³.

Между тем, учитывая стратегическое значение Северного Кавказа в своей кавказской политике и стремление местных народов избавиться от гнета Персии и Порты, российское правительство сочло необходимым усилить активность своих представителей в крае для укрепления российского влияния в Дагестане, Чечне, Осетии, Черкесии, Адыгее и других районах⁴. В августе 1746 г. российскими властями было принято решение о проведении русско-осетинских переговоров. Чеченский князь А. Бартыханов не раз заверял российскую администрацию на Кавказе в

¹ История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 446.

² Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958. С. 24.

³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 242. Л. 72.

⁴ Кидирниязов Д.С. Кавказская политика России во второй половине 40-х гг. XVIII в. // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы Международной научной конференции. Астрахань, 2012. С. 7.

своей верности и обещал в случае приближения неприятеля выступить против него. Однако Петербург, боясь осложнения международных отношений, официально не объявлял о присоединении владений региона, хотя тайно оказывал им помощь и поддержку. Свидетельством этого является такой факт. Когда в 1744 г. кубанский сераскер пришел со своим войском в Кабарду и потребовал дань, то кабардинцы решительно отказались и заявили, что «они подданные» России¹. По этой же причине адыги – бесленеевцы, ногайцы и абазины Северо-Западного Кавказа не были отнесены к числу народов, подданных крымского хана².

Весной 1747 г. в Кабарду по заданию кизлярской администрации был направлен капитан И. Барковский, чтобы узнать о положении в регионе. Капитан Барковский дал исчерпывающую информацию о военных приготовлениях Бахчисарая, чтобы «отхватить» кабардинцев от подданства России. Кроме того, он также указывал, что «от Крыму отложились темиргоевцы, абадзехи, бжедухи, сапсых, убых и все де противныя крымскому хану султаны и мурзы с теми народами соединились и противиться с ханом намерены»³. Агрессивные намерения Крыма пытался использовать в своих интересах Надир-шах, надеясь столкнуть Бахчисарай с Петербургом. В докладной записке от 29 апреля 1747 г. кизлярский комендант А.П. Девиц сообщал: «Прибыли от персидского шаха к хану крымские послы, чтоб он, хан, со своим войском шел в вспоможение персидскому шаху для разорения российских народов»⁴.

Таким образом, Надир-шах не отказался от притязаний на Северный Кавказ, хотя Персия уже находилась на грани развала. Между тем, в результате заговора придворных летом 1747 г. иранский правитель Надир-шах был убит⁵.

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 435-436.

² КРО. Т. 2. С. 129; Кидирниязов Д.С. Кавказская политика России во второй половине 40-х гг. XVIII в. С. 7.

³ КРО. Т. 2. С. 143.

⁴ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 115.

⁵ История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 449.

Необходимо подчеркнуть, что ослабление шахского Ирана в результате гибели Надир-шаха и новые международные войны в стране нисколько не соответствовала интересам России, так как могли привести к усилению агрессии со стороны Порты.

Вскоре доподлинно узнав о смерти иранского правителя Надир-шаха, в начале октября Тайный совет Коллегии иностранных дел России подтвердил необходимость активизации российской политики на Северном Кавказе¹.

Нужно отметить, что решения российского правительства оказались своевременными. Так, летом 1747 г. с фирманами османского султана Махмуда и крупной суммой денег на Северо-Восточном Кавказе появился Юсуф-паша. Однако и на этот раз попытка Порты установить свое господство в крае закончилась безуспешно². Однако этот провал на Северо-Восточном Кавказе, в частности в Дагестане, не остановил турецкого султана от намерений привлечь на свою сторону владельцев Северного Кавказа. В центре внимания Стамбула вновь оказалась Кабарда. Правитель Крыма отправил туда своих сыновей, чтобы укрепить в Кабарде своих сторонников – Кайтукиных и Бекмурзовых³.

Озабоченное вмешательством крымского хана в дела Кабарды, российское правительство обратило внимание астраханского губернатора И.О. Брылкина на то, что от междоусобиц кашкатавской (османо-крымской) и баксанской (пророссийской) партии страдают не только сами кабардинцы, но и российские подданные, живущие на границе с Кабардой.

Выполняя указания своего правительства, И.О. Брылкин потребовал от князей кашкатавской группировки отправить крымских царевичей в Закубанье, мотивируя это тем, что пребывание их на территории противоречит 6-й статье Белградского трактата 1739 г. Настаивая на прекращении деятельности крымских султанов и их сторонников среди адыгов, российское правительство, действуя через астраханского губернатора И.О. Брыл-

¹ Соловьев С.М. История России. Кн. II. Т. 22. С. 497-498.

² Кидирнязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 231.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 156. Л. 7.

кина и кизлярского коменданта, добивалось усиления влияния своих сторонников из баксанской группировки.

Одновременно Петербургом проводились и другие мероприятия для укрепления своих позиций на Северном Кавказе. Политика «ласкания» северокавказских владетелей давала положительные результаты. Так, в 1747-1749 гг. решением правительства было установлено годовое жалованье пророссийски настроенным вайнахским князьям А. Айдемирову, Али-беку и Али-султану Казбулатовым, Турлову и др.¹ Брагунские князья также придерживались пророссийской ориентации². Кроме того, российское подданство приняли также влиятельные чеченские союзы сельских общин Герменчук, Шали и др., старшины которых стали получать постоянное жалованье из российской казны³.

Что касается Восточного Кавказа, то здесь ещё более интенсивно шёл процесс усиления пророссийской ориентации среди дагестанских владетелей. В 1748, принимая присягу на верность России владетели Кайтагского уцмийства, Тарковского шамхальства, Дербентского ханства, Табасаранского майсумства и кадий указывали, что Порте и Персии «мы служить не желаем ... ибо мы положили намерение Е.И.В. верно служить»⁴.

Необходимо подчеркнуть, что принятые меры российских властей оказали положительное воздействие, способствуя стабилизации обстановки на всем северокавказском крае. В ноябре 1749 г. А.П. Бестужев-Рюмин, выражая удовлетворение восстановлением согласия между князьями Кабарды, указывал им, что их примерение «Е.И.В. соизволила ... принять к своей благодарности и всемилостивейше повелела дать вам ... своего императорского жалованья денег тысячу рублей»⁵. Одновременно закреплялось значение г. Кизляра и местных властей как важнейшей опоры российского правительства в крае.

¹ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 258; Кидирниязов Д.С. Кавказская политика России во второй половине 40-х гг. XVIII в. С. 10.

³ Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. С. 337.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 5, 7.

⁵ КРО. Т. 2. С. 165.

§ 2. Политические взаимоотношения народов Северного Кавказа во второй половине XVIII в.

Как выше указывалось, в середине XVIII в. в регионе часто вспахивали междоусобицы, особенно в Кабарде. Необходимо указать, что каждая из борющихся сторон обращалась к России за помощью и поддержкой. Но стоило российским властям поддержать одну из группировок, как другая начинала искать поддержки иранского шаха, турецкого султана или крымского хана. Между тем, Россия, со своей стороны, считала необходимым ещё более усилить активность своих резидентов в крае для укрепления своего влияния в Дагестане, Чечне, Осетии и Кабарде. Так, в 1749-1752 гг. в российскую столицу прибыло осетинское посольство во главе с З. Елихановым¹. Посланники из Осетии вели переговоры в Петербурге по самым различным вопросам, но основной задачей их был вопрос о присоединении Осетии к России. В результате переговоров предгорная равнина Центрального Кавказа, бассейны рек Ардон и Фиагдон были признаны Россией землями «вольными и свободными». Была достигнута договоренность и о беспошлинной торговле осетин в г. Кизляре².

Следует отметить, что в середине XVIII в. в российское подданство вступили и другие владельцы Северного Кавказа. Так, в 1750-1751 гг. шамхал Хасбулат «искал русского покровительства»³. А в 1753 г. аварский хан Магомед-Муса-хан и Сурхай-хан Казикумухский просили о принятии их с владениями в «русское подданство»⁴. Кроме того, в начале 1758 г. в Кизляр прибыли 9 ингушских старшин, которые присягнули в «подданство» России и обещали оказывать кизлярскому коменданту всяческую помощь в действиях российских властей в крае⁵.

Между тем, в междоусобных столкновениях в Кабарде все большее участие в них стали принимать соседние этнополитические образования. Так, в начале 50-х гг. XVIII в. бежавший от своих противников в Чегемское общество кабардинский князь

¹ АВПРИ. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. Д. 3. 1742-1752 гг. Л. 99.

² История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1989. С. 190.

³ АВПРИ. Ф. Кумыцкие и Тарковские дела. Оп. 121. Д. 1. Л. 1-3.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 138.

⁵ Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т. 1. Дзауджикау, 1934. С. 83-84.

Б.Кургокин (из баксанской партии) призывал на помощь одновременно и Россию, и Крым, естественно, уверяя в своей преданности и лояльности с одной стороны российские власти, а с другой, втайне от последних, крымского хана. В то же время Б.Кургокин опирался не только на балкарцев-чегемцев, но и на абазин, отправивших ему на помощь воинский отряд во главе с князьями Лоовым и Дударуковым¹. Один из противников Б. Кургокина, адыгский владетель К. Атажукин в этот период имел прочные связи среди балкарцев, рассчитывая на своего аталыка А.Абаева², и среди аксаевских кумыков, откуда была родом его мать³. На стороне враждебной им кашкатавской партии также выступала часть чеченцев и кумыков. Скрыто от российского командования поддержать кашкатавцев приходил Д.-Г.Черкасский с отрядом вайнахов, принявших участие в разграблении имущества князя Б. Кургокина. То же самое готов был предпринять эндиреевский князь Т. Хамзин⁴.

Таким образом, раскол затронул не только Кабарду, но и стал распространяться на Северо-Восточный Кавказ, в частности на Дагестан. В их среде также стали формироваться группы, поддерживавшие определенные княжеские группировки в Кабарде. Эти связи, позже, стали традиционными и сыграли свою немалую роль в дальнейшем развитии Северного Кавказа.

Необходимо указать, что к середине XVIII в. значительное место в кавказских делах Петербурга наряду с Дагестаном и Кабардой занимали Чечня, Осетия и Ингушетия. После посещения в 1752 г. осетинским посольством столицы российские власти усилили политику христианизации осетин и ингушей. Однако попытки России переселить осетин и ингушей в притеречные плоскостные земли, находившиеся в собственности кабардинских, кумыкских и чеченских владетелей, могли серьезно обострить отношения не только северокавказскими князьями, но и Осман-

¹ АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. Д.3. 1751 г. Л.227об., 253-254.

² Там же. 1747 г. Д. 9. Л. 43.

³ Там же. 1751 г. Д. 3. Л. 55.

⁴ Там же. Л. 297 с об., 314.

ской империей и Крымским ханством, где зорко следили за политикой российского правительства в крае¹.

Между тем, в 1756 г., когда началась Семилетняя война, Елизавета Петровна издала указ, согласно которому из кабардинцев, кумыков, ногайцев и других северокавказских народов следовало собрать «до 500 охотников, которые по их обыкновению к воинским действиям исправны» и их отправить к Смоленску, на помощь русским войскам. Формирование ополчения поручалось адыгскому князю Эльмурзе Черкасскому и его сыну Темир-Булату². Однако до реальных действий дело не дошло.

Уже через несколько лет, в начале 1760 г. из Петербурга в Кизляр вновь пришло предписание организовать из ногайцев ополчение и вместе с терскими казаками под общим командованием российского офицера Эльмурзы Бекович-Черкасского отправить в русскую армию ген. – фельдмаршала Салтыкова, действовавшего в Пруссии против армии Фридриха II. Подъемных всем было отпущено 11,021 руб. 75 коп. Сформированное ополчение выступило из Кизляра, переправилось уже через Дон у Черкаска, но в июне 1760 г. было оставлено в связи с болезнью императрицы Елизаветы Петровны и прекращением военных действий против Пруссии и потом вернулось обратно³.

В 60-е гг. XVIII в регионе закладывается сплошная линия военных укреплений – от Кизляра до Моздока (1763 г.). Это было началом возведения Кавказской линии. Со строительством Моздока Терская пограничная линия достигла ст. Червленной, составив в длину «около 20 верст к западу от устья реки Терек»⁴.

Следует отметить, что начало строительства новой Кизлярско-Моздокской линии стала военно-стратегическим мероприятием, так как она призвана была стать границей между Российским государством и народами северокавказского края. По плану российских властей, Кавказская линия должна была препятствовать набегам крымцев, содействовать усмирению непокорных

¹ Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 239.

² Опрышко О.Л. По тропам истории. Нальчик, 1990. С. 180.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 261-262.

⁴ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 199.

владельцев Северного Кавказа. Самое главное, Петербург пытался укрепить в регионе свои позиции в этом важном как тактическом, так и в стратегическом плане крае.

Следует отметить, что ещё до строительства крепости Моздок, российским правительством было решено об отведении урочища Моздок, для поселения крестившихся адыгов во главе с князем Малой Кабарды К. Канчокиным (А. Ивановым), строительства там укрепления и превращения её в центр развития промышленности и торгово-экономических отношений¹.

Кроме кабардинцев там планировалось поселить и представителей других местных народов. В документе отмечалось, что «Сверх же того можно позволить для усиления Кизлярского краю о поселении и всякой нации людей, то есть чеченцев, кумык и других из горских народов и ногайцев, ... располагая их селения по реке Терку между новой крепости и гребенского казачьего Червленнаго городка; и каждой нации особливими слободами ...»²

С началом строительства Моздока также началось переселение сюда местных народов (осетин, кабардинцев, ингушей, ногайцев, кумыков и др.). Также была создана моздокская команда из представителей северокавказских народов³. Кроме того, селившимся в районе Моздока местным народам представлялись «вольности»⁴.

Необходимо указать, что постройка крепости Моздок и возобновление строительства российских укреплений по Терку, вызвали взрыв политической обстановки на Северном Кавказе. Местные владельцы поняли, что крепость Моздок становится оплотом царизма в крае, а это угрожало их экономическим и политическим правам и привилегиям.

Между тем Петербург понимая, что укрепить свои позиции в регионе одними только военными мероприятиями невозможно, начинает с 60-х гг. XVIII в. обращать огромное внимание на развитие экономических отношений с народами Северного Кавказа.

¹ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. С. 502.

² КРО. Т. 2. С. 218-219.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 37.

⁴ АКАК. 1868. Т. 1. С. 81.

Были отменены различные пошлины (торговая пошлина на шёлк-сырец в 1756 г.¹, в 1762 г., как указывалось выше, Екатерина II подписала указ об освобождении от пошлин товаров, ввозимых от «горских народов» и т.д.)². Были также отменены различные пошлины, которые уплачивали жители региона при покупке российских товаров и продаже изделий и скота в Кизляре³.

Однако, необходимо указать, что эти меры российского правительства, предпринятые в области экономических связей с местными народами, не могли дать сколько-нибудь серьезных результатов в силу сложившейся политической обстановки на Северном Кавказе, связанной в первую очередь с расширением, укреплением и строительством новых крепостей и других военных объектов.

Следует отметить, что со строительством Моздока некоторые кабардинские князья увидели в этом угрозу своей независимости и потребовали срыть эту крепость. Они стали готовиться к борьбе против России и попытались привлечь к участию в ней и другие северокавказские народы. В августе 1764 г. кизлярский комендант Н.А. Потапов сообщал российскому правительству, что адыгские князья, «будучи за Кобаном при реке Инжике, имели переговорку с темиргойцами, бесленеевцами и ногайцами (кои жилища свои имеют по реке Лабее) и между собой присягой утвердились» в том, что если русские власти согласятся срыть крепость Моздок, «то они останутся на прежнем основании, а в противном случае общими бы силами, во-первых, учинить нападение на Моздок и другие противности чинить». Причем кизлярский комендант подчеркивал, что у адыгских князей «с показанными народами положение учинено и присягой утверждено за-подлинно»⁴.

Необходимо отметить, что переговоры с российскими властями по поводу крепости Моздок затянулись, и готовившееся

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1157. Л. 8.

² Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.) С. 75.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 104.

⁴ Там же. Ч. 1. С. 235.

адыгскими князьями нападение на это укрепление было сорвано массовым восстанием кабардинских крестьян¹.

Между тем, активная политика России в Чечне в 60-х гг. XVIII в. привела к установлению мирных взаимоотношений с крупными владельцами плоскостной Чечни. Следует указать, что усилению российского влияния здесь способствовали также и внутривластные процессы, происходившие в крае. Пытаясь использовать российские власти в качестве влиятельного союзника в борьбе за верховенство, кумыкские князья Засулакской Кумыкии и подстрекавшие их чеченские владельцы и аварские старшины охотно откликнулись на предложение кизлярского коменданта о принесении присяги новому царю Павлу III. Зимой 1762 г. от имени «всего народа» присягу на верность России дали 49 представителей Дагестана и Чечни².

Следует отметить, что в середине 60-х гг. XVIII в. обострились междоусобицы в Чечне между Девлет-Гиреем Черкасским, брагунской княгиней Кичи-бике и Расланбеком Айдемировым, начавшиеся ещё в 50-х годах. Эти усобицы позволили Петербургу ещё более усилить в равнинной Чечне свое влияние. Сначала Россия поддерживала князя Д.-Г. Черкасского, но, видя, что междоусобицы носят затяжной характер, предложила ему не обострять отношений и мирно решить споры через третейские суды³. Однако вскоре между вайнахскими владельцами начались открытые стычки. Так, летом 1764 г. Девлет-Гиреем Черкасским и Расланбеком Айдемировым произошло военное столкновение, в ходе которого появились убитые и раненые. Был ранен также и кумыкский князь Расланбек.

Естественно, продолжение междоусобиц между вайнахскими князьями угрожало интересам политического влияния Петербурга в регионе. Российские власти дали указание кизлярскому коменданту примирить вайнахских владельцев путем переговоров и приведением к присяге верности России⁴.

¹ Там же. Ч. 1. С. 269-273.

² Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 140.

³ Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. С. 354.

⁴ Там же. С. 354.

Благодаря усилиям российского правительства, междоусобицы в плоскостной Чечне закончились. Весной 1765 г. произошла замена вайнахских аманатов в Кизляре¹.

Между тем летом 1765 г. кизлярский комендант отправил донесение астраханскому губернатору о том, что кубанский мурза Сокур-Хаджи собирается напасть на Моздок и Кизляр. Действительно, вскоре более 4 тыс. крымцев, кубанцев и закубанских адыгов во главе Арслан-бека Сокур Хаджи и ногайского мурзы Кашкабала внезапно напали на терско-гребенские станицы, дошли до Кизляра, пытались осадить город, но были отбиты российскими войсками с большими потерями².

Естественно, российские власти с крайним неудовольствием восприняли известие о нападении крымцев и кубанцев на Кизлярскую крепость³.

В 1766 г. Бахчисарай отправил двух своих эмиссаров на Северный Кавказ, в частности «для подзыва кабардинских владельцев и всей Кабарды» на свою сторону⁴. Узнав об этом, российское правительство предпринимает меры, направленные на удержание князей Большой Кабарды на Баксане⁵. Кроме того, проводились разведывательные мероприятия по выяснению – не ведут ли крымцы, кубанцы и другие народы «приготовлений или движений» на соединение с адыгами для нападения на Моздокскую крепость⁶.

Эти меры, предпринимаемые российским правительством, разумеется, вызвали беспокойство крымского хана. Крым весной 1766 г. отправляет сообщение в Порту о том, что его лазутчики узнали о наличии в Моздокской крепости 40 пушек и о готовящемся подвозе ещё 40 штук. Всё это, по мнению крымского хана, приведет к тому, что в «случае чего он не сможет им (русским войскам – Д.К.) сопротивляться»⁷.

¹ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 5. 1764-1767 гг. Л. 8 с об.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 11.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. Д. 377. 1765 г. Л. 43, 46.

⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 769. Л. 2. с об.

⁵ Там же. Л. 2 об., 7 с об.

⁶ Там же. Л. 14.

⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. Д. 396. 1766 г. Л. 59 об.

Между тем, моздокский комендант В.Копытовский отправил сообщение в Кизляр, в котором извещал о том, что князя Большой Кабарды направили посланцев в Малую Кабарду с призывом совершить совместное нападение на Моздок, но не получили пока ответа. Однако опасность нападения ещё существует, в укреплении не хватает пороха, пути к Моздоку укрепляются засеками, чтобы защищать город «наикрепчайше»¹. Майор Петр Татаров, присутствовавший на сходе князей баксанской и кашкавказской партии также подтвердил, что адыги имеют серьезное намерение напасть на Моздок, требуя вернуть возвращения бежавших в крепость своих «холопов», но решили временно воздержаться, как заявили ему кабардинские владельцы, «по верному российской стороне усердию, не нарушая своей присяги»². Вероятно, причиной отказа адыгских князей напасть на Моздок и перейти на сторону крымского хана послужило то, что не нашло отклика у основной массы жителей Кабарды. Ярким подтверждением тому служит сообщение майора Петра Татарова от 19 января 1767 г., где сказано, что живущие «по сю сторону Черного моря народы темиргойцы, джанцы, бжедухи и бесленеевцы присягою утвердились, дабы во всяких случаях хану крымскому не вспоществовать и ни в чем его не слушать»³. Таким образом, основная часть кабардинцев не поддержала своих владельцев на «скрытие» Моздокской крепости⁴.

Необходимо указать, что стремление российского правительства к скорейшему урегулированию междоусобицы в Кабарде было вызвано в основном тем, что в Османской империи усилились антироссийские настроения.

Опасность надвигавшейся российско-османской войны заставляла российские власти пойти на укрепление отношений с теми северокавказскими владельцами, которые остались непричастны к выступлениям кабардинских князей. Как сообщал в феврале 1768 г. кизлярский комендант правительству, верность Российскому государству присягой подтвердили вайнахский

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 638. Л. 17 с об.

² Там же. Л. 34 об.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1/47. Д. 743. Ч. 3. Л. 13.

⁴ Там же. Ф. 20. Оп. 1. 1/47. Д. 743. Ч. 3. Л. 56.

«владелец Росланбек, старшины и все народы». Такую же присягу в марте 1768 г. принесли чеченский владетель Чопан из Алдов и несколько брагунских старшин¹. В этот же период присягу на верность России дали ряд кабардинских князей. В апреле-августе 1768 г. обращения к кизлярской администрации с заверениями в верности России отправили 15 кабардинский владетелей².

Между тем серьезной проверкой прочности российско-северокавказских отношений явилась русско-турецкая война 1768-1774 гг.

25 сентября (6 октября) 1768 г. султанская Турция объявила войну России. Ещё до объявления войны, 14 сентября того же года кумыкский князь Алиш Хамзин сообщил в кизлярскую администрацию, что турецкий султан прислал крымскому хану фирман, где говорилось, что османы решили «учинить войну» с русскими³.

В ноябре был издан манифест императрицы Екатерины II о войне с Османской империей. Военные же действия начались в 1769 г. сразу на трех разных фронтах – на Украине, в низовьях Дона и на Кавказе. В русско-османской войне 1768-1774 гг. и Стамбул и Петербург имели намерение использовать территорию Северного Кавказа, его экономический и людской потенциал.

Порта планировала высадить десант в район Азова и Таганрога, к которому, по замыслу османского султана, должны были присоединиться до 50 тыс. человек из северокавказских народов. Затем это объединённое войско должно было пойти в наступление в Нижнее Поволжье и захватить Астрахань⁴.

Российские власти, прекрасно понимая важность стратегического положения Северного Кавказа в начавшейся войне и большую опасность для России, если местные народы поднимутся и выступят на стороне османов, посылает в район Кизляра 40 тыс. корпус во главе с ген-м. И.Ф.Медема. Кроме военных задач, И.Ф. Медему ставилась и другая: поднимать против турецкого

¹ Там же. Л. 204.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 667. Л. 31; Д. 678. Л. 57.

³ Там же. Д. 683. Л. 42.

⁴ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762-1774 гг.). СПб., 1896. С. 321.

султана все народы региона и «поддерживать возстающих»¹. Рескрипты Коллегии иностранных дел России свидетельствовали об отказе от «жесткой» линии в пользу большей терпимости по отношению к местным народам. Со стороны военного командования требовалась гибкость и настойчивость, чтобы удержать северокавказских владетелей на стороне России².

Необходимо отметить, что российские власти с самого начала русско-турецкой войны отводили немалую роль обороне Кабарды от османских войск. Это было связано с тем, что турецкий султан Мустафа 18 октября 1768 г. обратился к кабардинцам и другим северокавказским владетелям с предписанием, чтобы все мусульманские народы региона были послушны правителю Крыма, как его подданные, и вместе «с ногайцами Касая Касбулатова, черкесскими деревнями и с кубанским войском были усердны ныне против ... московских кяфиров»³. Кроме того, крымский хан отправил своих эмиссаров с письмами-призывами в Чечню, Дагестан и др. служить Порте и быть готовым к весне 1769 г. напасть на пределы России. Однако эти обращения Порты и Крыма не возымели действия. Так, было в 1769-1770 гг., когда дербентский хан отклонил обращение о пропуске османских войск, посоветовав и другим местным владетелям не сотрудничать с турками⁴. Тем не менее в Порте и в Крыму не оставляли своих замыслов, зная, что соперничавшие местные владетели придерживались различной внешнеполитической ориентации. Так, например, осенью 1769 г. возвращавшийся из хаджа в Мекку через Турцию Хаджи-Гирей, племянник владетеля Казикумукского ханства Магомед-хана, был с почетом принят турецким султаном Мустафой и отпущен в Дагестан с крупной суммой денег и ценными подарками «для подзыва дагестанцев и кумык» в протекцию Порты, чтобы они начали против России «неприя-

¹ Там же. С. 321.

² Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). С. 302.

³ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115/2. Д. 19. 1768-1776 гг. Л. 210.

⁴ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX в. С. 185-186.

тельские поиски»¹. Однако на этот призыв османского султана никто не отозвался².

Между тем кизлярским властям приходилось постоянно следить за действиями владетелей Северного Кавказа, отправляя к ним под видом служебных поручений различных лиц для получения оперативных данных. Так, посланному в конце 1769 г. в Тарки офицеру И. Мещерякову кизлярский комендант дал специальное задание, чтобы он разведал, не происходит ли в «тамошних народах» через подосланных лазутчиков от султана «возмущений и чинений .. во вспоможение Порте каких-либо неприятельских поступков»³. Кроме того, коменданту Кизляра было отправлено из Петербурга предписание, чтобы принять надлежащие меры к тому, чтобы «отторгнув горских жителей, за рекою Кубанью живущих, для ослабления неприятельских сил от сообщества с кубанскими татарами и преклонить их» в подданство России, предоставляя местным народам «разныя выгоды, каких они, будучи в подчинении ханов крымских, никогда иметь не могут»⁴. Но опасения российских властей не подтвердились. Северокавказские народы не поддержали османских «единоверцев» в войне против России.

В июне 1776 г. ген.-м. Медем со своим корпусом и с 20 тыс. конницей калмыцкого тайши Убаши – двинулся в верховья Кубани и заставил принять российское подданство абазин, башильбаевцев и солтанаульских ногайцев⁵.

Необходимо отметить, что основной причиной провала агрессивной политики султанской Турции было нежелание северокавказских народов поддержать османов. Об этом красноречиво свидетельствуют и многочисленные факты вступления местных народов в российское подданство. Так весной 1768 г. «все старшины и народ» вайнахский решили «состоять в прежней своей верности е.и.в. милость», постановили «состоять в прежней своей верности и данную присягу навсегда сохранять будут без

¹ Там же. С. 188.

² Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и его взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 505.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 762. Л. 31.

⁴ КРО. Т. 2. С. 288.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 297-299.

нарушения»¹. В течении 1768-1770 гг. с просьбой о принятии подданства России обратились также ряд дагестанских владетелей, а также адыги (мысылбайцы), абазины (тапанта), тагаурцы (осетины) и ингуши².

Следует также указать, что народы Северного Кавказа во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. оказывали помощь российским войскам. Так, при поддержке ногайцев, русские войска овладели крепостью Копыл и приблизились к границам Кабарды и совместно с кубанским казачьим корпусом ген.-м. Медема участвовали в военных действиях на Северном Кавказе³. В боевых действиях в регионе активное участие на стороне русских приняла «горская команда», сформированная из кабардинцев и осетин, которая входила в военный моздокский гарнизон⁴.

В начале июня 1774 г. в решающих сражениях при урочище Бештамак вблизи Моздока и в конце августа того же года в Баксанском ущелье на р. Гунделен крымские войска во главе с ханом Девлет-Гиреем были разгромлены российскими войсками, в которых также участвовали местные ополченцы⁵.

Необходимо отметить, что среди местных владетелей были также и сторонники турецкого султана. Так, летом 1769 г. российские войска под командованием И.Ф. Медема в урочище Эшкокон одержали победу над протурецки настроенными адыгскими князьями. После чего кабардинцы приняли российское подданство⁶. Кроме того, когда в августе того же года конница крымского хана Селим-Гирея вторглась на Северный Кавказ и достигла ст. Наурской, до 3 тыс. чеченских и кумыкских всадников двинулась на помощь крымцам. Однако совместный кумык-

¹ Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. С. 358.

² Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.) С. 301; Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010. С. 142.

³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 139-140.

⁴ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. С. 32.

⁵ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. С. 519.

⁶ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 440.

ско-вайнахский отряд попал в засаду русским и был разбит. Что же касается крымских войск, то они около ст. Наурской потерпели сокрушительное поражение¹. В это же время кумыки и представители других народов Дагестана и Чечни совместно с адыгами угрожали Кизлярской крепости².

Между тем, в конце лета 1771 г. обстановка изменилась. Русские войска заняли все стратегически важные пункты в Крыму. Под давлением российского правительства новым ханом был избран Сахиб-Гирей, с которым Россия 1 ноября 1772 г. заключила «Декларацию об отделении от Порты» и союзного договора с Петербургом³. Согласно договора Кабарда возвращалась России, крепости Керчь и Еникале передавались во владение Российского государства. В свою очередь Россия признавала независимость Крымского ханства и выводила свои войска с полуострова, а также обязывалась оказывать военную помощь по просьбе крымского хана⁴.

Естественно, в Стамбуле этот союзный договор был встречен враждебно; Порта не хотела признавать независимость Крымского ханства. Со вступлением в силу союзного договора, российские войска покинули Тамань. Вскоре туда были введены султанские войска, с намерением приступить к завоеванию Северного Кавказа⁵.

Реляция командующего русских войск в Крыму В.М. Долгорукова от 12 ноября 1773 г. извещала о прибытии к Тамани османских кораблей с 10 тыс. янычар и о претенденте на крымский престол Девлет-Гирея⁶. Кумыкским и кабардинским князьям были направлены османские эмиссары с деньгами и указами турецкого султана. Порта предлагала им заключить военный союз с кандидатом на крымский престол Девлет-Гиреем. Кроме того,

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 494-496.

² История Чечни. Т. 1. С. 381.

³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. С. 102.

⁴ Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. Махачкада, 2000. С. 445.

⁵ Там же. С. 445.

⁶ Архив Государственного Совета (далее – АГС). СПб., 1869. Т. 1. Ч. 1. С.

османы распустили слух в регионе о том, что российский флот потерпел поражение на Дунае и просит мира¹.

В мае 1773 г. командующий российскими войсками на Кавказе ген.-м. Медем получил донесение от офицера Стремоухова, что подосланы были адыги к ногайцам с тем, чтобы уговорить их «отложиться» от России, на что был получен от них решительный отказ². В мае того же года, по просьбе притесняемых кабардинскими князьями ингушей ген.-м. И.Ф. Медем выставил заслон для их защиты и вскоре арестовал 12 адыгских владетелей, что вызвало возмущение местной знати. Призвав на помощь закубанских адыгов, горцев Дагестана и Чечни, адыгские князья собрали огромное войско численностью более 20 тыс. человек. Ген.-м. И.Ф. Медем, не имевший достаточных сил, вынужден был пойти на уступки. Вскоре находившиеся в плену кабардинские владетели были отпущены, а также был снят военный кордон для защиты населения Ингушетии³.

В декабре 1773 г. ген.-м. И.Ф. Медем доносил российскому правительству, что им получены оперативные данные о прибытии в Новороссийск и другие черноморские порты султанских войск, численностью 8 тыс. человек, которые соединились в Тамани с 10 тыс. войсками крымского хана и готовились к вторжению в Кабарду⁴. Османский султан рассчитывал создать на Северо-Западном Кавказе удельное ханство в составе ногайцев, западных адыгов и кабардинцев, затем Девлет-Гирей должен был захватить крымский престол⁵.

Чтобы разведать о положении в Кабарде, И.Ф. Медем отправил за р. Малку отряд с 4 офицерами, который во владении адыгского князя А. Хамурзина захватил в плен турецкого эмиссара Ширин-кая с 3 помощниками и самого кабардинского владетеля. На обратном пути в Моздокскую крепость этот русский от-

¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. С. 103.

² АКАК. 1886. Т. 1. С. 87.

³ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. С. 170.

⁴ АГС. Т. 1. Ч. 1. С. 268.

⁵ Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. С. 445.

ряд подвергся нападению со стороны кабардинцев, пытавшихся отбить пленных¹.

Между тем, в письме от июня 1774 г. командующий российскими войсками в регионе сообщал, что османо-крымские войска, во главе с крымским ханом, прибыли на Малку, где к ним присоединились абазины, бесленеевцы, темиргоевцы и др. Вначале они пытались захватить Моздок, но были отбиты².

Блестящие победы, одержанные русской армией и флотом в русско-турецкой войне 1768-1774 гг., вынудили Османскую империю заключить летом 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный трактат. По договору Россия получила порты Керчь и Еникале, земли между реками Буг и Днепр, Дон и Ея. Кроме того, были подтверждены права России на Кабарду³. Договор отражал экономическое и военное превосходство России под Портой⁴. Присоединение Кабарды и продвижение России на Кавказ способствовали дальнейшему развитию и укреплению торгово-экономических и политических связей Северного Кавказа с Россией. После мирного договора 1774 г. влияние Петербурга в регионе «росло с каждым годом»⁵.

Кроме того, мирный трактат явился важным этапом в решении черноморской проблемы. Договор усилил позиции России на Северо-Западном Кавказе. Возвращение Кабарды в состав России создавало прочный тыл для решения вопроса о Правобережной Кубани.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира Порта медлила с ратификацией договора. Турецкий султан надеялся вернуть под свою власть Крымское ханство. В борьбе за Крым османское правительство придавало значение Кубани и особое Тамани как пункту, связующему обе части ханства. В связи с этим османы не торопились выводить свои войска из Тамани, что

¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. С. 103-104.

² Там же. С. 104.

³ История многовекового содружества. С. 148.

⁴ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе XVI-XIX веках. С. 104.

⁵ Кавказ. Описание края и краткий исторический очерк присоединения к России. СПб., 1911. С. 42.

было предусмотрено договором 1774 г. Турецкий султан требовал передачи ему Тамани, Кинбурна, Керчи и Еникале¹.

В мае 1775 г. ставленник султана Девлет-Гирей вступил на крымский престол. Новый хан отказался признать союзный договор 1772 г. с Россией и готовился вытеснить российские гарнизоны из Еникале и Керчи. Кроме того, крымский хан отправил своих посланников в Порту, с просьбой к султану ликвидировать независимость Крыма².

В создавшейся обстановке российское правительство решило выдвинуть на крымский престол своего кандидата – Шагин-Гирея. Чтобы проложить ему путь в Крымское ханство, было решено использовать Правобережную Кубань³. Следует отметить, что провозглашение ханом Шагин-Гирея на Северо-Западном Кавказе проходило в напряженной обстановке. Не нарушая мирных отношений с Османской империей, нужно было уговорить кубанских ногайцев избрать своим ханом Шагин-Гирея. Необходимо указать, что не все местные владельцы хотели этого. Только присутствие турецких войск в Тамани предоставило возможность османским эмиссарам усилить агитацию против ставленника Петербурга среди местного населения. В результате на сторону турок перешли темиргоевцы, значительная часть едишкульских ногайцев, шапсугов и абазин. Однако следует подчеркнуть, что в большинстве своем местные народы придерживались пророссийской ориентации. К ним относились адыги (натухайцы, часть шапсугов), ногайцы и абазины⁴.

Между тем, в январе 1777 г. Шагин-Гирей был избран ханом на Кубани, а 28 марта того же года крымский диван⁵ отстранил от власти Девлет-Гирея и признал ханом Шагин-Гирея⁶.

Весной 1777 г. Г.А. Потемкин представил императрице Екатерине II докладную записку, в которой он наметил план колонизации и экономического освоения Предкавказья. Он предложил

¹ АГС. Т. 1. Ч. 1. С. 324.

² Кидирнязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 295.

³ Сб. РИО. Т. 135. Ч. 8. С. 53, 57.

⁴ Присоединение Крыма к России. СПб., 1885. Т. 1. С. 68.

⁵ Диван – Верховный совет при крымском хане.

⁶ Надинский П. Суворов в Крыму. Симферополь, 1950. С. 28.

сомкнуть русские форпосты в устье Дона и в низовьях Терека укрепленной линией, которая пересекала бы всю равнинную часть региона от Азова до Моздока, протяженностью 500 верст¹.

Г.А. Потемкин понуждал кавказскую администрацию ускорить производство всех крепостных работ, чтобы к лету 1777 г. завершить строительство этой линии². Строительство велось силами солдат и казаков. Кроме того, лояльные России адыги, осетины, ногайцы, абазины и др. помогали русским в строительстве укреплений на российской границе по Кубани, а также в строительстве г. Ставрополя, подвозя на своих подводах лес, камни и другие строительные материалы³.

Между тем султанские эмиссары усилили антироссийскую пропаганду, подстрекая народы Закубанья к нападению на строящиеся укрепления. Турецкие эмиссары обещали местному населению денежное вознаграждение и военную помощь. Строительство российских военных укреплений на Правобережной Кубани вызвало возмущение адыгов. Укрепленная линия мешала местным жителям использовать пашни и пастбища на правом берегу Кубани. Весной 1779 г. кабардинцы, привлеченные на свою сторону западных черкесов, бесленеевцев и темиргоевцев, а также подвластных ногайцев князей Ахловых и Тогановых, стали в 7 верстах ниже Марьинской крепости на р. Залке. Они потребовали уничтожения всех российских крепостей в регионе⁴. Кроме того, ногайцы, черкесы и кабардинцы Закубанья летом 1779 г. участвовали в осаде крепости Марьинской. После ожесточенного 6-часового сражения закубанцы и кабардинцы отступили⁵.

К этому времени российскому командованию на Кавказе стало известно, что султанская Турция начала активную подготовку к новой войне с Россией, стремясь привлечь на свою сторону народы Дагестана, адыгейцев, чеченцев, кабардинцев. В ян-

¹ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 24.

² РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 151. Ч. 1. Л. 241-242.

³ Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь, 1957. С. 16.

⁴ История Адыгеи. Т. 1. С. 183-184.

⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 52, 57-58.

варе 1778 г. А.В. Суворов сообщал ген.-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, что горцы могут выставить 20 тыс. человек¹.

Необходимо указать, что в целом, северокавказские народы не возражали против строительства крепостей на Правобережной Кубани. Российское правительство хорошо понимало, что в столь сложной обстановке на Кубани нельзя добиться усиления своих позиций только военными мерами. Петербург не мог проявить особую агрессивность к местным народам, которые были его естественными союзниками и оказывали помощь в борьбе России с Персией, Портой и Крымом².

Следует отметить, что российское командование проявляло гибкость и лояльность к местному населению, то возникали предпосылки для торгово-экономического, политического, культурного сближения Северного Кавказа с Россией. Вольные или невольные просчеты российских властей в крае приводили к усилению там влияния турецкого султана или иранского шаха, а просчеты последних в свою очередь благоприятствовали укреплению позиций Петербурга.

Необходимо подчеркнуть, что укрепляя свои позиции в регионе, российское правительство не только способствовало расселению здесь казаков и переселенцев из внутренних губерний, но также поощряло обоснование в русских крепостях пророссийски настроенных представителей северокавказских народов.

Как известно, во всех вновь возведенных укрепленных пунктах и станицах вместе с русскими добровольно селились представители местных народов: кумыки, осетины, ногайцы, лакцы, чеченцы, ингуши, кабардинцы, абазинцы и многие другие³.

С 80-х гг. XVIII в., с присоединением Крыма и подписанием Георгиевского договора 1783г., Россия начинает планомерное проникновение на Кавказ, издавна составляющий зону влияния шахского Ирана и султанской Турции.

Первостепенно важное значение имел северокавказский регион, как геостратегический район на юге Российского государ-

¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. С. 111.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 138; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 143.

³ Кидирнязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 310.

ства. Утверждение того или иного государства в этом крае, расположенном между Черным и Каспийским морями, давало возможность играть господствующую роль в судьбах народов Передней и Центральной Азии.

Успехам кавказской политики российского правительства благоприятствовала и внутривосточная обстановка на Северном Кавказе, в частности в Дагестане. Здесь не прекращались феодалские распри, усобицы и т.д. В этих условиях Северный Кавказ не мог защищаться от агрессии региональных держав – шахского Ирана и султанской Турции. В связи с этим, по мере возрастания угрозы со стороны Персии и Порты, росло число про-российской ориентации среди владетелей как Дагестана, так и Северного Кавказа в целом¹.

Кроме того, присоединение в 1783 г. Крыма к России сыграло огромную роль в судьбах северокавказских народов. Местные народы избавились от разорительных набегов крымского хана, бравших с них дань людьми. Народы региона, освободившись от притязаний османской Порты и её вассала – Крымского ханства, попали в сферу прогрессивного экономического и культурного влияния Российского государства.

В начале 80-х гг. XVIII в. по распоряжению князя Г.А. Потемкина на Азово-Моздокской укрепленной линии – в Моздоке, Ставрополе и Георгиевске были сооружены лавки и амбары для торговли с народами Дагестана, кабардинцами, адыгами, осетинами, чеченцами, ингушами и другими местными народами².

Между тем, имея огромную территорию на Северном Кавказе в своих руках, российские власти указом от 5 мая 1785 г. решили оформить её присоединение к империи юридическим актом – созданием Кавказского наместничества из двух областей – Кавказской и Астраханской. С учреждением наместничества степное Предкавказье было окончательно включено в административную систему российской империи³.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 114-145, 148-149; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 458-459.

² Гугов Р.Г. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. С. 306, 316-317.

³ Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. С. 23.

В марте 1785 г. на Северном Кавказе началось движение под руководством Ушурмы (шейх Мансур – Д.К.), продлившееся до июня 1791 г. Движение шейха Мансура возникло на Северо-Восточном Кавказе и имело глубокое социально-политические корни¹. Этим объясняется, что на первом этапе к нему примкнули чеченцы, кабардинцы, кумыки, ногайцы, лакцы и др. Затем, отчасти под влиянием османов, оно приобрело ярко выраженную антиимперскую направленность и создало определённую угрозу позиции России на Северном Кавказе².

Следует отметить, что основной причиной создания антироссийской коалиции местных народов являлась не столько пропаганда султанской Турции, сколько сама политика, проводимая российским правительством в крае, её наступление на суверенитет местного населения. Успех движения шейха Мансура способствовал росту его популярности. К нему стекались все новые сторонники. Стремясь закрепить успех, Ушурма дважды пытался захватить Кизляр, но каждый раз терпел неудачи и отступал³.

Необходимо указать, что кизлярский комендант постоянно вмешивался во внутренние дела владельцев Северного Кавказа зачастую и без повода, требуя от них аманатов. Известный кавказовед проф. Ш.Б. Ахмадов указывает на причины участия чеченцев в антиколониальном движении: «... торговые связи Чечни с Россией в конце XVIII в. не получили должного развития, так как экономические мероприятия царских властей, таможенные пошлины, меновые дворы и всякие другие запреты сдерживали это развитие, что в свою очередь, вызывало недовольство народа, ... обостряла напряженность отношений между чеченскими обществами и царскими властями»⁴.

¹ Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в контексте развития и краха теократического проекта имама Мансура в 1785-1786 годах // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 4 (108). Май-июнь, 2012. С. 62-63.

² Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 2010. С. 95; Абдулаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII-XIX в. С. 34-36.

³ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2007. С. 71.

⁴ Цит. по: Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 384-385.

Однако в сентябре 1785 г. кизлярским властям сообщали о поддержке некоторыми дагестанскими владетелями – тарковско-го шамхала, казикумухского Магомед-хана, табасаранского кадия, кайтагского уцмия и др. движения шейха Мансура¹. Необходимо указать, что к движению присоединились также лакцы из Казикумуха, кумыки и ногайцы Засулакской Кумыкии². Кроме того, ведущее место заняли такие владетели, как эндиреевский князь Али-Султан и кабардинский князь Дол³.

Следует отметить, что в начале движения под руководством Ушурмы отношение дагестанских владетелей к нему было неоднозначным⁴. Например, тарковский шамхал Муртузали, аварский правитель Умма-хан, казикумухско-кюринский Нурмагомед-хан и его сын Сурхай-хан открыто не поддержали шейха Мансура⁵. В ответ на его призыв аварский хан ответил ему: «... ведь у России сил много, а у дагестанцев нет сил и средств и поэтому дагестанцы не могут воевать против России. Это и Дагестану никакой пользы не даст»⁶. Тарковский шамхал Муртузали ограничился визитом своего сына в лагерь восставших. Возможно, определенную роль сыграли здесь и первые неудачи шейха Мансура и антифеодальная направленность самого движения, а также действия российских войск против повстанцев⁷. Все чаще отряды Ушурмы рассеивались российскими войсками, а попытки силой провести мобилизацию и обложить местное население налогами популярности шейху Мансуру не добавляли. Так, эндиреевские и аксаевские князья обратились к ген.-губернатору П.С. Потемкину с

¹ Абдулаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII-XIX вв. С. 35, 38; Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX - начало XX вв.): основные направления, методы и последствия. М., 2012. С. 41; Идрисов Ю.М. Очерки истории северных кумыков. Махачкала, 2014. С. 71.

² Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII веке. Махачкала, 1994. С. 59.

³ Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII веке. С. 59; Идрисов Ю.М. Очерки истории северных кумыков. С. 71.

⁴ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII- начале XIX в. С. 356-357.

⁵ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. С. 137-138, 142.

⁶ РГВИА. Ф. 52. Оп. 194/2. Д. 52. Л. 121.

⁷ Чечня. История и современность. М., 1996. С. 169.

просьбой простить их и изъявили готовность «если когда чеченцы и мычигышцы будут чинить вред нам или кизлярским народам, то согласились с ними драться»¹.

Первоначально предполагалось, что Ушурма совершит поход в горы и в Кабарду. Российское командование на Кавказе не без опасения следило за всем происходящим в Чечне. Вначале оно пыталось уговорить восставших оставить шейха Мансура, но безуспешно. Затем оно направило против Ушурмы военный отряд под командованием полковника Пиери. Русским удалось занять чеченское село Алды, но на обратном пути они были разбиты².

Стремясь развить успех, шейх Мансур в июле 1785 г. решил штурмом взять г. Кизляр, но безуспешно³. Затем он направляется в Большую Кабарду, надеясь привлечь к движению новые силы. Однако 2 ноября 1785 г. в районе Татартупа Ушурма потерпел новое поражение от русских⁴.

К середине 1786 г. социальная база движения под руководством шейха Мансура стала неуклонно сужаться. Многие участники движения стали обращаться к русскому командованию на Северном Кавказе с просьбой о прощении. Ближайшие сподвижники Ушурмы – кабардинский князь Дол, кумыкские бии Алисултан и Хаджи-Муртузали Чопановы, ногайский князь К. Мансуров, осетинский алдар Дударов и другие владельцы покинули повстанцев и перешли на сторону русских властей⁵.

Между тем, турецкий султан хотел использовать это движение в своих интересах. В сентябре 1786 г. шейх Мансур ездил в Анапу по приглашению закубанского ногайского князя Мансурова. Несмотря на то, что российским командованием были приняты меры по задержанию Ушурмы при переходе через р.

¹ РДО. 1988. С. 200.

² Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 396-398.

³ РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 350. Ч. 7. Л. 60.

⁴ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 404; Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.Б.П. Кумыкские феодальные владения в контексте развития и краха теократического проекта имама Мансура в 1785-1786 годах. С. 65.

⁵ Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. С. 95; Идрисов Ю.М. Очерки истории северных кумыков. 73.

Кубань, он вместе со своими сподвижниками скрыто перебрался в Кабарду, а оттуда через горы ушел в Закубанье¹.

В сентябре 1786 г. вновь усилились попытки российских властей захватить шейха Мансура в плен. Вскоре он успешно вернулся обратно в Чечню. В мае-июне 1787 г. Ушурма усилил свою агитационную деятельность в Чечне, настаивая на необходимости собрать войско среди местных жителей для защиты своих имуществ и жилищ от царских войск. Он проводил собрания во многих вайнахских селах. Такое же мероприятие было проведено и в его родном селе Алды. Шейху Мансуру удалось собрать ополчение в 1 тыс. человек. Сюда входили чеченцы, аварцы, эндириевские, аксаевские кумыки и ногайцы. Однако, из-за ряда безуспешных военных действий в Чечне, Засулакской Кумыкии и Кабарде, а также перед предстоящей русско-турецкой войной, Ушурма вынужден был перебраться в Анапу².

Султанская Турция не желала примириться с потерей Крыма и Правобережной Кубани и, опираясь на поддержку западноевропейских держав (Англии и Франции), развязала новую войну с Россией (1787-1791 гг.).

До официального начала русско-турецкой войны (7 сентября 1787 г.) 21 августа османский султан отправил отряд из крепости Суджук-Кале к шейху Мансуру с целью организации совместного вторжения с народами Закубанья в пределы России. Ушурма руководил двумя крупными операциями на Северо-Западном Кавказе: 20 сентября 1787 г. значительные силы ногайцев и западных адыгов во главе с шейхом Мансуром атаковали русские позиции между Лабой и Урупом, но были оттеснены российскими войсками. Вскоре, в октябре, шейх Мансур с ногайцами и западными адыгами вновь попытался в районе р. Уруп оттеснить российские войска, но опять без успеха³. Одна часть приверженцев шейха Мансура приняла российское подданство, другая – отступила за р. Лабу. Сам же шейх Ушурма с большим

¹ РГВИА. Ф. 52. Оп. 194/1. Д. 364. Ч. 4. Л. 165.

² РГВИА. Ф. 52. Оп. 194/1. Д. 416. Л. 350; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. С. 214.

³ Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. С. 62; История Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 2009. С. 189.

трудом ушел в Анапу. Ногайцы, жившие в районе Лабы, принесли присягу верности России¹.

Когда же осенью 1787 г. шейх Мансур переправился через Кубань для агитации против России, абазины, ногайцы, карачаевцы и черкесы отказались признать его своим духовным главою². Местные народы, жившие в верховьях Кубани и на Зеленчуках, явились к русскому командованию и изъявили желание быть подданными России. Ногайский князь А.Ахлов, абазинские старшины родов Лоова, Кяча, Трамова, владельцы М. Бибердов, И. Лоов и другие принесли от имени своих народов присягу и приняли российское подданство. В залог своей верности они дали аманатов из наиболее знатных семей³.

Г.А. Потемкин доносил императрице Екатерине II 1 декабря 1787 г., что «знатное число черкесов переселено в Кавказскую губернию, абазинцы, и ногаи перешли в русское подданство, присягнув на верность России»⁴.

Весной 1788 г. турецкий султан планировал направить крупные воинские силы через Северо-Западный Кавказ для захвата Крыма. Большие надежды при этом он возлагал на помощь народов Северного Кавказа. Чтобы поднять их на борьбу с Россией, сюда было направлено большое количество султанских эмиссаров. Активизировал свои действия и Ушурма, побывав у абaziнов, ногайцев (наврузовцев) и призывая их принять участие в военных действиях против русских⁵. Обращался он с письмами-призывами и к народам Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В одном из них указывалось, «чтоб здешние жители веру крепко держали и соблюдали и с русскими не мирились». В Дагестан, в частности, к правителю Аварского ханства было послано от османского султана много денег с просьбой, чтобы он помог шейху Мансуру⁶.

¹ КРО. Т. 2. С. 369.

² Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957. С. 29.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. С. 273; История Адыгеи. Т. 1. С. 189.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 2376. Ч. 1. Л. 132-134 об; Мусхаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. Майкоп, 2006. С. 64.

Однако надеждам Порты не суждено было сбыться. Османскому султану так и не удалось организовать на Северном Кавказе антироссийское выступление. 1 ноября 1788 г. командующий войсками Кавказской линии ген. П.И. Текелли доносил, что все северокавказские народы «за всеми обращениями остались при своих местах»¹. Ни щедрыми подарками, ни угрозами эмиссары турецкого султана не смогли поднять народы Северного Кавказа на борьбу против России. Так, российский генерал Горич, адыг по происхождению, исходя из личных наблюдений и на основе многочисленных сообщений, которые поступали из Нагорного Дагестана, в своем донесении от 3 февраля 1788 г. кн. П.С. Потемкину писал: «Хотя здесь со стороны турков распространяемые разные слухи, как-то об отправке турецких войск на Кавказ и в Дагестан, рассеиваются, но горцы сами видят, что то несбыточно... я нахожу во всех горских народах доброе к нам расположение и, если угодно будет вашей светлости, могу собрать войско из них»². Кроме того, специально отправленный в Дагестан для обследования «касательно верности тех владельцев в расположении» к России и выяснения, «нет ли подсылок от Порты» поручик Навруз-Али Имангулов (по происхождению из терских ногайцев) по возвращении подтвердил, что несмотря на все старания османских эмиссаров, местное население остается верным России и «что все жители желают безмерно быть под покровительством России, «почему более ханы страшатся приклониться на приглашение Порты»³.

В 1790 г. султанская Порта двинула в центральную часть Северного Кавказа 30-тыс. армию под командованием Батал-паши. Кроме того, на стороне османов находилось 15 тыс. адыгов. С этим походом турецкий султан связывал далеко идущие планы. Подчинение Кабарды, территория которой имела большое военно-стратегическое значение, составляло одну из основных целей этого похода. Батал-паша рассчитывал захватить Кизляр, оказать давление на Дагестан и Южный Кавказ, укрепиться на

¹ РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 481. Л. 82.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 155-156.

³ РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 487. Л. 25-30.

побережье Каспийского моря и в целом на Кавказе¹. Религиозной пропагандой и подкупами султанская Турция рассчитывала восстановить против России и привлечь на свою сторону все мусульманские народы края². Однако надежды османского правителя на этот раз не оправдались. Народы Северного Кавказа, за исключением небольшой части местной знати, отказывались поддерживать Порту. Кроме того, в штурме Анапы отличились отряды под командованием кабардинского князя А. Хамурзина. Совместно с русскими отважно сражались и представители всех народов региона. Российское правительство отметило наградами и воинскими чинами ряд северокавказцев. Так, дагестанцы Г. Чепалов, М. Ахматханов, У. Хамзин, Д. Таймасханов, Х. Алишев, А. Аджиев, А. Алхасов; осетины – Е. Кабатиев, А. Туганов, К. Байгиреев; кабардинцы – А. Атажукин, М. Татарханов, Т. Наурузов и др. получили различные воинские звания³. Такая позиция северокавказских народов способствовала победам российских войск.

В сентябре 1790 г. российские войска под командованием ген. И.И. Германа одержала победу над войсками Батал-паши. В плен был взят сам Батал-паша. Некоторые представители северокавказских народов участвовали в сражении на стороне русских⁴. Победа российских войск над превосходящей по численности османской армией произвело большое впечатление на местные народы Закубанья. После этого сражения адыги (темиргоевцы, махашевцы и др.) и ногайцы стали проситься в российское подданство и были приведены к присяге⁵.

Ногайцы, жившие по р. Лабе, просили у российского командования разрешения переселиться на Правобережную Кубань. Вскоре они в числе 2 тыс. семейств были переведены в пределы

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 158; Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 489; История Адыгеи. Т.1 . С. 190.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 217.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 258-259; КРО. Т. 2. С. 376-378.

⁴ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 268; Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. 146.

⁵ Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1868. С. 45.

Кавказской линии. Вместе с ногайцами сюда также переселилось до 390 армян¹.

Между тем, согласно сведениям русских лазутчиков, наблюдавших за вайнахским селением Алды, стало известно, что посланный из с. Эндирей к анапскому паше сын узденя Баммат-аджи Бекир привез от Батал-паши письма, при этом он уверял чеченцев, будто бы «Батал-Паша с сильным корпусом турок, артиллериею ... тянется к Кубани, к коему также будто и кабардинцы присоединятся на действие в границы наши, почему все чеченцы, принимая сие за правду, без изъятия готовятся на скопища... и что все их наклонение есть при случае скопища напасть к Кизляру»².

В конце сентября 1790 г. ген.-м. Савельев сообщал кизлярской администрации о том, что по доходящим до него сведениям, «некоторые горские народы собирают войски с намерением идти на Кизляр и другие районы»³. Согласно данным чеченского исследователя Ш.Б. Ахмадова, в это время шейх Мансур находился в Чечне. Своим приходом в Чечню в середине 1790 г. Ушурма хотел продолжить борьбу против царизма⁴. В этот период новый командующий Кавказским корпусом ген. С. Булгаков был очень озадачен энергичными действиями шейха Мансура по мобилизации чеченцев и народов Дагестана для нападения на Кизляр и другие российские укрепленные пункты. Командующий Кавказским корпусом ген. С. Булгаков потребовал от ген.-м. Савельева, а последний, в свою очередь, – от кизлярских властей разведать, где находится в данное время Ушурма и не присоединились ли к нему войска дженгутаевского владетеля Ахмед-хана и тарковско-го шамхала?⁵

В конце 1790 г. С. Булгаков сменил на посту командующего Кавказским и Кубанским корпусом ген.-аншеф И.В. Гудович. В конце января 1791 г. он прибыл на Кавказскую линию и стал готовиться в поход на Анапу. Пока шли приготовления российских войск, османы прилагали усилия, чтобы поднять местное население

¹ Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. С. 311.

² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 258. Л. 19.

³ Там же. Л. 49.

⁴ Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. С. 312-313.

⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2578. Л. 63.

ние региона против России. Весной 1791 г. османский султан разослал среди северокавказских народов фирман, в котором призывал к войне с русскими. Ушурма, находившийся в Анапе, также рассылал свои письма к местным народам, призывая их к борьбе с царскими войсками¹.

9 мая 1791 г. ген. И.В. Гудович с 11-ю батальонами пехоты, 1900 человек егерей, 24 эскадронами кавалерии и 20 орудиями двинулся в путь к Анапе. На соединение с командующим Кавказским и Кубанским корпусом шел также отряд ген.-м. Загряжского.

Идя в военную экспедицию, российское командование хорошо понимало, что успех похода зависит от того, как поведут себя народы Закубанья. И.В. Гудович, как опытный стратег и большой дипломат, дал знать местным владельцам, что он идет с войсками в Анапу с целью бить османов, с которыми Россия ведет войну². Для укрепления нормальных отношений с местным населением российскими властями предпринимались некоторые шаги. Так, ген. И.В. Гудович приказал отпустить на волю адыгов, нападавших с оружием в руках на фуражиров. Вдобавок российским войскам было предписано не травить и не топтать посевы местных жителей. За всем этим командующий следил очень строго³.

После долгой осады 22 июня 1791 г. русские войска под руководством ген. И.В. Гудовича штурмом взяли Анапу. Было захвачено 95 крупных орудий, турки потеряли в сражении около 8 тыс. человек, в плен попало 14 тыс. человек. Среди пленных также оказались комендант гарнизона Анапы Мустафа-паша и Ушурма⁴. Взятый в плен шейх Мансур был отправлен в Петербург и вскоре приговорен к пожизненному заключению. Умер он в апреле 1794 г.⁵

¹ Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. С. 313-314.

² Шишов А.В. Схватка за Кавказ (XVI-XXI вв.) М., 2007. С. 234-235.

³ Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. С. 314.

⁴ Корольков М.Я. Шейх-Мансур Анапский (Эпизод из первых лет завоевания Кавказа) // Русская старина. № 5. СПб., 1914. С. 414-415; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. С. 48.

⁵ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. С. 160.

Таким образом, народно-освободительное движение 1785-1791 гг. под руководством шейха Мансура, начавшееся, как восстание чеченцев против царизма и местной феодальной верхушки, вскоре вызвало большой резонанс во всем крае, что объяснялось общностью целей народов Северного Кавказа в освободительном движении. Шейху Мансуру удалось привлечь под свои знамена многие северокавказские народы¹. Следует отметить, что в силу объективных причин в объединении местного населения на борьбу с царской Россией сыграла исламская религия. Отмечая положительную роль мусульманской религии в деле консолидации северокавказских народов, необходимо подчеркнуть, что религиозная идеология отчасти затемняла политические цели освободительного движения.

29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен мирный трактат между Россией и Турцией. Договор не дал России новых территориальных приобретений на Северном Кавказе, но укрепил её позиции в Предкавказье. Согласно статье 6-й мирного трактата, османы подтверждали, что признают Кубань «границей в той стороне между обеими договаривающимися сторонами»². Таким образом, большинство закубанских народов (ногайцев и адыгов и др.) были оставлены за султанской Турцией, с тем, однако, чтобы османы не допускали с их стороны «в пределы Российской империи набегов» и «разорений Российско-Императорским подданным и их селениям»³.

Победа России в войне с османами произвела большое впечатление на определенную часть северокавказской знати. Например, летом 1791 г. адыгские представители (натухайцы и хегаки) объявили о вступлении в российское подданство⁴.

Между тем, российские власти принимают решение заселить русским населением Правобережную Кубань. Так, в конце июня 1792 г. Екатерина II пожаловала Черноморскому казачьему войску в «вечное владение» Тамань и земли по правобережью р.

¹ Алиева С.И. Ногайские тюрки. Баку, 2010. С. 167.

² Договоры России с Востоком политические и торговые. С. 45.

³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. С. 162.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 233.

Кубань¹. После переселения сюда казаков, эту территорию получила название Черномория. В 1793 г. был основан административный центр Черноморского казачьего войска г. Екатериноград². С конца XVIII в. началось активное заселение русским и украинским населением Кубани.

Следует отметить, что Ясский трактат имел немалое значение как для Российского государства, так и для северокавказских народов. Договор 1791 г. закреплял присоединение Кабарды, Балкарии, Осетии в состав России. В 1791 г. в российскую столицу прибыла делегация, состоявшая из князей Засулакской Кумыкии, тарковского шамхала, дербентского хана и других владельцев Северо-Восточного Кавказа с просьбой о принятии ими подданства России. Через 2 года, в апреле 1793 г. ген. И.В. Гудович вновь принял присяги о российском подданстве владельцев Засулакской Кумыкии и тарковского шамхала. Осенью того же года дербентский хан Ших-Али-хан также присягнул на верность России³.

Вместе с тем Россия, занятая борьбой с Францией и не желавшая осложнять свое внешнеполитическое положение, решила пока не принимать в свое подданство владений, находящихся в «западно-южной стороне» Каспия⁴.

В то же время в северокавказском регионе действовали эмиссары Порты. Они распространяли фирманы турецкого султана, адресованные ко всем местным мусульманским народам. В указе султана, в частности, указывалось, что Порта отправила своего посланника в российскую столицу с требованием «отказаться от Крыма и Кабарды»⁵. Османский правитель также сообщал, что в будущей войне с Россией его поддержат Франция,

¹ Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1896. С. 14.

² Ратушняк В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978. С. 43.

³ АКАК. 1879. Т. 2. С. 294-459.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 459.

⁵ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 163.

шахский Иран и др. В связи с этим, османский султан призывал все народы региона готовиться к войне с русскими¹.

Между тем, весной 1797 г. войска персидского правителя Ага-Мухаммед-хана вторглись в пределы Кавказа. Над северокавказскими народами снова нависла угроза порабощения. Но опасность миновала после убийства иранского шаха летом того же года².

Политическая обстановка на Северном Кавказе с уходом шахских войск складывалась в пользу России. Иран на некоторое время был отвлечен борьбой правящей знати за шахский трон. Кроме того, российское правительство стремилось к улучшению отношений с султанской Турцией и стало проявлять больше осторожности и уступчивости в делах с османами.

§ 3. Политические взаимоотношения народов региона в контексте кавказской политики России в первой половине XIX в.

После убийства Павла I в марте 1801 г. политика России стала более последовательной. Царь Александр I восстановил отношения с Англией и Францией.

Прекращение войны в Западной Европе в начале XIX в. дало больше свободы рук на Кавказе. В 1801 г. был подписан манифест о присоединении Грузии к России.³

В начале XIX в. г. усилиями российских властей удалось собрать часть владетелей Северо-Восточного Кавказа или их посланцев на съезд в Георгиевск, где 26 декабря 1802 г. был подписан общий договор. Этот договор обязывал местных владетелей сохранять преданность России, не затевать междоусобий, а в случае нападения Персии «ополчаться единодушно всем к прогнанию общего их неприятеля». Кроме того, этот договор гарантировал покровительство и защиту местным торговым людям, при-

¹ Кидирниязов Д.С., Рабаданова А.У., Гарунова Н.Н. Дагестан в политике России, Ирана и Турции в середине 90-х гг. XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. № 5. Ч. 1. Краснодар, 2014. С. 208.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 172.

³ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 26. С. 782-783.

езжавшим в Россию.¹ Вскоре, в апреле 1803 г. хунзахский нуцал Султан Ахмед-хан присягнул сохранять верность России.²

В начале XIX в. была создана Кавказская губерния с центром в Георгиевске.

В это же время персидский шах, готовясь к войне с Россией, посылал своих эмиссаров к народам региона, призывая к военным действиям против русских.

Персия и Порта надеялись, что силы России будут опять отвлечены новыми войнами в Европе. Как известно, завоевания Наполеона I привели в 1805 г. к созданию против Франции новой коалиции из России, Англии и Австрии. В то же время, французы со своей стороны склоняли османского султана и иранского шаха к войне против России. Притязания Персии распространялись на весь Северо-Восточной Кавказ, включая города Кизляр и Моздок.³ Османский султан в 1804 г. через анапского пашу разослал адыгам призывы подняться против России.

Между тем Персия готовилась к войне с Россией и нагнетала обстановку на Кавказе. В антироссийских действиях на Кавказе шахский Иран поддерживал и султанская Турция.

Кроме того, в 1804 г. шах потребовал вывода российских войск из Грузии, Азербайджана и Дагестана, которые являются «подвластными Ирана».⁴

Русско-иранская война 1804-1813 гг., приняла затяжной характер из-за поддержки Персии европейскими государствами и Портой. В ходе этой войны эмиссары иранского шаха продолжали нагнетать обстановку в регионе. Шахские призывы против России подпитывались финансами. Так, персидский шах выделил 30 тыс. руб. для найма своих сторонников из Дагестана, а казикумухский хан обещал каждому участнику похода против России 45 руб.⁵

Многие местные владельцы не откликнулись на призывы шахского Ирана и султанской Турции к борьбе против России.

¹ АКАК. Т. 2. С. 1009-1011; Кидирниязов Д.С., Махмудова К.З. Георгиевский договор 1802 г. // Вопросы истории. № 9. М., 2012. С. 148-153.

² АКАК. Т. 2. С. 764-766.

³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI - XIX веках. С. 173.

⁴ АКАК. Т. 1. Ч. 2. С. 97.

⁵ Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 235-236; Т. 3. С. 263, 413-414.

Кроме того, тарковский шамхал передал российскому правительству 36 фирманов шаха.¹

Одновременно с началом русско-иранской войны весной 1804 г. В Кабарду ввели войска ген. Глазенапа. В начале мая того же года адыгская конница атаковала российские войска в долине р. Баксан. 14 мая произошло решающее сражение в районе Чегема и Шалушки. Адыги вместе с присоединившимися к ним отрядами балкарцев, карачаевцев, осетин, ингушей и др. в течение 7 часов вели ожесточенные сражения. Только к вечеру повстанцы потерпели поражение.

После этого началось массовое переселение в Закубанье кабардинцев, ногойцев и абазин. Однако активные боевые действия на территории Кабарды продолжались до марта 1805 г., когда царские войска вновь совершили военную экспедицию в Кабарду с целью окончательного подавления сопротивления адыгов².

Однако в мае 1807 г. между Ираном и Францией был заключен договор. По этому договору французы обещали шаху заставить Россию вернуть Грузию и другие земли.³

Кроме того, положение России в северокавказском регионе осложнялось неблагоприятными переменами в Европе, началом русско-турецкого соглашения о совместных действиях на Кавказе. Таким образом, вновь активизировались совместные антироссийские действия в регионе Персии и Османской империи. Повсюду на Северном Кавказе ходили шахские и султанские эмиссары с призывом подняться на войну против русских. Так, в 1809 г. Порта обратилась к адыгам-темиргоевцам, чтобы они распространяли в регионе фирманы турецкого султана с призывом мусульман к «священной войне» против России.⁴ Часть кабардинских князей воспользовалась затруднениями России и возглавили набеги северокавказцев на Кавказскую линию.⁵

Напряженная обстановка в крае усугублялась жестокими карательными действиями русских войск против местного населения. Так, в 1810 г. после подавления восстания в Кабарде, с

¹ Там же. Т. 1. С. 1039.

² История многовекового содружества. С. 153.

³ АКАК. Т. 3. С. 477-478.

⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 27.

⁵ Там же. С. 27.

адыгов потребовали большую контрибуцию лошадьми, крупным рогатым скотом и деньгами.¹

В 1812 г. в Бухаресте был подписан русско-турецкий мирный договор.² В 1813 г. завершилась российско-персидская война, подписанием Гюлистанского мирного договора. По этому договору Иран навечно признавал за Россией Дагестан, Грузию, большую часть Азербайджана.³

С заключением Гюлистанского и Бухарестского мирных трактатов обстановка на Северном Кавказе не стабилизировалась.

Однако, несмотря на усилия шахского Ирана и султанской Турции им не удалось добиться на Северном Кавказе крупных антироссийских выступлений. Хотя в регионе имели место отдельные выступления против России, но значительная часть местных владетелей не шла на конфронтацию с Петербургом.

Несмотря на огромное укрепление позиций России в Европе, российские власти не были готовы направить на Северный Кавказ крупные военные силы. Финансы страны были расстроены войнами, основная часть армии находилась у западных границ. Кроме того, военных линий в крае не хватало для распространения на этой территории своей административной и военной власти, а отношения России с Персией и Портой угрожали в будущем новыми конфликтами. В этих условиях российское правительство решило направить на Кавказ героя Отечественной войны 1812 г. ген. А.П. Ермолова, надеясь, что его опыт поможет упрочить положение России в крае и избежать новой войны с Персией.

В начале мая 1816 г. ген. А.П. Ермолов был назначен главнокомандующим на Кавказе, а в июне – чрезвычайным послом в Иран⁴.

А.П. Ермолов развернул на Кавказе кипучую деятельность. По его предложению, российским правительством «проконсулу

¹ Там же. 27.

² Договоры России с Востоком политические и торговые. С. 49-58; Внешняя политика России. М., 1962. Т. 6. С. 406-407.

³ Внешняя политика России. М., 1970. Т. 7. С. 403-425; История Востока. М., 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 127.

⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 33; Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.). С. 55.

на Кавказе» предписывалось отмежевание казакам правого фланга Кавказской линии по 30 дес. земли на душу, а казакам левого фланга линии по Тереку по 50 дес. земли¹.

Кроме того ген. Ермолов разработал широкий план переноса военной линии с реки Терек до подножия Кавказского хребта и перехода к непосредственному подчинению горских обществ и местных владельцев российской административной власти. Военно-грузинская дорога была перенесена на левый берег Терека и хорошо защищена².

На строительство военных укреплений и дорог российские власти насильно мобилизовали местное население³.

Кроме того, местное население должно было нести подводную повинность для перевозки различных грузов, почтовую службу и т.п. Были введены также новые таксы на вино, шелк, на использование воды, земли и т.д.⁴ Что эти повинности были непосильны признавал и сам ген. А.П. Ермолов. Он указывал, что «... с моей стороны, как начальник здешнего края, должен сказать истину, что кюринский народ (лезгины – Д.К.) по бедности своей заплатить сего не может»⁵.

В то же время, необходимо отметить, что русские власти на Кавказе пророссийски настроенным владельцам щедро раздавали чины, звания, земли, деньги. Так, в Дагестане российская администрация всячески поддерживала шамхала Тарковского, Ахмедхана Кюринского и др. В Засулакской Кумыкии старший аксаевский князь Муса Хасаев был награжден золотой медалью, усыпанной бриллиантами и с надписью «За усердие», а эндиреевский и костековский владельцы – каждый – перстнями по 2 тыс. руб. стоимостью⁶.

Между тем, жестокая колониальная политика царских властей на Северном Кавказе (захват в огромных масштабах терри-

¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 5. С. 450.

² АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1-7. Оп. 8. 1818 г. Д. 2. Л. 1-8; АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 448-499.

³ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и лицах. СПб., 1885. Т. 2. Вып. 2. С. 317-318.

⁴ АКАК. 1875. Т. 5. С. 160-161; Т. 6. Ч. 2. С. 69.

⁵ Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 8.

⁶ Там же. Т. 6. Ч. 2. С. 563.

торий, строительство крепостей, укреплений, ущемление прав и привилегий части местных владетелей) вызвали массовое недовольство со стороны местного населения, открытые антироссийские выступления.

В регионе начинается народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа против колониальной политики царизма. В движении горцев первой половины XIX в. участвовали многие северокавказские народы.

Как известно, весной 1818 г. «проконсул на Кавказе» А.П. Ермолов выехал из Тифлиса на Северный Кавказ. В ст. Червленую (Чечня) он прибыл 18 мая. Перед этим он побывал в Кабарде, для ознакомления ситуации здесь. К приезду А.П. Ермолова в ст. Червленной был собран отряд российских войск, с численностью до 7 тыс. человек¹. Вскоре сюда были вызваны старшины всех вайнахских сел, расположенных по Тереку. От прибывших старшин ген. А.П. Ермолов потребовал покорности. Для безопасности русских войск от нападений чеченцев при переходе с Терека на Сунжу, наместник Кавказа задержал вайнахских старшин в качестве аманатов².

В конце мая российские отряды переправились через р. Терек и расположились на Сунже, недалеко от Ханкальского ущелья. Вскоре началось строительство крепости Грозной, которая должна была закрыть вход местному населению к Тереку и Сунже через Ханкальское ущелье³.

Естественно, появление российских войск в Чечне очень встревожило местное население. Поэтому в конце мая 1818 г. к наместнику Кавказа отправилась депутация вайнахских старшин. 30 мая ген. А.П. Ермолов обратился к ним с угрожающим письмом⁴.

Угроза порабощения, начало строительства кр. Грозной, огромные повинности, накладываемые на местных жителей, заставило чеченцев подняться на борьбу.

¹ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и лицах. Т. 1. С. 80.

² Ермолов В.А. Записки Ермолова А.П. 1798-1826 гг. М., 1991. С. 304.

³ Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.). С. 60.

⁴ История Чечни. Т. 1. С. 480; Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. С. 422.

Следует отметить, что вайнахи, трезво оценивая свои силы в вооруженных столкновениях с российскими войсками, поняли что надо воевать с ними методом партизанской войны¹.

Необходимо также указать, что население Чечни тесно связанное торгово-экономическими связями с терско-гребенскими казаками и русскими, хотело избежать военных столкновений со стороны российских войск поэтому не поддерживало призыва к вооруженным действиям.

Тогда вайнахские старшины обратились за помощью к старшинам Дагестана². Некоторые дагестанские владетели, в частности аварский хан Султан Ахмед-хан хорошо понимал, что после чеченцев русские отряды придут в Дагестан. Поэтому на помощь к чеченцам был отправлен отряд ополченцев, численностью до 1 тыс. человек во главе с Нурмагомедом, близким родственником аварского хана. В начале 1818 г., в районе сел Старый Юрт и Атаги, объединенные отряды дагестанцев и чеченцев дали бой хорошо вооруженным артиллерией войскам. После долгого сражения горцы потерпели поражение³.

Начальный этап народно-освободительного движения охватывает период с начала вооруженных действий на Северо-Восточного Кавказе до конца 30-х гг. XIX в. Главные события этого периода развернулись в горной зоне Дагестана, а именно в Аварии.

Между тем Ахмед-хан Аварский напал на русский отряд и занял с. Башлы. Вскоре ген. Ермолов со значительными силами двинулся против него и разбил его войско, а также сжег Дженгутай.

Затем российские войска нанесли поражение Сурхай-хану. В сентябре того же года были рассеяны отряды Ахмед-хана Аварского у р. Сулак (Койсу). Затем ген. А.П. Ермолов пошел в Тарки. Тарковский шамхал оставался верным России. Сурхай-хан и Ших-Али-хан, получив от иранского шаха крупную сумму, подстрекали акушинцев против русских. Акушинцы оказали сопротивление российским войскам, но были разбиты⁴. В декабре

¹ Записки А.П. Ермолова. М., 1868. Т. 2. С. 305.

² АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 3.

³ История Чечни. Т. 1. С. 483.

⁴ История Дагестана. 2004. Т. 1. С. 477.

1819 г. казикумухский владетель Сурхай-хан совершил нападение на Чирахский пост¹. В начале января 1820 г. российские войска заняли Акушу, где вновь была принята присяга на российское подданство. Сурхай-хан бежал и российскими властями был навсегда лишен ханства, а вместо него правителем Казикумухского ханства был провозглашен Аслан-хан. А.П. Ермолов упразднил Кайтагское ханство, а за беками стал наблюдать пристав².

После перенесенных потрясений в 1818-1820 гг. в Дагестане наблюдается какое-то временное затишье. Разумеется, это было относительным затишьем. «Сим довершено, – сообщал в июле 1820 г. ген. Ермолов императору Александру I, – начатое в 1819 г. покорение Дагестана, и страна сия, гордая, воинственная и в первый раз покорствующая пала к стопам Е.И.В.»³.

Необходимо отметить, что заявление ген. Е.П. Ермолова не соответствовало действительности. Некоторые владетели и сельские общества Дагестана в течение 1820-1822 гг. продолжали совершать набеги на Грузию⁴.

Продолжая политику окружения региона кольцом кордонных линий, российская администрация на Кавказе в 1821 г. завершила строительство крепости Бурной (выше Тарков). Этим заканчивалась военная линия укреплений от Сунжи до Дагестана.

Естественно, местное население было недовольно этим. Волнения возникали и во владениях тарковского шамхала. Воспользовавшись этим, в 1821 г. Султан-Ахмед-хан Аварский окружил с. Большое Казанище. Ген. А.А. Вельяминов, по указанию А.П. Ермолова, совершил военную экспедицию в Аварию. Кроме того, ген. Ермолов выдвинул на ханский престол Сурхай-бека, вместо Султан-Ахмед-хана. Ген. Ермолов обещал также Сурхай-беку, чин ген.-м. и 5 тыс. жалования. Российские власти всячески поддерживали распри между сторонниками противодействующих сторон. В результате этого вся Авария была разделена на две враждующие стороны⁵.

¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). С. 36-37.

² История Востока. Т. 4. Кн. 1. С. 147.

³ АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 7.

⁴ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 6. С. 497.

⁵ АКАК. Т.6. Ч. 2. С. 5, 11, 25, 28-29.

Аварский правитель Султан-Ахмед-хан продолжал побуждать местное население против русских. Летом 1821 г. (август) были получены известия, что на помощь к Султан-Ахмед-хану хотят придти эндиреевцы, аксаевцы и чеченцы¹. Вскоре Султан-Ахмед-хан вместе с мехтулинцами напал на кр. Бурную, но был отбит². Против него были направлены русские отряды под командованием ген. А.А. Вельяминова. Преследуя Султан-Ахмед-хана, русский отряд 28 августа 1821 г. занял с. Аймаки³. В том же году умер аварский хан, но репрессии против его сторонников продолжались. В октябре 1822 г. ген. А.П. Ермолов совершает карательный поход против Дагестана, который продолжается по февраль следующего года. В ходе которых «мятежные селения Эрпели и Каранай, подвластные шамхалу, были истреблены»⁴.

Следует отметить, что со смертью аварского хана и уцмья Каракайтаса (1821 г.), в пределах Дагестана не осталось открытых сторонников восточной ориентации, кроме Абдулла-бека Ерсинского. Табасаранский владетель Абдулла-бек с сыном бывшего уцмья в 1823 г. возбуждал табасаранцев на борьбу против России и нападал на отдельные российские посты, дислоцированные в регионе⁵.

Между тем, меры по укреплению Кавказской линии вызвали беспокойство и сопротивление местных владетелей.

Султанские эмиссары продолжали проникать в Закубанье и Кабарду и подстрекать местных владетелей к нападению на Кавказскую линию. Сильное сопротивление оказывали кабардинцы, чеченцы, участвовали их нападения на российские укрепления. А.П. Ермолов неуклонно следовал своему плану переноса военной линии с Терека на Сунжу, к подошве Кавказских гор, что вело к подчинению полосы плодородных земель между реками и горной цепью.

Линия новых российских постов и укреплений возводилась от Сунжи до р. Сулак (Койсу). В 1818 г. была построена крепость Грозная, 1819 г. – Внезапная, в 1821 г. – Бурная⁶.

¹ Там же. Т. 6. Ч. 2. С. 10.

² Потто В. Кавказская война ... Т. 2. Вып. 2. С. 313.

³ Там же. С. 314.

⁴ АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 17.

⁵ Там же. Т. 6. Ч. 2. С. 17-19, 74-76.

⁶ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 34; Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (816-1827 гг.). Грозный, 2006. С. 151.

Подготовка новой русско-иранской войны сопровождалась усилением подстрекательств шахских эмиссаров, и сопротивление местных владетелей не затихало. Перенос линии на Сунжу сопровождался выступлениями дагестанских, чеченских, кабардинских и других владетелей.

В Дагестане первым против российских войск выступил аварский правитель Ахмед-хан, за ним Мехтулинский, Казикумухский, Каракайтагский и другие владетели, а также старшины сельских обществ¹.

1822 г. стал тяжелым годом для сторонников антироссийской борьбы в регионе – скончались руководители борьбы – Ших-Али-хан и каракайтагский уцмий. Осенью того же года аварский хан распространил слух о якобы объявленной войне Турцией России и о намерении султана отправить войска на помощь Дагестану².

В 1825 г. в Чечне вспыхнуло восстание под руководством Бей-Булата Таймиева. Основной целью повстанцев являлось освобождение Чечни до р. Терек от российских войск. Необходимо указать, что восстание в Чечне получило большой резонанс в Дагестане и Кабарде³.

Следует отметить, что руководство вайнахских повстанцев придавало большое значение Кумыкской плоскости как пограничной территории между Чечней и всем Дагестаном⁴. Б.Таймиев потратил много сил для того, чтобы поднять кумыков и другие народы Дагестана на вооруженную борьбу против России.

Стратегическую значимость Кумыкской плоскости хорошо осознавало и русское командование. Ген. Н.В. Греков прекрасно понимал, что повстанцы навряд ли нападут на сильную крепость Внезапную и поэтому дал приказ хорошо усилить укрепления Амир-Аджи-Юрт, Преградной Стан и Герзель-Аул. Между тем, в ночь с 7 на 8 июля 1825 г. восставшие напали на укрепление Амир-Аджи-Юрт и не встретив особого сопротивления захватили

¹ Записки А.П. Ермолова. Ч. 2. Прил. С. 431-432.

² АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 171.

³ Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII-20-е гг. XIX в. С. 383.

⁴ Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (816-1827 гг.). С. 354.

её¹. Вскоре к повстанцам присоединились до 300 аксаевцев, во главе с гумбетовским кадием Дибир-Али, а в целом в войск Бейбулата Таймиева находилось до 500 добровольцев из Дагестана². Вскоре волнения начались среди эндириевских и аксаевских кумыков. Затем восстание перекинулось в Тарковское шамхальство, Джаро-Белоканы, Кабарду и Закубань³. «Кабарда вовлеченная в общий поток своими соседями, пристала к мятежникам, Чечня горела ... Вся Кавказская линия от моря до моря стояла в огне. Один Дагестан пока оставался спокойным, но грозовые тучи, ходившие кругом, сгущались уже и над его горами»⁴. Таким образом, летом 1825 г. немалая часть территории Северного Кавказа была охвачена волнениями.

Всю осень 1825 г. пока российское командование занималось строительством военных укреплений в Засулакской Кумыкии, ждало военных подкреплений из центра и наступления военных холодов, в Чечне фактически власть находилась в руках повстанцев⁵.

В начале 1826 г. восстание в Чечне прекратилось. Население большинства крупных равнинных селений стало чувствовать усталость от военного напряжения. Кроме того, с наступлением зимних холодов начался быстрый спад восстания. Большинство крупнейших вайнахских селений Алды, Герменчук, Большой Чечен и др. выразило покорность⁶.

Кроме того, в 20-е гг. XIX в. прошли выступления в Южном Дагестане под знаменем мюридизма, а в начале 30-х гг. духовным

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 6. С. 533; Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (816-1827 гг.). С. 333-335; Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. С. 441.

² Записки А.П. Ермолова Т. 2. С. 172-173; Волконский Н.А. Войска на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1888. Т. XIV. С. 98-103.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6288. Л. 175, 371.

⁴ Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 1. С. 345.

⁵ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 г. по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. 14. С. 138.

⁶ Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). С. 386; Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне (XIX – начало XX вв.). С. 62.

наставником здесь стал Магомед Ярагский, а после его смерти – Джамалутдин Казикумухский.

Руководителем вооруженной борьбы против царских войск стал имам Газимухаммед, житель с. Гимры¹.

Следует отметить, что многие местные народы, жившие в центральных районах Северного Кавказа, в силу ряда причин не испытали на себе большого влияния движения горцев под руководством первого имама Дагестана – Газимухаммеда. Документальные факты свидетельствуют о том, что часть местного населения, хотя и сочувствовала повстанцам, а некоторые из них даже участвовали в Кавказской войне, под угрозой опасности со стороны близлежащих русских крепостей и Кавказской линии не могли принять активного участия в борьбе с самодержавием.

Однако архивные документы свидетельствуют о том, что эндириевские, костековские, аксаевские, тарковские кумыки, ногайцы, чеченцы и др. активно участвовали в начальном этапе народно-освободительного движения горцев Дагестана и Чечни под руководством имама Газимухаммеда.

Многочисленные архивные источники говорят о том, что к ногайцам приходили агитаторы из среды повстанцев, чтобы привлечь их к движению. Например, в октябре 1831 г. к ногайцам приезжали горцы во главе с абреком Абдулкеримовым. Местные жители дали им для продовольствия баранов и учинили между собою присягу – «О приезжавших к ним начальству не заявлять».²

Еще раньше, в июне 1828 г. в пределы Кавказской области вторгся вооруженный отряд черкесов и кабардинцев численностью 3 тыс. человек и напал на с. Незлобное. Повстанцы также хотели присоединить ногайцев Закубанья к себе и воевать против русских отрядов, но были отбиты русскими войсками.³

За сопротивление местной российской администрации царские власти в отдельных случаях расселяли местные народы в русских селах и станицах и даже выселяли в другие губернии. Так, в 1832 г. Николай I в наказание за участие ногайцев в Кав-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6294. Л. 27.

² Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 177.

³ Там же. С. 177.

казской войне предложил кавказской администрации переселить в Саратовскую губернию 300 ногайских семей. Их предполагалось расселить мелкими партиями с тем расчетом, чтобы следующее поколение уже ничего не знало о прежних обычаях и обрусело.¹

Победы вооруженных повстанцев в начале 30-х гг. XIX в. над царскими отрядами и силами местных владельцев послужили сигналом к массовым волнениям населения подвластных российским властям районах Дагестана. По сообщению Прушановского, в лагерь имама Газимухаммеда «начали стекаться все храбрейшие горцы Дагестана».²

Вскоре имам Газимухаммед перенес свои действия в Северный Дагестан, который в это время был охвачен восстанием. Здесь главным театром военных действий между повстанцами и российскими войсками стала крепость Внезапная, а также Засулакская Кумыкия. Еще до подхода отряда имама Газимухаммеда Внезапная была обложена восставшими салатавцами, чеченцами, а также жителями окрестных кумыкских и ногайских сел³.

Когда в 1831 г. Газимухаммед прибыл под крепость Внезапную, «все кумыки, исключая одной деревни Аксаевской, уже передались ему, - доносил об этом ген. Эмануэль управляющему главным штабом ген.-адъютанту Чернышеву, - жители деревни Казииорт переселены все Казии-Мулою к Костекам».⁴

Вместе с тем восстание в контролируемых российской администрацией районах Дагестана ширилось, многие жители Засулакской Кумыкии, оставляя свои родные очаги, уходили в недоступные для российских войск места. Такие крупные селения, как Казииорт, Чонтаул, Костек и некоторые другие стали почти безлюдными.⁵ О широком участии жителей Кумыкской плоско-

¹ АКАК. Т. 8. С. 770.

² Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 178.

³ Идрисов Ю.М. Общественно-политическая деятельность Солтан-Мута и его потомков в XVII-XIX вв. (по материалам архивных фондов) // Султан-Мут и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII-XVIII вв.). Материалы международной научной конференции. 20 апреля 2011 года. М., 2011. С. 400.

⁴ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в.: Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 95.

⁵ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XIV. С. 158.

сти в восстании против царских властей свидетельствует и сообщение Служивого, который указывал, что появление отряда ген. Эмануэля «заставило удалиться в горы» Газимухаммеда из-под Внезапной, но тем не менее кумыки (и ногайцы) толпами стали уходить под знамена имама»¹.

В одном из архивных материалов говорится о переходе на сторону имама Газимухаммеда во время его действий под крепостью Внезапной не только крестьян и узденей Кумыкской плоскости, но и некоторых князей, состоящих на царской службе.²

Н.А. Волконский сообщал, что «андреевские и костековские ногайцы» примкнули к осаждающим крепость Внезапную.³

Когда царские войска были заняты подавлением восстания в Южном Дагестане, имам Газимухаммед предпринял поход в Засулакскую Кумыкию, где к нему присоединились жители Эндирея, Аксая и близлежащих чеченских сел.⁴

После жестоких карательных действий царских войск в Засулакской Кумыкии, а также погрома в Верхнем Чирюрте, устроенного отрядом ген.-м. Вельяминова, который, как указывал Н.А. Волконский, имел большое «влияние на кумыков и на остальных ногайцев, доселе... упорствовавших... отложившиеся кумыки и ногайцы стали постепенно водворяться на прежних местах и к 10 ноября возвратились до 145 семейств в Казийорт, в Чонтаул до 70 семейств, а Костек до 30 семейств».⁵

Между тем, летом 1831 г. 8-тыс. отряд во главе с имамом Газимухаммедом более недели держал в блокаде г. Дербент. Вскоре подоспели российские войска под командованием ген.-м. Каханова, принудили осаждавших отступить к с. Рукель. В ноябре того же года повстанцы совершили стремительный поход на Северный Дагестан, разорили Кизляр, вступили в Чечню, совер-

¹ Служивый. Очерки покорения Кавказа. СПб., 1877. С. 56; Идрисов Ю.М. Очерки истории северных кумыков. С. 41.

² РГВИА. Ф.ВУА. Оп. 2. Д. 13454. Л. 2-14.

³ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XIV. С. 223.

⁴ АКАК. Т. 8. С. 670; Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Махачкала, 2006. С. 97-98.

⁵ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XIV. С. 158.

шали нападения под Назрань и Владикавказ¹. Так, за участие в Кавказской войне карабулаков на стороне Газимухаммеда в 1832 г. в горную Ингушетию направляется военная экспедиция под командованием барона Г.В. Розена².

После поражения восстания в Засулакской Кумыкии и Чечне имам Газимухаммед вынужден был возвратиться во внутренний Дагестан, он остановился в селении Ирганай и стал укреплять подступы к нему. Сюда на помощь ему, по сообщению Мухаммед-Тахира, пришли «его последователи из Чечни и Кумыкской плоскости».³

Между тем в октябре 1832 г. в сражении против царских войск при Гимрах Газимухаммед был убит. Вторым имамом был назначен Гамзат-бек⁴.

В 1834 г. руководителем народно-освободительного движения стал имам Шамиль⁵.

С 1835 г. Ташав-хаджи начал собирать вокруг себя в Чечне повстанцев. Он в своих проповедях и действиях показал себя не только религиозным проповедником, но и опытным стратегом и государственным деятелем⁶. Вскоре на общенародном съезде он был избран имамом Чечни⁷. В каждом селении строились укрепления. Следует отметить, что они служили временными заслонами на пути наступления царских войск. Кроме того во главе каж-

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни (1-я половина XIX в.). Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 202-203; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е годы XIX в. С. 62-63.

² Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.). С. 70.

³ Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Три имама. Махачкала, 1990. С. 10.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 217.

⁵ Кавказский сборник. Тифлис, 1899. Т. 20. С. 253; Дроздов И. Начало деятельности Шамиля (1834-1836 гг.) // Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Махачкала, 2006. С. 112.

⁶ Труды Государственного исторического музея. М., 1941. Вып. XV. С. 154; Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. М., 1977. С. 89; Ханмурзаев И.И. Ташав-хаджи: политический и религиозный деятель // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2011. Вып. 2. С. 84.

⁷ История Чечни. Т. 1. С. 544-545; Письма Шамиля / Введение, тексты, перевод с арабского, коммент., примеч. Х.А. Омарова. Махачкала, 1997. С. 272; Ханмурзаев И.И. Великий шейх Ташав-хаджи из Эндирея // Исламоведение. Махачкала: изд-во ДГУ, 2012. № 1(11). С. 106.

дого укрепленного района назначили руководителя. В Чечню (Ичкеррию) в качестве руководителя из Дагестана были направлены андиец Саид Игалийский, а в Большую Чечню – Уди-Мулла, из Нагорного Дагестана¹. Последний в 1837 г. действовал вместе с Ташав-хаджи против войск ген.-л. Фезе наступавшего в Анди².

Между тем, в 1835 г. царские войска во главе с полковником А.П. Пулло предприняли из Грозного безуспешный поход против восставших в Чечне во главе с Ташав-хаджи из с. Эндирей³.

Весной 1836 г. Шамиль совместно с Ташав-хаджи действовал против сел Игали, Ирганай, Унцукуль и др., население которых не были «расположены к мюридам и не принимали шариат»⁴. Весной 1837 г. совместный отряд горцев нанес крупное поражение русскому отряду под командованием ген.-м. М. Ивелича около аварского села Ашильты. Летом того же года серьезную неудачу царские отряды потерпели под с. Тилитль в Нагорном Дагестане⁵. Кроме того, в селах Игали и Чиркаты прошли переговоры между Шамилем и Ташав-хаджи, на котором было принято решение о совместных действиях против царских воинских сил. На этом совещании также пришли к согласию, что Шамиль будет имамом, а Ташав-хаджи – его наибом⁶.

В 1834 г. за участие в движении горцев по приговору военного суда 4 ногойца: Джумали Сойнакаев, Отекай Джанмагомедов, Кинджакай Баймагомедов и Темир-Булат Аджигулов со своими семьями были сосланы в Саратовскую область.⁷ В 1846 г. джамаат ногойского аула Едишкуль Калаусо-Саблинского приставства – бии (князя), муллы и представители народа в количестве 77 человек обратились с ходатайством к Главнокомандующему Кавказской области о разрешении этим сосланным вернуться назад. Вскоре было возбуждено ходатайство Главноко-

¹ История Чечни. Т. 1. С. 545.

² Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. С. 155, 163, 165; Письма Шамиля. С. 273.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 145.

⁴ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. С. 139; Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. С. 90-98.

⁵ История Чечни. Т. 1. С. 547.

⁶ АКАК. Т. 8. С. 712; Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля. Махачкала, 2009. С. 453.

⁷ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногойцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 179.

мандующего Кавказской области. В январе 1848 г. последовало высочайшее разрешение этим ногайцам возвратиться на родину.¹

Положение на Кумыкской плоскости также было беспокойным для официальных властей. Жители ее, испытывая лишения и неудобства со стороны царских чиновников, готовы были принять сторону Шамиля.

Опасения главнокомандующего русскими войсками на Кавказе ген. Е.А. Головина за преданность жителей подвластных ему районов Дагестана не была случайной, так как они довольно часто переходили на сторону Шамиля при появлении его отрядов. Царское командование также опасалось, чтобы жители равнинных и предгорных районов не последовали примеру чеченцев и не стали переселяться в горы. Так, в январе 1842 г. начальник Сунженской линии доносил ген.-м. Ольшевскому о возможном побеге в горы не только кумыкских крестьян, но и князей.² Он же отмечал, что ничего утвердительного «сказать о ногайцах», живущих «по эту сторону Терека» нельзя, «но, судя по слухам, можно почти безошибочно заключить, что при побеге кумыкских князей они не останутся на своих местах...»³ В связи с этим царские власти вынуждены были предпринять дополнительные меры для предотвращения возможного побега жителей Засулакской Кумыкии (кумыков, ногайцев и др.) в горы.

Во второй период освободительной борьбы горцев (1840-1852 гг.) повстанцы под руководством имама Шамиля достигли больших успехов⁴. Так, Нагорном Дагестане было взято 12 русских укреплений, и освобождены от царских войск почти весь Нагорный Дагестан и Чечня⁵. Кроме того, была сделана попытка поднять на борьбу против царских войск кабардинцев, народов Закубанья и др.⁶

¹ Там же. С. 179.

² РГВИА. Ф.ВУА. Д. 6462. Л. 2-2 об.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. М., 2004. С. 190; Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны. Нальчик, 2007. С. 38.

⁵ История народов Северного Кавказа (XVIII в. – 1917 г.). С. 147; Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. С. 123-124.

⁶ История народов Северного Кавказа (XVIII в. – 1917 г.). С. 151.

В 1846 г. имам Шамиль во главе 10-тыс. войском пройдя через Сунженскую линию вторгся на территорию Кабарды, рассчитывая поднять местное население на борьбу против царских войск. Однако не встретив особого сочувствия, вынужден был вернуться обратно в Дагестан¹.

Между тем, движение горцев в Дагестане и Чечне оказало большое влияние на развитие антифеодальной и антиколониальной борьбы в Центральном и Северо-Западном Кавказе (Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее). Здесь развернулись стихийные выступления против своих феодалов и царской администрации.

Необходимо указать, что начиная с 40-х гг. XIX столетия имам Шамиль стремился объединить воинские силы северокавказцев в борьбе с царскими войсками по всему региону. Сначала идеи мюридизма проникли в Северную Осетию и Кабарду. Среди кабардинцев действовали известные проповедники этого явления Умар Шеретлоков и князь Мисост Атажукин. Последние подстрекали также население Закубанья².

Следует отметить, что начало распространения народно-освободительного движения среди народов Северо-Западного Кавказа связано с деятельностью первого посланца имама Шамиля – наиба Хаджи-Мухаммеда, появившегося в крае в 1842 г. в сопровождении группы мюридов из Дагестана³. По оценке дореволюционного историка Ф.А. Щербины Хаджи-Мухаммед «был энергичный и ревностный последователь Шамиля, не умевший однако, считаться с действительным положением дел»⁴.

Хаджи-Мухаммед начал свою деятельность среди абадзехов весной 1842 г.⁵ Наиб Хаджи-Мухаммед стремился осуществить по примеру Имамата Шамиля политическое объединение адыгов,

¹ Дадаев Ю.У. Наибы и мудирь Шамиля. Махачкала, 2009. С. 487.

² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6448. Л. 24.

³ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. С. 445-446; Дадаев Ю.У. Наибы и мудирь Шамиля. С. 507.

⁴ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 539.

⁵ Соколов Д. Хаджи-Магомет (Сподвижник Шамиля. Историческая справка) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1905. Т. 11. С. 53; Мусхаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. С. 155.

ногайцев, карачаевцев и других народов Северо-Западного Кавказа¹.

Между тем, в Карачае и Балкарии были хорошо наслышаны о борьбе горцев Северо-Восточного Кавказа против царской власти и внушительная часть карачаевских и балкарских узденей и князей сочувствовали ей. Как только на Северо-Западном Кавказе появился первый наиб Шамиля – Хаджи-Мухаммед, карачаевцы установили с ним связи. В 1842 г. пристав Мистулов с тревогой докладывал князю В.С.Голицыну о том, что карачаевцы собирались «при первом появлении Хаджи-Магомета со скопищем непокорных народов, исполнить беспрекословно все приказания его, не отказывая ни в каких требованиях»².

В начале своей деятельности Хаджи-Мухаммед старался избегать открытых военных столкновений с царскими войсками. Утвердившись среди абадзехов, наиб стремился распространить свое влияние среди других западноадыгских субэтносов. Так, летом 1842 г. под влиянием Хаджи-Мухаммеда черченейцы и камышейцы переселились к абадзехам. В октябре 1842 г. к народно-освободительному движению присоединились шапсуги³. В декабре этого же года начальник Черноморской береговой линии ген.-м. И.Р. Анреп признавал, что он недооценил значение деятельности наиба. Ген.-м. Анреп докладывал своему высшему командованию, что «влияние сего человека (Хаджи-Мухаммеда – Д.К.) на натухайцев делается ошутительнее и все действия его приобретают уже некоторый вес и известность»⁴.

Зимой 1843 г. к наibu Хаджи-Мухаммеду явилась депутация от убыхов с просьбой прибыть к ним. Он находился у убыхов 3 месяца, однако заметных успехов здесь не добился⁵. Среди последних в этот период шла острая социальная борьба. Местные крестьяне стремились к уничтожению власти феодалов. Для со-

¹ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. Майкоп, 2013. С. 60; Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 61.

² Карачаевцы, балкарцы. М., 2014. С. 49; Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. С. 297-298.

³ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 61.

⁴ Цит.: Там же. С. 61-62.

⁵ Панеш Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 61-62.

хранения своих позиций владельцы обратились за помощью к российским властям. Феодалы готовы были покориться к России. Однако большинство убыхов не желали подчиняться царизму¹.

В этой обстановке наиб Хаджи-Мухаммед выступил в поддержку убыхских крестьян. Собрав весной 1843 г. до 5 тыс. вооруженных адыгов, Хаджи-Мухаммед решил подчинить себе адыгов-джигетов, лояльных российской администрации. Однако получив отпор от российских войск, отряд под руководством наиба вынужден был отступить. После этого Хаджи Мухаммед перенес свою активную деятельность к абадзехам².

В 1843 г. Хаджи-Мухаммед утверждает свое влияние среди бесленеевцев, которые во главе с князем А. Каноковым жили за р. Лабой³.

Следует отметить, что в 1842-1843 гг. наиб Хаджи-Мухаммед подчинил своей власти значительную часть западных адыгов. Наibu удалось на определенный период внедрить некоторые элементы государственности и укрепить свою власть в регионе. Также он создал постоянное войско. Наиб находился у западных адыгов недолго, несмотря на неудачу, его идеи, согласно мнению одного из царских офицеров, постепенно «привились и затянули покорение Западного Кавказа на 18 лет»⁴. Умер Хаджи-Мухаммед в мае 1844 г.⁵

Весной 1846 г. крупный отряд во главе с имамом Шамилем предпринял поход в Кабарду с целью перерезать Военно-Грузинскую дорогу, соединиться с жителями Закубанья и тем самым расширить фронт борьбы северокавказских народов⁶.

Для борьбы с имамом Шамилем и восставшими адыгами царское командование стало стягивать к центру Кавказской укрепленной линии свои войска. Видя это и не дождавшись военных отрядов адыгов Закубанья, руководитель народно-освободительного движения имам Шамиль вынужден был в конце апреля 1846 г. начать отступление со своими отрядами в Чеч-

¹ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 62.

² Там же. С. 63.

³ АКАК. 1904. Т. 12. С. 698.

⁴ Соколов Д. Хаджи-Магомет (Сподвижник Шамиля. Историческая справка). С. 64; Мусхаджиев С.Х. Указ. соч. С. 161.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6531. Л. 24.

⁶ Кавказский сборник. Тифлис, 1880. Т. 17. С. 178.

ню. Вместе с имамом ушло немалое число кабардинских крестьян и около 40 князей. Вскоре один из адыгских князей М. Анзоров был назначен Шамилем наибом Малой Чечни¹.

После смерти наиба Хаджи-Мухаммеда в 1845 г. к закубанским народам был назначен новый посланник Шамиля – наиб Сулейман-эфенди. Последнему было поручено призвать местные народы к нападению на российские береговые укрепления. Кроме того, он обязан был собрать ополчение из местных жителей и направить их к центру Кавказской линии на соединение с отрядами имама Шамиля².

Между тем, карачаевская элита в лице местных князей и части узденей, а также верхушки мусульманского духовенства, потерявшая надежду на сохранение своей собственности, привилегий, а также видя отношение русской администрации к мусульманскому населению, объявило Карачай не входящим в состав России, а частью Османской империи и присоединившимся к борьбе горцев против царской власти. Об этом недвусмысленно писали 28 апреля 1844 г. представители горцев от Карачая до Анапы новому главнокомандующему на Кавказе ген.-адъютанту А.И. Нейдгардту: «Мы, обитатели гор, начиная от Карачая (верховьев Кубани) до Анапы, настоящие Черкесы, веруем в Коран и признаем над собою власть Абдул-Меджид-хана»³, т.е. султана Османской империи.

Как известно, в апреле 1846 г. Шамиль с 12 тыс. отрядом предпринял поход в Кабарду. В начале апреля того же года имам со своим войском подошел к Тереку у с. Эльхот. Документальные источники сообщают разные сведения о численности войска Шамиля. По одним данным силы повстанцев насчитывали 20 тыс. человек,⁴ а согласно Хроники Мухаммед Тахира ал-Карахи, вой-

¹ История народов Северного Кавказа (XVIII – 1917 г.). С. 167.

² Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). С. 107-108; Мухаджиев С.Х. Указ. соч. С. 162.

³ АКАК. Т. 9. С. 892; Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. С. 298.

⁴ Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 71.

ско имама состояло из 9 тыс. человек (4 тыс. конницы и 5 тыс. пехоты)¹.

Следует отметить, что Шамиль имел связь с муфтием Кабарды У. Шеретоковым, влиятельным князем М. Атажукиным и другими представителями феодальной знати². Имам также знал, что симпатии кабардинцев и балкарского крестьянства на его стороне. Однако большая часть кабардинской и балкарской знати, тесно связанной с царской администрацией, считала, что присоединяться к имаму Шамилю нельзя³. Кроме того, часть карачаевского узденства также выступила против похода Шамиля в Кабарду, за что четыре представителя карачаевцев были удостоены звания от прапорщика до поручика, награждены орденами и медалями, наделены земельными участками⁴. Между тем командование Центра Кавказской линии бросило против имама значительные силы, которые насчитывали 5 батальонов в составе Тенгинского полка под командованием полковника Левковича. Кроме того, из Нальчика были вызваны ещё 2 сотни казаков. Русское командование внимательно следило за движениями отрядов имама. Шамиль хорошо сознавал, что всякое столкновение с царскими войсками неизбежно, но не торопился принимать решение. Нужны были значительные силы, чтобы противостоять прекрасно вооруженным царским войскам, и поэтому имам посылает своих людей в Чечню и абадзехам за помощью⁵.

Таким образом, большая часть кабардинских и карачаевских феодалов, при поддержке царских войск сумела удержать местное население от массового перехода на сторону Шамиля. Видя это и не дождавшись ополченцев из Чечни и Северо-Западного Кавказа, Шамиль решил отступить в Чечню. Войско имама 25 апреля 1846 г. начало отступление из Кабарды. Вместе с ним ушло много кабардинцев⁶.

¹ Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Хроника о дагестанских войнах в период Шамиля. М.; Л., 1941. С. 198.

² Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 67.

³ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 233.

⁴ Карачаевцы. Балкарцы. С. 50.

⁵ Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 71-72.

⁶ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 233; История Дагестана. 2004. Т.1. С. 513.

В начале своей деятельности Сулейман-эфенди имел определенный успех в организации военной помощи имаму Шамилю. Архивные данные характеризуют Сулеймана-эфенди как одаренного большим умом и мужественного человека¹. Наиб энергично распространял среди западных адыгов ислам и утверждал шариат. Кроме того, он назначил возле р. Псессур, притока р. Белой, сборный пункт для повстанцев, которые затем должны были присоединиться к войску имама Шамиля. Сулейман-эфенди вел также активную работу по установлению связей с сочувствующими карачаевцами и стремился наладить систему координации движения горцев Кубани, в конечном итоге – их объединения².

Весной 1845 г. Адагумское собрание шапсугов и натухайцев приняло решение, чтобы натухайцы, живущие между Псебебсом, Анапой и Новороссийском, выставили 30 всадников в войско Шамиля, а остальные шапсуги и натухайцы по 10 всадников с каждого большого и по 5 с малого ущелья³.

В «Обзоре военных происшествий, случившихся на Черноморской кордонной линии в мае и июне 1845 года» с тревогой подчеркивалось, что: возмутительные действия Гаджи-Сельмена (Сулеймана-эфенди – Д.К.) привели в движение многочисленные толпы абадзехов, шапсугов и натухайцев, ... дагестанский возмутитель преимущественно угрожает мирным прикубанским аулам, состоящим под покровительством 1-й и 2-й частей кордонной линии»⁴.

В мае 1845 г. наиб Сулейман-эфенди расположился с 300 добровольцами в долине р. Псекупс и стал ожидать прибытия остальных адыгских ополченцев⁵.

Летом 1845 г. во главе отряда повстанцев, численностью до 600 человек наиб совершил нападение на Лабинскую кордонную линию, но нападение было отбито⁶. В июле того же года под руководством Сулеймана-эфенди отряд численностью до 2 тыс.

¹ ГАСК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 557. Л. 35.

² Карачаевцы. Балкарцы. С. 49

³ Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа. (1829-1864 гг.). С. 68; Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 69.

⁴ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 722. Л. 56 об. – 57.

⁵ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 69; Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа (1829-1864 гг.). С. 68.

⁶ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 722. Л. 79.

всадников сделал попытку прорваться в Карачай, но путь для них был закрыт российскими войсками под командованием полковника Рихтера¹.

Следует отметить, что наиб Сулейман-эфенди не нашел поддержки среди карачаевцев и поэтому не решился открыть себе путь силой². Дореволюционный автор В.М. Сысоев писал: «Верность карачаевцев, хотя бы обусловленная боязнью за свои стада, имела важное значение и избавила русских от многих неприятностей»³. Наиб уверял закубанцев, что «если же у карачаевцев не найдем Шамиля, то, значит, я обманут, а также и вы, тогда я освобожу вас от данной мне присяге, и вы будете иметь право вернуться в свои аулы»⁴.

После неудачной попытки повести ополчение из Северо-Западного Кавказа на помощь имаму Шамилю в Дагестан, наиб Сулейман-эфенди покинул Северо-Западный Кавказ и отбыл на Северо-Восточный Кавказ⁵. Необходимо указать, что впоследствии наиб Сулейман-эфенди не только не выполнил возложенные на него задачи, но и сам перешел на сторону русских и стал выступать против движения и его руководителя – Шамиля⁶.

По поручению главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцова Сулейман-эфенди даже составил воззвание, в котором пытался доказать, что имам Шамиль отступил от истинной веры отцов и призывал повстанцев отказаться от подчинения Шамилю⁷. Но как справедливо отмечал Ф.А. Щербина «Шамиль, однако, был очень крупным вождем и новатором на Кавказе, чтобы его авторитет мог поколебать маленький Сельмен»⁸.

¹ Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 557. Л. 88-90.

² АКАК. 1886. Т. 10. С. 418.

³ Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 152.

⁴ Короленко П.П. Закубанский край // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 393.

⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 560. Л. 129.

⁶ Сулейман-эфенди. Описание поступков Шамиля, противных шариату // Сб.газеты «Кавказ». Тифлис, 1847. Т.1.

⁷ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов). Тбилиси, 1953. С. 280-282.

⁸ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 541.

В конце 1848 г. имам Шамиль направил на Северо-Западный Кавказ своего третьего наиба – Мухаммед-Амина, из с. Гонода Дагестана¹. Назначение Шамилем наиба в регион состоялось по просьбе делегации от абадзехов. Мухаммед-Амин прибыл на Северо-Западный Кавказ в конце 1848г. Согласно К.Ф.Сталя, третий наб «был перевезен из Чечни за Кубань, скрытый в арбе, наложенной разными товарами и неожиданно появился за Лабою»². Необходимо указать, что немалая часть простого населения края поддерживала наиба, который обещал им полную свободу и независимость от своих владельцев³.

Важным этапом в развитии общественно-политических преобразований населения Северо-Западного Кавказа явились реформы, осуществленные под руководством Мухаммед-Амина.

В конце января 1849 г. наб выступил на большом народном собрании абадзехов, где огласил свою программу: распространение шариата и политическое объединение адыгов для более эффективного сопротивления российским войскам. Большинство абадзехов поддержало Мухаммед-Амина⁴.

Многочисленные данные указывали на решительность, мужество и энергию Мухаммед-Амина. Так, современник событий, русский ген. Н.И. Карлгоф писал: «10-летнее политическое поприще Магомет Амина замечательно по уму, искусству и настойчивости, с которыми он боролся против важных препятствий, поставленных на его пути»⁵. Другой дореволюционный автор И. Дроздов отмечал: «Таинственность, которою окружил себя Магомет-Амин, увлекательная речь, гордый и повелительный тон с окружавшими его старшинами, муллами и эфенди, приветливое и

¹ Письма Шамиля. С. 278; Мусхаджиев С.Х. Указ. соч. С. 165.

² Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис. 1900. Т. 21. С. 171.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 2. Д. 1041. Л. 39; Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. С. 508.

⁴ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 72; Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 75.

⁵ Карлгоф Н. Магомет Амин // Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис, 1860. С. 77.

ласковое обращение с народом, обещания лучшей будущности, – все это произвело на абадзехов впечатление обаятельное»¹.

Следует отметить, что значительная часть карачаевцев также поддержала Мухаммед-Амина, который помимо всего прочего, получал от них стратегически важное сырье – свинец².

В течение зимы 1849 г. Мухаммед-Амин утвердил свою власть среди абадзехов и сформировал здесь государственное управление. После этого наиб начал действия за подчинение под свою власть других западноадыгских групп – темиргоевцев, егерухаевцев, бжедухов, хатухайцев, махошевцев и др. В течение весны того же года, сочетая методы убеждения и силы, Мухаммед-Амин подчинил своей власти егерухаевцев, махошевцев и значительную часть темиргоевцев. Затем наиб распространил свое влияние на кабардинцев, проживавших в районе р. Уруп. Следует отметить, что царские войска под командованием ген.-м. Н.И. Евдокимова не позволили Мухаммед-Амину подчинить себе бесленеевцев³.

Вот что отмечал Мухаммед-Амин в своем письме имаму Шамилю от 13 мая 1854 г. «Сообщаю вам, что когда я прибыл управляющим (вали) этих вилайатов, то они [жители] все подчинились мне, принесли клятву повиновения. Это случилось примерно в течение двух лет. Некоторые из них подчинились добровольно, а другие по принуждению»⁴.

Между тем, весной 1849 г. начались активные военные действия между отрядами Мухаммед-Амина и царскими войсками. Военные действия происходили на большой территории (между рр. Кубанью, Лабой и Черным морем). Здесь против повстанцев было организовано 3 театра военных действий: Черноморская кордонная линия (от устья Кубани до Усть-Лабинской крепости), правый фланг Кавказской линии и Черноморская береговая линия (от Анапы до Сухума)⁵.

¹ Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 519.

² Карачаевцы. Балкарцы. С. 49; Письма Шамиля. С. 280.

³ Карлгоф Н. Магомет Амин. С. 87; Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. С. 308-309.

⁴ Письма Шамиля. С. 279.

⁵ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 74.

Следует отметить, что Мухаммед-Амин уделял также немалое внимание натухайцам и шапсугам, которые вместе с абадзехами составляли подавляющее большинство всех западных адыгов. Весной 1849 г. наиб отправил воззвание к натухайцам, которое имело среди них определенный успех¹. Кроме того, Мухаммед-Амин отправил свои воззвания к прибрежным шапсугам, абазицам и абхазам в Цандрипшу, Псху и Ахчипсхоу².

Необходимо указать, что наиб в течении всего 1849 г. действовал неутомимо. Согласно автора XIX в. И. Дроздова «весь апрель месяц прошел почти в ежедневных тревогах, и гром оружейных выстрелов, на пространстве нескольких сот верст, почти не умолкал»³. Нужно сказать, что несмотря на противодействие русского отряда во главе с ген. Ковалевским, летом 1849 г. Мухаммед-Амин подчинил своей власти адыгов-бесленеевцев⁴. Осенью того же года наиб достиг успехов среди прибрежных шапсугов и убыхов. Последние отправили в распоряжение повстанцев большое число всадников⁵.

Таким образом, в 1849 г. сопротивление западных адыгов под руководством Мухаммед-Амина царским войскам было более организованным. В связи с этим, осенью того же года царь Николай I обратил на это внимание российского командования на Кавказе⁶.

Между тем, весной 1850 г. наиб начал подчинение своей власти бжедухов. Не желая подчиняться Мухаммед-Амину, бжедухские владельцы обратились за помощью к российскому командованию. Так, по приказу командующего Черноморской кордонной линией ген.-л. Г.А. Рашпиля, был собран небольшой русский отряд для защиты бжедухов от повстанцев⁷.

Вскоре, 22 апреля 1850 г. 2 отряда русских войск во главе с ген.-л. Рашпилем и подполковником Золотаревским переправи-

¹ ГАСК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 822. Л. 35; Ф. 261. Оп. 1. Д. 1059. Л. 2.

² Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 822. Л. 48 об.

³ Дроздов И. Указ. соч. С. 523.

⁴ Там же. С. 525-257.

⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 822. Л. 110.

⁶ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 75; Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 78.

⁷ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1041. Л. 59-66.

лись через р. Кубань и вошли на территорию бжедухов. Однако местное население встретило русские войска недружелюбно. Как отмечал командующий российскими войсками Г.А.Рашпиль, лазутчики ему сообщили, что бжедухи «решительно» расположены в пользу наиба¹.

Такая позиция адыгов-бжедухов, а также ухудшение условий продвижения по местности из-за усилившихся разливов рек вынудили российское командование переправиться в конце апреля обратно на Правобережную Кубань. После этого наиб утвердил свою власть среди адыгов-бжедухов².

После подчинения своей власти бжедухов, Мухаммед-Амин решил переселить в горы темиргоевцев и хатухайцев. Весной 1850 г. повстанцы одержали победу над двумя казачьими сотнями на Усть-Лабинской линии³.

Летом того же года наиб развернул энергичные усилия по распространению своей военно-политической организации на шапсугов и натухайцев. В ответ на обращение Мухаммед-Амина состоялось у шапсугов и натухайцев общее народное собрание, которое под влиянием местной знати решило не признавать власти наиба⁴.

В июне 1850 г. во главе своих отрядов Мухаммед-Амин двинулся к шапсугам, чтобы силой оружия подчинить их. Сражение между ними произошло 29 июня того же года вблизи урочища Догай. Битва не принесла Мухаммед-Амину победы, и он вынужден был отступить со своим войском. Следует отметить, что его войско состояло из абадзехов, черченеевцев и хамышейцев⁵.

Вскоре, в начале июля 1850 г. наиб, собрав подкрепление, вновь двинулся против шапсугов. В битве, состоявшейся 5 июля того же года отряды Мухаммед-Амина разгромили шапсугов⁶. После этого последние подчинились Мухаммед-Амину, принесли присягу и выставили ему на службу вооруженных людей. Кроме

¹ Там же. Л. 182.

² Там же. Л. 157 с об.

³ АКАК. 1904. Т. 12. С. 698.

⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1010. Л. 46.

⁵ Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1112. Л. 34.

⁶ Там же. Л. 47.

того, в течение лета 1850 г. наибу подчинились также натухайцы¹.

Необходимо указать, что основной причиной утверждения власти Мухаммед-Амина над шапсугами и натухайцами заключалось в том, что подавляющая часть местного населения поддерживала политику наиба.

В течение лета 1850 г. наиб подчинил себе большинство населения на северной покатости Главного Кавказского хребта. В докладной «Сведения о действиях агента Шамиля Магомета Амина», составленной 7 сентября 1850 г. в канцелярии начальника Черноморской кордонной линии, указывалось: «Агент Шамиля Магомет Амин в последнее время, можно сказать, окончательно утвердил свое влияние в сопредельных Черноморской кордонной линии племенах горцев: абадзехов, шапсугов и натухайцев. Воля его сделалась законом как для князей и дворян, так и для простого народа. Он повсеместно учредил управление из преданных ему князей и большею частью духовных лиц»². Следует отметить, что при этом Мухаммед-Амин продолжал избегать крупных военных столкновений с российскими войсками, прежде чем он успеет осуществить централизацию всей территории края.

На Северо-Западном Кавказе Мухаммед-Амин создал широкую систему административного управления над подвластным населением. Вся территория была разделена на участки, а каждый участок подразделялся на 5 отделений³. Низшей ступенью административной лестницы являлся сельский сход. Каждый из участков управлялся избранным народом старшиной. В распоряжении последних находились дружины.

Определенное количество административных участков объединялось в округ. В каждом округе было учреждено центральное управление (мегкеме)⁴. Руководили округом муфтий и 3 кадия. Главная резиденция наиба располагалась в мегкеме на р. Белой⁵.

На высшей ступени административной системы управления стоял сам Мухаммед-Амин. Центральную власть осуществлял

¹ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 78.

² Цит. по: Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 79.

³ АКАК. 1885. Т. 10. С. 598.

⁴ Карлгоф Н. Магомет-Амин. С. 85.

⁵ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1041. Л. 30 об.

действовавший при наибе меджлис¹. Для устройства артиллерии наиб велел освободить беглых русских солдат, которые должны были помочь в этом деле. К русским пленным Мухаммед-Амин относился очень хорошо. В верховьях р. Белой по его приказу была создана христианская солдатская колония, в которой находилось приблизительно 800 человек. Они занимались земледелием и разными ремеслами².

Между тем, российские власти всемерно стремились ослабить влияние Мухаммед-Амина на Северо-Западном Кавказе. Проводниками их политики являлись местные князья и дворяне. Кроме того, российским командованием организовывались военные экспедиции против жителей тех местностей, население которых поддерживало Мухаммед-Амина. В декабре 1850 г. начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л.М. Серебряков выступил против натухайцев и истребил все жилища горцев³.

В начале 1851 г. российское командование начало строительство Белореченского укрепления на территории абадзехов⁴. Это подорвало авторитет Мухаммед-Амина среди местного населения. Вскоре темиргоевцы отказались признавать власть наиба.

После этих событий по нарастающей пошел процесс крушения власти наиба в регионе. Весной 1851 г. Мухаммед-Амин предпринял попытку переселения адыгов-бесленеевцев с низовьев р. Уруп в горную зону, чтобы вывести их из сферы влияния российского командования. Наибу в этом препятствовали российские войска. В середине мая 1851 г. при переправе через р. Уруп Мухаммед-Амин был атакован отрядом во главе с ген. Н.И. Евдокимовым и вынужден был отступить⁵. На обратном пути отряды наиба вступили в боестолкновение с кавалерийским отрядом ген-м. Эристова и отрядами полковника Волкова и потерпели тяжелое поражение⁶.

Эти события привели к ещё большему ослаблению влияния наиба в регионе. Уже весной 1851 г. власть Мухаммед-Амина

¹ Там же. Л. 48.

² Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 147-148.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1119. Л. 22 об. – 23.

⁴ Карлгоф Н. Магомет-Амин. С. 90.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 91.

свергли причерноморские шапсуги. Летом того же года против наиба выступили натухайцы и жители Большого Шапсуга¹. Кроме того, в июне 1851 г. у шапсугов и натухайцев состоялось многолюдное народное собрание, на котором решался вопрос о доверии Мухаммед-Амину. Следует отметить, что большинство собравшихся отмежевалось от него. Вскоре наиб вынужден был покинуть шапсугов и натухайцев и перебраться к абадзехам на р. Псекупс².

Необходимо указать, что одной из важнейших причин кризиса государственности, создаваемой Мухаммед-Амином было военное давление со стороны российских властей. С другой стороны были и внутренние причины этого кризиса. Часть местного населения испытывала на себе тяжесть создаваемого госаппарата, была недовольна взиманием различных налогов и т.д. Кроме того, одной из важных причин противодействия Мухаммед-Амину являлось стремление адыгской знати восстановить свое пошатнувшееся влияние в обществе. Так, представители бжедужской знати активно действовали против наиба. А летом 1851 г. хамышевские и черченеевские князья и дворяне обратились к командиру российскими войсками на Кавказской линии и в Черномории Н.С. Заводовскому с изъявлением покорности российскому правительству и выразили желание принести присягу на верность России³. Однако крестьяне не поддержали феодалов. Как сообщал 27 апреля того же года Г.А. Рашпиль Н.С. Заводовскому значительная часть крестьян была «решительно расположена в пользу Магомета Амина, обещающего им полную личную свободу и независимость от прежних владельцев»⁴.

Осенью 1851 г. бжедужские крестьяне отказались принести присягу на верность российским властям. Тогда военное командование приняло решение силой подчинить бжедужские, хамышейские и черченеевские селения. В конце ноября-декабря 1851 г. войска под командованием Г.А. Рашпиля двинулось в Бжедужию. Под угрозой разгрома местное население вынуждено было покориться и принять присягу на верность России⁵.

¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1194. Л. 108 об.

² Там же. Л. 127-128 об., 139 об., 152.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1211. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 68, 69, 137, 138.

Чтобы закрепить успехи в борьбе с наибом Мухаммед-Амином, российское командование решает в январе 1852 г. осуществить поход в земли шапсугов. Военная экспедиция войск Черноморской береговой линии и Черноморского казачьего войска во главе с вице-адмиралом Л.М.Серебряковым состоялась во второй половине января того же года¹. В ходе военной экспедиции было уничтожено 50 селений с запасами хлеба и сена².

Такие жесткие действия военного командования привели к обратному результату. Местное население усилило свое сопротивление царским войскам. А позиции Мухаммед-Амина, напротив, стали упрочиваться³.

Согласно документальным данным, зимой 1852 г. влияние наиба снова усилилось среди абадзехов⁴. Кроме того, весной того же года среди шапсугов и натухайцев ширилось движение протеста против жесткой политики военного командования. Так на местное население накладывались большие штрафы «в наказание за измену народу»⁵.

Между тем, в мае 1852 г. наиб собрал большие военные силы в Майкопском и Курджипском ущельях. Повстанцы готовились совершить поход в Карачай. Однако, Мухаммед-Амин, узнав, что военное командование хорошо подготовилось к отражению военной экспедиции горцев, отказался от намерений двинуться с походом в Карачай⁶.

Между тем в феврале 1853 г. наиб Мухаммед-Амин, покинув земли убыхов, возвратился к абадзехам⁷. Весной того же года шапсуги, жившие к северу от Главного Кавказского хребта, и часть натухайцев решили вновь подчиниться Мухаммед-Амину и пригласили наиба к себе⁸.

¹ Там же. Д. 1240. Л. 3 с об.

² Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1406. Л. 69 об.

³ Дроздов И. Указ. соч. С. 466.

⁴ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1240. Л. 6 об. – 7.

⁵ Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1409. Л. 86-87 об.

⁶ Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 95; Абдулаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII-XIX вв. С. 61.

⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1603. Л. 22 об.

⁸ Там же. Л. 25 с об.

Следует отметить, что весной 1853 г. Мухаммед-Амин завершил подчинение своей власти шапсугов и натухайцев¹. После этого он принял решение вновь подчинить бжедухцев, формально считавшихся лояльными к российским властям. Так как наиб поддерживал местных крестьян в борьбе со своими феодалами, авторитет Мухаммед-Амина среди простого народа был очень высок. Об этом не раз указывала российская администрация².

В этой обстановке командующий Черноморской кордонной линией Я.Г.Кухаренко решает воинскими силами поддержать бжедухскую знать и не допустить вторичного утверждения власти наиба Мухаммед-Амина среди бжедухов. Весной 1853 г. 2 отряда русских войск во главе полковника Крыжановского и подполковника Барыштищенко были двинуты на земли бжедухов. Между тем местные крестьяне вели активную переписку с наибом, просили у последнего помощи³.

Наиб решил помочь бжедухам. 24 мая 1853 г. возле урочища Ошхануко произошло ожесточенное сражение между царскими войсками и повстанцами. Повстанцы, из-за отсутствия артиллерии, проиграли эту битву и Мухаммед-Амин вынужден был с оставшимися людьми отступить⁴. Необходимо указать, что хотя Мухаммед-Амин не сумел утвердиться среди бжедухов, но в 1853 г. большинство населения Северо-Западного Кавказа ещё подчинялось ему.

Между тем укрепленная Лабинская линия позволила российскому командованию взять под контроль пространство от Кубани до Лабы. Однако продвижение российских войск и колонизацию региона приостановила начавшаяся Крымская война. До этого наиб Мухаммед-Амин «избегал открытой войны с русскими, ожидая русско-турецкой войны»⁵. Кроме того, наиб хотел поселиться в труднодоступных ущельях Западного Карачая, чтобы оттуда руководить повстанцами в случае начала военных действий. С этой целью Мухаммед-Амин, собрав на р. Белой большое количество конных и пеших людей, в середине июля 1853 г. двинулся в Карачай. Вскоре, узнав об этом российские войска

¹ Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1298. Л. 192 об., 203, 205 об.

² Там же. Д. 1315. Л. 45.

³ Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1509. Л. 112.

⁴ Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1315. Л. 51-55.

⁵ Короленко П.П. Закубанский край. С. 400.

прошли на рр. Маруха и Аксаут в верховьях Малого Зеленчука, чтобы «показать карачаевцам готовность к уничтожению покушения наиба»¹.

Карачаевские князья Крымшамхаловы против повстанцев «выставили 500 хорошо вооруженных карачаевцев с двумя ротами кубанских егерей для охраны всех важных и удобных для прохода пунктов»². Но когда наиб расположился на ночлег в верховьях Большого Зелечука, к нему пришли его сторонники из Карачая и предупредили Мухаммед-Амина о готовности российских войск и отрядов карачаевцев дать повстанцам решительный отпор, после этого «в лагере началась паника, и Магомет-Амин ушел обратно»³.

Следует отметить, что наиб Мухаммед-Амина в Карачай пригласил муфтий Магомет Хубиев, который разделял идеи повстанцев. Когда войско наиба двинулось в Карачай, М. Хубиев отправил своих посланцев по карачаевским селам, предлагая «народу собраться для защиты будто бы против русских притеснений». Но планы карачаевского муфтия вскоре стали известны российскому командованию, и «русские войска вовремя предупредили движение Магомет-Амина в Карачай»⁴.

Таким образом поход Мухаммед-Амина в Карачай в 1853 г. не состоялся.

В начале 1854 г. повстанцы во главе с Мухаммед-Амином нанесли ряд ощутимых ударов по Черноморской кордонной линии⁵.

Между тем весной того же года наблюдается новый всплеск социальной борьбы бжедухов. Наиб продолжал политику поддержки местных крестьян в их борьбе против владельцев⁶. В апреле 1854 г. черченейцы пригласили к себе Мухаммед-Амина и принесли наибу присягу на верность. Вслед за черченейцами, на его сторону перешли и хамышейцы⁷.

¹ АКАК. Т. 10. С. 621-623.

² Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. С. 352.

³ Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. С. 155.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1432. Л. 24 с об.

⁶ Там же. Л. 71 с об.

⁷ Там же. Л. 103. с об.

Между тем, ожидая прибытия османских войск на Северо-Западный Кавказ с началом Крымской войны (1853-1856 гг.), наиб готовился к их встрече. Одновременно шапсугский князь Сефер-бей Занов объявив себя предводителем всего народа, вел переговоры с османским правительством о поддержке адыгов против России. Сефер-бей, поддерживаемый адыгской знатью, с помощью Порты сделал ряд попыток проникнуть на Северо-Западный Кавказ, и, если удастся парализовать влияние на местное население наиба Мухаммед-Амина. Сефер-бей прибыл весной 1854 г. в Сухум¹. Оттуда он отправил воззвание адыгам, предлагая повстанцам отправить воинские силы в Абхазию для оказания помощи османской армии. Однако повстанцы решительно отказались посылать туда войска, опасаясь оставить свои земли беззащитными².

Мухаммед-Амин также не прочь был воспользоваться помощью Османской империи и поддержкой султана укрепить свои позиции на Северо-Западном Кавказе. Но наиб старался это сделать без ведома Сефер-бея Заного. С тех пор начинается вражда между ними. Мухаммед-Амин и Сефер-бей, как правильно указывал известный дореволюционный автор Е.Д.Фелицын, представляли собой «два различных начала: один (Сефер-бей – Д.К.) аристократического происхождения и власть, данную извне турецким султаном, а другой (Мухаммед-Амин – Д.К.) – духовное начало и власть, возникшую из среды народа»³.

Следует отметить, что у большинства населения Северо-Западного Кавказа идеи мюридизма не пользовались особым успехом. Основной причиной неудачи распространения народно-освободительного движения в крае являлось то, что народные массы видели в ней орудие утверждения власти новой прослойки – старшин и богатеев. Поэтому местное население вело борьбу как против политики российской администрации, так и против

¹ Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. 10. С. 79; Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в. С. 196.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1432. Л. 159; Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. С. 197.

³ Фелицын Е.Д. Сефер-бей Зан. С. 80.

организационно-политических мероприятий, проводимых наибами Шамиля.

Для наказания населения тех или иных обществ и владений за поддержку отрядов Шамиля официальные власти предпринимали репрессивные меры по отношению к их аманатам, подвергали жителей этих районов аресту, конфисковывали скот и пр. Для достижения своих корыстных целей и разобщения горцев царское командование старалось натравливать одни народы на другие, но желаемых результатов не достигло. Так, ген. А.А. Вельяминов писал военному министру: «Многие полагают, что, заставляя мусульман сражаться друг против друга, мы можем возродить между ними ненависть. Мнение сие мне кажется ошибочным. Сколько раз употребляли мы кумык против чеченцев, чеченцев против кабардинцев, сии последние употреблены были против закубанцев, закубанские ногайцы против абадзехов и шапсугов (адыгские племена – Д.К.), но это не произвело ни малейшей между ними неприязни. Все готовы помогать друг другу к ниспровержению владычества нашего».¹

Летом 1855 г. Мухаммед-Амин предпринял попытку утвердить свою власть в Карачае. По приглашению карачаевцев наиб вошел на их территорию во главе адыгских отрядов².

В августе 1855 г. в Карачае началось активное движение по присоединению к Кавказской войне, которое возглавили духовный лидер карачаевцев кадий Магомет-эфенди Хубиев и князь Идрис Карабашев. К этому движению примкнули до 3 тыс. карачаевцев³. 25 августа в местности Хасаука произошло сражение между объединенными вооруженными отрядами карачаевцев, закубанских адыгов, ногайцев, абазин и царскими войсками под командованием ген. Козловского. Русские войска одержали победу, наиб Мухаммед-Амин ушел в Закубанье, а на Карачай была наложена контрибуция в 20 тыс. руб. серебром⁴.

¹ Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. 7. С. 133-134.

² Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в. С. 192-193; Письма Шамиля. С. 280; Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев в XVIII – начале XX века. Нальчик, 2000. С. 51-52.

³ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 486; Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. С. 105.

⁴ Карачаевцы. Балкарцы. С. 49.

Таким образом, движение Мухаммед-Амина в Карачай оказалось неудачным.

Однако, несмотря на это и после августа 1855 г. движение карачаевцев не прекращалось. О формальном характере выхода карачаевцев из Кавказской войны свидетельствовал князь М.С. Воронцов, который в своем письме от 15 сентября 1855 г. ген. Г.Р. Эристову отмечал, что «Карачаевцы зовут к себе Магомет Амина ... пишу в этом письме имена тех Карачаевцев, которые, как говорят призывали к себе неприятеля: Магомет Крым Шавкалов, Аслан Мурза Дудов, Шемаха Дудов, Бадра Крым Шавкалов, Адиль Карабашев и Куба Эфенди»¹.

Кроме того, летом 1855 г., по приказу наиба Мухаммед-Амина западные адыги (абадзехи, шапсуги, темиргоевцы и др.) совершили ряд нападений на Лабинскую линию. Основная задача состояла в том, чтобы снести Белореченское укрепление, построенное в 1851 г. В октябре того же года по призыву Мухаммед-Амина в Майкопском ущелье собралось более 10 тыс. повстанцев. В своем обращении к ним наиб призвал усилить борьбу с царскими войсками и заставить русские власти уничтожить Белореченское укрепление².

В 1857 г. произошли значительные волнения среди ногайцев Северо-Западного Кавказа в аулах владельца Сагат-Гирея. Началось массовое бегство крестьян к горцам, что вызвало большую тревогу не только у самого владельца, но и у русских властей. В связи с этим начальник Усть-Лабинского участка получил приказ послать туда сотню казаков. Восстание было подавлено, но войска по просьбе владельца были оставлены «до того времени, когда он примет все меры к прекращению всякого беспорядка».³

В Российском государственном военно-историческом архиве хранится документ «по обвинению поручика Даута Утакаева за измену России». Согласно этому документу, житель Кубани ногайский поручик Д.Утакаев в 1854 г. помогал посланникам имама Шамиля на Северо-Западном Кавказе.⁴ В августе 1857 г. за активную помощь Шамилю Даут Утакаев был заключен в тюрь-

¹ Там же. С. 50.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1646. Л. 93 с об.

³ Кидирнязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 181.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 3. Д. 399. Л. 176.

му. За его освобождение ходатайствовал джамаат с. Шабазовское, они просили русские власти выдать Д. Утакаева им на поруки. Однако местная администрация отклонила ходатайство джамаата.

24 марта 1858 г. семьи поручика Даута Утакаева, его помощников – Айдара Аджиева и Идриса Муллаева были сосланы «во внутрь России», в частности Д. Утакаев – в Олонецкую губернию под надзор местных властей. По пути в ссылку Д. Утакаев тяжело заболел и умер, а его сообщники были сосланы в Калужскую и Воронежскую губернии соответственно.¹

В апреле 1857 г. Мухаммед-Амин уехал в Константинополь, дав указание старшинам западноадыгских обществ активизировать действия против царских войск. 24 мая того же года повстанцы вступили в бой с царскими войсками. Потери с обеих сторон были значительными². Вскоре повстанцы во главе с племянником Мухаммед-Амина напали на колонну царских отрядов, следовавшую из ст. Тенгинской. В результате ожесточенного боя батальону царских войск был нанесен немалый урон, а потери адыгов составили 10 убитых и 45 раненых. Кроме того, повстанцы были встревожены начавшимся строительством крепости в Майкопском ущелье и просили наиба Мухаммед-Амина вернуться из Турции. Для этого Мухаммед-Амину был отправлен посланец А.Абуков³.

Как известно, война, в особенности длительного затяжного характера, приводит к росту социальных противоречий и поляризации общества. Кроме того, длительная война подтачивает силы, истощает ресурсы и ведет к разорению и обнищанию широких масс. То же самое произошло и среди западных адыгов, которые разделились на партии «мира» и «войны». С 1857 г. среди адыгов – абадзехов начала формироваться группа старшин во главе с Н.Берзеквым и Х.Хаджимаковым, оппозиционно настроенных к наибу Мухаммед-Амину. Они выступили с призывом не подчиняться наибу и вступить в переговоры с российскими властями

¹ Керейтов Р.Х. Участие кубанских ногойцев в движении Шамиля // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы: Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала, 1998. С. 43-44.

² Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 92.

³ Там же. С. 92.

для заключения мира. Однако переговоры не состоялись, а военные действия продолжались¹.

Между тем, осенью 1857 г. западноадыгский князь Сефер-бей Заноко предпринял попытку создания адыгского государства под своей властью. Сефер-бей обратился с меморандумом на имя императора Александра II. В этом послании он добивался признания независимости Северо-Западного Кавказа от России². Однако попытки Сефер-бея с помощью османов стать во главе народа не увенчались успехом. Требования Сефер-бея были отклонены российским правительством. Россия стремилась установить свое полное политическое господство на всем Кавказе и, естественно, не могла допустить существования адыгского государства.

Необходимо отметить, что после окончания Крымской войны усилилось военное давление царизма на «непокорных» северокавказцев.

В июле 1859 г. адыги-бжедухи принесли присягу на верность России³. Вслед за ними подчинились России темиргоевцы, махашевцы, егерухаевцы, бесленеевцы, шахгиреевцы и закубанские кабардинцы⁴.

20 ноября 1859 г. Мухаммед-Амин вместе с представителями от адыгов-абадзехов, числом приблизительно до 2 тыс. человек, явились в военный лагерь ген. Г.И.Филипсона и принесли присягу на верность императору Александру II⁵. В декабре того же года скончался Сефер-бей Заноко⁶.

В 1860 г. Мухаммед-Амин посетил столицу России Санкт-Петербург, был принят царем Александром II и навестил Шамиля. Позже Мухаммед-Амин выехал в Турцию и жил там, получая ежегодно пенсию в 3 тыс. руб. от российского правительства. Скончался он, по одним данным, в 1863 г., а по другим – 1899 г.⁷

¹ ГАКК. Ф. 670. Оп.1. Д 24. Л. 36, 61.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII – в. – 1917 г.). С. 201; Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан. С. 140.

³ АКАК. Т. 2. С. 828.

⁴ Там же. С. 824.

⁵ АКАК. Т. 12. С. 828; Карлгоф Н. Магомет-Амин. С. 101.

⁶ Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан. С. 151.

⁷ Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. С. 831-832; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). С. 165.

В целом, народно-освободительное движение на Северо-Восточном Кавказе завершилось в 1859 г., а на Северо-Западном Кавказе – в 1864 г.

Всенародная любовь к имени и делам имама Шамиля, их сподвижникам рождала у народов Северного Кавказа легенды и предания, пословицы и поговорки, героические песни¹. В известной ногайской песне «Шейх Шамиль» имам представлен как защитник справедливости. В этой песне поется о том, что все мусульмане должны выйти на священную войну против неверных. В песне также говорится о силе армии Шамиля, о том, что даже Турция и Франция восхищаются его силой².

Пленение имама Шамиля в августе 1859 г. в Гунибе, а затем с окончанием в 1864г. военных действий на Северо-Западном Кавказе приводит к завершению многолетней Кавказской войны³.

Необходимо указать, что Крымская война 1853-1856 гг. оказала большое влияние на ход происходивших на Северном Кавказе событий. Эта война возникла в результате обострившихся международных противоречий на Балканах, в Малой Азии и на Кавказе между Россией, с одной стороны, и западными державами – Англией и Францией – с другой. Война эта носила несправедливый характер с обеих сторон. Англия и Франция стремились к подчинению Порты своему влиянию, а Россия хотела поставить под свой контроль Черноморские проливы и укрепить свои позиции на Балканах.

В военных планах западных стран Северному Кавказу отводилось чрезвычайно важное значение, поскольку регион имел огромное стратегическое значение. Кроме того, здесь еще продолжалась народно-освободительная борьба во главе с Шамилем, и Турция и западные державы пытались установить связи с руководителями движения горцев, использовать народы региона в борьбе против России. Союзники считали, что «граница России на Кавказе должна проходить к северу от Терека и Кубани».⁴

¹ Дадаев Ю.У. По тропам шамилевских сражений. Махачкала, 1997. С. 25-38.

² Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 182.

³ Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. С. 417.

⁴ Газета «Таймс». 1854 г. 22 сентября.

Однако народы Северного Кавказа встали в этой Крымской войне на сторону России. Патриотический порыв охватил народы региона. Народы Дагестана, кабардинцы, осетины, абазины, балкарцы, карачаевцы и др. изъявили добровольное желание вступить в ряды горских ополчений для участия в Крымской войне. Когда приставы отдельных приставств региона согласно указанию военного командования Кавказской линии объявили местному населению о добровольном наборе конных ополчений для участия в борьбе против султанской Турции, то в адрес русского командования посыпались рапорты и прошения о добровольном участии в войне от многих местных жителей.

В этот же период в состав Отдельного Кавказского корпуса российской армии входили иррегулярные воинские части и подразделения, укомплектованные народами Дагестана и всего Северного Кавказа. Так, в состав Кавказского корпуса входили: 5-сотенная охранная стража из местного населения Терской области и 6-сотенный конно-иррегулярный полк, состоящий из осетин, ногайцев, кабардинцев, чеченцев и ингушей, живущих на землях по обе стороны р. Терек.¹

Из представителей всех народов Дагестана были сформированы и вошли в состав действующей русской армии дагестанская милиция из 11 сотен и Дагестанский конно-иррегулярный полк.²

Народы Северного Кавказа в этой войне действовали всегда «в передовом полку», показывая героизм и доблесть. Только в самом начале Крымской войны за боевые отличия и проявленную храбрость в сражениях многие северокавказские ополчения были награждены российским командованием боевыми орденами, золотыми и серебряными медалями³. Необходимо сказать о славном сыне ногайского народа ген.-м. Султане Казы-Гирее, о котором восторженно писали А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой. Султан Казы-Гирей прослужил в российской армии более 37 лет. Он участвовал в военных действиях российской армии в 1827, 1830-1831, 1843-1845, 1854-1855 гг. За проявленное мужество и храбрость он был удостоен орденов Св. Владимира 4-й степени, Св.

¹ Ибрагимбейли Х.-М. Страницы истории боевого содружества русского и кавказских народов (1853-1856 гг.). Баку, 1970. С. 53.

² Там же. С. 53.

³ Ибрагимбейли Х.-М. Указ. соч. С. 53.

Анны 2-й степени, получил золотую шашку с надписью «За храбрость».¹

Заключительным итогом Кавказской войны стала массовая эмиграция местных народов в султанскую Турцию. В результате решительного наступления царизма на Кавказ в конце 50-начале 60-х гг. XIX в. развернулось массовое движение за уход народов Северного Кавказа в пределы Османской империи.

Как известно, впервые мысль о переселении местных народов из родных мест и колонизации Северного Кавказа была предложена начальником Главного штаба Кавказской армии ген. Д.А. Милютиним. Идею эту он обосновал ещё в 1857 г. в своей докладной записке, предлагая поселить покорившихся северокавказцев на Дону².

В исторической литературе по поводу причин эмиграции северокавказских народов в Турцию существуют разные точки зрения. Так, одни исследователи считают, что главной причиной эмиграции была политика царской России, другие, наоборот, подчеркивают влияние султанской Турции на кавказские дела и религиозный фанатизм.³

Кроме того, правительства Османской империи, Англии и других западных стран видели единственного и основного виновника этих трагических событий в жизни северокавказских народов в политике российского правительства.⁴ Со своей стороны, Россия ответственность за переселение местных народов в Османскую империю перекладывала на пропаганду эмиссаров султанской Турции и западных стран. Необходимо отметить, что влияние религии и пропаганда против России играли определенную роль. Но причины переселения северокавказцев в Порту были более глубокими. Здесь имелись как политические, так и социально-экономические корни.

¹ Керейтов Р.Х. Новое о Казы-Гирее // Половецкая луна. Черкесск, 1991. № 1. С. 90-97; Отчет Нарышкиных // Изв. Русского археологического общества. СПб., 1877. Т. 8. Вып. 4. С. 357.

² Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 212.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 202; Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая пол. XIX-XX вв.). С.17-52.

⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917г.). С. 202.

Переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю было осуществлено не единым актом, а растянулось на несколько трагических лет.

Обычно это событие связывают с османской агитацией и действиями сторонников турецкого султана из местных народов.

Обманутые в своих надеждах народы Северного Кавказа, говоря словами официального источника, стали настаивать, чтобы их отпустили на богомолье в Мекку, надеясь поселиться в Турции, где рассчитывали занять лучшие условия жизни.¹

Разумеется, не следует думать, что народы Северного Кавказа, добровольно покинули свою Родину. Также нет необходимости доказывать, что российская администрация на Кавказе в это время занимала нейтральную позицию. Царские власти не только не препятствовали, но делали все от них зависящее, чтобы северокавказцы переселились в Турцию. За перевозку судовладельцы получали из казны большие деньги.

Российская администрация вела целенаправленную борьбу за освобождение от народов Северного Кавказа плодородных земель. Царское правительство распространило на земли северокавказских народов политику закрепления земель за казаками с выделением крупных участков офицерам. Например, массовая эмиграция кубанских ногайцев в Османскую империю началась одновременно с колонизацией пространства между Кубанью и Лабой. Ногайцы из-за отвода земель станицам и войскам начали оставлять свои насиженные места и мигрировать в Турцию. Дореволюционный автор П.П. Короленко писал, что ногайцы «жившие между Кубанью и Лабой, не удержались на своих местах и, не желая оставаться в зависимости России, почти все поголовно вышли в Турцию».² Кроме того, в период Крымской войны (1853-1856 гг.) и после её окончания в стране продолжала осуществляться политика заселения региона русскими и украинцами из внутренних губерний Российской империи. Так, например, в конце 1864 г. на Северо-Западном Кавказе было основано 11 казачьих станиц, заселенных 142 тыс. семействами³.

¹ Там же.

² Короленко П.П. Закубанский край. С. 440.

³ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Т. 1. Ч. 1. С. 161, 209-210.

Таким образом, отбирая земли у местных жителей, российские власти нередко побуждали этим население Северного Кавказа к отъезду в султанскую Турцию. Это признавали даже представители высшего командования.

Касаясь этого же вопроса, ген. Г.Д. Орбелиани в июле 1861 г. отмечал: «По требованию военных обстоятельств из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселенных на новых местах по требованию этих обстоятельств снова переселяли и иногда по нескольку раз с места на место, но при этом новом переселении земли указывались туземцам в примерном количестве и для временного пользования... Этой недостаточной обеспеченностью прав на землю следует объяснить ту быстроту и легкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества бросали указанные им земли и убегали в горы, ...а в последнее время, чтобы высесть в Турцию»¹.

Следует также отметить, что российское правительство добивалось ухода прежде всего той части населения, которая проявляла для них «беспокойство». Так, 26 апреля 1861 г. командующий войсками Терской области Н.И. Евдокимов предлагал: «Полагаю полезным для народа и правительства удаление беспокойных людей».²

Известно, что в переселении народов Северного Кавказа в Османскую империю, свою неблагоприятную роль сыграла и султанская Турция. Османская Порта преследовала свои, далеко идущие цели. Переселенцы из Северного Кавказа размещались вдоль турецко-российской границы в целях быстрого использования в своих интересах этой силы в случае военных действий между Россией и султанской Турцией.

Необходимо отметить, что османы сначала не соглашались на переселение северокавказских народов, но затем дали разрешение. Порта сманивала народы региона к переселению обещанием райской жизни. Английские эмиссары также распространяли особенно среди адыгов Северо-Западного Кавказа призывы к

¹ Цит. по: История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 203.

² Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 185.

переселению. Турция и стоявшие за её спиной европейские державы (Англия и Франция) прилагали все силы к тому, чтобы использовать недовольство местных народов против России.

Следует указать, что переселение северокавказских народов в Османскую империю в 50-60-х гг. XIX столетия проходило в три этапа: 1) в 1859-1862 гг.; 2) в 1863-1864 гг. и 3) в 1865 г.

Массовое переселение началось еще до окончания народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа. Но оно с особенной силой развернулось в 1859 г., на завершающем ее этапе.

Поводом для массового переселения местного населения в Османскую империю в 1859-1861 гг. послужили «темные слухи о предстоящем будто бы привлечении их к отбыванию воинской повинности и принудительном обращении в христианство, несправедливости, причиняемые ближайшим к ним чинами администрации, разобщенность со своими соплеменниками и сородичами даже в пределах одной губернии, а может быть и родственные связи с оставшимися за Кубанью и в турецких пределах».¹

Под предлогом хаджа в Мекку население края начало возбуждать ходатайство о выдаче им заграничных паспортов. Число желающих отправиться на хадж в Саудовскую Аравию возрастало с каждым годом.² Российское правительство не препятствовало их переселению. Наоборот, кавказская администрация делала все, чтобы не стеснять свободу населения края по распродаже своего имущества и недвижимости. Так, глава Ставропольской губернии Брянчанинов в апреле 1859 г. докладывал наместнику Кавказа о том, что «калаусо-саблинский и бештау-кумский народы (ногайцы – Д.К.) занимают местность, составляющую площадь всех сообщений Ставропольской губернии. Поэтому, как мне кажется, весьма было бы полезно заселить эту местность русскими хлебопашцами, или если по стратегическим соображениям такое предложение будет преждевременным... казаками Кавказского линейного казачьего войска».³

¹ Цит. по: Кидирниязов Д.С. Переселение ногайцев Северного Кавказа в Турцию в XIX веке // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю. Сб.ст. Махачкала, 2000. С. 110.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 110.

В 1859 г. из абазинского аула Лоова из Кубани изъявило желание переселиться 66 семей, а в 1860 г. из абазинского села Хан-Гиреевых – 43 семейства. В июле-сентябре 1859 г. 96 семей (2693 чел.) ногайцев Закубанья переселились в Османскую империю. В этот период переселилось более 3 тыс. семей адыгов (хатукайцев и хамышевцев)¹.

Следует отметить, что по неполным данным, в 1859-1860 гг. в Турцию ушло около 30 тыс. ногайцев, в основном, калаусо-джембойлуковских, калаусо-саблинских, бештау-кумских. По данным автора XIX в. И.В. Бентковского в 1859 г. из Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства Ставропольской губернии ушло 8046 человек, осталось 9428 человек, из Калаусо-Джембойлуковского приставства ушло 2067 человек, осталось 18586 человек.² Затем прошения стали поступать от ногайцев Северо-Восточного Кавказа – Караногайского и Ачикулакского приставств.

Генерал-губернатор Ставропольской губернии приказал территорию, занимаемую ногайцами, «совершенно освободить от этих народов для поселения на ней коренных русских хлебопашцев».³ После массовой эмиграции ногайцев в султанскую Турцию два ногайских приставства в Ставропольской губернии были упразднены. И.В. Бентковский отмечал: «История не может обойти их молчанием и потому уже, что они более 70 лет пребывали под властью России и были не бесполезными ее подданными».⁴

Что касается кубанских ногайцев, то в 1861 г. кавказская администрация доложила правительству, что после присоединения почти всех прикубанских ногайцев в Османскую империю, земли площадью 400 тыс. десятин, с одной стороны между Урупом и Кубанью, а с другой – между Малым Зеленчуком и Кубанью, «ныне почти никем не занимаются», за исключением небольшого числа туземцев, поселившихся в долине Малого Зеленчука.⁵

¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). С. 204-205.

² Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1883. Ч. 1. С. 93.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 220.

В течение 1859-1860 гг. из Северного Кавказа в султанскую Турцию эмигрировало более 40 тыс. ногайцев¹. В 1860-1861 гг. из Кабарды выселилось около 10 тыс. человек². Из Дагестана с 1859 по 1861 гг. переселилось 702 человека, а в 1863-1869 гг. – 1603 человека³.

Что касается Осетии, то здесь переселение носило добровольный характер и облекалось в форму поездки в Саудовскую Аравию для поклонения святым местам. Паломникам выдавали отпускные билеты сроком на 1 год, затем на полгода. Но большинство из них распродало свое имущество и уезжало в султанскую Турцию целыми семьями, намереваясь остаться жить там навсегда⁴. Кроме того, изъявили желание переселиться туда и некоторые осетины-христиане. Так, в обращении хехесов к российским властям от 12 декабря 1859 г., подписанной от имени 80 дворов, указывалось о том, что их не пускают на поселение в Вольно-Христиановский аул, и содержалась просьба о даче разрешения на переселение в Порту или «в другое место»⁵. В 1859 г. в Османскую империю переселилась группа во главе с дигорским владельцем Абисаловым⁶. В сентябре 1859 г. с прошением к Кавказскому военному командованию о переселении обратились жители Вольно-Магометанского аула. За 1859-1860 гг. из Осетии в Турцию переселилось около 3 тыс. человек⁷.

В конце 1860 г. в пределах Калаусо-Джембойлуковского и Калаусо-Саблинского приставств остались лишь несколько десятков ногайских семей. Перед местными российскими властями стояла задача – дать согласие ногайцам жить на правах государственных крестьян или же переселить их к своим соплеменникам

¹ Кидирниязов Д.С. Переселение ногайцев Северного Кавказа в Турцию в XIX веке. С. 110-111; Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая пол. XIX-XX вв.). С. 20.

² История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 234.

³ Магомеддаев А.М. К истории эмиграции дагестанцев в Османскую империю // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX –нач. XX в.). С. 67; Абдулаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во второй половине XIX – начале XX в. // Там же. С. 106.

⁴ История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. С. 291.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Тотоев М.С. Некоторые вопросы из истории Осетии XIX века // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1948. Вып. 1. С. 28.

⁷ Там же. С. 30.

в Ачикулакское приставство.¹ Пока этот вопрос долго решался, к этому времени уже на свои земли начали возвращаться из Турции ногайцы. За время отсутствия ногайцев царские чиновники уже раздали их земли бывшим военным, различным своим чиновникам, а также переселенцам из центральных районов России. Поэтому местная администрация решила всех ногайцев, выходцев из Пятигорья, поселить в одно место. Таким местом была выбрана не очень плодородная земля около горы Кинжал. За этим селением закрепилось ногайское название «Канглы».²

В течение второго этапа переселения в Турцию из Северного Кавказа переселилось около полумиллиона человек, в том числе более 45 тыс. натухайцев, свыше 30 тыс. кубанских ногайцев, более 23 тыс. чеченцев, 17 тыс. кабардинцев, около 16 тыс. карачаевцев и др.³ После переселения кубанских ногайцев около 100 тыс. десятин земли остались пустующими между Кубанью и средним и нижним течением Урупа.⁴ Позже на этих землях появились десятки новых русских станиц и крестьянских селений.⁵ Примеру кубанских ногайцев последовали ставропольские и таврические ногайцы. Картину расставания ногайцев с родными местами А. Сергеев описывал следующим образом: «Расставанье с родиной и соседями – русскими, с которыми ногайцы жили хорошо, носило драматический характер. В ногайских селениях раздавался плач женщин и детей. На кладбищах происходили потрясающие сцены прощания с родными могилами. Когда русские крестьяне уговаривали остаться, ногайцы со слезами отвечали: «нельзя – все идут, грех оставаться».⁶

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988. С. 45.

² Твалчрелидзе С.А. Ставропольская губерния. Ставрополь, 1897. С. 47.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). С. 207; Напсо Д.А. Чекменев С.А. Надежда и доверие. Черкесск, 1993. С. 113; Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1912. № 48. С. 202; Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского ИИЯЛИ. Вып. 5. Ставрополь, 1968. С. 83.

⁴ Кидирниязов Д.С. Переселение ногайцев Северного Кавказа в Турцию в XIX веке. С. 111.

⁵ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 111.

⁶ Сергеев А. Указ. соч. С. 202.

За 1858-1866 гг. в Турцию переселилось из Северного Кавказа более 70 тыс. ногайцев¹, а из Таврической губернии приблизительно более 50 тыс. ногайцев.² В течение 1860 по 1866 год: из Бердянского уезда Крыма в Турцию переселились ногайцы из 67 аулов, из которых 60 были заняты новыми переселенцами³; из Мелитопольского уезда – из 9 сел, вскоре все эти населенные пункты были заняты новыми переселенцами – болгарами и русскими⁴; из Перекопа и округа Армянского Базара – 2183 ногайцев (все же переселилось из Перекопского уезда – 17459 человек из 146 сел)⁵; в Феодосийском уезде – из 67 сел⁶; из Днепровского уезда из 20 сел (12357 человек)⁷; из Евпаторийского уезда – 8434 человек (196 сел.)⁸. Вскоре там были поселены русские, немцы, молдаване и др.⁹ В 1860-1862 гг. ногайцам и татарам Крыма при переселении в Османскую империю было выдано 29098 паспортов, на число душ муж. – 104211, жен. – 88149¹⁰. К концу 1864 г., по официальным данным, в Таврической губернии осталось только 37 ногайцев.¹¹

Возможно переселение ногайцев Крымского полуострова было связано с массовым переселением крымских татар в Османскую империю в 1860-1861 гг.: «как истые мусульмане, единоплеменные крымским татарам, ногайцы почти всей массой ушли с ними в Турцию»¹², - писал автор XIX в. М.И. Венюков.

Необходимо указать, что в Кубанской области освобождение местных крестьян отложили до 1867-1868 гг., хотя официально в России крепостное право было отменено в 1861 г. Поэтому

¹ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 61. Л. 90; Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 186.

² Сергеев А. Указ. соч. С. 203.

³ Скальковский А.А. О ногайских колониях Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии. Вып. 1. Симферополь, 1867. С. 434.

⁴ Там же. С. 434.

⁵ Там же. 435.

⁶ Там же. 436.

⁷ Там же. С. 436.

⁸ Там же. С. 436.

⁹ Там же. С. 436.

¹⁰ Там же. С. 438.

¹¹ Сергеев А. Указ. соч. С. 222.

¹² Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 177.

му здесь часть ногайских владельцев удержали свои общества от переселения в султанскую Турцию. М.И. Венюков отмечал: «Остались у нас только те их князья и владельцы, которые были на службе, имеют чины или почему-либо особенно расположены к нам. Таковы, например, князья Адиль-Гирей Капланов-Нечев (аул около Прочного Окопа), султан Казы-Гирей, Мансуровы, Мамаевы, Карамурзины».¹

Российская администрация на Кавказе награждала местную знать за верную службу земельными участками в частную собственность, обрекая ногайское население на поземельную зависимость от своих владельцев. Таким образом, большая часть народа попадала в крайне стесненное земельное положение, что было одним из основных причин переселения в Турцию.

Следует отметить, что в период третьего этапа переселения в 1865 г., в частности, из Терской области в связи с проведением земельной реформы, а также в результате пропаганды османских эмиссаров и при попустительстве российского военного командования на Кавказе переселилось в султанскую Турцию немало местного населения. Особенно неблагоприятную роль в этом сыграл ген.-м. Муса Кундухов, выходец из знатной осетинской семьи. Он взялся спровоцировать на переселение в Османскую империю часть чеченцев и ингушей².

Ген.-м. Кундухов, уже весной 1864 г. вел переговоры с османским правительством. Ему удалось добиться согласия турецких властей на переселение в «Азиатскую Турцию» 5 тыс. вайнахских семейств³, находящейся вблизи российско-турецкой границы. Однако российское правительство опасалось, что размещение здесь вайнахских переселенцев может привести к нежелательным для России осложнениям. В связи с этим, начальник Терской области ген. М.Т. Лорис-Меликов в докладной записке на имя главнокомандующего Кавказской армией от 15 ноября 1864 г. предложил поселить чеченцев в районе Диарбекира, подалее от российско-турецкой границы⁴. Российское правительство согласилось с этим и поручило послу в Турции Н.П. Игнать-

¹ Там же. С. 177.

² История Ингушетии. Ростов-на-Дону, 2013. С. 274.

³ История Чечни. Грозный, 2013. Т. 3. С. 414; История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. С. 36.

⁴ История Чечни. Т. 3. С. 415.

еву вступить в переговоры с министром иностранных дел Порты Али-пашой с целью уговорить османские власти отправить чеченских переселенцев в район Диарбекира пешим путем через Ахалцих. Следует отметить, что под давлением российского посла турецкие власти соглашались разместить 5 тыс. вайнахских семейств вглубь территории страны, подальше от российско-турецкой границы, в безводные каменистые пустыни¹. Вскоре, в начале апреля 1865 г. в письме министра внутренних дел Турции к эрзерумскому генерал-губернатору было дано предложение, чтобы вайнахских переселенцев поселить внутри Анатолии. Кроме того, османский министр просил местные власти принимать их «хорошо и приложить старание о спокойном и благополучном препровождении их в места, которые им будут назначены»². В 1865 г. из Терской области было переселено 4500 семей чеченцев³.

В 1865 г. из Осетии переселилось около 350 человек⁴. Необходимо указать, что отсюда, где проживало преимущественно христианское население, в султанскую Порту эмигрировало небольшое число жителей.

Вместе с ген.-м. М. Кундуховым в 1865 г. из Малой Кабарды в Порту отправились 451 человек, а всего из Кабарды переселилось туда около 3 тыс. человек. В том же году, численность переселившихся в Османскую империю чеченцев составляло 22 тыс. человек⁵.

Переселение ингушей в Турцию началось в мае 1865 г. К отправке готовились 70 семейств из Назрани. За ними собрались и из других ингушских сел. Для перевоза своего скарба каждая семья могла иметь 2 арбы. 141 ингушское семейство, отправившихся первой и второй партиями, имели 237 арб⁶. Из Ингушетии переселилось 1454 семейства из Карабулакского и Назрановского обществ⁷.

¹ Там же. Т. 3. С. 416.

² Там же. Т. 3. С. 416.

³ Там же. Т. 3. С. 418.

⁴ Тотоев М.С. Указ. соч. С. 38.

⁵ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 274.

⁶ История Ингушетии. С. 274.

⁷ Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002. С. 115.

Османские власти поселили северокавказских переселенцев сначала в Болгарии и Румынии, объединив их с ранее иммигрировавшими из Крыма ногайцев. В период 1860-1861 гг. в Болгарии, входившей в состав Османской империи, были поселены несколько десятков тысяч адыгов, ногайцев и крымских татар¹. Так, автор начала XX в. А.Л. Погодин писал: «В 1861 г. Порта поселила в Болгарии до 15 тыс. ногайских татар (ногайцев – Д.К.), эмигрировавших из России, и они до такой степени обижали мирное болгарское население, что около 40 тыс. болгар выселилось из своей родины отчасти в Сербию, отчасти в Южную Россию»². После завершения русско-турецкой войны 1877 г. большую часть северокавказцев перевели в Брусский и Конийский вилайеты Турции.³

Разорения региона в результате массового ухода северокавказцев в Порту пагубно отразилось на развитие его производительных сил. Один из авторов XIX в., изучавший Кубанский край, Л.П. Македонов с сожалением констатировал тяжелое положение Кубани в связи с массовым переселением местного населения в Османскую империю: «Тысячелетний опыт горской культуры для новых людей (русских новопоселенцев-Д.К.), - отмечал он, - пришедших сюда с традициями равнинного степного хозяйства, пропал бесследно, и в результате плодородные цветущие местности заглохли, сенокосные поляны заросли, бесчисленные сады пропали, огромное скотоводство горцев погибло, а переселенцы не нашли ничего, кроме леса, который и начали истреблять».⁴

Кроме того, переселение народов Северного Кавказа, в частности ногайцев вызвало серьезное беспокойство среди торгового элемента, особенно среди кизлярских и моздокских армян. Как известно, ногайцы были основными поставщиками мяса, шерсти, кожи и др. животноводческих продуктов для юга России. Армянские же купцы были посредниками в торговле ногайцев с

¹ История на Бьолгария. Бьолгарско-Възраждане. 1856-1878 гг. София, 1987. Т. 6. С. 79-80.

² Цит. по: Погодин А.Л. История Болгарии. СПб., 1910. С. 191.

³ Сергеев А. Указ. соч. С. 222; Чеучева А.К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв. Майкоп, 2007. С. 316.

⁴ Цит. по: Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т.1. С.307.

русским населением. Кроме того, ногайцы за плату перевозили на своих арбах казенные и купеческие товары из Кизляра в Астрахань Тифлис, Моздок.¹

Необходимо подчеркнуть, что было «тайное желание большинства» ногайцев не переселяться в Османскую империю. Об этом писал в одном из своих рапортов наместнику Кавказа губернатор Ставропольской губернии Брянчанинов.²

Однако это желание ногайцев не отвечало интересам российской администрации. Власти открыто заявляли, что нужно местность занимаемую ныне калаусо-саблинцами, бештау-кумцами, едисанцами и калаусо-джембойлуковцами, совершенно освободить от этих народов для поселения на ней коренных русских хлебопашцев». ³ Интересный диалог с ногайцами приводит очевидец этого переселения известный исследователь истории и этнографии ногайцев Г.В. Бентковский. Когда последний спросил ногайцев, почему же они переселяются в султанскую Турцию, ногайцы ответили: «Мы сами не знаем – народ идет, а как нам оставаться? – Ну, а народ зачем же идет? – Нельзя не идти – пристав гонит: на говорит, билет и иди – надо идти». ⁴

В октябре 1860 г. в связи с переселением ногайцев в Османскую империю калаусо-саблинское и бештау-кумское и калаусо-джембуйлуковское приставства были упразднены.⁵

Ногайские земли – 113707 десятин – были отданы в Удельное ведомство, на «высочайшее пожалование» разным лицам (в частности, графу Н. Евдокимову, графу де Витте и др.). Остальные земли были переданы в распоряжение ведомства Государственных имуществ.⁶

Переселение в Османскую империю было тяжелым испытанием для народов Северного Кавказа и трагическим событием в их исторической судьбе. Много трудностей и невзгод перенесли

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.

² Бентковский Г.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. С. 113.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ ГАСК. Ф. 249. Оп. 4. Д. 80. Л. 1.

⁶ Кужелева Л.И. Ногайцы (Из истории ногайцев XVIII – нач. XX в.) // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1964. Т. 13. (серия историческая). С. 209.

они во время переезда на зафрахтованных для этого небольших судах. Многие переселенцы грузились в страшной тесноте и давке. Немало переселенцев погибло в пути. На берегах Анатолии скапливались огромные толпы голодных людей. Тысячи их гибли от тифа и других болезней. «Поразительное зрелище представлялось нашим глазам по пути, - отмечал очевидец событий, - разбросанные трупы детей, женщин, стариков... изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения... Живым и здоровым некогда было думать об умирающих... и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни»¹.

Положение северокавказцев в Турции было крайне тяжелым. Ни земель, ни денег они здесь не получили. Они гибли тысячами в специальных резервациях, где они были поселены и должны были выдержать карантин.

Положение переселенцев в Турции было исключительно тяжелым. Многие из них заявляли: «В христианской России нам было лучше во всех отношениях, чем в магометанской Турции».² Единоверная султанская Турция, на которую так рассчитывали переселенцы, оказалась для них злой мачехой, поглотившей сотни тысяч жизней.³ Для сравнения показательна судьба выехавших в Османскую империю черкесов Кубани. Так, из оказавшихся в Анатолии 220 тыс. черкесов с ноября 1863 г. по сентябрь 1864 г. почти 100 тыс. умерло от голода и болезней в карантинных лагерях, а 10 тыс. были проданы в рабство. В основном переселенцы были размещены в пустынных местностях Малой Азии. Кроме того, их неоднократно перемещали с одного места на другое, что также приводило к смерти северокавказцев⁴. В новых условиях большая часть адыгов была подвержена ассимиляции, как это произошло с этнической группой адыгов-убыхами, которые утратили там свое этническое своеобразие⁵.

¹ Дроздов И. Последняя борьба с горцами Западного Кавказа // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 456-457.

² Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 114.

³ Кидирниязов Д.С. Переселение ногайцев Северного Кавказа в Турцию в XIX веке. С. 111-112.

⁴ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 44.

⁵ Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Колонизационно-переселенческие шаги российской администрации на Северо-Западном Кавказе в 60-70-е годы XIX в. //

Что касается чеченцев, то они, как и другие переселенцы, также вскоре поняли, что их обманули – не дали достаточной земли для занятия хозяйством и не создали нормальных условий жизни.

В Тифлис стали поступать тревожные депеши. Так, 17 октября 1865 г. поступило первое сообщение от ген.-м. Астафьева на имя ген.-адъютанта Карцова, в которой отмечалось: «Вышедшие в Турцию чеченцы, являсь на границу к Арпачаю до 200 душ, просят дозволить им возвратиться в Ахчевскую станицу к своим: они все принимают православие. Положение у них ужасное»¹.

Вскоре аналогичная телеграмма была отправлена во Владикавказ, где указывалось, что на границу явились ещё 120 чеченцев с просьбой вернуться на Кавказ. Однако им также отказали².

21 октября 1865 г. из кр. Грозный был ответ о том, что наместник Кавказа великий князь Михаил после разговора с начальником Терской области Лорис-Меликовым дал согласие пропустить через границу 120 вайнахских семейств и поселить в Надтеречном наибстве. Позже великий князь Михаил просил через российского посла в Турции Игнатьева настаивать перед османскими властями о том, что подобное возвращение северокавказцев к границе недопустимо и их впредь не будут принимать³.

Следует отметить, что напряжение на российско-турецкой границе стало нарастать. В связи с этим, начальник Терской области считал, что нужно полностью отказаться от принятия в российские пределы переселенцев и оставлять их вблизи границы. Он также не находил возможным оставлять их вблизи российско-турецкой границы⁴.

Между тем, положение дел в самой турецкой Анатолии резко ухудшилось. Число чеченцев-переселенцев здесь достигло около 20 тыс. человек⁵.

Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа в последней трети XIX – начале XX веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. Грозный, 22 апреля 2014 г. ЧГУ. Грозный, 2014. С. 131.

¹ История Чечни. Т. 3. С. 422.

² Там же. Т. 3. С. 422.

³ Там же. Т. 3. С. 422.

⁴ Там же. Т. 3. С. 423.

⁵ Там же. Т. 3. С. 423.

По сообщению куратора переселенческих партий капитана Зеленого от 7-го октября наместник турецкой области просил его к себе, чтобы ознакомить с депешей великого визиря. В ней отмечалось, что поскольку вайнахи упорствуют, то турецкие власти вправе отправить их обратно на родину, чего все чеченцы желают, кроме ген. М. Кундухова и некоторых старшин, но желая быть великодушным, османское правительство использовало последнюю меру. Значительную часть из переселенцев решено было вывезти из Муша в Палу на места поселения, остальных разместить на зимнее время в Арзеруме, Сивосе, Карпуте, Эрзингане и др. Следует отметить, что для выполнения предписания османского правительства турецкому наместнику разрешалось употребить войска¹.

Между тем важные сведения о 2680 переселенцах - чеченцах, ингушах и карабулаках, собравшихся у границы с целью вернуться в родные края, содержатся в докладной записке капитана Кишмишева ген. Карцову от 11 ноября 1865 г.²

Российские власти отреагировали на эти события тем, что разрешили избрать из числа переселенцев 5 делегатов в Тифлис, для ходатайствования о разрешении вернуться на родину. Вскоре в записке полковника Черкасова, полученной 14 ноября 1865 г. из Тифлиса капитаном Кишкимишевым говорилось, что чеченским посланникам было отказано в их просьбе³.

Между тем, в середине ноября 1865 г. ситуация близ российско-турецкой границы, где находились переселенцы - вайнахи, резко обострилась. Османские власти употребили войска и под конвоем переселенцы направились в Карс, в Диарбекирскую провинцию. Согласно документальным данным, лишь 800 вайнахских семей к зиме 1865-1866 г. добрались до Диарбекира, куда весной 1866 г. османские власти переселили и других чеченских переселенцев. Статистические данные о размещении вайнахских переселенцев на территории Османской империи зимой 1865-1866 гг. показывают, что в Диарбекирском вилайете находилось 5 тыс. семейств чеченцев (включая 300 семей ингушей)⁴.

¹ Там же. Т. 3. С. 424.

² Там же. Т. 3. С. 425.

³ Там же. Т. 3. С. 425.

⁴ Там же. Т. 3. С. 427.

Необходимо отметить, что переселенцы-вайнахи потеряли надежду вернуться в Чечню. О чем красноречиво свидетельствуют многочисленные факты. Небольшими группами вайнахи пытались возвратиться на родину, преодолевая невероятные препятствия, чинимые османской администрацией и царскими властями. Тем не менее в 60-70-е гг. XIX в. в Чечню возвратилось 5857 чеченцев и ингушей, однако почти половина из них вновь были высланы в Порту¹. Другая небольшая часть вайнахов вернулись в родные края только после русско-турецкой войны 1877-1878 гг.²

Переселенцы получали самую плохую землю, их расселяли по всей Оттоманской империи, в рекруты османы брали только неженатых, и потому северокавказцы продавали своих жен и детей и поступали на военную службу³. Что касается проблемы приема и размещения новых эмигрантов турецкими властями, то у царской администрации к ней было только одно требование: «Нам желательно, чтобы наши выходцы не были поселены вблизи нашей границы»⁴.

Вскоре после переселения многие северокавказцы, поняв, что совершили большую ошибку, согласившись на переселение в османскую Порту и другие страны Ближнего Востока, стали просить о возвращении их на прежние места жительства, на Кавказ. Однако османское правительство, применяя дешевую рабочую силу на самых тяжелых работах, и слышать не хотело об их возвращении на родину. Крайне отрицательно относилось к возвращению северокавказских переселенцев и царское правительство, хотя в российское посольство в Стамбуле приходили многочисленные просьбы горцев о возвращении. Так, в январе 1861 г. главнокомандующий Кавказской армией в письме российскому консулу в Стамбуле писал: «Горцы... ни в коем случае не могут получить разрешения возвратиться на родину, а если кто возвра-

¹ Там же. Т. 3. С. 428.

² Ибрагимова З.Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60-70 гг. XIX в.). М., 2000. С. 57.

³ Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000. С. 53.

⁴ История Ингушетии. С. 276.

тится самовольно, будет отправлен... в Сибирь».¹ Кроме того, русскому консулу в Турции циркулярно было сообщено о запрещении выдавать паспорта для возвращающихся обратно назад.² Однако, несмотря на такие препятствия, обратное движение на Северный Кавказ продолжалось. Например, из Терской и Кубанской областей выселившихся в 1861 г. свыше 10 тыс. человек, из них вернулись обратно на родину более 7 тыс. человек³. Так, уже весной 1861 г. из Турции возвратились 50 семей калаусо-саблинских ногайцев.⁴

В 1862 г. ген. Евдокимов писал, что «ногайцы прибывают в наши пределы в самом жалком положении».⁵ А губернатор Кутаиси отметил, что ногайцы «не имеют никаких средств для пропитания».⁶

За 5-6 лет вернулось обратно в Россию более двух с половиной тысяч ногайцев.⁷ А в 1870 г. из Турции вернулось 3223 ногайца.⁸

26 июня 1861 г. в Кавказском комитете Кабинета Министров России рассматривался вопрос, куда отправлять возвращающихся северокавказских переселенцев, так как их земли уже были розданы русским крестьянам, и поэтому допустить на них горцев было уже невозможно. Были выработаны «Правила относительно возвращающихся из Турции кавказских переселенцев». В одном из документов отмечалось, что северокавказцы «могут быть возвращаемы на Кавказ в том случае, ежели они заявят, что

¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 307; Базоркин М.М. Указ. соч. С. 387-389.

² Кудалева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации адыгского общества (Изд. II. Доп. и перераб.). С. 204-208; Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 188.

³ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 307.

⁴ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 188.

⁵ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 115.

⁶ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 189.

⁷ Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы // Тезисы докладов международной научной конференции. Махачкала, 1998. С. 113.

⁸ Бентковский Г.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. С. 116.

имеют на родине оседлость и имущество. Причем консулы наши должны предварять таковых, что в случае несправедливости, сделанных им показаний, они не будут выдворены на прежних местах жительства и с ними будет поступлено по усмотрению русского правительства»¹. Сначала было предложено поселить их на Дону, но командующий донским войском отверг это, так как тогда будут ущемлены привилегии казачества.² В отзыве ген.-адъютанта князя Г.Д. Орбелиани подчеркивается, что ни в войске Донском, ни в Астраханском казачьем войске не только нет свободных земель, но даже не достаёт для надела казаков 150 тыс. десятин и, что «за сим только в Уральском и Оренбургском казачьих войсках есть такое количество свободных земель, на коих можно было бы водворять горцев особыми общинами, среди русского населения, и если бы Кавказский комитет признал необходимым селить возвращающихся из Турции горцев именно среди земель, упомянутых двух казачьих войск, то точное указание местностей для сей цели должно быть представлено ближайшему усмотрению командира отдельного Оренбургского корпуса»³.

В «Правилах» также были предусмотрены пути следования до Самары в зависимости от того куда прибывают возвращающиеся переселенцы. Например, из черноморских портов переселенцев должны были переправлять через Ростов н/Д и Царицын до Самары. Следует отметить, что переселяя северокавказцев во внутренние губернии страны, царские власти особо не утруждали себя выбором территории, подходящей по природно-климатическим условиям. Так, в 1859 г., поселив 159 человек адыгов-натухайцев в Новоузенском уезде Самарской области, российская администрация вынуждена была через год вернуть их обратно на Северный Кавказ. Отметим, что из 159 прибывших в Поволжье в живых осталось 81 человек⁴.

¹ Цит. по: Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. С. 204.

² Кидирнязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 189.

³ Цит. по: Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. С. 205.

⁴ Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. С. 213; Панеш А.Д. Мюридизм на Кавказе и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 109.

Следует отметить, что чем больше было желающих вернуться на Кавказ, тем решительнее противодействовали этому царские власти. Так, ген. А.П. Карцов, сменивший ген. Д.А. Милютину на посту начальника главного штаба Кавказской линии, представил в 1864 г. обширный секретный меморандум с обоснованием своего предложения о переселении северокавказцев¹. Ещё ранее, в 1863 г. А.П. Карцов в письме российскому послу в Турции Новикову отмечал, что «вообще переселение горцев составляет в настоящую минуту для успеха наших действий предмет первостепенной важности. Если оно будет производиться беспрепятственно, то можно надеяться, что в течение будущего лета война на Западном Кавказе будет окончена»². А вот что писал ген. Романовский о важности быстрее окончания Кавказской войны: «не трудно понять в какое ужасное положение мы были бы поставлены, хотя бы в 1876 г., если бы Кавказская война не была бы окончена и мы находились бы в положении, сколько-нибудь напоминающим положение на Кавказе в 1853-1859 годах»³.

Огромные бедствия испытывали также ногайцы-переселенцы по возвращении на родину. Так, например, в районе Пятигорска до переселения ногайцев было 40 ногайских сел. Когда часть ногайцев вернулась обратно, то естественно, их земли были уже заняты. Так, их земли уже были пожалованы в частную собственность генералам и чиновникам: аул Найманова – Харитонову, аул Песчаный – кн. Орбелиани, аул Саблинский – Фадееву, аул Крымгиреевский заселен греками. Возвратившихся из Турции ногайцев поселили в с. Канглы, около горы Кинжал с наделом в 29754 десятины земли на 1161 ревизскую душу, а в 1864 г. здесь было образовано также селение Крымско-Кевсалинское с наделом более 24 тыс. десятины земли на 12155 душ и поселок Лиманское с наделом более 12 тыс. десятины на 305 душ, на правах государственных крестьян.⁴ Помимо этого ногайцы посели-

¹ Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. С. 206.

² Цит. по: Там же. С. 207.

³ Романовский Д.И. Публичные лекции / Князь А.И. Барятинский и Кавказская война // Кавказ и Кавказская война. СПб., 1878. С. 9.

⁴ Щеглов И.В. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910. Т. 1. С. 105.

лись на частных землях султанов Тохтамыш-Гирея и Джанибек-Гирея.¹

Следует отметить, что масса переселенцев из Северного Кавказа желала вернуться на родину, но в 1865 г. предписанием российского государя Александра II вопрос о их возвращении в Россию был снят с повестки дня².

Таким образом, финал войны на Северном Кавказе, вызванной военно-политическими, религиозными и межнациональными причинами, нежеланием понять интересы и чаяния местных народов, откровенно колониальной и захватнической политикой противоборствующих сил, был жесток и драматичен. Он стоил жизни сотням тысяч людей, неисчислимым бед многим северокавказским народам.

Следует отметить, что существующая статистика переселения северокавказских народов в Османскую империю в рассматриваемый период весьма разнообразна. До настоящего времени нет единого мнения по этому вопросу.

Необходимо указать, что северокавказская диаспора сформировалась в результате переселения с Северного Кавказа, осуществленная царскими властями в середине XIX – начале XX в. Так, численность адыгов (западных адыгов и кабардинцев) переселенных в Османскую империю, составила 800 тыс. человек. Немалая их часть погибла в пути следования. Что касается других северокавказских народов, то приблизительная численность переселенных в султанскую Турцию, составила: 135 тыс. абхазов и абазин, более 70 тыс. кубанских и ставропольских ногайцев (дагестанских ногайцев было очень мало), более 50 тыс. крымских ногайцев, 23 тыс. вайнахов, около 10 тыс. карачаевцев и балкарцев, 3 тыс. осетин³.

¹ Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. С. 113-128; Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. С. 332.

² История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 292.

³ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина СПб., 1882. Т. 33. С. 167; История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. С. 40; Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). С. 111-112; Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 184-186; Кушхабиев А.В., Магомеддадаев А.М. Деятельность общественных организаций северокавказских

Так, согласно данным дворянского историографа А.П. Берже за период с 1858 по 1865 гг. в пределы Османской империи адыгов переселились 493194 человека¹. По подсчетам российского исследователя Д.Е. Еремеева число переселившихся в Османскую империю составляют 1,8 человек. При этом он указывает, что при переселении погибло большое количество людей из-за болезней, непривычного климата и тяжелых условий². Другой известный отечественный востоковед Р.Г. Ланда отмечает, что число переселившихся северокавказцев колеблется от 1 до 3 млн. человек³.

Кроме того, в результате анализа данных различных авторов, В.Е. Давидович и С.Я. Суций приходят к выводу, что из России переселилось от 350 до 700000 человек, принадлежащих к 10-15 различным народам Северного Кавказа⁴. Американский профессор Камаль Карпат (крымский ногаец, предки которого переселились в XIX в. в Турцию – Д.К.), изучавший архивы Турецкой Республики, утверждал, что с 1859 по 1879 гг. в пределы османской империи переселилось 2 млн. человек, но добрались только 1,5 млн.⁵

Немалый интерес представляет данные турецких исследователей. Так, турецкий историк Абдуллах Сайдам, принимая за основу статистические цифры османского правительства с учетом смертности среди переселенцев (12-25%) считает, что в 1856-1876 гг. из Крымского полуострова и Кавказа в Османскую империю прибыло 1 млн. – 1млн. 200 тыс. человек⁶. Другой турец-

диаспор в Турции // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Махачкала, 2012. №1. С. 26; Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999. С. 114.

¹ Берже А. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб., 1882. Т. 33. С. 165-166.

² Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971. С. 113, 149.

³ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 113.

⁴ Давидович В.Е., Суций С.Я. Этнические и региональные факторы в формировании культуры юга России // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток. Геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996. С. 212.

⁵ Karpat K. The Religious and ethnic distribution of the Ottoman Population (1830-1914). Wisconsin, 1985. P. 68.

⁶ Abdullah Saydam. Kirim ve Kafkas Göçleri (1856-1876). Ankara, 1997. S. 91.

кий историк Али Меран Кемаль отмечает, что только за 1860-1865 гг. с Кавказа и Крыма было выселено 1 млн. человек, не считая отправленных на Балканы 300 тыс. и тех, кого вывезли в Иорданию и Сирию. Только в Анатолии, – как указывает автор, осело более 600 тыс. переселенцев¹. А известный историк, генерал турецкой армии И. Беркок указывает, что в Порту переселилось 1 млн. человек².

Необходимо отметить, что дать общее количество представителей отдельных народов в Турции невозможно. Турецкая перепись принимала во внимание только мужской пол. Объясняется это тем, что магометанское население исчислялось больше для военных целей. Разброс мнений по численному составу связан с тем, что не все авторы четко отделяли друг от друга северокавказские народы, переселившихся в середине XIX в. Поэтому степень достоверности некоторых данных вызывает определенные сомнения.

Кроме того, подсчет переселившихся затрудняется и тем, что приводимые различными авторами цифровые данные по количеству переселенцев хронологически не совпадают. Не все исследователи учитывали погибших в пути и по прибытии в Османскую империю от болезней и плохих условий³.

Следует также учесть, что вся политика османских властей была направлена на то, чтобы как можно больше инородческого элемента слилось с турецким, чтобы турками стали все вокруг. Для османов всегда была характерна самоидентификация через религиозную, а не этническую принадлежность⁴.

В настоящее время северокавказская диаспора проживает в Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Турции, Афганистане, США, Румынии, Болгарии и других странах.⁵

¹ Ali Kemal Meram. *Türk-Rus İlişkileri Tarihi*. İstanbul, 1969. S. 460.

² İsmail Berkuk. *Tarihte Kafkasya*. İstanbul, 1958. S. 529.

³ Кидирниязов Д.С. Эмиграция народов Северного Кавказа в султанскую Турцию во второй половине XIX – начале XX в. // *Мемлекет тарихы. История государства*. № 1. Астана, 2015. С. 142, 143.

⁴ Лурье С.В. *Историческая этнология*. М., 1997. С. 242, 244.

⁵ Мусаева М.К., Магомеддаев А.М., Курбанов М.Ю. *Дагестанская диаспора в Турции*. Махачкала, 1999. С. 42-43.

В Турции язык северокавказских народов растворился в турецкой среде, хотя в нем сохранились наиболее устойчивые слова, словосочетания, выражения¹.

В Турции, Сирии и Иордании представители северокавказской диаспоры раньше объединялись вокруг официально действовавшей общественной организации Черкесского благотворительного общества.

Сегодня в Турции, Сирии, Иордании и других странах существуют общественные организации «Кавказское культурное общество», «Кавказ», «Адыгэ-Хасэ», «Дагестан», «Ногай эл», «Вайнах» и т.д. потомков северокавказских мухаджиров². Как известно, целью этих обществ является сохранение языка, литературы, традиций³. Так в странах Западной Европы (Германии, Голландии, Австрии и др.) существуют региональные ногайские организации «Ногай эл» потомков северокавказских переселенцев в Османскую империю. Кроме того, например, сегодня в Турецкой Республике ногайцы проживают компактно в 45 городах и крупных населенных пунктах (Анкаре, Стамбуле, Эски-Шехир, Испарта, Адана и др.) и везде функционируют общество «Ногай эл»⁴. Что касается адыгов, то они компактно проживают в 57 городах Турции и имеют свою общественную организацию (только в одном Стамбуле около 17 организаций «Адыгэ-Хасэ»)⁵.

Определить численность современной северокавказской диаспоры в Турции трудно, так как статистика населения по этническим признакам ни в Османской империи, ни в Турецкой Республике не велась. Другая причина кроется в процессах асси-

¹ Народы Кавказа. Т.1 . С 99.

² Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. С. 35; Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 189; Магомедханов М.М. Дагестанская диаспора в Турции: этапы формирования и современный этнокультурный облик // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. Махачкала, 2014. С. 181; Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. С. 76-77.

³ Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. С. 113.

⁴ Uluslararası Nogay Türkleri Bilgi Soleni. 9-10 Mayıs 2008. Ankara, 2009. S. 31-40.

⁵ Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. С. 35.

миляции потомков переселенцев из Северного Кавказа, а также в «двойственности и неопределенности их этнического самосознания», – как правильно отмечает известный дагестанский исследователь М.М. Магомедханов¹. Поэтому данные различных источников о численности северокавказцев в Турции и странах Ближнего Востока носят приблизительный характер.

¹ Магомедханов М.М. Дагестанская диаспора в Турции: этапы формирования и современный этнокультурный облик. С. 179.

ГЛАВА IV. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

§ 1. Вклад русской интеллигенции и российских властей в процесс культурного и общественно-политического развития края.

Особое место в социально-политической жизни Дагестана занимали отношения с соседними народами и политическими владениями, которые не ограничивались политическими и экономическими связями, а распространялись и на другие сферы жизни местных народов.

На протяжении многих столетий Северный Кавказ, в частности Дагестан, привлекает внимание исследователей многоликостью региона, его полиэтничностью, языковой пестротой, разнообразием обычаев. Регион является уникальным местом, отличающимся интенсивностью межнациональных отношений. Исследователи указывают на «древнейшее культурное единство Кавказа и кавказскую этническую общность»¹.

Многое в художественном наследии северокавказских народов идет от этой общекавказской общности. Так, общим для народов региона является нартский эпос, многие сюжеты сказок, легенд, преданий, притч. Известный кавказовед XIX в. П.К. Услар подчеркивал поразительную близость дагестанских и вайнахских пословиц и поговорок, как будто их создавал один этнос². Сравнительный анализ языков, календарных, семейных обрядов, праздников народов Дагестана, чеченцев и других северокавказских этносов обнаруживает их большое сходство³.

Здесь сформировалась уникальная модель мирного сосуществования народов. Издавна народы региона поддерживали между собой тесные экономические, политические и этнокультурные

¹ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 10; Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11–28.

² Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 1–42.

³ Халилов Х.М. Лакско-чеченские фольклорные взаимосвязи и взаимовлияния // Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане / Доклады Международной научной конференции. Махачкала, 2001. С. 127.

связи. Как отмечал известный кавказовед В.Г. Гаджиев «схожие условия жизни, общность исторических судеб, вековые экономические и культурные связи, материальное и духовное взаимовлияние, взаимообогащение, поддержка и взаимовыручка породили идею общности происхождения народов Кавказа»¹. В течение многих столетий, живя по соседству и находясь в тесном общении, пройдя в своем культурно-историческом развитии большой и сложный путь, они не могли быть замкнутыми, изолированными друг от друга, оказывая взаимовлияние, взаимообогащаясь различными культурными ценностями, в результате чего у них выработалось много черт региональной общности духовного облика.

Многие из местных людей знали языки соседних народов. У них много общих терминов и слов. И несмотря на то, что царские власти старались всеми мерами по принципу «разделяй и властвуй» поддерживать внутреннее несогласие между местными народами, разобщить их, они сохраняли чувства единения и уважения друг к другу.

Общность исторического развития, территориальное соседство, постоянное общение друг с другом в течение нескольких веков способствовали активизации процессов взаимопроникновения, взаимовлияния и взаимообогащения культуры народов Дагестана с культурами различных этносов Северного Кавказа.

Северокавказские народы постоянно пытались сохранить добрососедские отношения между собой, а после присоединения к России, поддерживать мир на всем российском социокультурном пространстве.

Между тем следует учитывать и тот факт, что протекающий сегодня процесс глобализации, привел к усилению не только взаимодействия, но и взаимопроникновения различных культурных традиций, в частности, этнической партикулярной, российско-советской, западной и восточной культурными парадигмами, бес-

¹ Гаджиев В.Г. Вековая дружба братских народов // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Сб. статей. Махачкала, 1982. С. 8.

спорно, обусловив уникальность северокавказского социокультурного пространства¹.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в Дагестан и на Северный Кавказ вслед за русскими войсками приезжали купцы, писатели, ученые. Выдающиеся деятели Дагестана и Северного Кавказа выросли под влиянием русской культурной среды. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов и др. с любовью относились к местному населению, к их быту, обычаям, культуре. Природа края, жизнь его народов были одним из источников их творчества.

Немалую роль в культурном и общественно-политическом возрождении края сыграли ссыльные революционеры, в том числе офицеры и солдаты-декабристы – А.И. Одоевский, А.А. Бестужев-Марлинский.

Внимание передовых представителей русской культуры к народам региона проявилось и в поддержке первых образованных людей из среды северокавказского общества. Немалую роль в становлении национальных литераторов, писателей, поэтов сыграли видные деятели русской культуры – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Бестужев-Марлинский, Л.Н. Толстой, П.К. Услар и многие другие, с которыми поддерживали отношения и были лично знакомы представители местной интеллигенции.

Передовые люди России относились с глубоким сочувствием к народам окраин страны, оказывали содействие развитию их культуры. А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.С. Лермонтов, Н.А. Добролюбов, А.И. Полежаев, Л.Н. Толстой, А.А. Бестужев-Марлинский и др. проявляли огромный интерес к Дагестану и Северному Кавказу, фольклору и этнографии местных народов. Они посвятили народам Кавказа много своих произведений (романов, поэм и стихотворений)².

Образы Кавказа внесли новые мотивы в русскую живопись. Картины и рисунки М.Ю. Лермонтова, полотна П.З. Захарова-

¹ Юсупова Г.И. Взаимодействие культурных традиций в условиях глобализации // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г.) Ростов-на-Дону, 2011. С. 281.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 219–222; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры народов Дагестана. С. 110–113.

Чеченского, Г.Г. Гагарина, Ф.А. Рубо, Е.А. Лансере и других являются выдающимися творениями искусства.

Находясь под кавказским влиянием, российская культура, оказывала большое воздействие на культуру местных народов. Кавказ очаровывал и завораживал российскую интеллигенцию. Как отмечал В.Г. Белинский: «С ясной руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой, раздельной воли, но и неисчерпаемой поэзии. Кавказ – эта колыбель поэзии Пушкина – сделались потом и колыбелью поэзии Лермонтова»¹.

Кавказский край так вдохновлял поэтов и композиторов, наполняя их произведения своими мотивами, как это было у М.И. Глинки, а А.А. Алябьев создал цикл романсов на кавказские стихи известных поэтов².

А.С. Грибоедов также предлагал приобщение кавказских народов к наукам и искусству, создание сети учебных и медицинских учреждений³.

Следует отметить, что идеи и проекты мирного освоения края не получили так и полного применения на практике. Тем не менее, просветительские идеи и проекты XVIII–XIX вв. мирного освоения Кавказа свидетельствуют об объективно нарастающих, пусть не всегда последовательных, прогрессивных тенденциях общественной мысли России.

Великий русский поэт М.Ю. Лермонтов был на Кавказе в 1837 и 1840–1841 гг. и тема Кавказской войны занимала немалое место в его творчестве. Интерес к краю был у поэта постоянен, но во время второй ссылки он превратился в обдуманый план большого, эпического проекта. М.Ю. Лермонтов служил в российских войсках и участвовал в сражении у р. Валерик. Герои его произведений «Герой нашего времени», «Мцыри» и др. взяты из кавказской жизни поэта.

Объективные предпосылки для сближения народов Северного Кавказа и приобщения их к передовой прогрессивной культуре

¹ Цит по: А.С. Пушкин: исследования и материалы. Л., 1983. С. 20.

² Край наш Ставрополье. Ставрополь, 1999. С. 120.

³ Грибоедов А.С. Сборник произведений. М.; Л., 1959. С. 494.

русского народа создались после включения региона в состав России.

Как отмечалось выше, прогрессивные деятели России создали исполненные реалистической силы образы северокавказцев, дали полное описание региона. В благородном деле укрепления связей и дружбы между местными народами и Россией значительное место принадлежит А.С.Пушкину, М.Ю. Лермонтову, А. Шишкову, В.И. Немировичу-Данченко, П.К. Услару, И.С. Костемеровскому, А. Руновскому и др.

Особое место в плеяде русских творческих деятелей, тесно связанных с краем принадлежит Л.Н. Толстому. Проживая несколько лет в середине XIX в. в регионе, он изучил тюркский язык, живо интересовался всеми сторонами жизни местных народов, их историей, народной медициной, фольклором и т.д.

Собранный им богатый историко-этнографический материал писатель использовал в своих произведениях «Казаки», «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат» и др. Особенно большой известностью в России, в том числе и на Северном Кавказе пользовалась повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат»¹.

Неоценимый вклад в исследование природных ресурсов края, истории, этнографии и языка северокавказских народов внесли русские ученые С. Броневский, О. Евецкий, П.К. Услар, А. Берже, Н. Дубровин, М.М. Ковалевский, Д.Н. Анучин и многие другие.

Изданные в XIX в. труды прогрессивной русской интеллигенции открыли Северный Кавказ для европейского и российского обществ.

Большой вклад в научное изучение Дагестана и Северного Кавказа внесли также известные представители российской науки, как П.Г.Бутков, С.Г.Гмелин, И.А. Гильденштедт, П.С. Паллас, А.П.Берже, М.М.Ковалевский, П.К. Услар, Е.М. Шилинг, Н.И. Пирогов, Д.Н. Анучин, А. Неверовский, И.С. Костемеровский и др.².

¹ Далгат У.Б. Л.Н. Толстой и Дагестан. Махачкала, 1960. С. 89–90.

² Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры народов Дагестана. С. 81, 109, 113-119, 120, 121, 122, 123.

Так, П.К. Услар написал крупные исследования по аварско-му, даргинскому, лакскому, лезгинскому и табасаранскому языкам и составил их азбуки, положив в основу русскую графику¹.

Аполон Иванович Руновский родился в 1823 г. в дворянской семье из Воронежской губернии. После окончания Второго кадетского корпуса, в 1840 г. был зачислен в Кюринский пехотный полк на Кавказе. С 1859 по 1862 год состоял вторым приставом при плененном имаме Шамиле. Им, на основе личных бесед с имамом, написано ряд работ по истории имамата Шамиля.

В середине 50^х гг. XIX в. А. Руновский служил смотрителем Грозненского военно-временного госпиталя и часто встречался с народными лекарями из числа местных народов, в том числе и дагестанскими². Одним из сюжетов дневников А.Руновского, касающийся народной медицины был опубликован в АКАК³. Автор упоминает в своем дневнике известных народных хирургов из Дагестана Абдул-Азиза Унцукульского, Гусейн-Магому из Эрпели, Магома из Кудали и др.⁴

В середине XIX в. были предприняты попытки российских властей самостоятельно обучать медиков для населения Северного Кавказа. Например, первая медицинская школа в крае была открыта по инициативе штаб-лекаря И.С. Костемеровского в дагестанском селе Верхний Дженгутай. В учебном заведении готовили помощников фельдшеров. Число желающих получить медицинское образование не только из Дагестана, но и всего северокавказского края было столь велико, что полковой командир распорядился выделить для школы другое помещение, так как старое уже не вмещало всех желающих⁵.

В Дагестане и Чечне было много народных лекарей (хакимов), которые восхищали своими операциями и лечением русских гражданских и военных людей, живших на Кавказе.

¹ Там же. С. 113.

² Кавказский календарь на 1856 год, Тифлис, 1855. С. 727.

³ АКАК. 1904. Т.12. С. 1395–1427.

⁴ Там же. С. 1463–1464.

⁵ Пылков О.С. Участие российской армии в создании системы медицинского обеспечения на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Пятигорск, 2006. Вып. 5. С. 35.

В 1847 г. на Северный Кавказ, в действующую армию, отправился известный русский хирург Н.И. Пирогов. Он побывал в Кавказских Минеральных Водах, Грозном, Кизляре, в горном Дагестане. Затем опубликовал свой «Отчет о путешествии по Кавказу». Он осмотрел многие военные госпитали, гражданские медицинские учреждения, с похвалой отозвался о многих врачах, но в то же время убедился в плохом состоянии лечебного дела в регионе. В том же году при осаде крепости Салты Пирогов впервые в истории хирургии применил эфир для наркоза в полевых условиях¹.

После этого более 600 операций под наркозом он провел в Темир-Хан-Шуре, Дербенте, Казикумухе и др. Кроме того, известный врач много сделал для обучения научным методам лечения местных хакимов. Так, ассистентом его в 1847 г. был Г.Муртузалиев из акушинского селения Бутри².

С большой теплотой известный хирург отозвался о местном населении. Пирогов с большим вниманием относился к лечебной деятельности народных лекарей, которые нередко излечивали тяжелораненых русских солдат и офицеров. О больших познаниях народных лекарей свидетельствует такой пример. В 1847 г. при осаде русскими крепости Салта был смертельно ранен в грудь офицер Мищенко. Наместник Кавказа Воронцов просил Пирогова использовать все возможное, чтобы спасти жизнь подполковнику. Известный хирург осмотрел рану, «признал ее смертельной и на выздоровление никакой надежды не имел». И все же пригласили местного народного лекаря, последний «принялся за дело так удачно, что раненый был исцелен и прожил после того еще двадцать пять лет в постоянной деятельности»³.

Русские ученые, побывавшие в Дагестане давали высокую оценку народной медицине, в частности хирургии. Известный военный историк Н.Дубровин отмечал: «Результаты лечения дагестанских хирургов можно сказать невероятны; почти нет ни одной раны, за исключением, конечно, чисто смертельной, которую

¹ История Чечни. Т. 3. С. 335.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 243.

³ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. 2. С. 328.

бы туземные медики не вылечили и притом так, что пациент их не подвергается уже затем никаким дурным последствиям...

Ампутацию членов дагестанские хирурги производили не иначе, как в суставах... Все подобные операции совершались простым кинжалом, быстро, с незначительной болью... В Дагестане не было вовсе или были весьма редкие примеры, чтобы ампутированный умирал, в особенности под ножом оператора»¹. Современник Абдурахман из Казикумуха отмечал, что искусство дагестанских хирургов заключается в том, что они «никогда не ампутуют ни ногу, ни руку, ни другую часть тела, кроме исключительного случая»².

Высоко отзывался о дагестанских хакимах русский ученый Н.И. Пирогов. Автор указывал, что местные лекари имеют «большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран. Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племен есть чисто наследственное и переходящее от отца к сыну»³. Другой русский исследователь А.Неверовский, побывавший в 40^х гг. XIX в. в Дагестане, подчеркивал, что «в горах превосходно лечат травмами все наружные болезни, а в особенности раны от холодного и огнестрельного оружия. Один из жителей деревни Эрпели шамхальского владения так вылечивал раны, что к нему присылали больных даже с гор. Когда имя его сделалось известно русским, то к нему были отправлены два фельдшера для обучения и медики наши сознались, что метод его лечения заслуживал внимания»⁴.

Неплохих результатов добились дагестанские лекари при лечении огнестрельных ран. Н.И. Пирогов описывает такие лечения, осложненных раздроблением кости, присутствием пули. «В отверстие раны вносится как можно глубже толстая из тряпки сделанная турунда, смоченная едким веществом, обыкновенно мышьяком и оставляется там на несколько дней. Сделав это, врач

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. С. 584.

² Абдурахман из Казикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 129.

³ Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1952. С. 69.

⁴ Неверовский А. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1877. С. 35.

старается первые два дня различными способами препятствовать сну больного... Сильная боль от действия едкого вещества на рану, лихорадка и бессонница приводят организм больного, наконец, в изнеможение, которое обыкновенно кончается крепким сном. С появлением нагноения турунда вытаскивается, и рана очищается от омертвевшей клетчатки»¹.

Подобный способ лечения наблюдал русский офицер Ф.Торнау у народов Северо-Западного Кавказа в период Кавказской войны². Местные лекари лечили также инфекционные болезни. Так, ногайские лекари добились немалых успехов в лечении туберкулеза. Туберкулез лечили кобыльим молоком (кумысом), соблюдая особую диету³.

Местные лекари до тонкости знали костоправство, что высоко ценилось и российской военной администрацией. «Известно, – отмечал грозненский ученый Б.С. Виноградов, – что некоторые гахимы (лекари – Д.К.) были приглашены командованием русских войск в 1835 г. в качестве полковых или дивизионных врачей для обслуживания войсковых частей, состоящих преимущественно из кавказцев. Для изучения и приемов к гахимам прикомандировывались русские фельдшера»⁴. Н.И. Пирогов пристально изучал народную медицину и привлекал лекарей к лечению солдат в военных лазаретах. Известный хирург подарил набор хирургических инструментов народному лекарю в Дагестане⁵.

Активным пропагандистом передовой культуры, грамоты, медицинских знаний в Дагестане был просветитель И.С. Костемеревский, выходец из Рязанщины. За время работы в регионе с 1844 г. и до своей смерти в 1891 г., врач Костемеревский оказал медицинскую помощь 15 тыс. местным жителям⁶. Благодаря широкой эрудиции, знанию дагестанских языков, квалифицирован-

¹ Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. С. 73.

² Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. I. С. 378–379.

³ Гимбатова М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005. С. 135.

⁴ Виноградов Б.С. Пирогов в нашем крае // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1964. Вып. 1. С. 141.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Гаджиев Б.И. Темир-Хан-Шура. Махачкала, 1992. С. 12.

ному врачеванию, он заслужил всеобщую признательность и уважение местного населения. В 1856 г. И.С. Костемеровский открыл в с. Нижний Дженгутай первую русскую школу для обучения местных детей, где преподавались чтение русской грамматики, чистописание, письмо, математика, история, география и др.¹

Необходимо отметить, что в развитии культуры северокавказских народов важную роль сыграла периодическая печать, выходящая на русском языке: «Кавказ», «Ставропольские губернские ведомости» и др. Кроме того, выходили сборники «Кавказский календарь», «Кавказский сборник», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и др.

В этих изданиях публиковались очерки и статьи о народах края, причем среди авторов было немало представителей из местных этносов.

По мере присоединения территорий Северного Кавказа в состав Российского государства встала проблема интеграции северокавказского общества в культурное и правовое пространство Российской империи.

Организация в крае сети учебных заведений являлась одним из способов решения этой проблемы.

Важным шагом в развитии русско-кавказских культурных связей было открытие в Моздоке первой школы «для осетинских, ингушских и прочих горских народов детей». 27 сентября 1764 г. был издан указ «О заведении при урочище Моздок, где из новокрещенных горских народов селение заводится, для осетинских и ингушских и прочих горских детей школы, ...»²

До вхождения региона к России у местных народов не было светских учебных заведений. Учеба велась в примечетских мектебах (школах).

Чтобы интегрировать северокавказское общество в культурное пространство страны российские власти стали принимать молодежь из местной знати в военные учебные заведения. Ежегод-

¹ Егорова В.П. Костемеровский (1813–1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000. С. 12.

² Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 5. С. 34.

ный прием был установлен в количестве 30 человек. Выпускники обеспечивались офицерским жалованием и направлялись в Кавказские регулярные части. Так, в 1843 г. из числа выпускников-северокавказцев военных училищ были направлены: в Кадетские корпуса – 2 корнета, Дворянский полк – 4 офицера, Гусарские полки – 5 корнетов; в Московскую и Брест-Литовскую кавалерийскую дивизию – каждой по 12 офицеров¹.

Кроме того, нужно было приобщать местное население к русскому языку и русской культуре. В 1804 г. в Ставрополе было открыто приходское училище, а позже в 1811 г. – уездное училище. Затем также учебные заведения были открыты в Георгиевске (1818 г.), а в Моздоке и Кизляре – 1820 г.²

В 1837 г. была открыта Ставропольская областная мужская гимназия. В 1842 г. при гимназии было организовано подготовительное отделение для молодежи из числа местных народов, которые после успешного окончания должны были поступить в военные училища. В 1847 г. это мужское учебное заведение начало называться «Ставропольская губернская мужская гимназия». В гимназии могли учиться дети из всего региона. В конце 1848 г. при гимназии было открыто 15 специальных вакансий для детей из местных народов, а в 1853 г. – увеличилось до 50 человек. Так, в 1853 г. именной список «воспитанников благородного пансиона Ставропольской губернской гимназии из детей почтенных горцев», выглядел так: «Бекмурза Ахлов – сын поручика, Мурзабек Канмурзин – прапорщик, Сагай-Гирей Ханов – прапорщик, Касай Мансуров – ногайский князь, Эдиге Мансуров – князь, Мурзабек Куденетов – сын князя и др.³

¹ Прокудин К.А. Интеграции горского общества в культурное и правовое пространство Российской империи // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): материалы Всероссийской научно-практической конференции (17-18 октября 2007 г.). Армавир, 2007. С. 99.

² Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. Нальчик, 1991. С. 15.

³ Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь, 1986. Т. 1. С. 205-207; Прокудин К.А. Указ. соч. С. 101.

Кроме того, с 1849 г. детям местных народов были даны вакантные места в ведущих высших учебных заведениях страны¹.

Конец XVIII–XIX вв. вошел в историю России как период чрезвычайно динамичного расширения границ за счет присоединения новых территорий.

Под влиянием передовой русской культуры в Дагестане и Северном Кавказе происходило формирование местной интеллигенции. Большую известность получили просветители, ученые, поэты Г. Алкадари, А. Акаев, Х. Геничутлинский, Махмуд, Батырай, Э. Найманов, М. Казембек, Ш. Ногмов и др. В ходе этого зарождалось и крепло военное сотрудничество российской армии с новыми подданными, нарабатывался опыт привлечения их на военную службу. Из представителей местной знати скоро выдвинулись военные офицеры. Из числа северокавказцев дослужились до иных высоких званий. Так, кумыки ген.-м. М. Уцмиев, Д.-М. Шихалиев; ногайцы: ген.-м. Д. Тоганов, был приставом Кабарды (1770-1781 гг.), комендантом Моздока, полковник А. Ураков (1782-1794 гг.) был приставом кабардинцев, поручик Н. Имангулов – приставом кизлярских ногайцев, ген.-м. Султан Менгли-Гирей – главным ногайским приставом; абазин М.-Г. Лоов дослужился до звания полковника и др.² Многие представители местной интеллигенции вышли из среды военных Ш.Б. Ногмов (кабардинец), Хан-Гирей (кабардинец), М. Казембек (азербайджанец), Казы-Гирей (ногаец), П. Захаров (чеченец), С.-Б. Абаев (балкарец) и др.³

В изучаемое время, особенно после присоединения Северного Кавказа к России местные народы получили возможность при-

¹ Кошев М.А. Указ. соч. С. 51; Удовик В.А. Светлейший князь М.С. Воронцов. СПб., 2000. С. 168–169.

² РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1. 1781 г. Л. 38–40; АКАК. 1868. Т. 2. С. 1117; Кумыкский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. Махачкала, 2012. С. 309; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 268; Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20^е гг. XIX в. С. 77, 93; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры народов Дагестана. С. 82.

³ Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002. С. 13; Виноградов В.Б. Казы-Гирей – ногайский просветитель // Возрождение. № 9. Махачкала, 2006. С. 21–22; История Чечни. Т. 1. С. 755; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры Дагестана. С. 83–84.

общения к мировой культуре и науке. Получившие образование в учебных заведениях страны и привлекаемые к службе в российской армии, представители местных народов вовлекались в сферу новых общественных явлений, круг их интересов расширялся. Некоторые из них активно занимались изучением истории, этнографии, быта своих народов.

В числе северокавказцев, получивших образование в русской военно-дворянской среде и занимавшихся исследованием истории и быта народов края, был кумык Д.-М.М. Шихалиев (1811–1880), уроженец с. Эндирей. В 30^е гг. XIX в. был уже офицером, служил при штабе войск Кавказской линии. С 1853 г. в звании подполковника он был главным приставом магометанских народов Ставропольской губернии. Работа Д.-М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках» была напечатана в газете «Кавказ». В своем труде автор подробно описывает политическую историю кумыков, социальные отношения, хозяйственные занятия и быт. Кроме того, Шихалиев также здесь пишет о чеченцах, ногайцах, аварцах и др.¹

Большую известность обрел своими исследованиями по востоковедению профессор Санкт-Петербургского университета М.М. Казембек, родившийся в 1802 г. в Дербенте. Он автор более 100 работ. Несколько его работ посвящены истории Кавказа, Центральной Азии, Крыма. Кроме того, он освещал Кавказскую войну и вопросы ислама².

Ученый-филолог М. Хандиев (около 1818-1861 гг.) родом из аварского с. Тинди работал в Новочеркасске преподавателем аварского языка. Он составил азбуку, грамматику и хрестоматию своего народа. С ним хорошо был знаком П.К. Услар³.

Другой дагестанский ученый лакец Абдулла Омаров был известным педагогом, этнографом, языковедом. Он активно со-

¹ Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. Тифлис, 1848. № 37–44; Этнокультура народов Северо-Восточного Кавказа середины XIX века: к 200-летию со дня рождения ученого-этнографа Девлет-Мирзы Шихалиева. Махачкала, 2015.

² Казембек М.М. Мюридизм и Шамиль // Русское слово. СПб., 1859. № 12; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры народов Дагестана. С. 84.

³ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры народов Дагестана. С. 84–85.

трудничал с П.К. Усларом в изучении родного языка. Несколько лет А. Омаров был переводчиком Кавказского горского управления в Тифлисе. Он автор 2 очерков о жизни и быте лакского народа. В них он описывает обряды, быт, пищу, религию, ремесленные занятия, жизнь учеников-муталимов. Он также составил учебник для школ¹.

Ш.Б. Ногмов (1794-1844 гг.) – историк и фольклорист, поэт и общественный деятель, получил духовное образование в Дагестане (с. Эндирей), являлся автором «Кабардино-русского словаря» и грамматики, любитель и собиратель народных песен и сказаний, автор многих поэтических произведений². Его работа «История адыгейского народа» была написана на высоком уровне своего времени.

Как известно, среди русских офицеров и дворян, бывавших на Северном Кавказе, со временем вошло в обычай собирать местных детей-сирот и отправлять в гарнизоны или города на воспитание. Впоследствии многие получали хорошее светское образование³.

Жизнь в крупных российских городах Москве, Петербурге; знакомство с передовой европейской культурой и выдающимися представителями русской интеллигенции, посещение театров, библиотек, музеев; обучение в высших учебных заведениях, военных училищах и гимназиях – все это дало возможность формированию северокавказской интеллигенции, сыгравшую позже роль просветителей местных народов.

Дмитрий Степанович Кодзоков (до крещения Лукман Магометович), (годы жизни 1818-1893 гг.) – известный просветитель кабардинского народа. Желая дать своему сыну светское образование, отец отдал мальчика в семью Хомяковых, принадлежавших к просвещенным слоям русского общества. Закончив пансион, Кодзоков в 1834 г. поступил в Московский университет. С 1863 по 1888 г. Д.С. Кодзоков был председателем сословно-

¹ Омаров А. Воспоминания муталима / ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868; Он же: Как живут лаки (из воспоминания детства) // ССКГ. Вып. 2. Тифлис, 1869.

² История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 242–243; Кумыков Т.Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1978. С. 112.

³ Кумыков Т.Х. Жизнь и общественная деятельность Л.М. Кодзокова. Нальчик, 1962. С. 47.

поземельной комиссии на Тереке и Кубани. Он сыграл немалую роль в просветительском движении в Кабардино-Балкарии. Печатался в «Кавказе», «Терских ведомостях», «Ставропольских губернских ведомостях» и других периодических изданиях. Ему принадлежит большое количество статей по различным вопросам общественно-экономической и культурной жизни народов Северного Кавказа¹.

Следует отметить, что под влиянием передовой русской литературы зародилась своя национальная литература у некоторых народов региона. Местные писатели встречали со стороны деятелей русской культуры внимание и поддержку. Так, в 1825 г., как отмечал писатель С.Д. Нечаев, кабардинский просветитель и поэт Ш.Б. Ногмов сочинял «небольшие поэмы»². В первом томе «Современника», изданном в 1836 г. при содействии с послесловием А.С. Пушкина была опубликована повесть ногойского писателя Казы-Гирея (1807–1863 гг.) «Долина Ажитугай» и очерк «Персидский анекдот». А.С. Пушкин – издатель писал: «Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей»³.

Большую роль в изучении истории и этнографии народов Северного Кавказа сыграла газета «Кавказ», издававшаяся в Тифлисе с 1846 по 1917 г. В.Г. Белинский восторженно встретил появление этой газеты. Он писал: «Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание – неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа»⁴.

Известным историком и этнографом первой половины XIX в. является адыгский просветитель Хан-Гирей. В 1836 г. автор завершил написание своего труда «Записки о Черкесии»⁵.

Все это свидетельствует о том, что под влиянием русской культуры в крае происходило формирование местной интелли-

¹ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 428–430.

² Московский телеграф. М., 1826. Ч. 1. С. 36.

³ Виноградов В.Б. Казы-Гирей – ногойский просветитель // Возрождение. № 9. Махачкала, 2006. С. 21.

⁴ Современник. М., 1847. № 1.

⁵ Кумыков Т.Х. Хан-Гирей. Нальчик, 1968.

генции, которая определяла пути и направления дальнейшего развития культуры народов Северного Кавказа.

В целом шло взаимное обогащение культур: русской, которая впитывала в себя богатства национальных традиций, и культура местных народов, которая испытывала влияние передовой русской прогрессивной культуры.

Как известно, со второй половины XVIII, Россия, вышедшая на мировую арену, с особой очевидностью встала перед решением задачи политико-территориального оформления своих границ. Вместе с тем, бурный процесс формирования русской нации в многонациональной уже стране, вызвал оживленное обсуждение национального вопроса как в правительственных кругах, так и в среде российских просветителей.

Своеобразное решение вопроса государственного устройства Российского государства было предложено известным российским просветителем, правоведом и социологом С.Е. Десницким (1740–1789 гг.) в своем проекте¹, составленном в 1768 г. Одним из первых российских просветителей автор уделил внимание жителям национальных окраин страны, в том числе и северокавказским народам «состоящим под двумя званиями: одни именуется казацкими войсками, куда относится и войско запорожское; другие слывут неокочующими народами»². Автор стремился отыскать гармоничное сочетание государственно-бюрократических интересов с жизненными потребностями нерусских народов: «равномерно сделать им благополучнейшее и согласное с государственными интересами положение»³. Для смягчения нравов народов С.Е. Десницкий предлагал просвещение, в соответствии со своими философскими взглядами, вложенные им в формулу: «Труд человеческий и разум, чего на свете не преодолевают»⁴.

Принципиальные сомнения в правильности политического курса, принятого российскими властями на Кавказе высказал один из выдающихся государственных и общественных деятелей

¹ Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи / Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2^х т. М., 1952. Т. 1.

² Там же. Т. 1. С. 322.

³ Там же. Т. 1. С. 324.

⁴ Там же. Т. 1. С. 324.

страны Н.С. Мордвинов (1754–1845 гг.) в своей записке «Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия»¹. Вот что писал об этой статье известный дворянский историк Д.Н. Романовский «В записке своей адмирал Мордвинов старается доказать вред употребления оружия и высказывает убеждение, что главным средством для покорения горцев должны служить сношения мирные и торговые»².

По мнению Н.С. Мордвинова следует немедленно приступить к широкому экономическому освоению края путем вовлечения местного населения в хозяйственную жизнь страны. Он считал такой путь гораздо более эффективным, чем любые военные экспедиции по усмирению кавказцев³. Автор, отдавая должное внимание гостеприимству местного населения, предлагал «сею всеобщую добродетельностью воспользоваться и привязать к себе оною всех народоначальников, чиновников и старшин семейств. Главкомандующий и все чиновники российские в домах своих должны иметь особые комнаты, всегда готовые к приятию гостей своих, устроенные, снабженные всем, что для горского жителя может быть приятным, покойным и увеселительным»⁴.

Кроме того, Н.С. Мордвинов считал, что «для вящего поощрения к присоединению к нам народов сих полезно бы было учредить временные в году празднества, кои могли бы различными увеселениями привлекать оных горских жителей. Дабы успешнее действовать на нравы, их и водворить между ними понятия и обычаи нации, полезно бы завести в городах наших школы для воспитания молодых князей и детей старшин народных и сии училища устроить так, чтобы в оных находили они свои обряды. Некоторых привлекать из них в Санкт-Петербург, соста-

¹ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 5. С. 148–155; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 266.

² Архив графов Мордвиновых. С. 151.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 152.

вить из них гвардейский кавказский отряд с ограничением службы на четыре года»¹.

Проект с достаточно широкой программой, разработанный Н.С. Мордвиновым в июне 1816 г. был зачитан им на заседании Комитета Министров России, который определил, что необходимо «поднести журнал сей и мнение адмирала Мордвинова на высочайшее разрешение, дабы сообразно оному приступить можно было Комитету к составлению инструкции г-л. Ермолову». Мнение автора «государь изволил читать 30-го июня 1816 года», а через 2 дня последовал высочайший именной указ Комитету Министров страны, в котором отмечено: «Находя полезными правилами в мнении, поданным в Комитет адм. Мордвиновым, предписываю оное сообщить г-л. Ермолову для рассмотрения и соображения на месте»². Копия проекта была направлена «проконсулу Кавказа» А.П. Ермолову. Однако идеи и доводы Н.С. Мордвинова остались по сути дела благими пожеланиями, несовместимые с политикой царизма в регионе.

Следует отметить, что с еще более продуманным проектом выступил в 1828 г. выдающийся дипломат и писатель А.С. Грибоедов, жизнь и творчество которого были тесно связаны с Кавказом.

Осознание реальности военно-политической обстановки в крае без прикрас, стали побудительным фактором для А.С. Грибоедова к выработке большого и прогрессивного по тем временам проекта «Российской закавказской кампании»³. Документ был составлен менее чем за полгода автора, хотя задуман был значительно раньше⁴.

Следует отметить, что в противовес ермоловской политики «репрессалий» по отношению к северокавказцам, А.С. Грибоедов

¹ Там же. С. 143.

² Кусов Г.И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А.С. Пушкина. Орджоникидзе, 1987. С. 148–149; Кидирниязов Д.С., Махмудова К.З. Идеи «государственного устройства» Кавказа в российской просветительской мысли первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2(28). Ч. II. Тамбов: Грамота, 2013. С. 79.

³ Лебедев А.А. Куда влечет тебя свободный ум. М., 1982. С. 135.

⁴ Там же. С. 134.

указывал: «Ничто не крепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по сию сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод»¹. «Совместное хозяйственное и культурное движение народов России и Кавказа – таков был идеал А.С. Грибоедова»².

Русский писатель М.Ю. Лермонтов был одним из первых, кто без всяких обиняков признавался в любви к Кавказу. Впрочем, по-настоящему он полюбил его уже в зрелые годы, во время своих ссылок 1837 и 1840–1841 гг. в своих произведениях «Мцыри», «Кавказская колыбельная песня», «Герой нашего времени», «Валерик», «Кавказец» и др.³

Как выше отмечалось, в начале 1765 г. в Моздоке было получено предписание из Петербурга «о скорейшем заведении» Моздокской школы и о «поспешном построении для оной» деревянного дома, «где бы могли жить учителя и ученики», и «о приискании в учителя искусных людей, особливо знающие горские языки»⁴. Все это было исполнено. В том же году школа была открыта. Учреждение и управление ею было возложено на астраханского генерала-губернатора Бекетова и кизлярского коменданта ген.-м. Ступишина⁵. По своему назначению это учебное заведение должно было служить интересам государства: готовить из детей привилегированных сословий местных народов, преданных России людей – активных проводников российской политики в крае. Поэтому в школу принимались дети старшин и местных владельцев. Количество детей за все годы существования школы (1765–1793 гг.) колебалось от 9 до 46 человек⁶.

Следует отметить, что г. Ставрополь также сыграл большую роль в культурной жизни народов региона. Первые гимназисты из местных народов появились здесь в 1849 г. и с этого времени в

¹ Грибоедов А.С. Сборник произведений. С. 493.

² Жданов Ю.А. Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 42.

³ Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003. С. 534.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 269.

⁵ Ларина В.И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19. С. 198–199.

⁶ Там же. С. 199.

учебном заведении учились представители всех народов региона. Число их было довольно значительным. В 1857 г. в вышеуказанной Ставропольской гимназии обучалось 65 представителей местных народов. Изучались в ней история, статистика, география, языки русский, французский, ногайский, арабский и др.¹ Так, например, в 1883 г. в пансионате учились 20 осетин, 4 аварца, 5 кумыков, 2 ногайца, 5 лезгин, 3 ингуша, 1 чеченец и др.²

Как известно, в XVIII российское правительство пыталось применить в крае аманатство (аманат – араб. заложник).

Российские власти в знак покорности брали по несколько аманатов от влиятельных северокавказских владетелей, узденских и старшинских фамилий. Аманаты содержались в Терках, Святом Кресте, Кизляре, Моздоке и Астрахани. Так, в начале XVII в. в Терском городе содержалось 14 северокавказских заложников, в кр. Святой Крест – 18 аманатов (1733 г.), в Кизляре – 20 человек (1760 г.). Все были в возрасте от 3 до 26 лет. В Кизляре для аманатов был даже выстроен специальный «двор»³.

С активным продвижением России в регионе, в январе 1786 г. ген.-поручик П.С. Потемкин в рапорте князю Г.А. Потемкину представил «Положение» о заложниках. В нем, в частности отмечалось: «Из давних времен положено с разных народов сопредельных, которые ныне уже подданные суть престолу Е.И.В., брать аманатов... по одному владельческому сыну и двух узденей, а с деревень, которые владельцам не повинуются брать по одному из старшинских детей...»⁴

Следует отметить, что заложники были призваны служить средством распространения российского влияния на Северном Кавказе. Аманатам, по ходатайству ген. Долгорукова, который отмечал, что им «весьма надлежит жалованье давать для нашей пользы», выдавалось ежегодное жалованье, размер которого был обусловлен социальным происхождением аманата. Так, дети кабардинских, аксаевских и других кумыкских владетелей получали в год 147 руб. 60 коп., узденские дети получали 49 руб. 20 коп.

¹ Зульпукарова Э.М.-Г. Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции на конец XIX – середина XX века. Махачкала, 2003. С. 178.

² Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь, 2002. С. 264.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 157, 158.

⁴ РГВИА. Ф. 52. Оп. 194/1. Ч. 2. Д. 366. Л. 13–14 об.

и дети старшин получали от 15 руб. 60 коп. до 48 руб. Необходимо указать, что в случае нарушения местными властями лояльности в отношении России содержание заложника уменьшалось наполовину и более, а самого аманата ссылали в Астрахань¹. Срок пребывания в аманатах считался 1 год, по истечении которого он подлежал освобождению, а его место – замещению новым заложником. Однако российские власти почти никогда не освобождали аманатов к формально установленному сроку. Многие северокавказские аманаты содержались в России настолько долго, что они навсегда оставались в России. Кавказская администрация считала, что в результате приобщения к русской культуре аманаты не только пожелают вернуться обратно на родину, но «будут усердием стараться отцов и матерей, также и родственников, вызывать на жительство в Россию»². Так, некоторые из них, поддерживая переписку со своими близкими, под давлением российских властей описывали свою жизнь в аманатах с самой лучшей стороны и призывали северокавказцев к подданству России и покорности российской администрации на Кавказе. В этом отношении интерес представляет история кумыкского князя Мусала Муртазалиева, бывшего заложником в Астрахани, о котором Коллегия иностранных дел в секретном указе астраханскому губернатору А.П.Волынскому сообщала: «И когда он, ген.-майор Кропотов, будет писать к тебе о взятые у помянутого аманатчика Мусала писем к горским князьям или к другим кому из тамошних народов для приласканий и склонения оных к интересам е.и.в., то тебе такие требуемые от ген.-м. отсылать»³. Красноречиво свидетельствует об этом письмо М.Муртазалиева на имя кумыкских владетелей, в которой частности отмечалось: «Я вас тесно прошу для самого Бога, ежели желаете мне и себе добра, то вы поступите по предложению к приказу господина г.-м.Кроптова. Крепко вас обнадеживаю, что высокою е.и.в. милостию взысканы будете, а я с своей стороны буду всякие способы искать, чтобы знак моего возблагодарения вам показать...»⁴ По утверждению известного

¹ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. 1757 г. Д. 8. Л. 270 об.

² Цит. по: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. С. 94.

³ АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. 1725 г. Д. 1. Л. 10 с об.

⁴ Там же. Л. 6 с об.

военного историка И.Дебу, те же заложники, которые по освобождению возвращались на родину, также «разглашали между своими единоземцами о могуществе России, о милостях, предводителем многочисленных российских войск оказываемых, и об обращении с ними»¹.

Таким образом, институт аманатства являлся своеобразной школой, периодически выпускавшей не только сторонников России, но и хороших агитаторов среди местного населения пророссийской ориентации. С этой целью императорскими указами предписывалось заложников обучать грамоте, «стараться отвратить от варварских нравов, вселять модность и лучшее обхождение, и для того доводить их к частому обращению с русскими»². Вводя в обучение русский язык российские власти рассчитывали на то, что «егда показанные школьники действительно российской грамоте обучатца и в совершенные лета войдут, и в России обживутца, то уже и неуповательно, чтобы они паки в свою сторону возымели намерение»³.

Следует отметить, что российские города-крепости для местных народов имели важное значение не только как политический и экономические, но и как культурные центры региона⁴. В Кизляре возникли первые русские школы для северокавказцев. Так, при Кизлярском монастыре и Осетинской комиссии существовала особая школа для аманатов. В 1763 г. был издан царский указ, предписывающий содержащихся в Кизляре заложников обучать русской грамоте. В 1775 г. астраханский губернатор П.Кречетов предложил открыть школу, куда дети могли приезжать со своими воспитателями. По мнению губернатора, со временем, возможно, было бы вообще отказаться от практики аманатства⁵. В

¹ Дебу И. О Кавказской линии... С . 161.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 157, 158.

³ Цит по: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. С. 94.

⁴ Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. Деятельность Осетинской духовной комиссии в контексте российской конфессиональной политики в Северокавказском регионе (середина XVIII – первая половина XIX в.) // Мемлекет тарихы (История государства). № 1. Астана, 2015. С. 151; Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. Осетинская духовная комиссия на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории. № 3. М., 2015. С. 165.

⁵ Клычникова М.В., Клычникова Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск, 2006. С. 131.

конце 60^х – 70^е гг. XVIII столетия в числе аманатов были ногаец К. Тоганов, кумык Д.Хасаев, кабардинец Ш.-Г.Куденетов и др., которые «в Кизлярских школах обучались и знали русской грамоте читать и писать»¹.

Кроме того, в ходе обсуждения проекта П.С. Потемкина об образовании Кавказской губернии затрагивался также вопрос о строительстве в г.Екатеринограде – двух соборных церквей и при ней народной школы. Обучаться в ней должны были также и аманаты от местных народов. Училище было открыто в 1788 г., однако оно просуществовало недолго². В связи с перенесением губернского центра в г.Георгиевск учебное заведение в Екатеринограде было закрыто.

Между тем этот вопрос не раз поднимался российской администрацией на Кавказе. Так, ген. П.Д. Цицианов предлагал открыть в Екатеринограде и Георгиевске школы для обучения там русскому языку детей северокавказских владетелей для дальнейшего их перевода в кадетские корпуса³.

Следует указать, что российские власти в крае, понимая роль ислама в жизни местных народов, использовало это обстоятельство на общее благо. Так, в Кизляре дети знатных мусульман-горожан обучались в школах-медресе при мечетях. В 20-х гг. XIX в. здесь существовало 5 школ для ногайцев, преподавателями в которых были священнослужители⁴.

С конца 30^х гг. XIX столетия российские власти начали уделять пристальное внимание просвещению местных народов.

Основная задача, которая ставилась перед российским правительством через систему светских образовательных учреждений в регионе, являлась в «прививании привязанности» к русскому образу жизни, духовной и материальной культуры страны в целом.

¹ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1. 1781 г. Л. 38–40; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 268.

² Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 130.

³ АКАК. Т. 2. С. 953.

⁴ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. С. 105.

Способствовать этим целям должно было совместное обучение детей местных народов с русскими¹.

Кроме того, существовали и национальные школы, как у местного населения, так и у казаков и русских переселенцев. На территории края увеличивалось число открываемых учебных заведений. Например, в 1848 г. в горско-еврейском поселке в Нальчике при синагоге была открыта конфессиональная школа. Там же в 1860 г. открыли Нальчикскую окружную горскую школу с изучением Закона Божьего и мусульманских законов².

Первое российское учебное заведение в Дагестане – уездное училище было открыто в Дербенте в 1837 г. В 1838 г. число учащихся достигало 35 человек³.

Необходимо указать, что российские власти на Северном Кавказе, понимая роль ислама в жизни местных народов, использовали это обстоятельство в интересах империи. Например, в Кизляре дети знатных мусульман-горожан обучались в школах или медресе при мечетях. В первой четверти XIX в. в городе имелось 5 мусульманских школ для ногайцев, преподавателями в которых также были представители мусульманской духовной элиты⁴.

В конце 40^х гг. XIX в. в Дербенте также была открыта мусульманская школа. В 1849 г. российской администрацией в Дагестане были открыты ещё 8 мусульманских школ. В начале 1855 г. Дербентская мусульманская школа была переведена в Темир-Хан-Шуру. А в 1861 г. мусульманская школа в Темир-Хан-Шуре вошла в состав открывшейся горской школы. В этой школе наряду с преподаванием общеобразовательных дисциплин определенное внимание уделялось практическим занятиям в области народных ремесел и сельскохозяйственного производства⁵.

¹ Дзагов Р.К. К истории развития образования в Кабарде в XIX – начале XX века // Исторический вестник. Вып. IV. Нальчик, 2006. С. 528.

² Там же. С. 530.

³ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 65.

⁴ Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. С. 78.

⁵ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 66–68.

В 60^е гг. XIX в. в Дербенте и Темир-Хан-Шуре были открыты также женские школы¹.

Когда Кавказская война уже близилась к завершению, наместник на Кавказе ген.-адъютант князь А.И. Барятинский обратился к императору Александру II с предложением учредить «для образования детей горских туземных племен Кавказа особые школы». Вскоре царь одобрил составленные и рассмотренные Кавказским комитетом проект устава и штата горских школ².

«Устав о горских школах» был высочайше утвержден в октябре 1859 г. Согласно этому документу учреждались окружные школы в Темир-Хан-Шуре, Владикавказе, Нальчике, а начальные: в Грозном, Сухуми, Усть-Лабинске³.

Как выше отмечалось, ставропольская мужская гимназия сыграла большую роль в подготовке светской интеллигенции из местных народов. На содержание гимназии государство выделяло ежегодно 8519 руб.⁴ Уже в середине 50-х гг. XIX в. из числа воспитанников пансиона 38-40,5 процентов были представителями местных этносов⁵.

25 января 1866 г. Кавказский Комитет утвердил предложение наместника Кавказа о преобразовании Ставропольской гимназии в классическую с греческим и латинским языками. Кроме того, при ней было учреждено реальное отделение для местных народов с преподаванием латинского языка. По окончании отделения выпускники из северокавказских народов могли продолжать учебу в вузах страны.

В конце XVIII – первой половине XIX в. активизировалась тяга местных этносов к русской культуре, к русскому языку и литературе, что помогло становлению национальной культуры и литературы народов региона. Передовые представители северокавказской интеллигенции явились активными поборниками усвоения местными народами русской культуры. Русский язык не

¹ Там же. С. 70.

² ПСЗ. СПб., 1860. Собр. 2. Т. 30. № 34654.

³ Там же.

⁴ АКАК. 1885. Т. 10. С. 885.

⁵ Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1971. Вып. 12–13. С. 269.

только приобщал местное население к богатой русской культуре, но и раскрывал перед ними достижения мировой цивилизации. С другой стороны и русский язык много почерпнул из языков народов края. Таким образом, происходило взаимопроникновение и взаимообогащение языков и культур русского и северокавказских народов.

§ 2. Взаимовлияние народов Дагестана и Северного Кавказа в хозяйственной и культурной сфере.

На основе укрепившихся торгово-экономических, политических, добрососедских и иных связей между народами Дагестана и Северного Кавказа в исследуемый период усиливалось и развивалось их культурное сотрудничество. В результате сложилось много общих черт в материальной и духовной культуре. Это четко прослеживается в предметах хозяйственного и домашнего обихода, в национальной одежде и пище, в декоративном искусстве, в празднествах, в семейном и общественном быту.

Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в. приводили к большому влиянию их друг на друга.

Тесные связи, существовавшие на протяжении многих веков между народами Северного Кавказа, привели к обмену духовными ценностями, к взаимовлиянию культур. Они перенимали друг от друга различные трудовые навыки ведения хозяйства, приспособивая их к местным условиям. Так, садоводство, получившее в Дагестане значительное развитие, оказало положительное влияние на его распространение в Кабарде. В свою очередь, накопленный опыт адыгами повлиял на жителей Дагестана в деле занятия пчеловодством. Адыги учились у дагестанских народов организации шелководства и производству шелковых изделий, переселяясь с этой целью в Дагестан на продолжительный период¹. Взаимосвязь и взаимовлияние прослеживаются и в области ремесла, особенно в совместном производстве. Северокавказские

¹ Мамбетов Г.Х. К истории взаимоотношений кабардинцев с народами Дагестана в XVI–XVIII вв. // Ученые записки КБНИИ. Т. 25. Нальчик, 1967. С. 34.

специалисты переняли у мастеров-златокузнецов из Дагестана отдельные приемы и инструменты ювелирного дела, некоторые элементы их орнаментального искусства. Дагестанские же мастера под влиянием соседних специалистов усовершенствовали орнамент своих изделий и способ чернения серебра, например, пользовались для украшения своих произведений так называемым «чаргаснакыш» (черкесский узор)¹.

На основе тесных взаимоотношений между народами региона расширялись и деловые производственные связи между местными народами и русским населением края. Как отмечал И. Попко «В Кумыках и Кабардах были лучшие оружейники, седельники, серебряники; казаки водили знакомство с такими людьми, потому что нуждались в их изделиях»².

«У кубачинцев известен и орнамент, – указывает дагестанский исследователь Ч.М. Гашимов, – который они сами называли «иноземными» или терминами «черкесский», «чеченский» и т.д. К тому же немало дагестанских ремесленников, в том числе и кубачинцев, жило и работало в этих областях. Вследствие творческих связей с дагестанскими мастерами в орнамент горцев Северного Кавказа – бывший в своей основе геометрическим, животным – проникли дагестанские растительные мотивы»³.

Большое значение в развитии добрососедских отношений, обмене культурными ценностями между народами Дагестана и вайнахами, как и с другими северокавказцами, имели традиции гостеприимства и куначества. Так, по линии куначества гумбетовские аварцы и ножайюртовские чеченцы отдавали друг другу пастбища на выпас своего скота⁴.

Кабардинцы, чеченцы, ногайцы издавна жили в кумыкском селе Брагуны. Кроме того, кумыки, кабардинцы и чеченцы жили

¹ Там же. С. 34.

² Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. СПб., 1880. С. 302.

³ Гашимов Ч.М. Из истории взаимоотношений Дагестана с Чечено-Ингушетией в XVI–XVIII вв. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 67.

⁴ Ахмадов Ш.Б. Из истории развития культурно-экономических связей чеченцев с народами Дагестана и России в XVI–XVIII вв. // Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII–XVIII вв.). Материалы международной научной конференции. 20 апреля 2011 г. М., 2011. С. 380.

и в Девлет-Гиреевской деревне (соврем. с. Толстой-юрт) и в Новом Юрте (Баммат-юрт), расположенных недалеко от станицы Червленной¹.

Адыги, народы Дагестана, чеченцы жили в предместье Терского города и Святого Креста. Много северокавказцев было и в Кизляре.

В XVIII–XIX вв. в кумыкских селах Эндирей, Аксай, Костек, наряду с кумыками, жили ногайцы, аварцы, чеченцы². Как отмечала известный этнограф-кавказовед Н.Г. Волкова, на территории Засулакской Кумыкии было 17 чеченских поселений³.

Совместно на территории Дагестана и Чечни проживали аварцы и чеченцы. Такими селениями в Дагестане были Дылым, Цилитль, Ичичали, Ансалта и т.д. Большое число аварцев проживало среди вайнахов, особенно в соседних с Аварией восточных районах Чечни⁴. Из 62 обследованных Н.Г. Волковой вайнахских населенных пунктов в 58 зафиксированы потомки переселенцев из Дагестана⁵.

В равнинной части Чечни на правобережье Сунжи было расположено несколько чеченских сел Кошкельды, Нойберды, Истису, Науруз-аул, Ойсунгур со смешанным кумыкско-вайнахским населением. Кроме того, как отмечалось выше, на левом берегу Сунжи недалеко от места впадения в Терек было расположено с. Брагуны, в котором совместно проживали кумыки и чеченцы⁶.

¹ Там же. С. 380.

² Там же. С. 379.

³ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. С. 188.

⁴ Ахмадов Ш.Б. Из истории развития культурно-экономических связей чеченцев с народами Дагестана и России в XVI–XVIII вв. С. 379.

⁵ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. С. 188.

⁶ Ахмадов Ш.Б. Из истории развития взаимоотношений чеченцев с народами Кавказа в прошлом // Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа: история и современность. Материалы научно-практической конференции (26 марта 2005 г., Грозный). Грозный, 2005. С. 14.

Представители дагестанских этносов также проживали и в таких чеченских селах: Цечой, Дарго, Белгатой, Зандак, Макажой, Химой, Шуани, Ишхой-аул, Урус-Мартан и т.д.¹

Следует отметить, что чеченцы компактно жили в Эндиреевском и Аксаевском владениях. В этих полиэтнических феодальных владениях Засулакской Кумыкии крепили узы дружбы между народами, завязывались родственные связи, возникали совместные поселения. Так, в селах Эндирей, Аксай, Байрам-аул, Чонтаул совместно с дагестанцами жили чеченцы².

В 1811 и 1819 гг., в верхнем течении Кумы и Подкумка источниками зафиксированы ногайские и кабардинские поселения. Среди адыгских известны Хаджи-аул на юго-восточном склоне Бештау и Карма-кабак поблизости от подножия Бештау, слева от Хаджи-аула³. В 1828 г. адыгское население Хаджи-аула ушло на р. Малку и соединилось с другим кабардинским селением Ашабе⁴.

Типы орнаментов народов региона, их элементы, мотивы, встречающиеся в вышивке, входят в общие традиции декоративно-прикладного искусства северокавказских этносов. Так, искусствовед В.И. Ивановская отмечала, что «чеченский орнамент представляет собой симбиоз различных художественных традиций кабардинцев, алан, ногайцев, возможно скифов и сарматов»⁵.

Необходимо отметить, что живя в схожих природно-климатических условиях, с одинаковыми хозяйственно-культурными типами у различных народов региона существовало много общего в традиционной культуре, что являлось так же показателем преемственности и взаимодействия народов. Одним из наиболее ярких примеров являются орнаментальные мотивы, что,

¹ Тепсуев М.С. К вопросу о культурном взаимовлиянии и взаимообогащении народов Чечни и Дагестана в XVIII – нач. XIX в. // Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII–XVIII вв.) // Материалы Международной научной конференции. М., 2011. С. 418.

² История Чечни. Т. 1. С. 385.

³ КРО. Т. 2. С. 58; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 51.

⁴ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 62.

⁵ Орнаменты народов Северного Кавказа / Сост. и предисловие В.И. Ивановской. М., 2010. С. 7.

в свою очередь, отражают более древние пласты развития культурного общества народов¹. Вместе с тем, в культуре каждого народа создавались свои самобытные элементы и формы материальной и духовной культуры.

Изобразительное искусство адыгов было в основном орнаментально. Вместе с тем, кабардинский орнамент постоянно дополнялся новыми мотивами за счет творческих сил создавшего его народа, а также в результате культурных связей адыгов с соседями, в том числе и дагестанцами. Характер орнамента ярко прослеживается в традиционном костюме народов региона.

В изучаемое время на всем Северном Кавказе одежда местного населения была украшена серебряными пластинками².

К произведениям народного искусства местных народов можно отнести и каменные могильные памятники (сын таш (тас), украшенные резным орнаментом и арабскими надписями, имевшими, помимо смыслового, и эстетическое значение. Памятники были расписаны по резьбе красками. Разнообразные по форме и декору, надгробия больше всего были примечательны своей резьбой, имеющей характер плоского, но довольно высокого рельефа. Причудливая вязь арабского шрифта сочеталась с довольно сложным растительным орнаментом. Мастера, изготовлявшие надгробные памятники, принадлежали к разным национальностям, нередко из представителей народов Дагестана. Так, в Карачае были известны имена лакца Расула Гибиева (Габиева) и кумыка Шамсутдина Тавлетаева (Давлетаева) и др.³

Следует отметить, что искусство народов региона по его видам, технологии, используемым материалам и во многом по орнаментике имело много общего. Но в то же время искусство разных народов было очень самобытно. Это выражалось прежде всего в богатстве форм образного мышления, в разнообразии художественного языка, в органическом сплаве и творческой переработке разнообразных наслоений, которые явились результатом сложной истории каждого этноса.

¹ Кузеева З.З. Ногайское народное орнаментальное искусство // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Черкесск, 2014. С. 364.

² История Кабарды. С. 100–101.

³ Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 309.

Народам региона издавна было известно ювелирное дело. Излюбленным видом ювелирной техники была чернь, иногда в сочетании с гравировкой, с резьбой по серебру, нередко и в чистом виде. Общий характер орнамента у местных народов – геометрический с зооморфными элементами, хотя в серебряных изделиях в большей степени, чем в вышивке, встречаются растительные мотивы. Вполне возможно, что здесь сказалось влияние дагестанских мастеров¹.

Ювелирное дело в регионе, так же как изготовление медной посуды, находилось в основном в руках мастеров-отходников из Дагестана – лакцев, аварцев и даргинцев (из с. Кубачи), носивших в частности у народов Северо-Западного Кавказа наименование – «кумук», поскольку межнациональным языком общения до середины XIX в. в крае был тюркский. Ювелирные изделия местного населения были похожи. Это отмечал адыгский историк Г.Х.Мамбетов: «Ювелиры обладали высоким мастерством в чернении изделий, отличавшихся прочностью работы, чистотой отделки, красотой, необычайным характером рисунка и блеском черни»². Изделия дагестанских мастеров, особенно мужские и женские пояса, нагрудные застёжки, были почти идентичны, и в них легче было выявить смену «мод», чем национальные особенности³.

Как выше указывалось, взаимовлияние и взаимообогащение в области культуры народов Дагестана и Северного Кавказа особенно отчетливо проявляется в искусстве кубачинских мастеров. Характерным в этом плане является орнамент изделий кубачинских и других ремесленных центров Дагестана и их влияние на творчество соседних северокавказских мастеров. В свою очередь, сами дагестанцы, в частности кубачинские мастера воспринимали все лучшее, что было в орнаментовке других местных народов⁴.

¹ Там же. С. 102.

² Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 51.

³ Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. С. 308.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 304.

Формирование особенностей ювелирного дела в Дагестане в рассматриваемый период шло в условиях интенсивного освоения художественного наследия средневековья, культурных связей с соседними народами, отходничество мастеров-ювелиров в различные регионы края.

Среди северокавказских народов славились ювелирные изделия дагестанских мастеров – нашивные бляхи, подвески, кольца, «металлические» головные уборы, мужские и женские пояса, браслеты, художественная отделка холодного оружия, защитного доспеха, конской сбруи, газыри и т.д.¹ Так, из Дагестана кабардинцы получали в основном ювелирные изделия и металлическую посуду². Следует отметить, что стиль декоративного убранства оружия дагестанских мастеров имело ряд общих черт с кабардинской традицией оружейного искусства³.

Наиболее распространенным и развитым видом народного искусства было изготовление узорных войлоков у многих местных народов (карачаевцев, ногайцев, чеченцев, кумыков, балкарцев и др.).

Сочетание цветов не имело постоянства, возможны были редкие контрасты, использование в одном войлоке теплых и холодных цветов. Эта характерная особенность применялась в изготовлении войлочных ковров. Именно в этом виде войлочных изделий более всего использовали покупные анилиновые красители.

Композиция узора состояла из довольно широкой каймы и крупной фигуры в центральном поле. Характер орнамента носил стилизованный растительный характер. Особенно ярко это прослеживалось в кайме, обычно имевшей вид извилистого побега с цветами и листьями⁴.

¹ Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. С. 52–54.

² История Кабарды. С. 72.

³ Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. С. 54.

⁴ Кидирниязов Д.С. Традиции войлочного искусства ногайцев // XX столетие и исторические судьбы национальных художественных культур: традиции, обретения, освоение. Материалы Всероссийской научной конференции. Махачкала, 2003. С. 748.

Подобного рода войлочные изделия, близкие по орнаменту и технике использования – вшивание мозаичного узора¹, встречались и у дагестанских кумыков и аварцев (войлочные ковры «арбабаши»), а также у соседних народов – чеченцев и ингушей.

Как известно, более красочно были орнаментированы войлочные ковры мозаичного типа «арбабаши». Это были ковры с вшитым орнаментом, вырезанным из войлока же другого цвета. На войлочное полотнище наносилась растительная композиция. Узор этот вырезался ножницами или острым ножом. Такие же действия производились над войлочным изделием других цветов. В образовавшиеся пустоты вшивался орнамент другого цвета. Известный дагестанский исследователь А.Д. Магомедов предполагает, что в горные районы Дагестана такая традиция проникла в XVIII–XIX вв. от жителей плоскостной зоны². В этот период войлочные ковры обозначались тюркскими терминами «кийиз», «арбабаш», вайнахским «истани» («истанг»). Такая же традиция изготовления войлочных ковров получило распространение в Чечне, Ингушетии и других регионах Северного Кавказа³.

Орнаментальное сходство изделий дагестанских народов, вайнахов, карачаевцев, балкарцев и др. можно было проследить не только в узорном войлоке, но также и в камне и металле – особенно в рисунке каймы⁴.

Распространенным видом войлочного производства у карачаевцев и балкарцев было изготовление бурок. О большом влиянии дагестанских (андийских) бурок на северокавказских народов писал известный балкарский исследователь К.М.Текеев: «На весь Кавказ славились знаменитые андийские бурки с особо длинным ворсом. Карачаевцы и балкарцы быстро освоили технологию производства андийских бурок и стали делать их у себя»⁵.

¹ Там же. С. 748.

² Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. С. 37.

³ Акиева Х.М. Прикладное искусство чеченцев и ингушей. Грозный, 1984. С. 7; Студенецкая Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // КЭС. М., 1976. Вып. 6. С. 205.

⁴ Карачаевцы. Балкарцы. С. 174–175, 181–182.

⁵ Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. М., 1989. С. 363.

Немалое место в домашних промыслах карачаевцев занимало производство домотканного сукна. Из нее изготовляли черкески, башлыки, бешметы. Одежда в основном изготовлялась из кожи, войлока и привозных тканей, которые поступали в Карачай из России, Ирана, Турции через Дагестан и Кабарду¹.

Хотя у карачаевцев изготовляли ковры, но их производство не нашло большого распространения у них. Своим коврам карачаевцы предпочитали дагестанские ковры, называемые «кьюмук кююз»².

Необходимо указать, что немалую роль в развитии этнокультурных связей дагестанцев с народами Северного Кавказа играло отходничество. Так, в карачаевском с. Уччулан работали дагестанские сапожники. Они шили праздничную обувь на подошве, имевшую вид туфель, которые носили с кожаными ноговицами или более закрытые с застежкой у щиколотки³.

В рассматриваемое время в различные регионы Северного Кавказа ездили из Дагестана мастера, владеющие камнерезным делом. Работая здесь, дагестанские мастера оказали непосредственное влияние на развитие камнерезного искусства у северокавказских народов. Этому же способствовало и то, что народы Северного Кавказа камнерезному искусству сами отправлялись в Дагестан, в крупные центры художественных ремесел.

Следует отметить, что дагестанским мастерам приходилось считаться со вкусами заказчиков и подвергаться воздействию художественных традиций различных народов края.

Дагестанские мастера кузнечного дела, в основном лакцы, в частности производили для карачаевцев и балкарцев медные котлы для варки пищи, кувшины для ношения воды и кумганы для омовения⁴.

Кроме того, во многие регионы Северного Кавказа дагестанские мастера-ювелиры уходили в отходничество. Дагестанские

¹ Текеева З.Х. Этнокультурные связи карачаевцев с народами Кавказа // De Saucaso/Историко-этнографический журнал. Вып. 4. Карачаевск, 2012. С. 49.

² Там же. С. 49.

³ Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII - начале XX века. С. 33.

⁴ Там же. С. 33.

ювелиры изготавливали серебряные пояса, нагрудники, серьги, броши, украшения для конской сбруи и т.д.¹

Лакские, кубачинские ювелиры старались учитывать особенности различных северокавказских этносов, выражая это в орнаменте².

С XVIII в. начинается распространение холодного оружия в регионе.

В изучаемое время в оружейном производстве дагестанцы достигли больших успехов, особенно кубачинцы³. Мастера-оружейники традиционно изготавливали холодное и огнестрельное оружие, защитные доспехи (кольчуги, панцири, налоконтники и т.д.).

Большую популярность в XVIII – первой половине XIX столетия приобретают потомственные кинжальные мастера Базалай из кумыкских сел Тарки и Казанище. Клинки их работы получили в регионе и за его пределами нарицательное название «базалай»⁴.

В первой половине XIX в. с. Амузги в Дагестане был одним из основных центров выделки клинков, особенно кинжальных⁵. «Делают... кинжалы лучшие – в селениях Малые Казанищи, Мюлявки (Мулебки – Д.К.) и Амузга», – писал Ф.И. Гене⁶. О.В. Маргграф также отмечал, что Амузги занимаются и славятся «своими клинками, преимущественно кинжальными»⁷.

В исследуемый период в оружейном производстве дагестанцы достигли больших успехов, особенно кубачинцы⁸. Мастера-оружейники традиционно изготавливали холодное и огнестрельное оружие, защитные доспехи (кольчуги, панцири, налкотники и т.д.).

¹ Там же. С. 33.

² Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII-XIX вв. М., 1989. С. 95–96.

³ Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. С. 102–103.

⁴ Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. Махачкала, 2009. С. 178; Алиев К.М. Кумыки в военной истории России. Махачкала, 2010. С. 276.

⁵ Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. С. 93.

⁶ Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36//ИГЭД. С. 345.

⁷ Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 153.

⁸ Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. С. 102-103.

Следует отметить, что в XVIII в. производство художественно отделанного оружия в Дагестане, за исключением с. Кубачи, особо широко не было распространено. Так, известный отечественный автор начала XIX в. С.Броневский отмечал, что в Дагестане «оружие вовсе не украшают, наблюдая только доброту оно-го... богатые люди получают из Турции и Персии оружие, известное «Дамась и хорасинь»¹.

Центрами оружейного производства в Дагестане были с. Кубачи, Амузги, Харбук, Тарки, Кадар, Эндирей, Унцукуль, Гоцатль, Согратль, Казикумух, Икра и др.²

В Дагестане имелись довольно крупные центры по изготовлению оружия³. В некоторых из них существовала даже дифференциация. Так, в с. Амузги мастера изготавливали клинки, которые затем передавали в с. Кубачи для изготовления ножен, рукояти и украшения их⁴. Кроме того, дагестанские мастера-оружейники имели во многих местах края свои мастерские. Что же касается лакских мастеров-оружейников, то они оружие от начала до конца изготавливали сами. Поэтому отходничество у них было очень широко развито⁵.

Необходимо указать, что развитию оружейного производства в Дагестане способствовали растущие торгово-экономические взаимоотношения с Северным Кавказом и внутренними губерниями России. Следует также отметить, что местные кинжалы, ружья, пистолеты входят в моду, стали престижными атрибутами формы русских офицеров⁶.

Во время Кавказской войны особенно расцветает оружейное искусство дагестанских мастеров. Художественная отделка оружия приобретает особую изысканность (мастера-оружейники вы-

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. С. 447.

² Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Ч. 1. М., 1977. С. 53, 54, 58, 64, 81–84.

³ Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. С. 182–185.

⁴ Текеева З.Х. Указ. соч. С. 50.

⁵ Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. С. 73–75.

⁶ Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. С. 45.

рабатывают выразительные композиции декора накладок к оружию)¹.

Особый интерес представляют ногайско-карачаево-балкарско – кумыкские музыкальные параллели. Сближению, взаимовлиянию их культур способствовало их языковое родство. У этих народов отмечена общность в терминологии музыкальных инструментов, отдельных песенных жанров.

Наблюдаются общие черты в фольклоре, в религиозных верованиях северокавказских народов². Многоязычный Северный Кавказ. В конце XVIII в. академик В.Ф. Миллер подчеркивал: «Кавказский хребет – это гора языков – представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где бы, на сравнительно небольшом пространстве, скучивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов»³.

Двуязычие как социальное явление было известно издавна. Как выше указывалось, представители народов Северного Кавказа, удивительно интересного полиэтнического региона, нередко владели вторыми языками, которыми почти до второй половины XIX в. являлись сначала тюркский (азербайджанский, кумыкский, ногайский), а затем русский.

Тюркский язык, в частности ногайский являлся для моздокских осетин, кабардинцев, казаков и др. языком межнационального общения⁴. Так, на Кубани до середины XIX в. ногайский язык был одним из языков в общении местных народов друг с другом, так и с российскими властями⁵. В середине XIX в. русский офицер Кавлянковский, проводя рекогносцировку дорог через Главный Кавказский хребет, отмечал: «Зная ногайское наречие татарского языка, я имел большую выгоду говорить с цебельдинцами (этническая группа абхазов – Д.К.) непосредственно без

¹ Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 210–214.

² Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. С. 113.

³ Миллер В.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. М., 1881. Кн. 9. С. 69.

⁴ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 240.

⁵ Ктиторова О.В. Потенциал традиционной культуры в межэтническом взаимодействии // Межэтнические отношения на Северном Кавказе: история и современность. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (4 апреля 2013 г.). Махачкала, 2013. С. 53.

переводчика. Карачаевцы, близкие соседи цебельдинцев, имея происхождение татарское, говорят языком близким к ногайскому, а многие из цебельдинцев, находящиеся в частых сношениях с ними, знают их язык»¹.

Азербайджанский, кумыкский языки использовались многими народами на Северо-Восточном Кавказе. Русский же язык, вытесняя тюркский, становится основным межнациональным языком на Северном Кавказе со второй половины XIX в. Основные факторы, способствовавшие распространению двуязычия, - экономический (торговля, отгонное животноводство), а также своеобразие расселения, времени проживания этнической общности среди различных национальностей и т.д.

История русско-северокавказских отношений исследуемого времени убедительно показывает, что знание местных языков, особенно тюркского, среди восточнославянского населения (русских, украинцев, казаков) сделалось массовым явлением. Все военные и научные экспедиции, отправляемые российскими властями в различные районы Северного Кавказа, дипломатические и прочие переговоры с горцами российское правительство осуществляло при посредничестве терско-гребенских казаков, прекрасно знавшие местные нравы, обычаи и свободно владевших северокавказскими языками, особенно тюркским².

Взаимовлияние и взаимообогащение в области культуры народов Дагестана и Северного Кавказа особенно отчетливо проявляется в искусстве кубачинских мастеров. Характерным в этом плане является орнамент изделий кубачинских и других ремесленных центров Дагестана и их влияние на творчество соседних северокавказских мастеров. В свою очередь, сами дагестанцы, в частности кубачинские мастера воспринимали все лучшее, что было в орнаментовке других местных народов. Как выше уже указывалось, в результате тесного общения у кубачинцев появились орнаменты, которые сами они называли «черкесский», «чеченский», «осетинский» и т.д.³

¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 240.

² ПСЗ. Собр. I. Т. 19. № 13602. С. 267.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 304.

О длительных и тесных связях между народами Дагестана и Северного Кавказа свидетельствует также и словарный фонд кавказских языков. В каждом языке народов края встречается масса слов, заимствованных у близких и далеких соседей. Но особенно распространенными в описываемое время стали тюркские языки (на Северо-Западном Кавказе – ногайский, а на Северо-Восточном – кумыкский)¹.

Тюркские лексические заимствования чеченского языка являются одним из следствий тюркско-вайнахских (чеченцы и ингуши) языковых контактов, результаты которых находят отражение не только на лексическом, но и на иных – фонетическом и морфологическом – уровнях структуры языков чеченцев и ингушей. Так, например, саьрмасек – чеснок, саба – мыло, кема – корабль, урам – улица, бажа – свояк, йоргIа – иноходец и др.²

Проникновение тюркских лексических и иных элементов в язык чеченцев и ингушей является следствием многовековой территориальной смежности носителей этих языков, использования тюркских языков в качестве основного средства межнационального общения³.

Длительные и тесные связи были между ногайцами, кумыками, осетинами и моздокскими кабардинцами. Жители Моздока в соответствии с национальной принадлежностью хорошо знали свои языки – осетинский, русский, ногайский, кабардинский, армянский, грузинский. Межнациональным языком общения многонационального города до конца XIX в. оставался ногайский. В «Терских ведомостях» указывалось, что жители Моздока прекрасно говорят «по-ногайски» и «по-кумыкски»⁴. Кроме того, осетины не только хорошо знали ногайский язык, но и ногайские песни, предания и легенды⁵. Так, в женской одежде моздокских

¹ Волкова Н.Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе // Советская этнография. № 1. М., 1967. С. 28; Гальченко И.Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975.

² Русско-чеченский словарь. М., 1978.

³ История Чечни. Т. 1. С. 389.

⁴ Терские ведомости. № 5. Владикавказ, 1879.

⁵ Калоев Б.А. Моздокские осетины. М., 1995. С. 21; Туаева Б.Б. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв. Владикавказ, 2008. С. 38.

кабардинцев, как и в мужской, прослеживаются влияние культуры народов, живущих по соседству с моздокскими кабардинцами (русское, ногайское [в частности, «каптал» – бешмет, платки женщины], кумыкское, осетинское)¹. Очень близкими связями моздокских кабардинцев с другими народами, особенно с ногайцами, обусловилось многоязычие. Большинство моздокских кабардинцев владело наряду с родным языком ногайским, русским и осетинским².

Для моздокских кабардинцев ногайский язык стал вторым языком, языком межэтнического общения. Многие ногайцы долгое время проживали вместе с кабардинцами, другие бывали частыми гостями у кабардинцев. Это способствовало их сближению, установлению дружественных связей. Много терминов материальной и духовной культуры моздокские кабардинцы заимствовали у ногайцев, например: «тырнауш» – грабли, «кьюий» – колодец, «кьуда» – сват, «амай» – дедушка «балдуз» – свояченица, «кьадаш» – дядя (от слова «кьардаш» – родственник), «тукум» – род и многие другие³. Ногайский чай был непременно повседневным напитком моздокских кабардинцев. Его пили со сливками, маслом и черным перцем⁴. Сватов моздокские кабардинцы называли ногайским словом – «кьуде», угощение сватов – «кьудэгъашхэ». тамаду стола моздокские кабардинцы – христиане называли «тойлыбаш» (от ногайского происхождения: той – свадьба, баш – голова)⁵.

У ногайцев моздокские кабардинцы восприняли не только язык, но и богатый фольклор – пословицы, поговорки, предания, сказки, свадебные и любовные песни, частушки, множество терминов материальной и духовной культуры. «Анасыз» – не имеющий матери, «анасын» – имеющий мать. Эти слова, заимствованные из ногайского языка, у моздокских кабардинцев выражали отчаяние, тоску, сожаление, а также торжество, восторг. Кабар-

¹ Кунов Н.А. Моздокские кабардинцы (историко-этнографическое исследование). Майкоп, 2002. С. 54, 55, 56, 62.

² Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 58.

³ Кунов Н.А. Указ. соч. С. 48, 64, 65.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 70, 71.

динцам была хорошо известна и лирико-поэтическая поэма «Тохир и Зухра», о верной и трагической любви, бытовавшая у живущих по соседству ногайцев. Православные кабардинцы пели песни на ногайском и кабардинском языках. Кроме того, куначество, аталычество, побратимство, сыграло значительную роль в сближении моздокских кабардинцев с другими народами: ногайцами, кумыками, чеченцами, ингушами, осетинами и жителями казачьих станиц¹.

Важное значение имеет установление конкретной языковой принадлежности тюркских топонимов, выявляемых на территории Чеченской Республики: их изучение имеет историческое значение. Наличие на территории Чеченской республики тюркских топонимов (гидронимов), способствует дальнейшему уточнению ареалов их распространения, решению вопроса об областях пребывания ногайцев. Например, микротопоним «НогИийин шовда» «Ногайцев родник» в местности, населенной в основном чеченцами тейпа (рода) ногИий – «ногай» Большого Кавказа², или находящийся в селении Чечен-аул микротопоним НогИийн боьра «Ногайская балка»³, НогIамирзин корта «Вершина Ногай-мирзы» в звене Терского хребта⁴, с. Ногай-мирза-юрт⁵ в Надтеречном районе Чеченской республики.

Подробное описание исторических связей ногайцев с соседними осетинами дает Б.А.Алборов в статье «Говор осетин-иронцев Моздокского района: «Ногайский язык является интернациональным языком не только осетин, но и для живущих рядом с ними черкесов, армян и грузин... Их увлекает сочный красочный ногайский язык, и они исполняют на нем больше, чем на своем родном языке, ногайские песни и сказки и пересыпают свою речь ногайскими пословицами и поговорками»⁶. В.М. Мил-

¹ Там же. С. 66, 109–111.

² Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1980. Ч. 3. С. 7.

³ Там же. Ч. 3. С. 151.

⁴ Там же. Ч. 4. С. 126.

⁵ Там же. Ч. 4. С. 78.

⁶ Алборов Б.А. Говор осетин-иронцев Моздокского района / Известия 2-го Северокавказского пединститута им. Гадиева. Т. 9. Орджоникидзе, 1932. С. 275–276.

лером описан факт, когда ногайцы изъяснялись на осетинском языке¹.

Некоторые исследователи отмечают, что в Дигорском ущелье жили ногайцы. Так, по мнению Г.А.Кокиева, ногайцы появились в горах Дигории одновременно с асами – дигорцами после распада Золотой Орды и продвижения кабардинцев к предгорьям Центрального Кавказа, то есть в XIV–XV вв. Он даже указывал название населенных пунктов и мест, где жили ногайцы. К ним, в частности, относятся Уаллагком и селение Стыр-Дигора². О том, что ногайцы здесь проживали, указывает и В.М.Миллер³. Кроме того, как отмечал Г.А. Кокиев, ногайцы участвовали в этногенезе дигорцев (осетинские фамилии Кануковы, Абисаловы, Тугановы, Кубатиевы)⁴.

От ногайцев осетины переняли и некоторые собственные имена: Мырза (Мурза), Мырзабег, Хъантемир, Хъанцау и др.⁵ В абазинской антропонимии встречается значительное количество ногайских имен: НагIвайхан, Насыпхан и др.⁶, а среди дагестанцев и северокавказских народов фамилии: «Абазов», «Чеченов», «Балкаров», «Кумыков», «Ногаев», «Кабардаев», «Урусов», «Черкесов» и др.

Для рассматриваемого времени были характерны общие черты в мужской и женской одежде для северокавказских народов, сложившиеся в более ранний период. Затем сходство ослабевает. Особенно отчетливо это проявляется на головных уборах. Близость мужской (в меньшей мере и женской) одежды казаков с костюмом местных народов объясняется влиянием последних и заимствованием восточнославянским населением одежды народов региона как более приспособленной к природно-климатическим условиям. Заимствование также наблюдается и в других элемен-

¹ Миллер В.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. М., 1881. Кн. 9. С. 70.

² Кокиев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928. С. 19.

³ Миллер В.Ф. Указ. соч. С. 71.

⁴ Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004. С. 89–90, 120.

⁵ История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 161.

⁶ Ионова С.Х. Антропонимы в топонимии абазин // Некоторые вопросы социолингвистики и топонимии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1988. С. 55.

тах культуры (убранство жилища, танцы, оружие, седла и упряжь, джигитовка, различные формы ведения хозяйства и др.)¹. Так, моздокские осетины, постельные принадлежности (одеяла, матрасы, подушки) складывали на манер кумыков и ногайцев в одном углу комнаты, покрывая войлоком².

В кабардинских преданиях о двух братьях княжеской фамилии – Каншау и Исламе, отправившихся за секретом шелка в Тарки и принесшим в Кабарду вместе с секретом производства шелка и так называемый танец «Исламей». Танец этот отличался от других танцев искрометной техникой, развитой изобретательностью, подвижностью и происхождением. Этот кумыкский танец известен и у ингушей, у которых он назван «ингушским»³. У карачаевцев и балкарцев этот танец называется «Танец льва» – «Асланбий» и до сих пор очень популярен в их хореографической культуре⁴.

В XVIII столетии в Дагестане интенсивное развитие получило прикладное искусство: художественная обработка металла, шерсти, камня, глины, кости. Значительного совершенства достигла художественная керамика. Конец XVIII в. считается началом классического периода в развитии балхарского керамического искусства⁵.

Необходимо отметить, что XVIII столетие в Дагестане характеризуется «началом нового этапа интенсивного развития художественных традиций ремесла»⁶. А XIX в. стал веком расцвета народных традиций ремесел Дагестана. Свидетельством этого стал рост интереса к традициям орнаментального искусства, композиции, мотивы, «ковровый» характер декоративного убранства различных изделий мастеров). К этому времени появляется разновидность холодного оружия – шашка, развиваются традиции

¹ Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. С. 66, 258, 259.

² Калоев Б.А. Моздокские осетины. М., 1995. С. 119.

³ Нагайцева Л.Г. Адыгские народные танцы. Нальчик, 1986. С. 31, 32.

⁴ Кудяев М.Ч. Карачаево-балкарский свадебный танец. Нальчик, 1988. С. 103.

⁵ История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 405, 408; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 47.

⁶ Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. С. 20.

медночеканного дела аварцев и лакцев, завершается складывание различных художественных особенностей керамики (сулевкентской, балхарской), развитие некоторых отраслей серебряного дела (с.Кубачи) – изготовление поясов и некоторых женских украшений¹. Следует указать, что дальнейшее развитие художественного ремесла в Дагестане было связано с тесными торгово-экономическими и культурными связями Дагестана с народами региона, Россией и Южным Кавказом.

Особенно славились на Северном Кавказе дагестанские ковры (безворсовые, ворсовые, войлочные, махровые и т.д.).

Следует отметить, что отдельные формы украшений (застежки, поясные пряжки, нагрудные бляхи) близки у всех народов региона², что определяет как общность культуры, так и влияние одного этноса на другой. В частности, женские украшения чеченцев и ингушей во многом сходны с украшениями дагестанцев.

Как правильно указывала известный кавказовед – этнограф Е.Н. Студенецкая, касаясь одежды различных народов края, «для периода XVIII – первая половина XIX в. характерны общие черты в мужской и женской одежде, сложившиеся, видимо, в более ранний период»³.

В изучаемое время широкую известность на Северном Кавказе и за его пределами получает народная керамика Дагестана. Развитие традиции керамического искусства были в дагестанских селениях Сулевкет, Балхар, Джули, Испик, Нижнее Казанище, Эндирей, Эрпели, Бацада, Тинди и др.⁴

Как уже указывалось, дагестанские ремесленники–отходники часто выезжали в различные регионы Северного Кавказа на работу. Кроме того, наряду с практикой выезда на работу сохранялись и традиционные поездки мастеров для продажи своих товаров. Автор XIX в. О.В. Маргграф отмечал, что «железные и медные изделия дагестанцев находят обильный спрос и сбыт у всех ту-

¹ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры народов Дагестана. С. 47; Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. С. 21.

² Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XIX вв. С. 65.

³ Там же. С. 66.

⁴ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры народов Дагестана. С. 47.

земцев Кавказа»¹. Ножи, упряжки, стремяна, кухонные принадлежности, изготовленные дагестанскими отходниками имели большой спрос у соседних народов². О.В.Маргграф перечисляет около 30 названий посудных изделий из меди, проданных дагестанскими мастерами в северокавказском крае³.

В Кабарде были известны изделия аварских мастеров-медников. Как отмечает Б.Х. Мальбахов, «в каждом кабардинском доме можно было найти водоносный кувшин «гуэгуэн», кубганы «кьубгъан», таз и другие медные изделия, характерные для традиций дагестанского искусства. «такие тонкостенные кувшины, тазы, кубганы изготовлялись мастерами аварского аула Гоцатль... Об их работе на территории Кабарды в XIX в. имеются документальные сведения»⁴.

В середине XIX в. мастера-гончары из с. Сулевкент выезжали в Чечню, Ингушетию, Осетию и Кабарду для продажи там своих ремесленных изделий⁵. Следует отметить, что стремление мастеров-отходников из Сулевкента «освоить» традицию художественной формы, декора соседей, было заметно и в творчестве сулевкентцев. Так, появились среди изделий мастеров-сулевкентцев керамическая чашка для ногойского чая, скопированная с форм деревянных чаш адыгов, ногойцев. Такие посуды для чая пользовались спросом в Кабарде и Чечне⁶.

Как выше отмечалось, взаимовлияние северокавказских народов особенно заметно отразилось на их духовной культуре. Этот творческий процесс хорошо прослеживается в устном народном творчестве, в музыке, танцах.

Идеи дружбы и мирного сотрудничества северокавказцев в фольклоре местных народов занимают одно из центральных мест, что обусловлено самой историей. Дружественные связи даге-

¹ Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. С. 218, 226.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 225.

⁴ Мальбахов Б.Х. Кабардинское народное декоративное искусство. Нальчик, 1984. С. 33, 34.

⁵ Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. С. 142.

⁶ Там же. С. 144.

станцев с другими народами Кавказа имеют многовековую традицию. Так, например, отношение ногайского народа к своим соседям выразительно и емко охарактеризовано в обращении к чеченцу: «Послушай, Наур, правым берегом Терека владеешь ты, левым – я. Кони наши пьют общую воду Терека, следовательно, и мы сродни между собой. Эхо... гор повторяет твоё имя, ветер ногайских степей далеко несёт звук моего имени. Чего бы, кажется, недоставало нам, и почему бы не жить нам дружно?»¹.

В этих словах отразилось миролюбие ногайцев к народам, в соседстве с которыми они жили на протяжении столетий и имели самые тесные политические и торгово-экономические связи. История помнит немало примеров, когда северокавказские народы, в частности, дагестанцы вместе с вайнахами защищали свои земли от опустошительных набегов крымских и калмыцких правителей.

Как выше отмечалось, древнейшим образцом эпического творчества многих народов края являлся нартский эпос. Следует отметить, что эпос любого народа в процессе своего становления отражает в художественном виде определенные этапы исторического развития создавшего его народа. В этом отношении значение нартского эпоса для народов региона огромно.

Как известно, к дагестанцам он пришел от осетин и кабардинцев. Следует отметить, что в Дагестане нартский эпос получил свое местное значение, став самобытным. В свою очередь, фольклор народов Дагестана оказал немалое влияние на устное народное творчество народов Северного Кавказа, прежде всего вайнахов².

Дагестанская героико-историческая песня о Хочбаре известна и чеченцам. Вайнахская песня называется «Илли о Хушпаре, сыне Бахадура». Интересны предания, легенды, звучащие одинаково как в вайнахском, так и дагестанском фольклоре («О Байсунгуре», «Об Алерое», «О гостеприимстве», «О кровном враге» и т.д.)³.

¹ Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 339.

² Там же. С. 304–305.

³ Сказания народов Дагестана о Кавказской войне / Сост. Халидова М.Р. Махачкала, 1997. С. 113, 156.

Длительные политические и экономические взаимоотношения народов Дагестана с чеченцами нашли свое отражение в фольклоре и в некоторых деталях домашнего быта. Образ Черного Ногай наделяется в чеченской героической песне (илли) всеми качествами благородного богатыря, не лишенного слабостей, но достойно соперничавшего с вайнахскими наездниками¹.

Ногайцы, кумыки, карачаевцы и балкарцы – это наиболее близкие по языку, обычаям и истории северокавказские народы, что особенно ярко отражено у ногайцев и кумыков. В художественном творчестве наиболее ранняя общность и взаимосвязь у этих народов наблюдается в фольклоре: проникновение к кумыкам, карачаевцам и балкарцам сюжетов об Эдиге, Шора-батыре, Мамае, Адиль-Султане и др., а также ряда текстов казачьих песен, толгау и т.д.; влияние на ногайцев традиций карачаево-балкарского танца, поздних лирических песен, а также письменных произведений и др. Так обращает на себя внимание близость во всех отношениях друг к другу ногайских фольклорных произведений из цикла «кыска казак йырлар» и кумыкских «къанка къазакъ йырлар», пословиц, поговорок и т.д. Широко бытует среди ногайцев и кумыков сказание об Аманхоре – в устной и письменной формах².

Как известно, Дагестан был своеобразным культурным центром, откуда арабская культура и литература распространялись во все районы региона. Так, среди балкарцев были известны свадебные и любовные песни «Сагид Жамал Бузжигит», «Шамса и Джанша», календарь «Рознаме», заимствованные из Дагестана. С замечательным восточным произведением «Тахир и Зухра» балкарцы и карачаевцы познакомились через кумыков и ногайцев³.

Одними из первых исследовательских работ, в которых, в частности, рассматриваются тюркские фольклорные и языковые взаимосвязи, были «Этимологический очерк кавказского диалекта тюркского языка» И. Адамова (СПб., 1851), являющийся сравнительной грамматикой тюркских языков; «Сборник ногайских

¹ Сб. Поэтика чеченских героических песен илл. Грозный, 1983. С. 104–117.

² Оразаев Г.М. К истории ногайско-кумыкских взаимосвязей // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984-1985 гг. Махачкала, 1986. С. 38.

³ История Кабардино-Балкарской АССР. 1967. Т. 1. С. 191.

и кумыкских текстов», изданный в Санкт-Петербурге в 1883 г. М. Османовым.

Среди кумыков распространена рукопись, в которой некий Бинасрадин сын Абдулмуслима написал кумыкские переводы известных ногайских преданий о хане Тохтамыше и об Адиль-Султане Крымском¹.

Кроме того, как показывают археографические исследования известного ученого-тюрколога Г.М. Оразаева, среди ногайцев, особенно Терско-Сулакского междуречья широкое распространение имели кумыкские рукописные тексты, а также печатные и литографированные арабографические книги, изданные в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Казани и Симферополе². Следует также отметить, что у ногайцев был распространен ногайский вариант поэзии суфийского направления «тюрки» («Кара ер» и др.) на возникновение которых немалую роль сыграло влияние кумыкской поэзии в жанре тюркю³.

Необходимо отметить, что о длительных и тесных контактах между местными народами свидетельствует также и словарный фонд кавказских языков. В каждом языке местных народов встречается масса слов, заимствованных у своих соседей. К тому же местные народы, как правило, владели языками соседних народов.

Заметно изменился быт местных народов – многие из них восприняли очень различные стороны быта соседних этносов, в том числе русского населения края – устройство жилища, одежду и пищу. В свою очередь и местные соседние народы, жившие на Тереке, Куме, Кубани, переняли у народов Дагестана многое – например, конское снаряжение (сбрую, короткие стремяна и др.), пищу, в частности, ногайский чай.

Древний традиционный ногайский чай, с добавлением сливок, сливочного масла, черного перца и соли, делали из травы «калмак». Поэтому местные народы этот напиток называли «ногай чай» или «калмак-чай». Смешанное молоко (или сливки) с заваренной травой облегчает усвоение, смягчает вредное действие

¹ Оразаев Г.М. К истории ногайско-кумыкских взаимосвязей. С. 38.

² Там же. С. 38.

³ Там же С. 38.

кофеина, стимулирует обмен веществ, снимает переутомление, укрепляет иммунитет и спасает от простуды. Целебные свойства этого чая известны на протяжении многих веков. Так, адыгейцы, ногойцы, кумыки и другие соседние народы до сих пор называют ногойский чай иногда «калмак-чай»¹.

Такие национальные блюда ногойцев: кумыс, йогурт, айран - встречались у многих народов Северного Кавказа, а некоторые блюда соседних народов, например, карачаевцев, черкесов вошли в быт ногойцев. Так, у кубанских ногойцев популярными блюдами стали черкесское «либже» и карачаевский «кышыш»².

Дагестанцы, как и другие народы края ездили на двухколесной арбе, запряженной быками.

Ногойцы, жившие в верховьях Кубани и Зеленчуков, переняли от абазин и черкесов некоторые методы ведения хозяйства, характер жилища, отдельные черты материальной и духовной культуры³. Так, ногойцы переняли у соседей способ хранения зимой кукурузы в плетенках из хвороста⁴.

Под влиянием ногойцев осетины и адыги использовали в хозяйстве верблюдов⁵.

Как известно, многовековую историю в Дагестане имела религиозная (конфессиональная) система образования, основанная на арабской графике, первоначально арабоязычная, а затем (XVIII–XIX вв.) с обращением к родным языкам. В Дагестане строились учебные заведения (мектебе, медресе), распространялась кораническая литература, а начиная с XVIII в. наблюдается

¹ Во второй половине XX в. в чайной фабрике г.Тбилиси начали производить кирпичный чай на промышленной основе. Новой продукции дали ошибочное название «калмыцкий чай» вместо «калмак-чай» или «ногой-чай». Плиточный грузинский чай не обладал таким ароматом, но очень хорошо расщеплял жиры в сыром молоке, с чем непременно воспользовались практичные местные женщины. Пользуясь случаем хочу выразить мою искреннюю благодарность д.и.н., проф. А.Д. Панеш из Майкопа, известному писателю В.С. Казакову из Черкесска и краеведу – историку из Ногойского района РД – А.З. Межитову.

² Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногойцы. Черкесск, 1988. С. 146.

³ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 239.

⁴ Керейтов Р.Х. Ногойцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь, 2009. С. 183.

⁵ Там же. С. 183.

расцвет научной и литературной деятельности на арабском языке¹.

Распространение ислама и стремление дагестанцев к обучению в арабоязычных примечетских школах давало возможность выпускникам найти применение своим знаниям. Они работали кадиями, муллами, учителями в разных регионах Северного Кавказа².

Необходимо отметить, что немалую роль сыграл Дагестан в деле исламизации народов Северного Кавказа, в частности его центральных регионов.

Проникновение ислама в Чечню и Ингушетию растянулось на несколько веков (XVI – первую половину XIX в.). Равнинные районы, расположенные ближе к Дагестану, приняли мусульманство раньше, чем горные³.

В различных преданиях повествуется, как аварские и кумыкские муллы, нанимаясь пастухами в вайнахские села, распространяли ислам. Со временем у чеченцев появились свои священнослужители, получившие мусульманское образование в Дагестане (Эндирей, Аксай, Акуша, Кумух)⁴. Согласно автора XIX в. Н.Ф. Грабовского, большую роль в исламизации ингушей сыграли чеченские муллы, которые учились в Дагестане⁵. В 1855 г. в Темир-Хан-Шуре было открыто первое мусульманское училище на Северном Кавказе. Многочисленные мусульманские проповедники из Дагестана жили в различных населенных пунктах Кабарды, Осетии, Балкарии, Карачая. Выше уже говорилось, что в 1710 г. по приглашению князей Крымшамхаловых в Карачае в с.Карт-Джурт поселился Али, сын Асадуллы из с. Аксай. Будучи муфти-

¹ Зульпукарова Э.М.-Г. Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции. Конец XIX - середина XX века. С. 156.

² Абдуллаев М.А. Арабо-мусульманская научная и философская мысль в досоветском Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 139.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 495; Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия. С. 286, 287.

⁴ Народы Кавказа. Т. 1. С. 370.

⁵ Грабовский Н.Ф. Ингуши // ССКГ. Вып. 9. Тифлис, 1876. С. 17.

ем Карачая, он стал распространять ислам среди местного населения¹.

Немало из дагестанцев даже занимали высокие должности сельских и окружных кадиев, эфенди и т.д. Как писал М.М. Ковалевский: «Горские татары (балкарцы – Д.К.) становятся ревностными магометанами не без влияния миссионеров, высылаемых время от времени кумыкскими князьями, выдававшими своих дочерей замуж за старшин Чегемского или Балкарского общества»².

Выше уже отмечалось, что в изучаемое время усиливается исламизация народов Центрального и Северо-Западного Кавказа.

Как известно, в распространении ислама в XVI–XVIII вв. Центральном и Северо-Западном Кавказе, кроме турецких и крымских отрядов воителей за веру (гази), принимали участие и дагестанские отряды гази и мирные проповедники, прибывавшие в регион из Дагестана и Чечни. Однако наибольшую активность проявляли турецкие и крымские миссионеры. Поэтому под их влиянием местное население края стали мусульманами ханафитского мазхаба³.

В период Кавказской войны, в связи со стремлением Шамиля привлечь осетин на свою сторону, мусульманская агитация укрепляется во всех 4 обществах Осетии (Дигорском, Тагаурском, Куртатинском и Алагирском) со стороны Дагестана и Чечни. Основы ислама среди осетин преподавали в основном дагестанские и адыгские богословы⁴.

Укрепление позиций ислама на Северо-Западном Кавказе началось в годы Кавказской войны. Среди мулл в крае сначала было много турок и крымских татар, встречались также аварцы,

¹ Лайпанов К.Т. Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. Черкесск, 2000. С. 36.

² Цит по: Бегеулов Р.М. К вопросу о взаимоотношениях шамхальства с этнополитическими образованиями Центрального Кавказа (XVI–XVII вв.) // Материалы международной научной конференции «Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.). Махачкала, 2010. С. 287.

³ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 89–90.

⁴ Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия. С. 288.

ногайцы и кумыки¹. В 60^х гг. XIX в. старики–адыгейцы рассказывали Н.Каменеву: «У нас одни муллы и кадии мусульмане, но они из Турции или из ногайцев; муллы из адыг недоучиваются; мы же умеем делать намазы только; два человека из тысячи у нас читают коран»². «Черкесы и убыхи», – отмечал в середине XIX в. Карлгоф Н., – считаются мусульманами, но настоящие мусульмане составляют незначительную часть народонаселения; это преимущественно люди, находящиеся в сношениях с турками по торговым делам...»³

В первой половине XIX в. крупнейшим религиозным и общественным деятелем карачаевского народа был Кючук-хаджи Байрамуков, получивший духовное образование в кумыкском с. Аксай и в Стамбуле. Он овладел в совершенстве арабским и турецким языками. Долгое время являлся кадием Карачая⁴.

Как известно, исламизация Северо-Западного Кавказа в основном завершилась в XVIII – первой половине XIX в.⁵ Первые пятничные мечети и мектебы (начальные религиозные школы) при них появились в Кабарде, Карачае и приморском Закубанье в XVIII в. Среди мулл здесь сначала было много турок, крымских татар. Как уже отмечалось выше, немало также было ногайцев, кумыков и аварцев⁶.

В изучаемое время население Северного Кавказа испытало серьезные потрясения, которые были связаны с дальнейшей исламизацией края. Первоначально основным лозунгом движения было утверждение среди местного населения норм шариата и приведение адатов в соответствие с требованиями исламской религии. Поэтому его называют шариатским. Оно постепенно распространялось в крае с юго-востока (в основном из Дагестана) на северо-запад⁷.

¹ История Адыгеи. Т. 1. С. 406; Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 74–76.

² Каменев Н. Развалины церкви св. Георгия // Кубанские войсковые ведомости. Екатеринодар, 1869. № 36.

³ Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен // Русский вестник. М., 1860. Т. 28. С. 533.

⁴ Лайпанов К.Т. Карачай и карачаевцы. Черкесск, 2005. С. 50.

⁵ Народы Кавказа. Т. 1. С. 213.

⁶ Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия. С. 290–291.

⁷ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 95–96.

Долго у шариатского движения не было политического центра и единой программы действий. Это движение получило мощную подпитку со стороны суфизма, которое было распространено в Дагестане еще в раннем средневековье. Реформированное и усиленное в XVIII в., шариатское движение развернуло в регионе активную миссионерскую деятельность. К концу XVIII в. движение за очищение и торжество мусульманской религии в крае переместилось на Центральный, а затем и на Северо-Западный Кавказ¹. Во главе шариатского движения стояли шейх Мансур (Чечня) Саид Араканский, Магомед Ярагский, Джамалутдин Казикумухский (Дагестан) и др.

Как отмечалось выше, Терско-Кизлярское войско было «разноплеменным» и многоконфессиональным. В первой половине XIX в. к казакам ст. Бороздиновской, Щедринской, Новогладковской были приписаны мусульмане – казанские татары, а немного позже и пленные дагестанцы. Согласно станичным сметам, жалование получали не только православные священники, но и муллы этих населенных пунктов².

В период Кавказской войны, желая привлечь мусульманское духовенство на свою сторону, российские власти рекомендовали военному командованию следующее: «Если обстоятельства поставят его (начальника – Авт.) в необходимость говорить с эфендиями и муллами о религии, то следует для успокоения их согласиться с ними во многом даже против собственного убеждения»³. Следует отметить, что такая взвешенная и тонкая политика российского правительства к мусульманским народам находила своих сторонников в крае.

У народов Дагестана и осетин существовали общие черты в нормах обычного права (в правилах судопроизводства, гостеприимства), религиозных верованиях и т.д. Следует отметить, что от осетин и кабардинцев ногайцы переняли поклонение «духу гор» на Татартупе. Согласно священному обычаю, издавна существу-

¹ Там же. С. 97.

² Бутова Е. Станицы Бороздиновская // СМОМПК. Вып. 7. Тифлис, 1889. С. 4; Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 130; Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия. С. 307.

³ Цит. по: Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия. С. 307.

ющему в этом центре «международной» торговли, всякий, пришедший сюда, пользовался правом убежища (неприкосновенности). Это обеспечивало возможность заключения взаимовыгодных торговых и прочих сделок между ногайцами и осетинами¹.

В укреплении социально-экономических, политических, культурных и этногенетических связей между народами Дагестана и Северного Кавказа значительную роль играли межнациональные браки и некровное родство (аталычество, молочные и названные братья и сестры, побратимство).

Необходимо отметить, что межкультурную коммуникацию между местными народами и русским населением края в исследуемый период активизировали такие этикетно-ритуальные явления как: гостеприимство, куначество, аталычество и др. Данные обычаи свидетельствовали о тесных взаимоотношениях различных этносов, об их способности самостоятельно, опираясь на обычное право и моральные норы, строить свои взаимоотношения с соседними народами.

Как выше отмечалось, налаживанию добрососедских отношений способствовал и распространенный среди местных народов и казаков обычай аталычества – отдача ребенка на воспитание в семье русских казаков или местных этносов. Суть этого обычая как института породнения состояла в том, что между воспитанником и его аталыком, а также их семьями устанавливалась тесная связь². Часто местные князья отдавали своих детей в семьи представителей соседних народов или, наоборот, принимали на воспитание их сыновей или дочерей. Так, во многих архивных документах содержатся упоминания об аталыках детей северокавказских владетелей, в частности ногайских мурз³. Многие знатные фамилии адыгских закубанских племен, черкесы и др. отдавали на воспитание ногайцам своих детей⁴. Эта форма меж-

¹ История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 161.

² Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюции // КЭС. Вып. 9. М., 1989. С. 220.

³ Кидирниязов Д.С. Институт аталычества у ногайцев // Второй Международный конгресс этнографов и антропологов. Уфа, 1997. Ч. 2. С. 31; Мальбахов Б., Эльмесов А. Средневековая Кабарда, С. 76.

⁴ Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. М., 1979. С. 119.

этнического аталычества также получила распространение особенно у терских казаков, которые отдавали детей на несколько лет на воспитание в кумыкские, ногайские, вайнахские и другие семьи. Аталычество способствовало сближению соседних народов, лучшему пониманию культуры и быта друг друга¹.

Большое значение придавали северокавказские народы искусственному родству. Такое родство известно дагестанцам, как и многим соседним народам региона, в самых различных видах. Наибольшее значение имели усыновление, побратимство и аталычество². Существовали и другие, близкие к ним формы породнения, которые устанавливались при обрядах первых лет жизни ребенка и во время свадьбы.

Так, к усыновлению или удочерению прибегали во многих жизненных ситуациях. Если у роженицы не было или не хватало молока, ей приходилось обращаться к какой-нибудь кормящей женщине, и та тем самым становилась молочной матерью ребенка. Кровник, у которого не было другой возможности избежать мести, искал случая, чтобы прикоснуться губами к груди матери своей жертвы и этим вынудить ее усыновить его.

Как известно, у многих народов в изучаемое время существовала форма искусственного родства – аталычество.

Многие северокавказские фамилии – это неотъемлемая часть истории многих местных народов. Генезис многих фамилий связан с этнокультурными отношениями дагестанцев с различными представителями северокавказских этносов как результат проникновения их в дагестанскую этническую среду, а также с рядом других факторов. Некоторые переселенцы с течением времени полностью ассимилировались в местной этнической среде, создавая новые дагестанские фамилии. Вместе с тем, необходимо указать, что они продолжали сохранять воспоминания о своей этнической родине и поддерживать близкие отношения со своими родственниками, оставшимися там.

Следует отметить, что одним из важных моментов в этнокультурных взаимоотношениях Дагестана с народами Северного Кавказа являлись связи кровнородственного и брачного характе-

¹ Народы Кавказа. Т. 1. С. 83.

² Там же. С. 94.

ра. Как известно, национально-смешанные браки являются одним из факторов развития этнических контактов. Межэтнические браки усиливают этнические контакты и во многом способствуют сближению этносов.

Выше уже указывалось, что во многих регионах дисперсно проживали различные народы. Так, наличие в Чечне множества переселенцев из Дагестана было связано в общих этнических границах с Анди, Гумбетом, Ботлихом и другими дагестанскими территориями, в совместном пользовании пограничными землями и пастбищами, торговлей, отходничеством и т.д. В чеченском с. Зандак тейп Кудалой считается аварским, переселившимся из Дагестана в период Кавказской войны¹. Кроме того, чеченцы Умархаджиевы и Ханмагомедовы из этого села также являются потомками переселенцев из Гумбета². В пограничных районах Аварии и Чечни проживали тухумы Чунгурулал и Блитал, имеющие общие корни среди вайнахов и аварцев³.

В чеченском селе Шуани также живут представители тейпа анди и сули, в с. Кошкельди (аварцы, лакцы, кумыки), с. Дарго и Махеты (даргинцы-сулевкентцы) из Дагестана⁴. Кроме того, в чеченских (шароаргунских) селениях Химой, Хакмадой, Кенхи и Бути, живут аварцы по происхождению, но считающие себя чеченцами из тейпа Шарой⁵.

О даргинцах-переселенцах в Чечне писал автор XIX в. И. Попов: «Сел. Ца-Ведень, или Ахкиюртчу в 1858 г. заселенное харачоевцами, прежде всего было занято исключительно выходцами из аула Цудахар, пришедшими из-за малоземелья в эти края ещё до покорения Ичкерии»⁶.

Дагестанские по происхождению тейпы встречаются не только в Ичкерии, Качкалыке, Чеберлое, по р. Аргуну, но и в надте-

¹ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 204.

² Там же. С. 204.

³ История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 279.

⁴ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 206-207.

⁵ Там же. С. 207-208.

⁶ Попов И. Ичкерия. Историко-этнографический очерк // ССКГ. Вып. IV . Тифлис. 1870. С. 7.

речных селениях Чечни. Так, в с. Толстой-юрт (Старый-Юрт) живут тейпы Таркой (кумыки) и Анди (аварцы), в селениях Знаменское (Мундар-Юрт), Гехи, Алхан-кала, Пседах, часть жителей относятся к тейпу Органой (Таркой)¹.

Больше всего кумыков-переселенцев осело в XVIII в. с Чечне в селениях Виноградное (Бамат-Юрт) и Брагуны².

В западных районах Чечни, в частности в с. Урус-Марта живут тейпы Дзилой (андийцы из с. Зилой) и Чунгорой. Аварские и лакские по происхождению фамилии имеются в чеченском с. Пседах³.

Согласно документальным материалам, в середине XVIII в. жители Чечни по причине кровной мести переселялись в Дагестан, в частности, в кумыкское селение Эрпели⁴, так в с. Карабулдакент, имелся квартал Мычыгыш-аул, образованный выходцами из Чечни⁵.

В исследуемый период в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабарде были совместные поселения, где проживали многие местные народы. В Чечне это были Новый Юрт, Брагуны, Шали, смешанное кумыкско-вайнахское население проживало в селениях Кошкельды, Ойсунгур, Исти-су, Бамат-юрт. Селениями, где совместно жили дагестанцы, вайнахи и кабардинцы в Дагестане были Аксай, Эндирей, Боташ-юрт, Байрам-аул, Муцал-аул, Герменчик и др. Так, аварское с. Ансалта, по преданиям, считается основанными чеченцами, а вайнахский Ишхой-аул – аварцами⁶.

Особенно многочисленными были селения в Малой Кабарде, где совместно проживали народы Дагестана, адыги, осетины, вайнахи.

¹ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 208.

² Там же. С. 208-209.

³ Там же. 209-210.

⁴ Материалы по истории Кавказского края // Известия Кавказского отдела РГО. Т. IV. Тифлис, 1875-1877. С. 250; Семенов Н.С. Обитатели Кумыкской плоскости // Терский сборник. Вып. 1. Владикавказ, 1890. С. 166.

⁵ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 181-187.

⁶ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 301.

Начиная с 20-х гг. XIX в. часть кумыков, зависимые от кабардинских князей Бековичей-Черкасских поселяются на землях Малой Кабарды (селения Кизляр, Магомет-юрт и др.). В середине XIX в. эти кумыкские переселенцы компактно проживали в с. Кизляр под Моздоком. Жителей этих поселений называли кумыками. Однако, они включали не только собственно кумыков, но и ассимилированных кумыками чеченцев и ингушей, предки которых поселились здесь не позднее 20-х гг. XIX в. В с. Кизляр жители соседних вайнахских сел приезжали, чтобы выучить кумыкский язык. Так, фамилия Акбиевых из этого села считается ингушской, из с. Даттых. Ингушские тейпы Котиевы, Точиевы, Гадаборшевы, Канчиговы и др. имеют кумыкские корни¹.

В малокабардинском с. Плановское в Осетии живут Барагуновы и Кумыковы, предки которых вышли из Засулакской Кумыкии².

В изучаемое время поселения со смешанным населением возникали также вблизи российских городов-крепостей Святой Крест, Кизляр, Моздок и др.

Кроме того, представителей зависимых сословий (крепостных крестьян, рабов) из числа местных народов также привозили в Карачай и Балкарию. Известный балкарский просветитель XIX в. Мисост Абаев отмечал, что зависимые люди были из числа «взятых в плен от неприятеля, украденных и купленных, в числе их были имеретины, сванеты, чеченцы, кумыки, кабардинцы и даже попадались русские из беглых солдат»³.

Следует отметить, что возникновению смешанных поселений способствовало бегство феодально-зависимых крестьян от гнета и произвола местных владетелей. Также немалую роль в этом отношении играл и бытовавший среди местных народов обычай кровной мести. Кроме того, в Чечню, Ингушетию, Осетию, Кабарду, Балкарию, Карачай, Черкессию, Адыгею переселялись из Дагестана кустари-ремесленники⁴. Все это влекло за собой уста-

¹ Там же. С. 301-302.

² Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 210.

³ Газ. Каспий. Баку, 1899. № 2.

⁴ История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 387.

новление и укрепление дружественных связей, заключение межнациональных браков между дагестанцами и народами региона.

Нужно подчеркнуть, что Дагестан в регионе играл роль культурного центра, проводника культуры народов Ближнего Востока и Южного Кавказа в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее¹. Все это, естественно, способствовало укреплению политических и культурных отношений между Дагестаном и народами Северного Кавказа.

Часто местные крестьяне, совершая побег, укрываясь от своих преследователей феодалов, находили убежище у соседних народов. Так, в июле 1781 г. кизлярский комендант А. Куроедов в своем рапорте на имя астраханского губернатора ген.-м. Ф.Н. Фабрициана сообщал, что в Аксае находится кабардинский крестьянин Б. Казчиев, бежавший от своего владельца А. Таусултанова².

Как выше отмечалось, сближению разных народов региона способствовало также возникновение смешанных поселений, в которых проживали народы Дагестана и Северного Кавказа.

Так, поселение со смешанным населением возникло в первой четверти XVIII в. к окрестности крепости Святого Креста. Автор XVIII в. И.И. Голиков писал: «По возвращении же к начавшейся крепости Креста [царь] определил перевести в оную как гарнизон и жителей терских, так и поселившихся у оною из населения Кабарды черкас», с численностью до 300 семей³.

В «Записке о кабардинцах», составленной в 1775 г. из материалов Коллегии иностранных отмечалось, что: «В числе многих иноплеменных народов, с давнего времени зашедших для жительства в Дагестан, поселились и черкесы, известные под названием кабардинцев»⁴.

Кроме того, как уже отмечалось, поселения со смешанным населением из адыгов и народов Дагестана возникли в слободах вокруг крепостей Моздока и Кизляра. На землях, принадлежащих

¹ Там же. С. 388.

² Феодаева Ф.З. Из истории классовой борьбы в Северном Дагестане во 2-й половине XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. 6. С. 159–160.

³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1789. Ч. 8. Отд. 6. С. 268.

⁴ КРО. Т. 2. С. 318.

кабардинским князьям Бековичам-Черкасским (переведенных из крепости Святого Креста), на канаве Атай-Батахан возникло селение Янги-Юрт (Дагестан), населенное адыгами¹.

Следует отметить, что на переселение из Дагестана в разные регионы Северного Кавказа или наоборот влиял и бытовавший у местных народов обычай кровной мести. Также во многие места края, в поисках заработка переселялись многие ремесленники-дагестанцы, которые навсегда оседали там. Только в одном с. Турлово в Малой Кабарде проживало 64 кумыкских семей с численностью в 266 душ обоего пола². В Засулакской Кумыкии было основано кабардинцами с. Боташ-юрт, впоследствии сюда переселились и кумыки. Адыги, чеченцы жили в Эндирее³.

Именно таким образом в Кабардино-Балкарии оказались выходцы из Дагестана – потомки Губачиковых, Касумовых, Кумыковых, Иразовых, Шамхаловых, Махатаевых, Исхаковых, Хаджиевых, Эндиевых и др., – считающих себя сегодня адыгами или балкарцами⁴. А Кабардиевы, Анзоровы, Баташевы, Тамбиевы, Черкесовы, Чегемовы, Азнауровы и др., проживающие в Дагестане были выходцами из Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи⁵.

Разумеется, возникновение смешанных поселений, в которых совместно проживали представители разных народов, способствовало укреплению дружественных связей между северокавказскими этносами, взаимовлиянию их культур.

Особенно ярко экономическое сотрудничество между народами региона проявлялось в совместном использовании летних и зимних пастбищ, лесов смежных районов. Так, в летнее время чеченцы выпасали свой скот на пастбищах Салатавии, а зимой – аварцы-салатавцы перегоняли свой скот на пастбища вайнахов.

¹ Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека. С. 128.

² Гугов Р.Г. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. С. 627.

³ Там же. С. 627.

⁴ Гашимов Ч.М. О совместных поселениях горцев Дагестана и Северного Кавказа (XVI-XVIII вв.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 1. С. 83.

⁵ Гаджиев В.Г. Вековая дружба братских народов // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и другими народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 16.

На границе гумбетовцев (Дагестан) и чеченцев-ножайюртовцев возвышается гора Тпамухъ мегIер с великолепными пастбищами на склонах. Издавна 9 месяцев этими пастбищами пользовались дагестанцы, а летом – вайнахи¹.

Кроме того, испокон веков жители Чечни снабжали андийцев хлебом, зерном, строительным материалом. Андийцы пользовались также пастбищами в окрестностях с. Хорочой (Чечня). Дагестанцы-гагатлинцы и вайнахи на одинаковых условиях арендовали сопредельные лесные участки Таштаб, Агула и др.²

Родственные отношения с представителями рода шамхалов поддерживала в исследуемый период, как и ранее балкарская знать. При этом значение мусульманской религии при заключении брачных отношений приобретало особое положение, что указывалось ещё отечественными авторами в XIX в. Так, известный российский кавказовед М.М. Ковалевский в отношении XVIII в. отмечал: «Горские Татары (балкарцы – Д.К.) становятся ревностными магометанами, не без влияния миссионеров, высылаемых время от времени кумыкскими князьями (в частности шамхалами Тарковскими), выдавших своих дочерей замуж за старейшин Чегемского или Балкарского общества»³.

С кумыками по своему происхождению, возможно, была связана балкарская княжеская фамилия Урусбиевых. На одной из карт Северного Кавказа в 1819 г. на хребте Чалпак фиксируется род «урус-кумук»⁴. Кроме того, родоначальниками дагестанских

¹ Алиев Б.Г., Иноземцева Е.И. Из истории взаимоотношений народов Северо-Восточного Кавказа в XVII–XVIII вв. // Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа: история и современность. Материалы научно-практической конференции. Грозный, 2005. С. 33.

² Там же. С. 33.

³ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Владикавказ, 1995. Т. 1. С. 28.

⁴ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 101; Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. Этнополитические взаимосвязи карачаево-балкарцев с народом Дагестана // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Ч. 1. / Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России. В 2-х ч. Карачаевск, 2008. С. 218.

фамилий Кабардиевых, Тамбиевых, Боташевых, Чегемовых являются адыги и балкарцы¹.

Среди баксанских балкарцев, согласно архивного документа 1867 г., были поселенцы, предки которых вышли из различных регионов Северного Кавказа. Так, отец ногайца Мисоста Ногаева поселился на Баксане в 20-е гг. XIX в.² В начале XIX в. ногайцем Абдурахманом и его сыновьями Ногаймурзой и Мусой было положено начало урусбиевским (балкарским) Ногайлиевым³.

Интересные сведения о взаимоотношениях с кумыками, в частности с Тарковским шамхальством сохранили предания и балкарцы. Так, население Чегемского общества балкарцев в обращении к российским властям в регионе говорили, что раньше платили подать тарковскому шамхалу Будаю и «платили даже до прибытия на нынешние места кабардинского народа»⁴. Кроме того, среди балкарцев бытовали предания о том, что во время войны, которую вели чеченцы с адыгами, балкарцам помогал шамхал, «пришедший с большим войском»⁵. Не раз тарковский шамхал Мехди в XVIII в. со своим войском также помогал карачаевцам в борьбе с внешними врагами⁶.

Связи с могущественной фамилией шамхалов Тарковских имели также и карачаевские владетели. Например, в предании записанным в Дагестане Л.И. Лавровым указывается, что правитель кумухского села Табахлу Махди-шамхал (1729-1783 гг.) часто бывал со своим войском в Карачае, чтобы помочь местному населению бороться с внешними врагами. Л.И. Лавров, объясняет помощь тарковского шамхала тем обстоятельством, что князья Крымшамхаловы были выходцами из рода шамхалов Тарковских⁷. Об этом писал ещё в 70-е гг. XIX в. Г.Петров, который ука-

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 301.

² Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 98. Мусукаев А.И. Века родословий. Нальчик, 1997. С. 266.

³ Мусукаев А.И. Века родословий. Нальчик, 1997. С. 266.

⁴ РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Ч. 5. Л. 209.

⁵ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. д. 192. л. 143.

⁶ Лавров Л.И. Этнография Кавказа (По полевым материалам 1929-1978 гг.). Л., 1982. С. 120.

⁷ Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. Вып. 4. М., 1969. С. 68; Алиев К.М. Шаухалы Тарковские, Махачкала, 2008. С. 104.

зывает, что «теперешние члены этой фамилии (Крымшамхаловых – Д.К.) считают себя отраслями фамилии владетельных шамхалов Тарковских Дагестанской области»¹.

Ногайские князья Ахловы, Тогановы, Ураковы, Каплановы, Наврузовы и др. имели родственные связи в Осетии, Кабардино-Балкарии, Адыгее².

В 1710 г. по приглашению князей Крымшамхаловых в Карачае (с. Карт-Джурт) поселился Али, сын Асадуллы из с. Аксай³.

Необходимо указать, что термином «кумук» («кумык») в Карачае, как и на всем Северо-Западном Кавказе подразумевали всех народов Дагестана. Причиной тому было владение переселенцев из Дагестана межнациональным языком общения тюркским (кумыкским)⁴.

Немало выходцев из Дагестана остались навсегда в Карачае и дали начало новым фамилиям. Среди них были лакцы, аварцы, даргинцы и др.⁵

Рассмотрим некоторые карачаевские фамилии, обязанные своим происхождением переселенцам из Дагестана. Так, по преданиям родоначальниками карачаевской фамилии Алиевых являются кумыки, выходцы из с. Аксай Засулакской Кумыкии, занимавшиеся торговлей⁶. Основателями других карачаевских фамилий Борлаковых, Калахановых, Хаджиевых также являются кумыки из Дагестана⁷.

¹ Петров Г. Верховья Кубани-Карачай // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар. 1879. № 3. С. 3.

² Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. С. 204.

³ Идрисов Ю.М. Ханмурзаев И.И. Этнополитические взаимосвязи карачаево-балкарцев с народами Дагестана. С. 219.

⁴ Батчаев Ш.М. Генеалогические связи карачаевцев и кумыков // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность: материалы международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2009. С. 27.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX в. Нальчик, 2000. С. 79.

⁷ Там же. 83, 86, 92.

В XIX в. от Алиевых отделились карачаевские фамилии Айкерекеры, Байбановы, Гаджиевы, Казаковы, Ураскуловы и Хапчаевы¹.

Кроме того, в рассматриваемое время из Дагестана переселились в Карачай кумыкские владетели Казиевы, Магаяевы, аварец Магомет Халилов, а также представители других дагестанских народов – Кумыковы, Курбановы, Дибировы, Мусалаевы (даргинцы), Аккачиевы, Хаджилаевы, Сурхаевы (лакцы) и др.²

Кроме того, некоторые дагестанские фамилии, как Баммат-Аджиевы, Умар-Аджиевы имеют балкаро-карачаевское происхождение³. Известно, что основатель Эндиреевского владения Султан-Махмуд (Султан-Мут) был основатель Эндиреевского владения Султан-Махмуд (Султан-Мут) был сыном тарковского шамхала Чопана и кабардинки из знатной дворянской семьи Анзоровых⁴.

Необходимо указать, что одним из положительных моментов инфильтрации различных этнических элементов в иноэтническую среду являлось то, что происходило взаимообогащение местной культуры с культурой переселенцев.

Следует отметить, что этнокультурные связи дагестанцев с народами региона были чрезвычайно разнообразны в своих проявлениях и включали в себя торгово-экономические, военно-политические, культурные, родственные и иные взаимоотношения.

Некоторые народы края являясь жителями горных зон, нуждались в первую очередь, в привозном хлебе, а ранней весной и осенью – в пастбищных угодьях.

В середине XVIII в. родственными узами с биями Аксаевского владения были связаны адыгские князья К.Атажукин и Х.Росламбеков. Так, в одном из архивных документов указывается, что мать К.Атажукина, по имени Ханым: «...бывшего ак-

¹ Лайпанов К.Т. Этногенетические взаимосвязи карачаевцев с другими народами. Черкесск, 2000. С. 37.

² Там же. С. 38-39.

³ Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX в. С. 105.

⁴ Там же. С. 105.

сайского владельца Албека сестра родная»¹. В другом документальном источнике за 1761 г. указывается, что сыновья аксаевского владельца Уцмия Султан-Мамутова приходились племянниками кабардинскому князю Х. Росламбекову. Один из них, Солтанбек обращался за помощью к своему дяде Х. Росламбекову, чтобы он способствовал ему по примирению со своими родными братьями².

Родственные узы с кабардинской знатью поддерживала ещё с XVI в. ногайская аристократия. В XVIII в. сын ногайского мурзы Мусы был женат на дочери знатного адыгского князя М. Атажукина³.

В XIX в., как и ранее, карачаевские князья выдавали своих дочерей за влиятельных ногайских владельцев Карамурзиных, Тугановых, Мансуровых, Ахловых и Хановых⁴. В архивном документе о них указывается: «Из мурз пользовались некогда особым почетом род Касая, к которому принадлежат фамилии: Мансуровы, Тогановы, Карамурзины, Наурузовы и Ахловы, мурзы и из других фамилий имели значительно больше прав пред прочими ногайскими сословиями, но значение их в народе уступало значению Касаевых; Касаевы будучи богаче других и в родственных связях с знатными людьми соседних племен, имели и больше влияния в народе, вследствие чего лица этой фамилии всегда были предводителями ногайцев, как в военное, так и в мирное время»⁵.

Кроме того, межэтнические браки были характерны и для крестьянских масс местного населения. Наиболее они были рас-

¹ Цит. по: Баразбиев М.И. Брачные контакты представителей высших сословий тюркских народов Северного Кавказа с кабардинцами в XVI-XVIII вв. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к будущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции / г. Черкесск, 14-16 мая 2014 г. Черкесск, 2014. С. 116.

² Там же. С. 116.

³ Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008. С. 35.

⁴ Каракетов М.Д. Ногайско-карачаевские связи до начала XX в. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к будущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. С. 141-142.

⁵ Цит. по: Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX в. С. 60-61.

пространены в селах, где различные местные народы проживали по соседству¹.

Выше указывалось, что наиболее часто в рассматриваемое время карачаево-балкарские владельцы вступали в родственные отношения с ногайскими князьями (Карамурзины, Мансуровы, Тогановы). Для карачаево-балкарских аристократов заключение межэтнических браков, в частности с ногайцами, диктовалось соображениями политического характера (установление союзнических отношений, примирение и т.д.), а также стремлением не уточнить своего сословного положения неравным браком².

В списке Н.Г. Петрушевича³, составленного в 1874 г. указывается, что карачаевские князья Кармурзины происходят от кабардинских владельцев Карамурзиных, а те в свою очередь, происходили от ногайских князей Карамурзиных⁴. Родоначальником карачаевских Ногайлиевых был также ногайский князь Карамурзин⁵. Кроме того, ногайцами были родоначальники карачаевских фамилий Алакаевых, Кубековых, Мижевых, Сеитовых⁶.

Некоторые ногайцы были ассимилированы среди адыгов (темиргоевцев, бжедухов, бесленеевцев)⁷. Так, адыгейские фамилии Нагоевы, Каракаевы, Алиевы и некоторые другие имеют ногайское происхождение. Кроме того, адыгейцы Куваевы из Шовгеновского района Адыгеи имеют лакские корни, а фамилия Къумукъ – кумыкские⁸.

В рассматриваемое время феодалы Осетии вступали в брачные связи с аристократическими кланами Грузии, Дагестана,

¹ Там же. С. 61.

² Барзбиев М.И. Национально-смешанные браки в этнокультурных связях балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVII-XIX веках // Эльбрус. Нальчик, 2000. № 1. С. 113.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 23.

⁴ Лайпанов К.Т. Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. С. 38.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ Чуйко А.Б. Адыгские фамилии и тамги. Майкоп, 2012. С. 11. Пользуясь случаем хочу выразить свою искреннюю благодарность д.и.н., проф. А.Д. Панеш и к.и.н., доценту С.Х. Мусхаджиеву за любезно предоставленный материал.

Крыма и др.¹ Так, свояками были: крымский царевич Шагин-Гирей, сын князя Малого Ногай Казыя и кабардинский владетель Шолох Сунчалеевич – все трое были женаты на сестрах Алегуки Шогенукова². Эти родственные связи сыграли значительную роль в политической жизни Северного Кавказа.

На Северном Кавказе имели место не только династические, феодальные и т.п. смешанные браки. Близкое соседство вело также к более простым родственным связям. Межэтнические браки народов Дагестана и Северного Кавказа являлись одним из каналов культурного взаимовлияния. Подтверждением этому служат фрагментарные свидетельства в фольклоре, письменные источники и другие этнографические материалы. Даже во второй четверти XIX в., когда взаимоотношения с горцами обострились, у гребенских казаков были жены из числа дагестанских народов, кабардинцев, чеченцев³. «Браки между горцами и казаками, – писал в XIX в. медик и антрополог Гильченко, – составляли в стародавние время самое заурядное явление, и путем смешения образовался особый тип гребенского казака»⁴. А известный исследователь истории казачества И. Попко утверждал, что «Гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения»⁵. Кроме того, существовали смешанные поселения из кабардинцев, ногайцев, кумыков, аварцев, даргинцев, чеченцев, ингушей, русских и казаков⁶.

Выше уже указывалось, что в рассматриваемое время были частые случаи межнациональных браков между представителями карачаевской и дагестанской знатью. Так, с ногайскими мурзами породнились карачаевцы Джуккаевы, Алиевы, Хубиевы. С ногайскими мурзами Карамурзиными – Коркмазовы, Текеевы и др. Так, в конце XVIII в. знатный карачаевский уздень (сайлыуздень) был женат на ногайской княжне Карамурзиной. В первой поло-

¹ Дзарасов А.А. Взаимоотношения алан-осетин с народами Кавказа в средние века: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999. С. 17.

² Мальбахов Б., Эльмесов А. Средневековая Кабарды. Нальчик, 1994. С. 49-50.

³ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. С. 59.

⁴ Терские ведомости. 1892. № 124.

⁵ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. С. 114.

⁶ Меретуков А.И. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987. С. 186.

вине XIX в. карачаевский князь Хаджи Азамат-Гериевич Крымшамхалов был женат на ногайской княжне Муслимат Ураковой¹.

Кроме того, карачаевские сыйлыуздени роднились с кумыкскими (брагунскими) биями Таймазовыми и Чымиевыми².

Важную роль во взаимосвязях играли этнонимы. Так, в антропонимии местных народов встречаются значительное количество северокавказских имен: Кумыкбий, Авархан, Ногай-Мирза, Казакбий, Мичигиш, Тавлы, Абза, Чечен, Черкес и др. Например, многие местные этнонимы, в частности ногайские, оказали влияние на образование некоторых фамилий Северного Кавказа. Кабардинский исследователь Х. Яхтанигов пишет следующее: «Своеобразной дополнительной информацией о сложных и тайных политико-территориальных, сословно-династических и этнокультурных контактах ногайцев с остальным горским миром является как наличие у тех ряда фамилий явно ногайского происхождения – Есеней, Кандауров, Клычев, Наурузов, Ештреков, Жанхотов, Жанбеков, Найманов, Цеев, Шорокада, Тамазов, Алтыяк, Карамурзов, Нагаев, так и масса совпадающих тамг»³. Необходимо указать, что в приводимом автором списке фамилий ногайского происхождения не все бесспорно.

Следует отметить, что зачастую различные народы Дагестана, вынужденные по каким-либо причинам покинуть свою родину, переселялись в места проживания соседних этносов Северного Кавказа, где они ассимилировались в местной этнической среде. Наиболее часто подобные переселения дагестанцы совершали в Чечню, Кабарду, Карачаево-Черкессию, Адыгею, то есть именно к тем народам, с которыми они поддерживали тесные этнокультурные связи.

Необходимо указать, что в изучаемое время из различных мест Дагестана в Кабарду и Балкарию часто приезжали мастера-отходники: ювелиры, оружейники, строители, шорники. Многих из них называли Кумык. Это было связано с тем, что отходники разговаривали на тюркском языке. Долго жил на Малке мастер

¹ Каракетов М.Д. О семейно-брачных связях северокавказских элит в XVII-XIX вв. (генеалогический аспект на примере Карачая) // Вопросы тюркологии. М., 2010. № 1. С. 116, 123.

² Там же. С. 116.

³ Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993. С. 88.

сапожного дела даргинец Абдурахман и его потомков называли Кумыковыми, хотя настоящая их фамилия Магомедовы¹. Начало балкарским Кумыковым было положено переселенцами из Дагестана после Кавказской войны². Кроме того, Эльдаровы из Тамбиево (родончальник кумык Исрафил), Гонибовы (аварцы из Гуниба) обосновались в Муртазово (с. Дейское), предки Эльжеруковых (с. Анзорей) поселились в Малой Кабарде, корни Шитуевых и Кумыковых из Малой Кабарды восходят к фамилии Тузаровых из Кизляра, предки Гамаевых из Верхней Балкарии жили в лакском с. Балхар Дагестана, из кумыкского с. Брагуны 11 поколений назад в связи с кровной мстью бежал в Балкарию родончальник фамилии Моккаевых Мокъа и т.д.³

Следует подчеркнуть, что переселенцы на протяжении нескольких поколений помнили о своем происхождении и старались не прерывать взаимоотношений со своими родственниками, оставшимися в родном краю. Это, в свою очередь, стимулировало развитие новых этнокультурных контактов между дагестанцами и другими народами региона.

Так, семейное предание лечинкаевских Нагоевых повествует о Нэгъуей, который из Ногайской степи попал в Шапсугию, а затем уже в Кабарду. Предки сохранили имя сына Нэгъуея Батыра и внука Исмея, который примерно в конце XVII в. оказался в Тохтамышеве в Кабарде⁴.

Несколько корней Нагоевых есть в Баксане Кабардине-Балкарии⁵. Кроме того, есть фамилия Нагоевы, выходцы из Адыгеи, живущие ныне в Баксане и Нальчике, происходят от Нагея Цеева. Потомки рассказывают, что Нагей Цеев перед смертью попросил поменять семейное имя на Нагей⁶.

Таким образом, исторические судьбы переселенцев были различными. Что касается восточных славян (русских, украинцев), то они поселяясь компактно, крупными массивами, сохраняли свою этническую специфику в культуре и быту, оказывали боль-

¹ Мусукаев А.И. Века родословий. С. 256.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 269, 275, 307, 324, 329, 334.

⁴ Там же. С. 265.

⁵ Там же. С. 265.

⁶ Там же. С. 265.

шое влияние на местное население, в то же время заимствуя у северокавказцев некоторые элементы костюма, пищи, хозяйственные навыки, танцы, песни и т.д. Переселение же в иноэтническую среду малочисленных групп какого-либо народа, как правило приводило к этнической ассимиляции.

Как выше указывалось, местные народы отдавали на воспитание соседним этносам своих детей. Так, в XIX в. аталыком ногайского князя Тембулата Карамурзина был абхазский князь Маршания¹. Через аталычество между двумя семьями устанавливались тесные отношения, равные родственным и налагающим на обе стороны большие обязанности.

«Брать на воспитание детей княжеских, – указывается в архивных материалах о Засулакской Кумыкии, – считалось для воспитателя (аталыка) особенной честью: дети воспитателя делались воспитаннику эмчеками (молочными братьями), что также считалось особенной честью, и молочное родство уважалось и соблюдалось с обеих сторон»². Родство между молочными братьями, по словам Ф.И.Леонтовича, считалось «священное природного»³.

Во избежание привязанности частые встречи, тесные контакты ребенка с родителями, точно так же как посещения родителями дома аталыка, не полагались. Такие посещения рассматривались как факты недоверия в отношениях сторон. Только жена аталыка изредка и на короткое время водила или возила ребенка для встречи с родителями. Когда воспитаннику исполнялось 7-8 лет, его возил в дом родителей сам аталык. В родительском доме старались внешне не проявлять особого внимания к ребенку, чтобы «он не привык к дому». В то же время аталыку оказывали подчеркнутое гостеприимство. «Я так была привязана к семье аталыка, что не хотела оставаться долго в родном доме, если даже там готовился плов или другое изысканное для того времени

¹ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. С. 201.

² Феодалыные отношения в Дагестане XIX – нач. XX в. / Архивные материалы. Сост. Хашаев Х.-М. М., 1969. С. 88.

³ Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 252.

кушание», – вспоминала княгиня – бийке Алибекова (Хамзаева) Саадат, воспитывавшаяся в ногайской семье¹.

Следует отметить, что чем традиционнее был образ жизни семьи ребенка и его аталыка, тем сдержанней и реже были эти встречи. «... Соблюдается правило – указывал Н.Данилевский об аталычестве на Кавказе, – что пока не кончится воспитание отдаваемого ребенка, родной отец редко видится с сыном или дочерью и даже стыдиться ласкать их или говорить с ними при свидетелях»²,

Часто по желанию аталыков воспитанницу выдавали замуж. Иногда бывало, что воспитанницы требовали, чтобы их выдавали замуж те аталыки, которые их воспитывали с раннего детства, и эти пожелания удовлетворялись. Так, по желанию ногайского аталыка Темирбулата была выдана замуж кумыкская княгиня Саадат Хамзаева³. Кумыкский князь Салимсолтан Капланов, который в середине XIX в. воспитывался у ногайского аталыка Темирбулата из с.Мужукай до совершеннолетия, также был женат аталыком на кумыкской княжне Таймазовой из с.Бораган (Чечня). Следует отметить, что большую часть расходов на свадьбу нес аталык. Став аталыком двух сестер дочери кумыкского князя Ахая Хамзаева, этот аталык стал фактическим хозяином земель и скота своего князя⁴.

Карачаевские уздени принимали на воспитание детей из ногайских, кабардинских и других княжеских семей, а своих детей отдавали в ногайские, адыгские и др. семьи. Так, ребенок из семьи карачаевского уллу-узденя Алиева был отдан на воспитание в семью ногайского мурзы Туганова⁵. Так, у ногайского князя, ген.-м. Менгли-Гирея аталыком являлся абазинский владетель Селим-Гирей Адемеев⁶. Кроме того, на воспитание в иноэтнич-

¹ Цит. по кн.: Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. Махачкала, 1995. С. 29.

² Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 145.

³ Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. С. 36–37.

⁴ Там же. С. 38, 127.

⁵ Каракетов М.Д. О семейно-брачных связях северокавказских элит в XVII–XIX вв. (генеалогический аспект на примере Карачая). С. 128.

⁶ Баразбиев М.И. Обычай аталычества во взаимоотношениях ногайцев с соседними народами // Архивы и общество. (Научно-просветительский журнал). Нальчик, № 3. 2007. С. 154.

ную семью отдавали не только мальчиков, но как уже указывалось выше и девочек. Так, в середине XIX в. воспитательницей дочери ногайского владетеля Менгли-Гирея являлась представительница адыгской дворянской фамилии Жажа Кунжафова¹.

Оценивая связи кровнородственного, брачного характера и института искусственного родства, следует отметить их немалую роль в установлении взаимоотношений добрососедства и взаимопомощи между представителями Дагестана и народами Северного Кавказа, что не раз демонстрировалось в борьбе с иноземными захватчиками.

Немалую роль в этнокультурных связях Дагестана с народами Северного Кавказа в исследуемый период играли миграционные процессы представителей данных этносов, осуществлявшихся по самым различным причинам в направлении Дагестана, так и обратно.

Необходимо подчеркнуть, что длительные этнокультурные взаимосвязи между Дагестаном и народами региона не могли пройти бесследно. Результаты их взаимоотношений проявлялись, а зачастую проявляются и доньше в самых различных сферах традиционной культуры: в языке, этикете, менталитете, во многом объясняя процесс формирования культурной общности различных этносов края.

Таким образом, через аталычество между двумя семьями устанавливались тесные отношения, равные родственным и налагающие на обе стороны большие обязанности.

Наряду с аталычеством народы региона во взаимоотношениях между собою использовали и другую форму искусственного родства – побратимство и посестримство. Этот обычай играл в прошлом немалую роль в установлении тесных связей между местными народами.

Побратимами становились как представители одного народа, так и других этносов. Это могли быть жители различных сел, общин, что обычно преследовало цель укрепления союза против внешних врагов. Обычай побратимства обязывал к полной поддержке, взаимопомощи, верности. Ставшие близкими родствен-

¹ Там же. С. 154.

никами, побратимы не мели права вступать в брачные отношения с родственниками друг друга¹.

Родственные связи, устанавливавшиеся благодаря институту искусственного родства, способствовали развитию дружественных взаимоотношений между разными народами края.

Важным моментом в этнокультурных взаимоотношениях дагестанцев с народами региона являлись связи кровнородственного и брачного характера. Национально-смешанные браки выступали одним из факторов развития этнических процессов на Северном Кавказе и вместе с тем формой осуществления этнических контактов. Межэтнические браки усиливали этнические контакты и в целом способствовали сближению народов. Этнокультурные отношения подобного рода имели огромное значение в семейно-общественном быту северокавказских этносов, приводя к трансформации этнической самоидентификации целых фамилий.

На протяжении рассматриваемого времени народы Дагестана поддерживали кровнородственные взаимоотношения со всеми народами региона.

Наиболее часто в описываемый период карачаево-балкарские аристократы вступали в родственные отношения с ногайскими и кумыкскими князьями. Для карачаево-балкарских владетелей заключение межэтнических браков, в частности с ногайцами, диктовалось соображениями политического характера (установление союзнических отношений, примирение и т.д.), а также стремлением не уронить своего сословного положения неравным браком².

Как известно, некоторые народы (кубанские ногайцы, адыги, ингуши, осетины, карачаевцы и др.) в конце XVIII–XIX вв., при выдаче паспортов, переписи населения, которую производила русская администрация, были записаны под родовыми фамилиями. Такая запись позволяет проследить межэтнические связи народов региона. Так, например, у кубанских ногайцев есть фа-

¹ Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 73.

² Баразбиев М.И. Национально-смешанные браки в этнокультурных связях балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVII–XIX веках. С. 113.

милия Хубиев, у осетин – Худиев, у карачаевцев – Хубиев. У ногайцев – Кокаевы, Кокаевы у осетин, Кокаевы у карачаевцев, Манкиев (инг.), Манкаев (ног.); Алакаевы у кабардинцев и у ногайцев; Шадиевы – у ингушей и ногайцев; Мытыевы; Матыевы – у чеченцев, ногайцев и ингушей; Дикиновы – у кабардинцев и ногайцев; Евмурзаев (чеч.), Евмурзиев (инг.), Евмурзаев и Явмурзаев (ног.); Кабардиев (у кумыков), Ногаев (у осетин); Бестаев (осет.), Бестов (ног.); Черкесовы (у многих народов края); имя Зарган у чеченцев и ногайцев¹.

Следует отметить, что зачастую население Дагестана, или наоборот, представители других народов, вынужденные по каким-либо причинам покинуть свою родину, переселялись в места проживания соседних народов региона, где они ассимилировались в местной этнической среде. Наиболее часто подобные переселения дагестанцы совершали в Кабарду, Чечню, Осетию и разные районы Северо-Западного Кавказа, а также в казачьи станицы, то есть именно к тем народам, с которыми они поддерживали тесные этнокультурные связи. Следует отметить, что переселенцы на протяжении нескольких поколений помнили о своем происхождении и старались не прерывать взаимоотношений со своими родственниками, оставшимися в родном краю. Это, в свою очередь, стимулировало развитие новых этнокультурных контактов между дагестанцами и другими народами региона.

Необходимо подчеркнуть, что важным фактором жизнедеятельности северокавказских народов являлись общинные институты, основанные на непререкаемом авторитете старших и обычае взаимопомощи. Русский офицер Ф. Торнау в своих воспоминаниях отмечал, что «лета ставятся у горцев... выше звания»².

Одним из самых строго соблюдаемых обычаев у народов региона являлся обычай гостеприимства и куначества³. В исследуемый период у всех северокавказцев наряду с гостеприимством

¹ Мусукаев А. Века родословий. С. 316; Чуяко А.Б. Адыгские фамилии и тамги. Майкоп, 2012. С. 11; Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. С. 203.

² Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835 год. М., 1864. Ч. 1. С. 107.

³ Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – нач. XX в.). Махачкала, 2014. С. 183.

существовал обычай куначества¹. Между понятиями «кунак» и «гость» нельзя ставить знак равенства². Любой мужчина из числа соседних народов мог быть кунаком дагестанцев. Кунак был другом семьи и мог вести себя как ее член. Обычай гостеприимства как у народов Дагестана, так и у других этносов края своими корнями уходит в глубокую древность: между соседними племенами и народами, ведущими торгово-экономический обмен, нужно было обеспечить человека безопасностью. Кроме того, гостеприимством пользовались кровники, похитители девушек, бежавшие из родительского дома, чтобы не быть насильно выданными замуж. Высока была ответственность и за личную безопасность гостя. Обидевший гостя подвергался суровому наказанию.

У всех северокавказских народов принять гостя считалось святым делом. Любой путник имел право войти в первый встретившийся дом и рассчитывать на гостеприимство. Для представителей любых конфессий не делалось различий. Только ограничением для православных являлось то, что нельзя было заносить в дом мусульманина мясо свинины. Как указывает известный армавирский исследователь Н.Н.Великая «если дом казака посещал кумык, чеченец, кабардинец или другой человек мусульманского вероисповедания, образа закрывались пеленой. Спиртное на стол не подавалось, и гостю было дано право самому забить скотину или птицу»³.

Так, одной из общемировых традиций в жизни местных народов является гостеприимство, относящееся к принципам обычного права⁴. Например, в «Адатах кумыков», являющихся, по мнению известного историка-востоковеда Г.М.-Р. Оразаева, «ценным памятником обычно-правовых норм» одного из дагестанских народов, традиции гостеприимства уделено немалое внимание. Здесь регламентируются правила поведения, как хозяина и его семьи, так и гостей в соответствии с существовавшей

¹ Народы Кавказа. Т. 1. С. 915.

² Гарданов В.К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов // СЭ. М., 1964. № 1. С. 46–47.

³ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. С. 106.

⁴ Народы Кавказа. Т. 1. С. 95.

иерархией социального и половозрастного деления кумыкского общества¹.

Обычай гостеприимства является одним из важнейших культурных концептов и актуален для всех культур, так как связан с традициями народа. Доброжелательная встреча гостя и старание хозяина во всем угодить ему особенно наглядно отражено в карачаево-балкарском эпосе первой половины XVIII в. в цикле «Ерюзбек и Ногайчик»². В историко-героических песнях карачаевцев и балкарцев освещается давняя дружба карачаевского и балкарского народов с ногайцами через институт гостеприимства³.

Кроме того, в соответствии с наблюдениями известного автора XIX в. Ф.А. Щербина, «в защите гостя горец, хотя бы этот гость был чуждым ему человеком, иноземец, он жертвовал своею жизнью»⁴.

Русский офицер В.В. Швецов, прослуживший на Кавказе почти полвека, отмечал особое отношение местных народов к гостям, когда «угощению не будет конца, все лучшее, что только есть у него, будет перед вами (гостем – Д.К.), со всем азиатским комфортом и роскошью; все желания ваши предупреждаются с радушием; вы, прислуга ваша и лошади не будут забыты, не исключая самоохранения... – это закон, принятый... у всех горских народов; нарушить его было бы поводом к жестокому кровавому мщению на полвека: здесь принимают участие не только родственники вашего знакомого, но и все посторонние... Ни в каких оскорблениях не проливается столько крови, как за нарушение святости гостеприимства: здесь грозит месть всего аула, и виновный не избежит смерти и разорения, он не найдет защитников се-

¹ Адат: от применения к описанию «Адаты кумыков» Маная Алибекова (введение и комментарии под ред. Г.М.-Р.Оразаева) // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX вв.: В 2^х т. М., 2009. Т. 2. С. 202.

² Ахматова М.А. Отражение карачаево-балкарского гостеприимства по отношению к ногайцам в нартском эпосе // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции (г.Черкесск, 14–16 мая 2014 г.). С. 273–275.

³ Малкондуев Х.Х. Тема ногайцев в карачаево-балкарской устной словесности и особенность ее образных систем // Там же. С. 310–315.

⁴ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 36.

бе даже посреди близких родственников, а само семейство его будет гнушаться преступным отверженником»¹.

Добрососедские и дружественные отношения были в изучаемое время между дагестанцами и чеченцами. Имели место смешанные браки и приобщение, в частности, ногайцев к отдельным вайнахским родственным коллективам, в результате чего образовались ноги – некие (ногайские поколения) в ряде чеченских тейпов². Например, в селениях Дубаюрт и Чирюрт Шалинского района Чеченской республики есть многочисленный тейп «Ногай»³. Носители этого тейпа считают своими предками ногайцев. Чеченцы переняли от ногайцев и некоторые собственные имена: Ногай-Мирза, Эльмурза, Эдильбай, Эдильбий и др.

Местные народы всегда приходили друг другу на помощь во время военных действий. Так, например, когда в 1758 г. царские войска весной 1758 г. перешли р. Терек и вторглись на территорию Чечни, то к ним на помощь пришли воинские отряды из Дагестана: из Аксая, Анди, Эрпели, Гумбета и т.д.⁴

Дружественные политические связи существовали между феодалными владениями и обществами Дагестана, в частности Аварии и Чечни. Так, во второй половине XVIII в. они находили отражение в совместных боевых действиях на Южном Кавказе⁵.

Необходимо отметить, что в XVIII в. часть плоскостных чеченских обществ приглашала на княжение людей из Засулакской Кумыкии, Аварии и Кабарды⁶.

Как известно, в рассматриваемое время вся территория чеченцев состояла из ряда более или менее крупных феодальных

¹ Швецов В.В. Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе // Кавказ: культы, легенды, предания. Нальчик, 2010. Вып. V. С. 37–38.

² Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. С. 345; История Чечни. Т. 1. С. 389.

³ Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1980. Ч. 3. С. 7; Ч. 4. С. 219.

⁴ История Чечни. Т. 1. С. 384. Тепсуев М.С. К вопросу о культурном взаимовлиянии и взаимообогащении народов Чечни и Дагестана XVIII – нач. XIX в. // Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII–XVIII вв.). С. 416.

⁵ История Чечни. Т. 1. С. 382.

⁶ Там же. Т. 1. С. 384.

владений (княжеств) в предгорно-равнинной части Чечни (владение аварских князей Турловых, владение кумыкского (брагунского) бия (князя) Р.Айдемирова, владений аксаевских биев Алисултана и Алибека Казбулатовых, владения эндиреевских биев А.Бардыханова и Мусала Чепалова, владение кабардинского князя Девлет-Гирея Черкасского. Как же обстояло дело с управлением приглашенных князей в вайнахских феодальных владениях? Документальные материалы свидетельствуют о распространении неюридической власти приглашенных князей на отдельные вайнахские аулы, расположенные в равнинной зоне Чечни. Кроме того, в тех населенных пунктах, где располагалась власть аварских, кумыкских и адыгских князей, местные жители были лояльны к российским властям. Необходимо также отметить, что приглашенные владетели не выбирались вайнахами, а назначались кизлярской администрацией¹.

Одним из важных показателей тесных взаимоотношений Дагестана с Чечней являлось распространение у вайнахов кумыкского «наречия» тюркского языка, использовавшегося в качестве языка межнационального общения. Подавляющее большинство документов, исходивших из Чечни в XVIII в., написано на «татарском» языке (книжный «тюрки»)².

Кроме того, из Дагестана распространялись в Чечне письменность на арабской графике, определенные светские и духовные знания. В мечетских школах Дагестана обучалось немало представителей Чечни³.

Чеченский фольклор обогатился аварскими, кумыкскими, ногойскими сказаниями и песнями, в нем сложились образы героев – «Тарковского молодца», «аварского Хочбара» (Хушпара)», «Черного Ногая» и др.

Взаимные поселения дагестанцев и вайнахов в результате кровной мести, антифеодальных выступлений, или для занятий ремеслом приводили к складыванию родственных коллективов, имевших корни как в Дагестане, так и в Чечне. Так, из 135 чечен-

¹ Там же. Т. 1. С. 244–256.

² Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Махачкала, 2002. С. 79, 177; Он же: Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе в XVII–XIX вв. Махачкала, 2007. С. 106, 123.

³ История Чечни. Т. 1. С. 363–364, 385.

ских тейпов около 20 считаются инонациональными по происхождению, в большинстве своем они сложились из представителей народов Дагестана. С другой стороны происходил и процесс ассимиляции в дагестанских селах выходцев из Чечни. Кроме того, массовый характер носили взаимные браки, особенно в пограничных районах¹.

Как известно, в истории взаимоотношений между северокавказскими владетелями, в частности Дагестана и Кабарды имели место и феодальные распри, но в целом они развивались мирно и добрососедски.

Так, известные владельческие фамилии Дагестана и Кабарды были тесно связаны между собой. Прежде всего, эти связи закреплялись заключением династических браков, что было характерным явлением того времени. Так, еще в XVI в. ногайский князь Дин-Мухаммед был женат на дочери старшего кабардинского князя Темрюка Идарова-Гошаней². И позже, в XVIII–XIX вв. эти династические брачные союзы продолжались. В предании кумыков об обосновании Эндиреевского владения говорится, что шамхал Чопан был женат на кабардинке из рода Анзоровых³. Их же сын Султан-Махмуд (Султан-Мут) был женат на сестре влиятельного адыгского князя Мудара Алкасова⁴. Известная кабардинская фамилия Атажукиных состояла в родстве с аксаевскими князьями Каплановыми⁵. Мать кабардинского князя К.Атажукина, княжна Ханым, была родной сестрой аксаевского владетеля Алибека⁶. По преданиям кумыков и адыгов, народные

¹ История Чечни. Т. 1. С. 385; Тепсуев М.С. К вопросу о культурном взаимовлиянии и взаимообогащении народов Чечни и Дагестана XVIII – нач. XIX в. С. 417.

² Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. С. 102.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 153.

⁴ КРО. Т. 1. С. 385.

⁵ Гашимов Ч.М. Дагестано-кабардинские политические связи в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 4. С. 70.

⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 62. Л. 67.

герои Кабарды Каншаубий и Дохшуко Бгуншоков были женаты на кумыкских княжнах¹.

В замечательном памятнике кумыкской эпической поэзии «Песне о Заруше» наиболее ярко отражены тесные исторические взаимосвязи Дагестана и Кабарды. Известный дагестанский ученый-фольклорист А.М.Аджиев считает, что прототипом матери Заруша и его брата была кабардинка, чей героический облик доведен до апогея. Эта мужественная и твердая духом женщина считала более легким испытанием смерть обоих своих сыновей, чем трусливый побег и спасение одного из них. Она родом была из Кабарды и говорила о ней, как о своей, но жила в Кумыкской равнине, где происходили события, описанные в песне. Она не порывала связей с малой родиной².

Населенный пункт Татартуп (на территории Северной Осетии) у северокавказцев пользовался большим уважением и считался святыней. Так, осетины ежегодно осенью приезжали в Татартуп для жертвоприношения³. Под Татартупом давались клятвы, заключались братские союзы, которые почти никогда не нарушались⁴. Даже для кабардинцев, о которых современники писали, что «они без зазору переступают все присяги, учиненные как по Библии, так и по Алкорану»⁵, присяга данная под Татартупом, считалась священной и нерушимой⁶. Вот один случай нарушения клятвы, данной под Татартупом адыгским владетелем Хатажуко. «Старик Шужий предложил для утверждения братского союза и верности обета отправиться в Жулат и там, по древнему обычаю, после клятвы в дружбе переломить надвое стрелу. Между тем хитрый князь Хатажуко, без ведома других, отправился

¹ Гашимов Ч.М. Дагестано-кабардинские политические связи в XVI–XVIII вв. С. 70.

² Аджиев А.М. О кумыко-кабардинских взаимосвязях, отраженных в эпосе кумыков // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 110–112.

³ История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А.Кокиева. С. 56.

⁴ Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске... С. 106.

⁵ Историко-географические записки о странах, лежащие между Черным и Каспийским морями / Пер. с франц. Ф. Шишкевича. СПб., 1910. С. 23.

⁶ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Т. 2. С. 53.

один и, доехав до указанного места, слез с лошади, и помолившись перед Татартупом, произнес обет о непременном убийстве князя Шужия и в подтверждение своего обязательства, переломив надвое стрелу, положил ее в Татартуп. Затем на другой день он прибыл к этому месту с князем Шужиём; по ложному уверению в дружбе они обоюдно переломили стрелы и отправились обратно с двумя слугами. Как только, по отбытии прислуги, оба князя легли и из них Шужий заснул, Хатажуко встал со своим слугой и убил Шужия саблей и, прикрыв его буркою, отправился в дом Куденетова и объявил ему о смерти его»¹.

Следует отметить, что всеобщее уважение к Татартупу с примесью страха перед ним, возможно, и послужило причиной того, что он стал излюбленным убежищем для беглецов из Дагестана, Кабарды и других мест, кровников и всякого рода преступников, которые здесь пользовались полной неприкосновенностью со стороны кабардинских князей².

Отметим, что во второй четверти XVIII в. таких беглецов в Татартупе было до 30 семейств, которые, вероятно, вели нормальный образ жизни, хотя адыги их называли абреками. Так, в одном архивном источнике отмечается: «В самом том месте живут до тридцати дворов люди и по-кабардински называют обрек. А оные суть беглецы из кабардинцев же и из кумык и такие, которые учинили убийства или другие важные предрезности и оттого сбежали в Татартуп, откуда оных взять, или какую им противность показать кабардинцы по совести не могут, почитая то место за великую святость, и не только в Татартупе живущим людям какое неудовольствие учинить, но и к скоту их и ко овощам прикоснуться бояться»³.

Необходимо указать, что эти беглецы были в основном рабы северокавказских феодалов и пленники различных национальностей, которые бежали в российские пределы для принятия христианства, так как «они здешнее защищение инако приобрести

¹ Ногмов Шора Бекмурзин. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. М., 1977. С. 126.

² Ногмов Шора Бекмурзин. История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 126.

³ Цит по: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. С. 58.

«не могли, как разве принимая христианский закон»¹. Что эти бегства были нередки свидетельствует Именной указ российского правительства от 28 сентября 1743 г., где указывается, что «тем новокрещенным из магометанского закона за восприятие святого крещения из холопства и крестьянства от помещиков иноверных быть свободным вечно, и тем прежним помещикам, мурзам до владения их новокрещенных никакого дела не иметь»². Это обстоятельство и служило стимулом для бегства в российские пределы рабов и пленников местных феодалов.

Традиционная народная культура Северного Кавказа, в том числе Дагестана, несмотря на все свое многообразие, также свидетельствует о духовном единстве местных народов.

Следует отметить, что среди народов региона найдется много сходного, особенно в общественном строе – в традициях обычного права, в правилах гостеприимства, в судопроизводстве, в религии и т.д. Так, некоторые религиозные представления и суеверия у ногайцев совпадают с осетинскими. Раньше ногайцы, как и осетины, над могилой покойника ставили флаг³.

Связи Дагестана с народами региона становятся в рассматриваемый период еще более тесными. Продолжается начавшийся еще ранее процесс образования как в Дагестане, так и других регионах поселений, где совместно проживали представители различных этносов Дагестана и края. Следует отметить, что во многом этому способствовало начавшееся массовое переселение вайнахов (чеченцев и ингушей) и осетин с гор на равнину.

На территории Чечни это были Девлетгиреева деревня (соврем. Толстой-юрт), Новый Юрт (кумыкское), Шали; в Дагестане – с. Герменчик. В конце XVIII в. в Осетии недалеко от Татартупа возник населенный пункт, основанный переселенцами из Дагестана и Кабарды⁴. Но особенно многочисленными были селения в

¹ Там же. С. 58.

² Там же. С. 58.

³ Рахно К.Ю. Осетино-ногайские фольклорные параллели // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции / г.Черкесск, 14-16 мая 2014 г. С. 320.

⁴ История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 387.

Малой Кабарде (район Моздока), где совместно проживали кумыки, ногайцы, кабардинцы, осетины, вайнахи и др.¹

Как выше уже указывалось, поселения со смешанным населением возникали также вблизи русских городов-крепостей в регионе – Терки, Святой Крест. Кроме того, немало народов Дагестана и Северного Кавказа обосновалось и в слободах вокруг Кизляра, Моздока и казачьих станицах.

Необходимо отметить, что образованию таких смешанных поселений способствовало бегство феодально-зависимых крестьян от гнета и произвола местных владетелей. Кроме того, немалую роль в этом отношении играл и бытовавший среди местных народов обычай кровной мести. Также очень много дагестанских кустарей-ремесленников переселялись в Чечню, Ингушетию, Осетию, Кабарду, Балкарию, Карачай, Черкесию и Адыгею. Все это, естественно, влекло за собой установление и укрепление дружественных связей, заключение межнациональных браков, а следовательно родственных связей между народами края².

Вместе с тем происходило укрепление и культурных связей. Известно, что Дагестан в северокавказском регионе играл роль культурного центра, проводника культуры народов Ближнего Востока и Южного Кавказа.

Как выше уже отмечалось, в рассматриваемое время, в период усиления османской и персидской агрессии в регионе, народы Дагестана и Северного Кавказа оказывали друг другу посильную помощь, совместно выступали против иноземных захватчиков.

Известно, что в 1790 г. когда на Северо-Западный Кавказ двинулось 30 тыс. османское войско во главе Батал-паши, народы Дагестана и Северного Кавказа не только не поддержали Порту, но, наоборот, оказали им совместное сопротивление. Дагестанские и адыгские отряды также приняли участие в составе российских войск под командованием ген.-м. И.Горина в наступлении против османов. Бок о бок в разгроме османских войск и в штур-

¹ История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 387; Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII–XIX вв. Махачкала, 2010. С. 77–78.

² История Дагестана. 1967. Т. 1. С. 387.

ме Анапы сражались воины из Дагестана, Кабарды и т.д. во главе ген.-м.Горина¹.

Разумеется, все это способствовало укреплению политических связей народов Дагестана и Северного Кавказа.

Наблюдаются общие черты в фольклоре, в религиозных верованиях вайнахов и дагестанцев. Так, историко-этнографические материалы показывают, что верования чеченцев и ногайцев имели ряд общих черт. Как полагает исследователь Н.Н.Великая, «один пласт аналогичных представлений связан с доисламской мифологией и стадильно может быть отнесен к домонгольскому периоду вайнахо-тюркских взаимосвязей. Сюда относятся анимистические и другие ранние формы верований»².

Кроме того, для вайнахов и ногайцев были характерны представления об абластах // алмасах, как о высоких, большегрудых, страшных женщинах, скитающихся по полям и лесам, которые могут вступать с людьми в брачные связи.

Определенную роль в ногайской мифологии занимал образ змея, который был тесно связан с домашним очагом (домашнего духа-покровителя представляли в виде змеи, для нее даже оставляли в доме молоко), а также являлся охранителем источников и водоемов. По верованиям вайнахов, хотя змея и принадлежала к числу вредных животных, однако в доме ее не трогали. По преданию, в жилище мудреца Маго змея жила постоянно. Кроме того, сохранился и миф об огромном «водном» змее, поедающем людей.

В традиционно доисламских календарях вайнахов и ногайцев выделялись 40-дневные периоды наивысшей жары (у вайнахов – «чилла», у ногайцев – «шилле»).

Следует отметить, что с древнейшими космогоническими и зоолатрическими верованиями связаны у ногайцев и чеченцев многочисленные аналогии в характере орнамента войлочных изделий, в частности ковров. Среди наиболее распространенных

¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 267-268; Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20^е гг. XIX в. С. 341.

² Великая Н.Н. Вайнахо-ногайские религиозно-культурные параллели // Проблемы происхождения нахских народов: Всесоюз. науч. конференция / Тезисы докладов. Шатой, 1991. С. 59.

символов можно указать зооморфные (рога и части тела животных) и солярные (в виде различных крестиков, спиралей и т.д.)¹.

Топонимический материал является ценнейшим источником для исследователей. Лингвистическое исследование топонимов могут быть использованы в разработке вопросов этнегенеза и истории местных народов. Кроме того, они содержат весьма ценные сведения о народах региона, об их жизни, быте и культуре.

Так, в рассматриваемое время народы Дагестана и Кабардино-Балкарии поддерживали между собой тесные торгово-экономические, политические и культурные отношения. Как уже отмечалось, расширению и укреплению связей немало способствовали совместные поселения. Так, в конце XVII в. в Засулакской Кумыкии кабардинцами было основано селение Баташ-юрт, вскоре туда переселились и кумыки. Адыгами считались и жители Байрам-аула (соврем. одноименное селение в Хасавюртовском районе РД). Их потомки (Анзоровы, Камбулатовы, Тотушевы, Качаловы и др.) жили и в других населенных пунктах Кумыкской плоскости².

В свою очередь, многие представители народов Дагестана жили в Кабарде и Балкарии. Так, среди приближенных адыгского князя А.Кайтукина, жившего в первой половине XVIII в. немало было доверенных людей из кумыков³. В Чечне, в Давлет-Гиреевской деревне, основанной в 60^x гг. XVIII в., кроме адыгов, жили кумыки и чеченцы. Кроме того, рядом с этим селением располагались вайнахские и кумыкские аулы, где жили также кабардинцы⁴. В конце XVIII – начале XIX в. беглые крепостные крестьяне из Засулакской Кумыкии и Кабарды основали около Тартарупа поселение на 30 дворов⁵.

Многонациональным также были некоторые населенные пункты Малой Кабарды в низовьях Терека, в которых совместно с адыгами жили кумыки и ногайцы. Только в одном селе Турло-

¹ Там же. С. 59.

² История Кабардино-Балкарской АССР. 1967. Т. 1. С. 185.

³ Там же. С. 185.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Там же. С. 185.

во, основанное аварскими князьями Турловыми, насчитывалось 64 кумыкских двора с населением в 266 человек¹.

В 60^x гг. XVIII в., в период основания Моздока, российская администрация указывала, что землями около одноименного урочища пользовались кумыки, «содержа тут свой скот и имея свои пашни»².

Так, широкое распространение имеет этноним «ногай» в топонимии мест, где раньше обитали ногайцы, или других соседних народов, где живет ныне ногайское население. Так, в адыгской топонимии существуют такие географические названия: «Ногайский лес», «Ногайские горы», «Ногайская старая крепость», «Малый ногай», «Ногайские земли»³, в топонимии Адыгеи: «Гора ногайцев», «Вершина, на которой ногайцы пасли скот»⁴, в топонимии Северной Осетии – Алании: «Ногайские кладбища», «Ногайский курган»⁵, «Карачаевская балка» (в ногайском с.Карамурзинское Ставропольского края), «Абазинский колодец» (Ногайский район Республики Дагестан)⁶ и др.

В адыгских именах отразились многовековые экономические и культурные связи с соседними народами. Об этом, например, свидетельствуют часто встречающиеся имена: Куржы (Грузия), Нэгъуей, Къумыкъбу, Урыс, Шэшэн и др. Многие из этих имен стали адыгскими фамилиями, бытующими и в настоящее время⁷.

При характеристике традиций местных народов многие исследователи нередко обращаются к малым формам устного народного творчества, в частности, к поговоркам и пословицам. Как известно, мудрость народа воплощается в пословицах и поговорках, передающихся из поколения в поколение и становя-

¹ Там же. С. 185.

² АВПРИ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 14. 1763 г. Л. 9.

³ Булгарова М.А. Этнонимы в ногайской топонимии // Некоторые вопросы социолингвистики и топонимии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1988. С. 81; Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С. 235.

⁴ Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981. С. 90–91.

⁵ Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Т. 1. С. 188.

⁶ Булгарова М.А. Этнонимы в ногайской топонимии. С. 86.

⁷ Мамбетов Г.Х. К истории адыгских имен // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1970. С. 128.

щихся с течением времени не только источником вдохновения и идей, но и тем незыблемым столпом, который поддерживает устои народной жизни, укрепляя нравственный и духовный облик народа, становясь своеобразным моральным кодексом.

Следует отметить, что пословицы и поговорки являются глубокими и самобытными по содержанию, обращенными, в основном, к нравственной сути хозяина и гостя, а также правил поведения обеих сторон¹. Так, гостеприимный хозяин никогда не подаст вида, что он не рад гостю, даже если тот пришел не ко времени, ибо дом без гостей, согласно традиций местных народов, несчастливый дом («Дом, куда не ходят в гости, несчастный дом» - лакская пословица), «Куда не заглянет гость, туда не заглянет и добро» (чеченская пословица).

Радужный прием, естественно, не бывало без щедрого угощения, что также нашло свое отражение в пословицах северокавказских народов. Например, вайнахи говорили: «Разговорами гостей не накормишь», а осетины и ингуши добавляли, что «гость зависит от хозяйской щедрости». При этом скупость и жадность по отношению к гостю всегда осуждалось. Недаром говорили, что «Спросить: «Не съешь ли? – то же, что сказать: «Не ешь!» (аварская пословица)².

Таким образом, малые формы устного народного творчества северокавказских этносов красноречиво свидетельствуют о том, что традиция гостеприимства у местных народов своими корнями уходит в далекое прошлое.

Необходимо подчеркнуть, что важную роль в общественном быту местных народов играло гостеприимство. «Об этом свидетельствует факт заимствования слова «приятель», «кунак» из тюркского во многие языки, в том числе в русский: «кунак (конак) – «приятель», «знакомый, с кем вожу хлеб–соль». Дословно

¹ Пословицы и поговорки народов мира / Сост. М.П. Филипченко. М.; СПб., 2009. С. 5, 10.

² Пословицы, поговорки, загадки народов России / Сост. М.П. Филипченко. Ростов-на-Дону, 2011. С. 27–31.

«кунак» по-тюркски «гость», отсюда «куначество» – «взаимопосещение»¹.

Институт куначества играл большую роль в укреплении дружественных отношений между народами региона. Вовлечение местного населения в рыночные отношения расширило круг их общения, между различными этносами стали устанавливаться не только торгово-экономические, но и дружеские, куначеские связи.

Если гостя следовало накормить и предоставить жилище для ночлега, то для кунака устраивали пышное угощение с приглашением близких родственников, певцов, музыкантов и т.д.² Кунаки также принимали активное участие в семейных торжествах, помогали в сельскохозяйственных работах, несли расходы во время свадебных мероприятий и похорон³.

Следует отметить, что обычай гостеприимства и куначества способствовал торгово-экономическому, политическому и культурному сближению Дагестана с народами региона.

Для приема гостей у местных народов существовало специально отведенное помещение – кунацкая. Или выделяли одну из лучших комнат жилища, предназначенной для гостей. В этих комнатах были лучшие ковры, постельные принадлежности, музыкальные инструменты – все то, что дало бы возможность гостю хорошо устроиться и отдохнуть. Вдоль стен кунацкой также стояли сундуки с постельными принадлежностями для гостя. Кроме того, наиболее нарядные одеяла развешивали на специальных шестах в качестве украшения⁴.

В кунацкой хранили также красивое оружие. Еду гостю приносили на особых столиках – подносах. В 30^е гг. XIX в. Ф.Торнау писал, что в кунацкой комнате «господствовала старинная турецкая роскошь, обнаруживавшаяся во множестве серебряной посу-

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 218; Ктиторова О.В. Потенциал традиционной культуры в межэтническом взаимодействии. С. 54.

² Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – нач. XX в.). С. 198–199, 200.

³ Там же. С. 201.

⁴ Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982. С. 146.

ды золоченых чаш... ковров, парчовых тюфяков, бархатных одеял и тому подобных вещей»¹. Даже самые бедные, всегда были рады приезду гостя, считая, что вместе с ним приходит благо. При въезде и выезде из села гость должен слезть с коня, так как считалось неприличным здороваться со встречными, сидя верхом на коне.

Обычай гостеприимства распространялся не только на близких хозяина, но и на всякого путника, ищущего приют. Этот обычай был залогом взаимоуважения и взаимопомощи между народами Северного Кавказа. Много кунаков было у местных народов среди казаков близлежащих станиц².

§ 3. Культурное взаимодействие и взаимовоздействия восточнославянского населения и народов Северного Кавказа.

Как известно, формирование Северного Кавказа происходило на протяжении нескольких веков и включало в себя и такой необходимый элемент как совместное проживание в одном регионе местных народов и восточнославянское население (русских, казаков), их социально-культурное «совместничество».

Как свидетельствуют многочисленные факты, живя рядом, представители различных этносов и конфессий находили все же точки соприкосновения и взаимодействовали.

Народы региона всегда хотели жить мирно и оберегать свои семьи, жилище как важное составляющее своего бытия. Обеспечивая свое прочное существование, северокавказцы отстаивали свой домашний очаг от неприятеля, а не стремились непременно «создать себе врага». О бережном отношении северокавказцев к своему дому отмечал автор XIX в. Н.К. Глиноецкий: «Взгляните на дома лезгин (все народы Дагестана – Д.К.), на их сады: везде видно, что они заботятся о том, чтобы все это было прочно и долговечно. Эта поразительная черта как-то не ладится с известною их воинственностью... ; но о них нельзя сказать, что они были бы

¹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера // РВ. М., 1864. № 10. С. 422.

² Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. С. 153.

войнолюбивы. Войнолюбивый... народ не станет так заботиться об устройстве своего благосостояния, как это делает лезгин. Лезгин... более всего привязан к своей родине, почему мы и видим».¹

Ярким отражением добрососедских взаимоотношений между местными народами и русскими являются песни и предания, повествующие о дружбе представителей различных народов. Так, в кумыкском «Йыре об Акарай» говорится о любви русской девушки и юноши – кумыка; а в «Йыре об Остапе» выражаются сожаления о гибели русского героя, дается плач его супруги².

Местные народы оказали влияние на терских и гребенских казаков. Великий русский писатель Л.Н. Толстой, живший в 1851–1854 годы в станице Старогладковская (Чечня) и хорошо знавший быт гребенских казаков и местных народов, подтверждает это. Гребенские казаки, писал он, устраивали свои жилища «по татарскому обычаю». В черновом варианте повести «Кзаки» Л.Н. Толстой, изображая внутреннюю обстановку казачьего дома, отмечал: «Вся противоположная двери стена была убрана по азиатскому обычаю свернутыми пуховиками, одеялами и подушками, развешанной начищенной посудой и оружием»³.

Наряду с русскими у терских казаков были в ходу местные музыкальные инструменты: зурна, свирель, двухструнная бала-лайка, барабан. На всех этих инструментах играли мужчины, на гармонике - обычно женщины, как и у местных народов.

Казаки носили кавказскую бурку, папаху, черкеску, башлык, бешмет. Украшали себя кавказским поясом, кинжалом и газырями с металлическими или серебряными наконечниками. «Самый бедный наурец (житель ст. Наурская – Д.К.), – отмечал П.А. Востриков, – скорее готов остаться несколько дней без куска хле-

¹ Глиноецкий Н.К. Поездка в Дагестан // Военный сборник. 1862. № 1. С. 124–125.

² Аджиев А.М. Русско-кумыкские взаимосвязи, отраженные в фольклоре кумыков // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990. С. 186–187.

³ Виноградов Б.С. Кавказ в творчестве Л.Н.Толстого. Грозный, 1959. С. 159–160.

ба..., нежели не иметь черкески, в которой он мог бы выйти на улицу, «в люди» или в церковь по праздникам»¹.

Танцевальная культура казаков включала в себя старинные русские и украинские танцы, ряд горских, в частности «Лезгинка».

Немалое внимание русское население региона уделяло военизированным играм, готовившим молодежь к службе. Особо уделялось у казаков умению хорошо ездить на коне, владению в совершенстве холодным и огнестрельным оружием, умению метко стрелять на скаку, ориентироваться на местности. Живя в соседстве с местными народами, восточнославянское население перенимало у северокавказцев некоторые игры, в то же время передавая им свои. Например, казаки восприняли у местных народов такие игры, как «Перетягивание каната», «Борьба на поясах», «Наездники и кони», «Борьба всадников» и др.²

Народы региона, со временем настолько сблизились с казаками, что отлично понимали друг друга, легко находили общий язык, у казаков и русских появились близкие друзья – кунаки в аулах, а у местных народов – в станицах и городах, они делили горе и радость, перенимали друг у друга положительный житейский опыт. Многочисленные архивные источники свидетельствуют о том, что между местными народами и терско-гребенскими казаками сложились добрососедские отношения. Так, например, во время неурожайного 1740 г. казаки помогали ногайцам провиантом и другими товарами³. Многие казаки и русские выезжали в аулы, где строили дома, мельницы, конюшни, разводили сады и виноградники, делали мебель для зажиточной местной верхушки.

Казаки, русские и украинские переселенцы переняли у местных народов давно выведенные породы скота и проверенные многовековой практикой, методы выращивания и ухода за ним⁴. Кроме того, русские крестьяне, как и ногайцы, не занимались за-

¹ Востриков П.А. Станица Наурская // СМ ОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 258.

² Там же. С. 51–52.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 45. Л. 10, 35-36 об., 105, 135.

⁴ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 77.

готовкой кормов для скота и содержали его на пастбищах на подножном корму, перегоняя его с места на место¹. Очень часто местные народы для изучения русского языка отдавали своих детей в казачьи семьи, в которых они жили как равноправные члены. В результате такого длительного тесного повседневного общения местное население усваивало русский язык, а многие казаки свободно владели языками соседних народов. Влияние местных жителей, в частности ногайцев проявилось в том, что в языке казаков появились, заимствованные из тюркского, названия домашних животных, степных трав, пастушьей палки, веревки, кибитки (их русские и казаки ставили во время полевых работ), плаща-накидки, сумки, животноводческих продуктов питания². Современники отмечали сходство в одежде казаков и ногайцев³.

Следует отметить, что полиэтничный и поликонфессиональный состав Терско-Кизлярского войска способствовал тому, что оно не привлекалось к охранной и сторожевой службе, но из него поставлялись лучшие разведчики, проводники, переводчики. Для выполнения различных поручений они направлялись в Крым, Иран, на Кубань, а также к местным владельцам. Причем знание языков и нравов соседних и других народов демонстрировали не только казаки, но и «русские», о чем свидетельствуют многочисленные документы⁴. По мнению исследователей, чем больше факторов (язык, религия, территория, враждебное окружение и пр.) задействовано, тем быстрее идет процесс консолидации⁵.

В русский и другие славянские языки попала часть тюркских слов. Как подчеркивает исследователь И.Х.Тхамокова «заимствования из кабардинского, чеченского или осетинского языков в

¹ Лазарян С.С. Экономическая, социальная и этноконфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск, 2014. С. 41.

² Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека С. 239.

³ Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – нач. XX в.). М., 1974. С. 39.

⁴ Бегеулов Р.М. Из истории межэтнических контактов карачаевцев и абхазов // De Caucaso: историко-этнографический альманах. Вып. 1. Карачаевск, 2009. С. 36.

⁵ Омельченко И.Л. Терское казачество. С. 71–72.

терских говорах буквально единичны, тогда как тюркоязычных заимствований можно насчитать десятки, если не сотни»¹.

Веками общаясь между собой, казаки и местные народы все время пополняли свой словарный запас за счет русских, кавказских и тюркских слов. О разговорном языке терских казаков можно судить по ст.Наурской (Чечня). «Язык наурцев, – писал в начале XX в. П. Востриков, – довольно своеобразный. Их великорусский язык подвергался влиянию всевозможных народностей: то ногайцев, то калмыков, то лезгин, чеченцев и других горцев, не говоря уже о сильном влиянии малорусского наречия. От всех народностей, с которыми соприкасались казаки, они переняли много слов и оборотов»².

В статье «Говор гребенских казаков» Н.А. Караулов насчитал более 100 слов, заимствованных казаками у местных народов, в частности ногайцев³. Большинство слов, заимствованных русскими и казаками у местных народов – это названия орудий труда, домашних и диких животных, птиц, растений, пищи, то есть восприняты те слова, которые были необходимы в общении людей в процессе их трудовой деятельности. В свою очередь, местные народы заимствовали много слов из русской разговорной речи.

Лексические заимствования очень многообразны: это явления природы и географические понятия, животный мир и поселения, одежда и пища.

Богатейший тюркологический материал (тюркизмы русской лексики) представлен в словаре В.И.Даля. Состав тюркизмов русского языка Северного Кавказа – слова: башлык, бурдюк, шаровары, бешмет, буза, айда, казан, каракуль, караул, кенаф, кизяк, курага, майдан, саман, табун, туман, халва, чалма, шайтан, шаль, шатер, ярлык, ясак, кавардак, кайма, камыш, капкан, кушак, сарай, карман (XVII в.), нагайка (плеть), бугай (бык)⁴ и мн.др.

¹ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. С. 185.

² Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // СМОМПК. Тифлис, 1907. Вып. 37. С. 64.

³ Караулов Н.А. Говор гребенских казаков // СМОМПК. Тифлис, 1907. Вып. 37. С. 108–109.

⁴ Сб. Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 149.

Слово «башка» является русским суффиксальным образованием от тюркского баш (бас) «голова», известного в современном русском лишь в выражении менять «на баш» «менять без придачи»¹, первоначально оно употреблялось для обозначения мены скота. Слова «башка», «барыш-выгода», «прибыль», аргамак – «породистая чистокровная лошадь», курдюк – «хвост, в котором бывает до 15 кг сала», толмач – «переводчик», орда, ордынка, тамга – «печать», «ханская печать», «торговая пошлина», тесьма – «лента», наименования предметов быта и торговли: башмак, чулок, кафтан, япанча, дараги «шелковая ткань», тюк, чулан, каюк, кушак, басма, сундук, хабар и т.п. в рассматриваемое время в русском языке было обычным явлением².

Исследователь А.А.Селимов в статье «Некоторые тюркизмы русской речи жителей Дагестана» приводит такие слова: «бишлек» (сыр – от «бышлак» – кум., или «пыслак» – ног., Емурка, имурка (разновидность люцерны) – от «йымгыршка» – ног., или «енгурчкья» – кум.³

Некоторые элементы праздничной пищи ногайцев (баурсак) получили распространение у русских и казаков. Праздники имели такие общие элементы как скачки, джигитовки, устройство качелей⁴. Казаки научились у местных народов искусству «предсказания погоды – по полету бабочек и прыжкам кузнечиков, по состоянию полевых цветов, по цвету, густоте и протяженности облаков, окутывавших горы»⁵.

Гребенские казаки верили в лабасту, страшную нагую женщину с отвислыми грудями, закинутыми на спину, которые живут в водоемах или лесах (русалка). У гребенцев, под влиянием соседей-ногайцев образ русалок стал именоваться лабастой (от ногайского – албаслы, злой демон женского пола)⁶. Прав извест-

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 142.

² Тюркизмы в восточнославянских языках. С. 149, 233.

³ Там же. С. 209.

⁴ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. С. 125.

⁵ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С. 209.

⁶ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. С. 35–36.

ный историк-кавказовед В.И. Марковин, который писал: «Культура любого народа создается в результате контактов с соседними народами»¹.

В дореформенный период, несмотря на военные действия, часть казаков и русских сохраняла среди местных народов кунаков и родственников.

Одним из обычаев, бытовавших в изучаемое время и оказавших огромное влияние на межэтнические связи, был обычай гостеприимства. Обычай гостеприимства прочно вошел и в жизнь русского населения края. Гостеприимство оказывалось всем, независимо от этнической принадлежности и религии, но при этом соблюдались определенные приличия. Например, старались не задевать религиозных чувств гостя. Если дом казака посещал гость – мусульманин, то спиртное на стол не подавалось. Кроме того, ему было дано право самому забить скотину или птицу².

Нередко бывали случаи, когда молодые юноши из местных народов, полюбив девушку, но, не будучи в состоянии уплатить за невесту калым, убегали с любимой в казачью станицу. До сих пор в казачьих станицах сохранилось немало людей, далекие предки которых вышли из местных народов³. Однако известны были и другие случаи. Так, в местных аулах проживало много представителей восточнославянского этноса, особенно в период Кавказской войны. Русские солдаты, казаки и крепостные крестьяне сами бежали в аулы. Со временем эти русские женились на местных девушках, обзаводились хозяйствами. Многие из беглых русских ассимилировались и навсегда оставались жить там⁴.

Наиболее сблизились с северокавказскими народами гребенские и терские казаки, проживавшие в регионе издавна. В результате многолетнего мирного соседства с местными народами среди замужних казачек было много женщин местного происхождения, особенно чеченок, ногаек и кабардинок⁵. Как указывал

¹ Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 110.

² Там же. С. 83–84.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 90–91.

⁵ Кирюхин В.С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике во взаимодействии. Саратов, 2000. С. 194.

крупный исследователь терского казачества И.Д. Попко, «казаки скоро вошли в дружеские и родственные связи с горцами..., от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных»¹. В таких случаях нередко казаками выплачивался по местному обычаю калым. Но так как такой выкуп был зачастую не по карману простым казакам, то наиболее частым способом получения невесты было распространенное на Северном Кавказе «умыкание» (похищение девушки). Как отмечал известный кавказовед Ф.А. Щербина, «русская казачья вольница на Тереке... в первые времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе»². Так, гребенской казак Фролов был женат на дочери адыгского владельца Таймазова, которую он в свое время похитил.

Следует отметить, что при поселении на Тереке, Тамани и Правобережной Кубани казаки стали нести большие людские потери, которые российское правительство стремилось восполнить. Российские власти целенаправленно принимали меры по переселению определенных категорий восточнославянского населения в регион, чтобы они затем пополняли ряды казачества.

Один из путей складывания генеалогических связей между казачеством и народами региона – это прием представителей народов Северного Кавказа в ряды казачьих войск. Одним из народов, представители которых влились в ряды казачества, были ногайцы. Так, в 1806 г. российским правительством с целью «отвести ногайцев с Кубани, каждому из них предложено было срочно избрать род занятий. Желавшие записаться в казаки переселялись к Ейскому укреплению – к берегам Азовского моря... На Тамани осталось примерно 116 мужского и 82 женского пола ногайцев и татар, перешедших в казачье сословие»³. Примером такого этнического взаимопроникновения является наличие среди фамилий казаков Кубани этнонимов ногайского происхождения: Нагой, Ногаевы, Ногайцевы, Карамурзаевы (Карамурзины),

¹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. С. 24.

² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. С. 337.

³ Алиева С.И. Ногайцы Северо-Западного Кавказа после Ясского договора 1791 г. // Археология, этнография и краеведение Кубани: Материалы VIII краевой межвузовской конференции. Краснодар, 2000. С. 37.

Наймановы, фамилии с основой гирей, солтан, хан и др.¹ Следует также сказать, что первым атаманом донских казаков был Сары-Озман, из крещенных ногайцев².

Отмеченные межэтнические контакты не могли не оказать своего влияния на свадебную обрядность. Так, в частности, у казаков заимствования выразились в обязательном включении в состав приданого и свадебных подарков металлических предметов и изделий, оставлении части приданного в семье родителей, исполнение лезгинки, игре на местных музыкальных инструментах, спортивно-развлекательных играх и состязаниях (джигитовка, стрельба и пр.), в ряде элементов свадебной одежды и украшений, похищении невесты³.

Отметим, что калым, избегание, особенности одариваний, свадебного поезда и др. были характерны и для ногайцев. Как и у ногайцев, невесты–казачки отдавали предпочтение красному (алому) цвету свадебного платья, украшениям из монет и кораллов⁴.

По архивным источникам известны оставшиеся в гребенских станицах ногайцы, «ясыри» кабардинских, брагунских и других владельцев⁵. Принимая крещение, они вливались в состав гребенцев. И в XIX в. многие казачьи роды помнили о своем происхождении. О том, что в состав гребенского и кизлярского казачества вошли представители разных народов, свидетельствуют прозвища и фамилии казаков: Аука, Басман, Тарывердый, Хаджаев, Велиев, Казиев, Бетапов Шергипов, Кайтемиров, Татаров и др.⁶ Не случайно знаток казачества Ф.С. Гребенец писал, что «в каждом новогладковском казаке течет кровь чеченца, кабардинца или ногайца и многих других народностей Кавказа»⁷. Таким образом,

¹ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. С. 204.

² Лайпанов К.Т. Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. С. 39–40.

³ Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX веке // КЭС. Вып. 8. М., 1984. С. 58.

⁴ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. С. 60.

⁵ КРО. Т. 2. С. 64, 221; РДО. 1988. С. 33.

⁶ КРО. Т. 2. 180; РДО. 1988. С. 70–71; ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 105. Л. 30.

⁷ Гребенец Ф.С. Новогладковская станица в прошлом и настоящем // СМОМПК. Вып. 44. Тифлис, 1915. С. 97.

дореволюционные историки не случайно писал о гребенских казаках, как о конгломерате местных народов, спаянных русской кровью и объединенных общей судьбой. Великий русский демократ В.Г. Белинский отмечал, что гребенцы стали «новыми и удалыми сынами Кавказа, без которых не полна и не определена его физиономия»¹.

Исследователи отмечали заимствования, не только вытеснившие прежние элементы материальной и духовной культуры гребенских казаков, но и сосуществовавшие с ними (бревенчатая изба и сакля, сусек и сапетка в одном дворе, складни в киоте и оружие по стенам, трепак и лезгинка, стойкость в пешем бою, присущая русским, и лихое кавказское наездничество². Наблюдалось и смешение русских и кавказских, тюркских культурных компонентов и выработка на этой основе инноваций (одежда, свадебная обрядность и др.)³.

У гребенских казаков под влиянием тюркской среды шло также формирование военно-социальных структур (атаман, есаул и др.), неземледельческие занятия выступили на первый план⁴. Переход к иному хозяйственно-культурному типу (в данном случае не кочевническому, а военно-промысловому), происходивший под влиянием соседних этносов (по документам известны казаки-половцы, ногайцы и пр.), сопровождается многими заимствованиями, с этим типом связанными.

Известный собиратель русского фольклора на Северном Кавказе В.С. Кирюхин, ссылаясь на рассказ терской казачки из ст. Червленной писал «Когда казаки прибыли на Кавказ, они в большинстве прибыли без жен. Они здесь жен воровали... В ст. Червленная живут ногайцы, и чеченцы, и тавлины. У червленцев чисто русских нет. Я, например, кабардинка по матери. Родословная показывает, что муж по происхождению яицкий казак, и его предкам почти триста лет. Мой дед прекрасно говорил по-

¹ Цит. по кн.: Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. С. 63.

² Караулов Н.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 111.

³ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. С. 63.

⁴ Там же. С. 107–108.

ногайски и по-чеченски. Бабушка обладала кумыкским языком, ездила в Аксай...»¹

Как отмечал известный исследователь казачества И.Д. Попко, «казаки скоро вошли в дружеские и даже родственные связи с горцами..., от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных»². В результате многолетнего соседства с местными народами среди жен казаков немало было женщин северокавказского происхождения, в частности чеченок, ногаек и адыгок³.

Среди терских и кубанских казаков нередко причиной брака могло стать пленение местной девушки или договор с ее родителями, с выплатой калыма. Следует отметить, что военное командование, как правило, не препятствовало межэтническим бракам, а нередко даже способствовало. Ведь основной причиной подобных семейных союзов являлся недостаток женщин в казачьих станицах⁴.

Кроме того, казакам-некрасовцам прекрасно удалось выработать принципы совместного проживания с ногайским этносом. Как пишет ростовский исследователь Д.В.Сень, «на это указывает тот, например, факт, что уже вскоре после своего прихода на Кубань казаки-некрасовцы стали весьма далеко уходить от своих жилищ...»⁵

Необходимо указать, что российские власти на Кавказе видели в русско-северокавказских браках еще одну выгодную особенность. Межэтнические союзы способствовали складыванию

¹ Русский прозаический фольклор в Дагестане и на Северном Кавказе (в записях 1972–1975 гг.) / Публикация, вступит. статья и коммент. В.С. Кирюхина. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1980. С. 167.

² Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. С. 24.

³ Кирюхин В.С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике во взаимодействии. Саратов, 2000. С. 194.

⁴ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. С. 611.

⁵ Цит по кн.: Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д., 2012. С. 12; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII- начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009. С. 260; Сень Д.В. Верность, вера и война: начало жизни и служения казаков-некрасовцев на Кубани//Казарла. Этнический казачий журнал. 2012. № 4 (17). С. 17.

традиций куначества, которые в мирное время тесно поддерживались, а в период Кавказской войны привлекались для освобождения из плена близкого родственника или для разведывательных целей¹. Следует также отметить, что «проконсул Кавказа» ген. А.П.Ермолов был трижды женат на кумычек кебинным браком («невенчан» с точки зрения православной церкви). При этом его четверо сыновей были признаны императором Александром II потомственными дворянами и законными детьми².

Между тем, для узаконения подобной усыновительной практики на Северном Кавказе в апреле 1833 г. был издан императорский указ «О призрении малолетних дочерей горских жителей, достающихся в плен во время военных действий», в котором, в частности, указывалось, что нужно пленных «дочерей горцев отдавать на воспитание желающим, с правом держать их у себя до 18-летнего возраста, а по достижению оною, предоставлять им избирать род жизни, наблюдая при раздаче, дабы они внедряемы были семейным людям, известным честною жизнью и хорошою нравственностью, с обязательством, что они обучать их грамоте, или приличным мастерством и рукоделиям; а по достижении возраста, не допуская жить праздно, устроят участь их отдачею в замужество или доставлением других приличных способов к содержанию»³.

Особым гостеприимством отличались терско-гребенские казаки. Например, в ст. Червленной нашли приют и остались навсегда выходцы из многих регионов Северного Кавказа. Об этом красноречиво показывают фамилии станичников (Закаевы, Гулаевы, Байсунгуровы, Кучуковы и т.д.)⁴.

Конфликт, в который они были вовлечены, породил своеобразные формы межэтнического взаимодействия. В ходе него происходило сопоставление – противопоставление по ряду направлений (хозяйственно-культурный тип, языковая, конфессиональная принадлежность и пр.), при этом выяснялись многие общие

¹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 496.

² Берже А.П. А.П.Ермолов и его кебинные жены // Русская старина. 1884. № 9. С. 525–528.

³ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 8/1. № 6123.

⁴ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. С. 106.

черты материальной и духовной культуры. В условиях противостояния, некоторые из русских и казаков колебались между двумя культурами, демонстрируя признаки маргинальной этнической идентичности¹. В этой связи иную трактовку может получить известное «Дело Атарщикова».

Семен Атарщиков родился в терской станице Наурской. Ребенком был отдан в кумыкское село, где научился тюркскому, чеченскому и некоторым другим языкам. Позднее сам Атарщиков отмечал: «Я невольно сроднился с бытом, нравами и обычаями горцев». В 16 лет Атарщиков стал переводчиком в Моздокском казачьем полку.

В 1836 г. Семен Атарщиков стал приставом карачаевцев. Он хорошо владел «татарским» языком, так как его отец, служивший переводчиком в ст. Наурской, отдал сына в детстве на воспитание в кумыкский аул². Как пристав карачаевцев он летом 1838 г. предпринял военную экспедицию в Сванетию (Грузию) в поисках следов казаков-некрасовцев, бежавших с низовой Терека от российских войск, и тогда же был переведен в Лабинский казачий полк в чине сотника. Но после трагической гибели его семьи в ст. Бекешевской, С. Атарщиков в сентябре 1841 г. бежал вместе с абазинскими князьями Лоовыми на Лабу, к князю А. Канокову. Затем, увлеченный романтикой закубанской вольницы, он принял мусульманство и женился на дочери ногайского узденя и участвовал в набегах на Линию³.

По мнению М.О. Косвена, этот случай показывает, что «воспитание в горском ауле, приобретенные навыки горского вольного быта, позднейшее общение с горцами, дружба С. Атарщикова с отдельными представителями горских народов и, наконец, его побег в горы, все это... звенья одной цепи»⁴. Другой офицер – будущий декабрист, штабс-капитан Нижегородского драгунского полка А. Якубович также имел кунаков среди местных народов, контакты с которыми сильно изменили его. Как отмечал

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 225–226.

² Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 70.

³ Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993. С. 84.

⁴ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 258.

В.А.Потто, «отчаянные враги России были его кунаками, он сам сроднился с обычаями горцев, что не отличался от них ни одеждой, ни оружием, ни храбростью...»¹.

Следует отметить, что подобные случаи не были единственными в своем роде. Сын Фролова и кабардинской княжны Таймазовой (из ст. Червленной Чечни) Мисост (Иван) бежал на Кубань и сражался против русской армии. Подобная этническая прослойка в русских станицах служила своеобразным передаточным механизмом, звеном, соединяющим местные народы с гребенскими казачеством². Многочисленные материалы свидетельствуют о том, что глубокое проникновение в другую культуру могло происходить не только в результате межэтнических браков, но и различных форм искусственного родства и дружественных отношений, который позволял воспринимать «чужую» культуру, как «свою».

Таким образом, даже в самые сложные времена русские офицеры и местные народы находили повод для дружбы, которую они ценили.

Следует отметить, что гребенцы помимо первопредков – казаков указывали свое происхождение от осетин, чеченцев, ногайцев, адыгов и др., хотя в источниках известны многочисленные выходцы из различных краев Российской империи, пополнявшие терское казачество³. Но казаки-старожилы всячески старались отрицать какую бы то ни было связь с русскими. Причин здесь было несколько.

Во-первых, казаки дистанцировали себя от податного населения России и поэтому выводили свою родословную исключительно от иноплеменников. Во-вторых – признание «российского» источника означало, что подозрения (убеждения) властей в том, что казаки принимают русских беглых, справедливо. Но это могло принести лишь неприятности. Отсюда упорное замалчивание русских корней и подчеркивание своего происхождения от

¹ Цит. по: Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011. С. 195.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. С. 226.

³ Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII–XIX вв. С. 86.

неких вольных людей. Тем более что, действительно, трудно найти представителей кавказских, тюркских и иных народов, которые бы в той или иной мере не пополняли казачьи социоры¹.

У казаков и местных народов много было общих взглядов на народную медицину.

Костюм невесты у разных народов региона имел свои локальные особенности. Так, ногайцы Терско-Сулакского междуречья, казаки невесту наряжали в костюм кумыкского типа (длинное платье-рубаша, распашное платье), головной убор – «шукты», платок и др.² Следует отметить, что местные народы многое восприняли у русских. «Последствия сближения с русскими, – писал в 1859 г. современник, – были очевидны, на мужчинах реже встречались лохмотья, у многих женщин завелись канаусовые бешметы, на детях стали появляться рубашки и чувяки вместо прежнего их природного костюма и старой папахи с отцовской головы»³.

У дагестанцев и народов Северного Кавказа существовали множество блюд, которые имели общие корни в названиях блюд, посуды и утвари, отопительных систем и т.д.⁴ Необходимо отметить, что имелись некоторые отличительные черты в обстановке традиционного жилища у северокавказских народов, обусловленные спецификой хозяйственно-культурных различий и бытовавшими типами жилища. Так, в турлучном жилище в равнинной зоне из-за отсутствия достаточного количества леса вместо деревянных нар для сна нередко сооружали глиняные лежанки и приступки⁵.

В регионе широко были распространены и турлучные дома без подклети с глинобитным полом, характерным для разных се-

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. С. 228–229.

² Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. С. 87.

³ Иванов С. Чечня // Москвитянин. М., 1851. № 1–2. С. 51.

⁴ Алимова Б.М. Этнокультурное взаимодействие и взаимовлияние народов Дагестана и Северного Кавказа в XIX–XX вв. (на примере культуры питания). Махачкала, 2012. С. 213, 253.

⁵ Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. С. 144.

верокавказских народов (кумыков, ногайцев, кабардинцев, черкесов, вайнахов, осетин и др.), так и для казаков¹.

Рассматривая разнообразные формы межэтнического сближения, трудно переоценить огромную роль повседневного производственного сотрудничества народов Дагестана с их соседями. Подробный разбор этой темы в предыдущих разделах избавляет нас от необходимости повторной детализации. Здесь мы лишь отметим, что рыбный промысел, земледелие, торговля и отходничество, помимо их очевидного хозяйственного эффекта, оказывались еще и мощными факторами межэтнического сближения, создавая для него оптимальные условия.

Рыбный промысел был, возможно, самым ранним из этих факторов.

С конца XVIII в. на рыбных промыслах русских рыбопромышленников стал широко использоваться труд ногайцев, кумыков, чеченцев².

Влияние местных народов на русское население было значительно и выражалось это в одежде, вооружении, нравах и обычаях. Уже в первой половине XVIII в. донской атаман С. Кочетов «сказывал», что казаки даже на Дону носят платье и русское, и татарское, и черкесское³.

Кавказская одежда в силу ее удобства со временем стала форменной для казачьих войск. «Приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, – отмечал М. Арнольди, – находясь при одинаковых военных потребностях со своими соседями, неприятелями, не отставало от них как в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения»⁴.

С гармоникой все народы региона познакомились через русских в первой половине XIX в. Она сразу же вошла в состав

¹ Ризаханова М.Ш. Материальная культура дагестанских русских // Возрождение. Республиканский научно-популярный журнал. № 11–12. Махачкала, 2009. С. 138; Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 99.

² Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой пол. XIX в. С. 59.

³ Историческое описание земли Войска Донского. СПб., 1872. Т. 2. С. 537.

⁴ Арнольди М. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. СПб., 1890. С. 7.

народных музыкальных инструментов. У всех народов края гармоника в основном стала женским инструментом. Игра на гармонике сопровождала национальные танцы, вместе с тем она употреблялась и как сольный инструмент¹.

Заимствовали местные народы у русских и типы жилищ, строительную технику². У местных народов появились современные европейского типа строения – жилища с русской печкой, деревянные кровати заменяли нары, появились столы, стулья, стали разводить овощные культуры, кавказский стол сделался более разнообразным и т.д.

Заимствования в области материальной культуры у русского населения и местных народов также были взаимными. Приезжая в станицы на ярмарки или в гости к кунаку, местные народы видели, как выглядели поселения и жилища русских и казаков. Местные народы перенимали то, что казалось им практичным и удобным. Казаки по кавказскому обычаю стали вешать на стену оружие³.

По прибытии на Северный Кавказ казаки стали заимствовать кавказское вооружение и костюм, так как они были лучше приспособлены к местным природно-климатическим и боевым условиям. Как писал В.А. Потто: «Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка сделались их любимым оружием. Даже казацкие жупаны, и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя»⁴. Кавказский костюм, состоявший из скроенных в талию бешмета, черкески и штанов с высокими сапогами, был очень удобен при верховой езде.

Следует отметить, что Высочайшим повелением в 1817 г. официально казакам предписывалось носить обмундирование

¹ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 103.

² Там же С. 27.

³ Невская Т.А. Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России. Материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 184, 185.

⁴ Потто В.А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 18.

«черкесского образца»¹. 16 января 1831 г. в полках и войсках, поселенных на Кавказской линии устанавливалась форма обмундирования. Казаки должны были носить черкески, бешметы, бурку, суконные шаровары, ноговицы и чувяки. В принятом в 1845 г. Положении о Кавказском линейном казачьем войске была закреплена форма как офицерской, так и казачьей одежды².

Казаки со временем начали подражать местным народам «в одежде, становившееся естественным обычаем»³. Русские солдаты и офицеры, получив опыт в местных условиях в ходе Кавказской войны, вносили изменения в свою форму, мало приспособленную для региона. Офицеры носили бурку, черкеску, кавказский клинок⁴. Как писал современник: «Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец до того, что они в этом отношении перещеголяли» местное население⁵.

Женщины–казачки носили платье горского покроя с длинными рукавами, металлическими нагрудными застежками, местную шапочку и большой платок. Влиянием местного быта объясняется и пристрастие русских женщин к украшениям и косметике. Казачки носили серебряные пояса, монисты, браслеты, кольца. По местным рецептам женщины красили сурьмой брови и ресницы, румянили лицо и т.д.⁶

Кроме того, у местных народов были заимствованы русским населением различные способы и методы ведения скотоводческого хозяйства, породы скота и другие элементы материальной культуры.

Заимствуя у местных народов форму одежды, казаки хорошо представляли, что это является следствием многовекового боево-

¹ Матвеев О.В. *Форменная одежда казаков-линейцев Кубани*. Краснодар; Армавир, 1995. С. 16.

² Там же. С. 63.

³ Гордин Я.А. *Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность*. СПб., 2008. С. 36.

⁴ Аноев А.А. *Воспоминания о боевой службе на Кавказе* // *Военный сборник*. М., 1877. Т. 114. № 4. С. 406; Каченовский В. *Первое знакомство с Кавказом* // *Военный сборник*. М., 1863. № 7. С. 168.

⁵ Арнольди М. *Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска*. С. 8.

⁶ Заседателева Л.Б. *Терские казаки (середина XVI – начало XX в.)*. Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 213.

го и жизненного опыта, благодаря чему она столь удобна в военных условиях¹.

Принятая казачеством одежда состояла из зипуна с открытой грудиной и черкески с галунной обшивкой; деревянных, украшенных костью или серебром патронников (газырей), которые в начале носились на поясе, подвешенные к нему на длинных шнурках, а позже прикреплялись на груди. Шапка из черного овчинного меха была двух видов: высокая и низкая, круглая, с узким меховым околышем и с суконным верхом, обшитым галуном. На ногах чувяки из сафьяновой кожи, а также ноговицы или наколенники. Кроме того, защитой от ветра, дождя и снега для головы и плеч был башлык. Не заменимая никаким плащом бурка совмещала в себе епанчу, шубу, постель, одеяло и шатер².

Вместе с одеждой казаки переняли у местного население и вооружение. Тяжелая сабля и длинные неуклюжие пики были ими заменены. Кинжал, шашка в тонких сафьяновых ножнах, не производившие ни звона, ни шума, сделались их надежным оружием³. Со временем вооружение казаков стало еще более похожим на местное. Оно стало состоять из винтовки, одного или двух пистолетов, кинжала и шашки.

Кроме того, для предохранения винтовок от сырости казаки вместо обычных кожаных чехлов имели войлочные. Следует отметить, что в середине XIX в., по инициативе руководства Войска Донского, здесь также были введены чехлы из войлока⁴.

Казачество заимствовало у местного населения и всю конскую сбрую⁵, вплоть до медных стремян, имевших форму стаканчиков⁶. Седло и все конское снаряжение были доведены до высшей степени изящества и легкости. Местное «седелечко» славилось в песнях и рассказах русского населения края⁷.

¹ Захарьин И.Н. Кавказ и его герои. СПб., 1902. С. 289; Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 1. С. 213.

² Попко И. Терские казаки с стародавних времен. Вып. 1. С. 110–111.

³ Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 2. С. 136.

⁴ Дукмасов. Современное обмундирование и вооружение казаков // Военный сборник. 1871. № 2. С. 215.

⁵ Есаул. Пешие казаки // Военный сборник. 1860. № 1. С. 111.

⁶ Арнольди М. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. С. 10.

⁷ Попко И. Терские казаки с стародавних времен. Вып. 1. С. 11.

Заимствовав внешний вид, вооружение и снаряжение казаки подражали местному населению и в поведении. Как отмечали современники, «казаки пользовались вполне заслуженною славою удальства и храбрости. На конях горских пород, в красивом горском костюме, линейные казаки многое заняли от горцев: джигитовку, удальство и блестящую храбрость с театральным оттенком»¹. Верные своему правилу, казаки никогда не упускали случая показать удальство в одиночном бою. Казаки, как и местное население, в конной схватке поминутно стреляли из винтовок и пистолетов, стремясь этим посеять панику в рядах противника и тем самым подготовить успех боя. После такой джигитовки казаки обычно выхватывали шашки и с яростью бросались на противника².

Казаки края всегда отличались своими боевыми качествами, что даже указывал «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов, отмечавший: «Первое обстоятельство, обратившее внимание мое, были высланные мне навстречу конвойные команды из поселенных на линии казаков. Всегда отличались они от всех прочих казаков особенной ловкостью, исправностью оружия и добротой коней»³.

Подобно местным народам, казаки прекрасно действовали не только на коне, но и в пешем бою. «В тысяче случаев линейец отстоял и отличал себя спешиванием, – отмечал крупный исследователь казачества И. Попко, – а возможностью спешиваться так быстро... он обязан своему вооружению и остальному снаряжению, в том числе даже ноговице и чувяку»⁴.

От местных жителей же заимствовали казаки умение «читать» следы, действовать мелкими партиями и вести разведку так скрытно, как не умели делать никакие солдаты российской армии. Этим они приносили немалую пользу регулярным войскам в самых различных случаях военных баталий⁵.

¹ Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. 1883. Т. 3. С. 198.

² Драгунский офицер. Воспоминания о Закавказском походе // Военный сборник. 1860. № 1. С. 241.

³ Ермолов А.П. Записки. М., 1866. Ч. 2. С. 3.

⁴ Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 195.

⁵ Попко И. Терские казаки с стародавних времен. Вып. 1. С. 253.

Следует отметить, что казаки края, позаимствовав у местного населения буквально все, начиная от одежды и кончая тактикой ведения боя, резко отличались среди всех казачьих войск России. Казаки региона оказали определенное влияние не только на донских, но и на остальные казачьи войска страны. Постепенно северокавказский край в той или иной степени наложил немалый отпечаток на всю российскую регулярную армию.

Вначале рядовые и офицеры по собственной инициативе, нарушая строгие уставные требования, вносили изменения в свою форму, столь мало приспособленную для ведения боевых действий в незнакомых для них условиях Северного Кавказа, заимствуя у местных жителей отдельные элементы одежды.

Обычно, как только русский офицер приезжал в край, он спешил приобрести себе бурку и сменить шпагу, мало пригодную для боя, на местный клинок¹. Русские офицеры во время боевых действий носили кинжалы, пистолеты за поясом и ружья за спиной². Некоторые офицеры даже форменный сюртук заменяли черкесской³. Так, например, всегда ходил известный на Северном Кавказе ген. Г.Х. Засс⁴.

Начальник Главного штаба на Кавказе ген. И.И. Дибич, убедившись в непригодности обмундирования российской армии для местных условий, предлагал заменить неудобные и тяжелые кивера барашковой папахой и дать всем войскам башлыки по типу северокавказских. В столице о башлыках не хотели и слышать, но согласились принять для войск в крае папаху⁵. 10 августа 1829 г. ген. И.И. Дибич объявил приказ, в котором указывалось, что во всех пехотных подразделениях Кавказского отдельного корпуса вместо киверов вводятся овчинные папахи⁶. В 1846 г. предполагалось ввести и особое обмундирование, более приспособлен-

¹ Гомборцы. Исторический очерк деятельности 1го кавказского стрелкового батальона. Тифлис, 1888. С. 15.

² Потто В. История 4-го драгунского Нижегородского полка... СПб., 1893. Т. 2. С. 156.

³ Каченовский В. Первое знакомство с Кавказом С. 168.

⁴ Филиппсон Г.И. Указ. соч. С. 171.

⁵ Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского... полка. 1894. Т. 3. С. 150.

⁶ Бобровский П.О. История 13го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка. СПб., 1895. Т. 4. С. 27.

ное природно-климатическим условиям региона. В виде опыта в 1846 г. полки были одеты в однобортные полукафтаны, снабжены юфтовыми ранцами и кавказскими высокими сапогами, вместо высоких папах им были даны низкие, наподобие северокавказских¹. Для всех российских полков в регионе окончательно такая форма была утверждена в июле 1848 г.²

Кавказская война показала командованию российских войск непригодность многих тактических приемов, выработанных практикой европейских войн. В первую очередь это касалось принципов ведения огневого боя. Борьба в горной зоне, покрытых густым лесом, против мелких, хорошо маневрирующих и маскирующихся групп сразу же заставила отказаться от предписываемой уставами стрельбы залпами и обратить внимание на огневую подготовку отдельного стрелка.

Роль стрелкового боя, в условиях северокавказского региона заставила военное командование, в целях успешной борьбы с врагом, изыскивать возможности для увеличения в полках количества стрелков. Кроме того, следовало перевооружить немалое число пеших солдат винтовками вместо гладкоствольных ружей, которые по своим качествам сильно уступали оружию местного населения³. В 1857 г. специально для усиления Кавказского корпуса было дополнительно сформировано для каждого пехотного батальона по одной стрелковой роте, а для каждой пехотной дивизии по одному стрелковому батальону. Стрелковые роты были вооружены семилинейными нарезными ружьями, а стрелковые батальоны шестилинейными винтовками⁴.

Своеобразным явлением в период народно-освободительной борьбы были пешие казаки–пластуны, из которых формировались специальные части. Их появление было обусловлено необходимостью успешно действовать против мелких пеших отрядов повстанцев, пробиравшихся в тыл русских войск по горным реч-

¹ Игнатович. Боевая летопись 82го пехотного Дагестанского полка. Тифлис, 1897. С. 12.

² Бобровский П.О. Указ. соч. Т. 4. С. 263.

³ Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 333; Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. С. 331.

⁴ Игнатович. Боевая летопись 82го пехотного Дагестанского полка. С. 241.

ным плавням и лесным чащам¹. В этой борьбе пластуны должны были перенять у своих противников все приемы и способы ведения боя. Даже своей внешностью казаки–пластуны ничем не отличались от повстанцев. Потрепанная черкеска, покрытая многочисленными заплатами, порыжелая папаха, чувяки из кожи дикого кабана щетиною наружу – вот обычная одежда пластуна. Кроме того, ее дополняли сумка за плечами, кинжал и висящие у пояса пороховница, шило из рога горного козла, котелок и пр.²

Необходимо отметить, что тактика пластунов, заимствованная у повстанцев, была полностью оценена военными специалистами только после Крымской войны, когда в боях за Севастополь в 1854–1855 гг. отличились 2 и 8^й батальоны черноморских пластунов³.

Российские кавалеристы не раз использовали прием, заимствованный ими у горцев, которые обычно подвозили пеших воинов на крупах своих коней ближе к противнику или таким же образом помогали им при отступлении⁴.

Своеобразный тактический прием, который был выработан в ходе народно-освободительной борьбы горцев, заключался в том, что создавалась система так называемых «залогов». «Залог» – заранее выбранные укрытия, за которыми солдаты скрывались от огня противника. При наступлении или отступлении стрелковые цепи передавались от одного «залога» к другому, прикрывая друг друга огнем⁵. Подобный тактический прием полностью был принят у повстанцев и только усовершенствован применительно к тактике российских регулярных войск⁶.

Необходимо указать, что тактика маневренной войны, отработанная в северокавказском регионе с учетом военного мастерства местных народов, с успехом использовалась российской армией, в основном кавалерией и в особенности казачьими корпу-

¹ Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. С. 334–336.

² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 497.

³ Есаул. Черноморские пластуны в Севастополе // Военный сборник. 1874. № 6. С. 138.

⁴ Потто В. История 44го драгунского Нижегородского полка. Т. 2. С. 68.

⁵ Зиссерман А. История 80го пехотного Кабардинского полка. СПб., 1881. Т. 3. С. 117.

⁶ Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. С. 343.

сами, и на других театрах боевых действий. Опыт, приобретенный в ходе Кавказской войны, нашел широкое отражение в российских кавалерийских уставах, методах обучения и боевой подготовке.

Таким образом, влияние военных обычаев местного населения сказывалось на самых различных сторонах жизни и боевой деятельности русских войск, действовавших в регионе, что выделяло их из всей остальной массы российской армии и создавало своеобразный, неповторимый тип северокавказского солдата, резко отличавшегося не только внешним видом и привычками, но и отличными боевыми качествами от всех иных. В течение длительного отрезка времени полки кавказских частей служили постоянным образцом, на который равнялись другие подразделения российской армии.

Следует отметить, что природная среда влияла не только на развитие тех или иных отраслей хозяйства восточнославянского населения, но и на особенности каждой из этих отраслей. Например, различались основные земледельческие культуры, которые возделывались в степной и предгорной зонах Северного Кавказа. Так, в плоскостных станицах большую часть зерновых составляли озимые, а в предгорных – яровые культуры. На равнине в больших размерах выращивали просо, а в левобережье Терека даже рис. Кроме того, значительные земельные площади занимали бахчевые культуры (арбузы, дыни), а гречихи или картофеля было немного. В предгорных русских селениях и станицах с более прохладным и влажным климатом не сеяли или почти не сеяли просо, не сажали арбузы, зато выращивали в больших количествах картофель, капусту, гречиху и пр.¹

Помимо отбора и применения традиционных способов хозяйствования, казакам, особенно жителям предгорных станиц, приходилось приобретать новые навыки, связанные с освоением непривычных для них сельхозугодий. Так, в ст. Фельдмаршальской со временем «население решилось косить сено даже на вершинах

¹ Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 27, 55, 115, 119, 233, 278, 341–342.

соседних высот, которые несколько лет тому назад считались у них недоступными»¹.

Животноводство различалось продолжительностью пастбищного периода. В левобережье Терека скот чуть ли круглый год находился на пастбищах. В предгорных станицах пастбищный сезон был немного короче: в ст. Аки-Юртовской он составлял не более 8 месяцев в году².

Одним из механизмов адаптации к природным условиям северокавказского региона являлся отбор тех форм хозяйства и материальной культуры, которые более всего соответствовали этим условиям. Терское казачество включало в свой состав очень разные социальные и этнические группы: гребенских, волжских, донских и «малороссийских» казаков, бывших однодворцев, оставших солдат, русских и украинских крестьян, а также осетин, кабардинцев, чеченцев, ингушей, кумыков, ногайцев, грузин, армян и др. Разные группы казачества имели разные хозяйственные традиции, возделывали различные сельскохозяйственные культуры, различные орудия труда и т.д. Из всего этого многообразия отбиралось и получало широкое распространение только то, что наилучшим образом соответствовало условиям региона.

В начале XIX в. русское население края применяло несколько типов пахотных орудий, больше всего – тяжелый «малороссийский» плуг, меньше – сохи и косули³. Следует отметить, что малороссийский плуг долго оставался важнейшим пахотным орудием терских казаков. Возможно, он соответствовал природным условиям плоскостной зоны региона. Плуг применяли в станицах Прохладной, Луковской, Новогладковской, Галашевской и др.⁴

Те же процессы происходили и в животноводстве. Так, в ст. Наурской, где жили потомки волжских казаков, преобладал

¹ Там же. С. 99.

² Там же. С. 121, 291, 338.

³ Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. С. 498–499.

⁴ Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего быта. С. 53, 270, 391, 432.

крупный рогатый скот «малороссийской породы», а овцы – «обыкновенной русской породы»¹.

Помимо отбора и применения традиционных способов хозяйствования, русскому населению, особенно казакам предгорных станиц, приходилось приобретать новые навыки, связанные с освоением непривычных для них сельхозугодий. Со временем казаки косили сено даже «на вершинах соседних высот, которые несколько лет тому назад считались у них недоступными»².

Кроме того, казаки заимствовали у северокавказских народов некоторые сельскохозяйственные культуры, которые имели явно местное происхождение. Такие сорта винограда как «тавлинский» или дербентский, возможно, попали русским от соседних народов³.

То же относится и к скотоводству. Так, в ст. Умахан-Юртовской крупный рогатый скот, овцы и козы были в основном «из горских пород»⁴. Среди домашних животных, которые разводили казаки ст.Новогладковской, преобладали «ногайские лошади, ногайский рогатый скот и буйволы... На породу овец и употребление буйволов повлияла преимущественно Кумыкская плоскость»⁵. То есть на развитие скотоводства русского населения низовий Терека в той или иной степени оказали воздействие ногайцы, кумыки и др. Их породы скота были хорошо приспособлены к местным условиям. Почти круглый год скот находился на подножном корму, «благодаря тому, что ногайская порода, принятая у казаков, давно освоилась с этим и есть мерзлую, желтую траву, вырывая ее копытом из-под снега»⁶. Таким образом, не только породы скота, но и способы ее содержания были заимствованы у ногайцев.

¹ Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 232–233.

² Статистические монографии по исследованию статистического быта Терского казачьего войска. С. 99.

³ Бутова Е. Станица Бороздиновская, Терской области, Кизлярского округа // СМОМПК. 1889. Вып. 7. С. 84.

⁴ Кикот В. Описание ст. Умахан-Юртовской, Терской области, Кизлярского отдела // СМОМПК. 1893. Вып. 16. С. 84.

⁵ Статистические монографии по исследованию статистического быта Терского казачьего войска. С. 290–291.

⁶ Там же. С. 291.

Следует отметить, что, несмотря на все заимствования, системы хозяйства у русских, казаков и местных народов не стали идентичными. К одним и тем же природным условиям они адаптировались по разному. Немалую роль в этом играли традиции. Так, казаки, жившие в предгорных станицах, в отличие от местного населения, сеяли очень мало кукурузы. Русские не привыкли к кукурузному хлебу и считали кукурузу «годною только для птицы, скотины и «азиятов»¹. Зато русское население успешно возделывало в этих условиях гречиху, которая не имела особого распространения у соседних народов.

Необходимо отметить, что у гребенских казаков, самого старожильческого восточнославянского населения края, было больше всего кавказских заимствований как в материальной культуре, так и в системе хозяйства, что помогло им лучше приспособиться к условиям Северного Кавказа. Возможно, это объясняется тем, что другие русские станицы в регионе появились сравнительно позже. Кроме того, в период Кавказской войны и даже после окончания отношения между казаками и местными народами оставались напряженными, что препятствовало взаимовлиянию их культур.

Как известно, в Кизлярско-Гребенском войске численность местного населения была немалой. Это можно объяснить тем, что образование русских станиц в низовьях Терека происходило в тот период, когда особенно упрочились дружественные связи между казаками и местными народами. Естественно, в этом сказалось значительное взаимовлияние культур соседних народов. Казаки заимствовали у местных народов различные детали костюма, вооружения, конской упряжки и т.д. Они также усваивали и местные говоры, а также перенимали институты куначества и аталычества².

Народы региона оказали определенное влияние на материальную культуру казачества, в том числе на одежду. Бельевая или постельная одежда (рубаша и штаны) русского населения шились

¹ Там же. С. 83.

² Вертепов А.Г. Очерки промыслов в Терской области. Владикавказ, 1897. С. 19; Кизляр – столица Нижне-Терского казачества. Махачкала, 2010. С. 48, 81, 89, 91; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 95.

из отбеленного холста. Бешмет шили из разнообразных тканей. Зимний бешмет был стеганым, а летний – на подкладке. На бешмет надевалась черкеска. В состав формы одежды казаков входила также бурка. Головной убор – шапку – папаху шили из овчины. Казаки носили головные уборы даже летом¹.

Выше уже указывалось, что российско-северокавказские брачные связи имеют давнюю историю. До середины 20^х гг. XIX столетия многочисленные межэтнические браки были связаны недостатком русских женщин в казачьих станицах. К середине XIX в. резко сокращаются русско-кавказские брачные союзы по причине демографической ситуации в регионе, связанной массовым переселением сюда русского населения из внутренних губерний страны. Кроме того, в период Кавказской войны родственные связи русских с местными жителями стали вызывать неприятие.

В качестве иллюстрации кавказской действительности первой половины XIX столетия следует привлечь картины известного художника Г.Г.Гагарина, жившего на Кавказе около 10 лет. В составе российских войск в регионе он проявил себя не только как прикомандированный художник, но и как мужественный воин и офицер².

В своих произведениях художник запечатлел типажи местных народов: «Горец из Аварии», «Женщина из Темир-Хан-Шуры», «Гребенский линейный офицер и его дочь», «Натухаец», «Молодой чеченец, торгующий курами» и т.д.³ По эскизам Г.Г. Гагарина в центре г.Темир-Хан-Шура был возведен Андреевский собор, который художник расписал⁴.

Кроме того, в работах Г.Г.Гагарина представлены и местные владетели (ханы, князья, беки, наибы, русские офицеры и др.).

Необходимо отметить, что художник не противопоставлял персонажей на «наших» и «не наших».

¹ Кизляр – столица Нижне-Терского казачества. С. 48–49.

² Доногоно-Коркмас. М. Кавказский художник князь Г.Гагарин. Махачкала, 1993. С. 11.

³ Там же.

⁴ Барнаш А.В. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начало XX вв. Пятигорск, 2006. С. 15.

После отъезда из края Г.Г. Гагарин издал альбомы «Костюмы Кавказа» и «Живописный Кавказ», которые стали известны не только в стране, но и за рубежом¹. Следует указать, что художник сделал очень много для положительного образа России в регионе.

Результатом длительного соседства различных этносов стали двусторонние заимствования. Народы региона испытывали заметное влияние на все сферы бытовой и культурной жизни передовой российской культуры. Российскими властями с 1785 г. осуществлялось строительство школ для местных народов и казаков.

Необходимо указать, что значительные успехи в области образования были достигнуты в середине XIX в. Осознавая специфику управляемого края, иногда российская администрация отступала от общепринятых в России правил.

Выше отмечалось, что проникновение русской грамотности и в целом культуры содействовало выдвижению просветителей из среды местных народов.

Уже указывалось, что весьма распространенной между народами Северного Кавказа, в частности Дагестана и казаками формой общения являлось куначество, заключавшееся в том, что почти каждый местный житель в соседней казачьей станице заводил себе друга, кунака. Отношения между кунаками были дружественные. Часто кунаки приезжали друг к другу в гости с подарками и оказывали взаимную помощь при уборке урожая, сенокосе и других сельскохозяйственных работах. По случаю несчастья кунаки выражали друг другу, как ближайшие родственники, соболезнование. Нередко местные народы отдавали малолетнего сына в семью казака на определенное время специально для изучения русского языка. Следует отметить, что обычай отдавать своих детей в станицу, в казачью семью в северокавказской практике имело широкое распространение. Дети местных народов в казачьей семье считались равноправными ее членами.

Нужно указать, что терско-гребенские и кубанские казаки также оказывали влияние на культуру местных народов. Причем это влияние на материальный и духовный быт местных народов было весьма ощутимым.

¹ Доногоно-Коркмас М. Указ. соч. С. 16.

Необходимо отметить, что влияние русского казачества особенно ярко прослеживалось в материальной культуре, прежде всего, равнинных и предгорных жителей региона, научившихся у своих восточнославянских соседей более культурным бытовым навыкам и усовершенствованным приемам ведения сельского хозяйства.

Под влиянием русских тип жилища местного жителя резко меняется и внешне и внутренне. Местные народы стали строить по образцу жилищ своих русских соседей деревянные, саманные, каменные или кирпичные дома с черепичной крышей и с окнами. Во внутреннем убранстве своего жилища местные жители начали подражать русскому казаку. Местные народы поняли преимущество русской печки перед горским очагом. Неуклюжие нары вытесняются изящной железной кроватью, низенький треножник – русским столом и т.д.

Кроме того, стол местных народов стал более разнообразным. Под влиянием русских местные народы стали чаще употреблять горячую жидкую пищу, овощи, готовить заквашенное тесто. Казаки переняли у местного населения целый ряд национальных блюд: пресный хлеб, лепешки с начинкой из сыра и овощей, смесь творога с топленным маслом и др. Кукурузу, ставшую весьма популярной стали варить, жарить, парить в русской печи. Также под влиянием местных народов фасоль, баклажаны и бобы появились в пищевом ассортименте казаков и русских переселенцев.

С появлением русского населения в регионе среди местных народов все большее распространение получают капуста, картофель, свекла, гречиха. У русских были переняты борщ, котлеты и другие блюда¹.

Необходимо указать, что основные изменения в результате тесного взаимодействия местных и восточнославянских (русских, украинцев, казаков) этносов в исследуемый период произошли в материальной, традиционной, правовой и профессиональной культуре народов.

¹ Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 175; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 336–338.

Нельзя не отметить и того, что длительная Кавказская война в корне не ломала дружественных отношений между казаками и местными народами. И, несмотря на все сложности их взаимоотношений, русская культура проникала в толщу северокавказских народов, а все лучшее, что было у местного населения, бралось для жизни в быту русским этносом края¹.

С XIX в. ассимилятивные процессы между взаимодействующими этносами начинают протекать более активно, особенно с окончанием Кавказской войны. Результаты межэтнического взаимодействия в регионе наиболее отчетливо прослеживаются в следующих элементах культурной жизни народов – жилище, одежда, пища, обычаи, музыка и т.д.

Выше уже отмечалось, что результатом взаимодействия местных народов и русского населения стало изменение внешнего и внутреннего вида их жилищ. У казаков в силу природно-климатических особенностей края и под воздействием местных традиций получили распространение так называемые сакли (хаты) –длинные низкие турлучные или саманные строения, большей частью без фундамента и с плоской крышей из камыша и печью, в которой зимой проживала вся семья². Местное влияние ощущалось и в интерьерах жилищ. Убранство казачьих домов определялось современниками как «смесь русских основ с азиатскими».

С усилением контактов с русскими местное население стало строить рубленые деревянные дома, стали активно использовать глину и саман³.

Начиная с конца XVIII в. горский костюм стал носить региональный характер. Не только у народов края, но и в России получил широкое распространение башлык, войдя в форму казачьих полков, в гимназическую форму.

Северокавказские народы и казаки в совместной жизни не могли не влиять друг на друга в культурном отношении. Известно, что гребенские казаки садоводству, виноделию и шелководству научились у народов Дагестана, в частности у кумыков, из-

¹ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. С. 71.

² Ржевуский А. Терцы. Владикавказ, 1888. С. 234.

³ Там же. С. 231.

давна занимавшихся этими отраслями хозяйства на Кумыкской плоскости.

Свою одежду, ничем не отличающуюся от горской, русские и казаки позаимствовали у местных народов. Неудобные и неприспособленные для верховой езды казацкие жупаны были вытеснены легкими и удобными черкесками.

С северокавказской одеждой казаки позаимствовали у местных народов и военное снаряжение. Тяжелые сабли и длинные неудобные пики они сменили на местный кинжал и шашку в тонких сафьяновых ножнах. С одеждой и снаряжением терско-гребенские казаки усвоили военное воспитание горцев, их игры и скачки, выправку, боевую гимнастику и все приемы наездничества¹.

Известный русский писатель Бестужев-Марлинский, сосланный по делу декабристов на Кавказ, на основании личных наблюдений в повести «Аммалат-бек» писал, что казаки низовой Терека «отличаются от горцев только небритою головою: оружие, одежда, сбруя, ухватки – все горское... Почти все они говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство по похищенным взаимно женам².

Влияние местных народов отразилось и в домашнем быту терско-гребенских казаков. Согласно мнению известного исследователя истории терского казачества И.Попко, казаки переняли у местного населения «внутреннее убранство домов; в одном углу – оружие и доспехи, развешанные по стене, в другом – постели и одеяла, сложенные правильными кипами, а на самом видном месте, по полочкам – посуда, тщательно вычищенная и парадно расставленная»³.

Кроме того, казаки позаимствовали у северокавказцев «поворотливую двухколесную арбу и рабочую езду на быках, а конь остался только для седла»⁴.

Стали меняться и передвижения местного населения: рядом с двухколесной арбой появилась и четырехколесная бричка.

¹ Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. С. 14, 15.

² Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек. М., 1958. С. 39–40.

³ Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. С. 24.

⁴ ССКГ. Тифлис, 1872. Т. 6. С. 143.

На основе взаимного общения под влиянием русского населения изменился тип жилища местных народов. Местные народы стали строить дома со светлыми окнами, с черепичной крышей, обставлять их кроватями вместо нар, внутри жилых строений появились печи по образцу русских.

Казачьи заимствовали у местных народов различные детали костюма, конской упряжи, вооружения. Кроме того, они усваивали и местные говоры, а также перенимали институты куначества и аталычества¹.

Казачьи и русские переселенцы позаимствовали у местных народов ряд национальных блюд: чурек – пресный хлеб, пироги с начинкой из сыра или овощей и пр.

Выше уже отмечалось, что под влиянием местных народов, наряду с русскими у казаков имелись северокавказские музыкальные инструменты: свирель, зурна, двухструнная балалайка, барабан и др.²

Мирный и дружественный характер взаимоотношений местных народов и казаков проявлялся и в том, что северокавказцы отдавали на время своих детей в казачьи станицы, в основном в семьи кунаков, чтобы они учились разговорному русскому языку. Передовые представители северокавказской интеллигенции приветствовали и поддерживали эту систему, как одну из форм сближения с русской культурой³.

Куначеские связи между казаками и местными народами не были поколеблены даже в период Кавказской войны. Так, в одном из своих обращений кизлярскому коменданту, жители Дагестана писали: «Понеже имели мы с терскими казаками доброе обхождение и, будучи в согласии, как они, так и мы довольны»⁴.

Влияние культуры местных народов нашло свое отражение не только в материальной, но и в духовной сфере терско-гребенских и кубанских казаков. Любопытно в этом отношении указать отражение северокавказской культуры в народном эпосе гребенского казачества. Народные сказки, предания, поговорки и

¹ Вертепов А.Г. Очерки промыслов в Терской области. С. 19.

² Кизляр – столица Нижне-Терского казачества. С. 51.

³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 287.

⁴ ЦГА РД. Ф. 335. Оп. 1. Д. 2. Л. 84–85.

легенды, очень распространенные среди терско-гребенских казаков, судя по композиции, юмору и остроумию, как точно подметил Немирович-Данченко, первоначально возникли у народов Северо-Восточного Кавказа, в частности Дагестана¹.

Многовековая совместная жизнь терско-гребенских казаков с народами Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, не могла также не отразиться на внешнем облике казаков. Как известно, в момент оседания казаков в регионе среди них совершенно отсутствовал женский элемент, в силу этого они вынуждены были нередко вступать в родственные связи с местным населением. И. Попко писал: «Гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения. Она сообщала гребенцу... живые черты южного аборигена, а сама заимствовала от него рост и мускульную силу и мужественный характер русской женщины»².

Некоторые терско-гребенские казаки из ст. Червленной, Наурской и др. ведут свою родословную от дагестанских, чеченских фамилий (Гуноевы, Белготоевы, Варандоевы и др.)³.

Смешанный антропологический тип казака подметил в XIX в. и доктор Гильченко, который в своем научном докладе в Петербургском университете говорил: «Вследствие недостатка русских женщин казаки брали себе жен у соседей – туземцев – кавбардинцев, кумыков и ближайших своих соседей. Эти браки составляли в стародавние времена самое заурядное явление, и путем смешения образовался особый могучий тип гребенского казака и казачки, остатки которого и по сей час встречаются изредка. Поразительная фактическая красота и крепость этого типа общеизвестна. В течение более чем 300-летней жизни среди различных кавказских племен происходила постоянная метизация путем браков и путем совместной вековой жизни. Сплошь и рядом среди казаков часто попадает тип красавца-горца»⁴.

¹ Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Вып.1. С. 113; Немирович-Данченко В.И. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. 1888. № 32.

² Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. С. 115.

³ Там же. С. 116.

⁴ Цит. по: Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 1. С. 66.

В период Кавказской войны симпатии некоторых русских солдат и низовых казаков были на стороне повстанцев, отстаивавших свою независимость. О сочувственном отношении русских солдат к народно-освободительной борьбе местных народов свидетельствует их массовый переход на сторону горцев и совместной борьбы против царизма¹. Так, в 1842 г. в Дагестане, в с.Ахвах, русский солдат, перешедший на сторону восставших, рассказывал пленным русским офицерам подполковнику Снаксареву, князю Орбелиани и др., что «партия беглых русских солдат, простирающихся до 100 человек, с барабанным боем и песнями проходит из деревни в деревню, прославляя щедроту и гостеприимство Шамиля, который приказал деревенским старинам удовлетворять все их требования и угощать за счет жителей»².

Многие из русских солдат, перешедших на сторону повстанцев, принимали мусульманство, а некоторые становились даже мюридами имама Шамиля³. Сохранился любопытный рассказ солдата пленным русским офицерам, в котором рассказчик сообщил, что он «из христианина сделался не только мусульманином, но даже мюридом, не умолчав о своей преданности Шамилю». Солдат закончил свой рассказ советом последовать пленным офицерам его примеру и перейти на сторону повстанцев.

Русские солдаты, переходившие на сторону повстанцев, оказывали им существенную помощь не только тем, что пополняли ряды восставших квалифицированными бойцами, а, самое главное, тем, что среди беглых солдат находились очень хорошие специалисты по технике военного искусства, в которых горцы ощущали острую потребность. При помощи перешедших на сторону повстанцев русских солдат имам Шамиль с 1843 г. начал отливать собственные пушки, называемые казачьими. На каждой из отливаемых пушек ставилось клеймо с именем «Шамуиль».

¹ Дадаев Ю.У. Этноконфессиональная политика государства Шамиля // Российский Кавказ: вчера, сегодня, завтра / Материалы Международного политологического форума. Махачкала, 14-21 сентября 2014 г. Махачкала, 2014. С. 45–46.

² Немирович-Данченко В.И. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. 1888. № 32.

³ Дадаев Ю.У. Этноконфессиональная политика государства Шамиля. С. 46–49.

Имаму Шамилю, с помощью мухаджиров и русских беглых солдат удалось построить специальный завод, где отливались ядра¹.

Как указывал герой повести Л.Н.Толстого, известный сподвижник имама Шамиля, Хаджимурат «учителями горцев в артиллерийском и инженерном деле были в большинстве беглые русские солдаты и офицеры»². Первых у имама было очень много и он их очень ценил. По приказу имама вблизи Ведено был построен поселок для «женатых, преимущественно мастеровых, на обязанности которых лежит делание артиллерийских лафетов и ящиков, они по очереди ходили в поход с орудиями и обучали горцев; жили там и офицеры, которые обучают солдат и смотрят за порядком»³.

Кроме того, как на левом берегу р.Хулхулау был построен большой по тем временам пороховой завод, мельницу и 24 огромные ступы которого приводили в движение воды Хулхулау и производилось до 200 пудов в год⁴. Рядом с заводом был построен также оружейный завод, мастерские оружейников и литейный цех, где отливали пушки и ядра⁵.

Необходимо отметить, что некоторые из беглых русских солдат становились ближайшими соратниками Шамиля. Так, например, русский по имени Мартын «своими советами не раз оказывал значительные услуги имаму, который его за это дарил своим благорасположением. В знак особого внимания к беглому солдату Мартыну Шамиль и назвал одно из крупных селений в Чечне его именем «Русский Мартын», а в произношении чеченцев «Урус-Мартан»⁶.

По указанию имама Шамиля в Ведено была построена церковь, старообрядческий скит для казаков, перешедших на сторону повстанцев. С левой стороны с.Ведено находилась Русская

¹ Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля. С. 248.

² Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты / Автор-составитель Р.И. Иванов. М., 1999. С. 46.

³ Там же. С. 46.

⁴ Казиев Ш. Имам Шамиль. М., 2001. С. 173–174.

⁵ Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля. С. 248.

⁶ Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. С. 114.

слобода, в центре которой была построена церковь со школой для детей беглых русских солдат, где офицеры обучали их грамоте¹.

Подчеркивая веротерпимость Шамиля, М.Н. Чичагова отмечала: «Он позволял нашим раскольникам, бежавшим в горы, строить новые часовни, поддерживать разбросанные древние храмы, свободно отправлять в них богослужение, не требуя за эти права ни податей, ни повинностей. В окрестностях Ведено существовало несколько раскольничьих скитов»².

Как известно, в Имамате было много беглых русских солдат. К концу 1845 г. было здесь около 2 тыс. солдат и офицеров. очевидец событий, зять Шамиля Абдурахман Газикумухский, отмечал: «У нас было много солдат, разбросанных во всех селениях, из них кое-кто принял ислам... и женился на мусульманке. Были и такие, которые остались в своей вере»³.

В своем дневнике А.Руновский писал: «Видя, что некоторые горянки изъявили желание выйти замуж за солдат, Шамиль внес даже «дополнение к основным правилам шариата» и разрешил девушкам... выходить замуж за солдат»⁴.

Как отмечал имам в своих разъяснениях А.Руновскому, «беглые русские солдаты, принявшие ислам и сделавшиеся семейными, вели свой домашний быт по русским обычаям, предоставляя женам свободу и окружая их ласками и попечениями, которых не знали горские женщины... Этот русский обычай очень понравился горским девушкам, и чтобы воспользоваться удобствами его, многие из них убегали из родительских домов и являлись к имаму с изъявлением желания выйти замуж за солдата»⁵.

Как отмечала известный этнограф С.Ш. Гаджиева «Через кумачество кумыкская верхушка стала отдавать своих сыновей в

¹ Дадаев Ю.У. Русские в государстве Шамиля // Вестник ИИАЭ. № 4(28). Махачкала, 2011. С. 11.

² Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1889. С. 49.

³ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 100.

⁴ АКАК. Т. 12. 1904. С. 1398.

⁵ Там же. Т. 12. С. 1398.

семьи терских казаков и другие русские семьи для обучения русскому языку, для прохождения курса в станичных школах и т.п.»¹

Анализируя отношения между местным населением и восточными славянами (казаками и русскими) в исследуемый период, следует отметить, что причины их резкого обострения, в частности в XIX в., коренились не в национальной психологии, а в политической сфере. Этому немало способствовали и российские власти в крае. Особенно ярко это проявилось во время Кавказской войны и в пореформенный период. Так, реформы, проводимые кавказской администрацией, нередко ущемляли интересы местного населения, что, естественно, вызывало их недовольство. Необдуманная переселенческая политика царизма, проводимая в пореформенный период в регионе, также способствовала обострению российско-кавказских отношений.

Как известно, пользуясь близостью Северного Дагестана и Чечни, из Кизляра отправлялись туда большие группы торговцев товаром, которые по словам Платона Зубова, «изучась различным наречьям горцев, проникают в самые отдаленные ущелья и, пользуясь святостью гостеприимства, производят торговлю с выгодами, едва вероятными, доставляя горцам предметы, делающиеся для них уже необходимостью»².

Постоянно общаясь с русским населением, местные народы оказывали влияние на его быт, что выразилось в заимствовании казаками кавказского костюма, предметов кавалерийского снаряжения, конской упряжи и т.д. В домах обычным украшением стал настенный ковер с висящим на нем оружием.

Местная мужская одежда с небольшими изменениями со временем стала официальной формой казачества. Казачки переняли от местных женщин верхнюю одежду и украшения.

Казаки заимствовали также у местных жителей двухколесную арбу и рабочую езду на волах.

Под непосредственным влиянием общения с восточнославянским этносом к местному населению стали проникать из цен-

¹ Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. М., 1985. С. 318.

² Цит. по: Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII веке. С. 141.

тральных регионов страны более усовершенствованные орудия труда. Таврические крестьяне завезли в Предкавказье овец – мериносов, лошадей, новые породы крупного рогатого скота.

Казаки и русские переселенцы оказали благотворное влияние на материальную и духовную культуру северокавказских народов. Местные народы «усвоили и перенимали в свой быт, – писал М.С. Тотоев, – культуру гребенского казака. Это усвоение шло в двух направлениях: по линии духовной и, значительно сильнее, по линии материальной культуры»¹.

Вместе с изменениями в материальной культуре местных народов происходили изменения в их языке, который обогащался русскими словами. В речи местного населения появились также русские слова, как «пеш»(печь), «биричка» (бричка), «калош» (галоши), «истол» (стол) и другие слова. Также весьма значительным было и влияние местных языков на говор казаков и русских переселенцев.

Благодаря сближению с русскими, – указывал современник, – на мужчинах-горцах реже встречаются лохмотья, женщины обзавелись канаусовыми бешметами, дети стали ходить в рубашках и чувяках вместо прежнего их природного костюма и старой овчинной папахи с отцовской головы»².

Известно, что в исследуемый период местные женщины, а также казачки – суьрмили брови и ресницы, отбеливали и румянили лицо различными косметическими средствами, которые готовились по северокавказским рецептам³. Французский автор XVIII в. К. Пейсонель отмечал, что на Северный Кавказ из Турции привозили «белила и румяна для женщин» и что «все адыгейки, абазинки и кубанские ногайки потребляли их в большом количестве»⁴.

¹ Тотоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977. С. 57.

² Цит. по: Тотоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. С. 57.

³ Мутиева О.С. Роль женщины–казачки в жизни Нижнего Терека в XIX – начале XX в. Махачкала, 2006. С. 46.

⁴ Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Вып. II. С. 27.

Близкие отношения с русскими давали возможность местному населению постепенно перенимать у них новые хозяйственные навыки. Благодаря общению с русскими поселенцами, северокавказцы узнали такие культуры, как картофель, капуста и др.

Следует отметить, что народы Дагестана оказывали немалое влияние на материальную культуру русского населения на Терке. Влияние это не было односторонним. Русское население, в свою очередь, оказывало известное влияние на материальную культуру местных народов. Восприняв у местного населения некоторые приемы культивирования винограда, казаки стали заниматься виноградарством и виноделием. Характеризуя экономику терских казаков в XVII в., русский воевода писал в Москву: «В Терский город виноградное питье терченя и терские и гребенские казаки привозят, и тот же виноград на Терке продают, и про себя держат»¹. Казаки научились у местных жителей сбору марены, которая произрастала в Терском округе².

Опыт разведения скота ногайцами на огромных степных просторах региона способствовал развитию навыков скотоводства среди соседних народов и русского населения Притеречья. Так, русские и украинские переселенцы, хотя и не передвигались часто со своими стадами, подобно ногайцам, но почти не занимались заготовкой кормов и содержали обычно скот в течение года на подножном корму, перегоняя его с места на место на большие расстояния. Это было типичное степное животноводство, сохранявшее на протяжении всего дореформенного периода экстенсивный характер³. Так, казаки перенимали у местных народов породы скота, более приспособленные к местным условиям⁴.

Следует отметить, что под влиянием ногайцев изменилась сама структура русского крестьянского хозяйства, в котором ведущее положение до середины XIX в. занимало степное ското-

¹ КРО. Т. 1. С. 317.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 358–359.

³ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 79.

⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 45. Л. 10, 35, 36, 105, 135.

водство¹. Русские заимствовали у ногайцев способы ведения скотоводческого хозяйства, методы содержания скота. Русские пастухи, находившиеся круглый год в степи, заимствовали удобную для такого образа жизни одежду. Ногайцы, в свою очередь, перенимали у русских их опыт по выведению более высоких пород скота².

Следует отметить, что многовековое соседство народов Северного Кавказа взаимно обогатило материальную и духовную культуру и тех и других народов.

Таким образом, исторические судьбы переселенцев были различными. Поселяясь компактно, крупными массивами (русские, украинцы), они сохраняли свою этническую специфику в культуре и быту, оказывали большое влияние на местное население, в то же время заимствуя у северокавказцев некоторые элементы костюма, пищи, хозяйственные навыки, танцы, песни и т.д. Переселение же в иноэтническую среду малочисленных групп какого-либо народа, как правило приводило к этнической ассимиляции.

¹ Невская Т.А. Связи ногайцев с русским населением Северного Кавказа в досоветский период // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1987. С. 27.

² Там же. С. 27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тщательное изучение и осмысление всего комплекса разнохарактерных фактических материалов позволяет нам сделать следующие выводы:

Торгово-экономические, политические и этнокультурные отношения народов Дагестана и Северного Кавказа между собой и Россией в исследуемый период были тесно связаны с политической обстановкой, сложившейся в это время в регионе. Прежде всего, это была борьба России с шахским Ираном, султанской Турцией и её вассалом – Крымским ханом за овладение Кавказом.

Материалы, приводимые в работе, дают возможность выявления некоторых закономерностей этнического развития местных народов в рассматриваемый период. Первая закономерность, прослеживаемая у всех народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, характеризует этнические границы и этнические территории как категории, обладающие некоторой подвижностью и изменчивостью. Эта общая для всего северокавказского края закономерность в разные исторические периоды и у разных народов проявлялась различно. Значительную роль в этом играли особенности этнического и социально-экономического развития местных народов. Огромное влияние оказывали политические взаимоотношения Дагестана с другими кавказскими народами, а также значение Северного Кавказа, как одного из центров политических противоречий ряда крупных держав.

Эти факты, в свою очередь, рождали те непосредственные причины миграции, действие которых приводило к изменению этнических границ и территорий. Так, значительная подвижность поселений некоторых местных народов, ярко проявлявшаяся в течение изучаемого времени, предельно меняла их границы.

Многочисленный документальный материал демонстрирует ещё одну важную закономерность. Северокавказский край в рассматриваемый период показывает картину непрерывного переселения в его пределы различных народов. Необходимо отметить, что результаты этого процесса, весьма различных по своему характеру, зависели от многих причин: от численности групп пере-

селенцев, от компактности их поселений, от социально-экономической и политической обстановки, в которой происходили переселения и т.п. Следствие такого рода миграций было не только изменение этнического состава населения определенного района, но и нередко значительные изменения этнических границ и территорий.

Различные источники дают возможность выявить предпосылки этих переселений и возникновения в пределах северокавказского края компактных населенных пунктов русских, украинцев, армян, грузин, греков, туркмен и др. С одной стороны, эти предпосылки вытекали из особенностей социально-экономического и политического развития Российского государства в исследуемый период и определенных задач, стоящих перед нею в Дагестане и на Северном Кавказе в XVIII – середине XIX в., с другой стороны – из социально-экономического и политического положения края в изучаемое время.

Население Дагестана и Северного Кавказа в плане его географического положения составляло две массивные группы – плоскостную и горную.

В экономике населения Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, переплетались различные специальные группы. Различия в хозяйстве заключались в известном разделении земледельческих и скотоводческих районов. В горной части жители преимущественно занимались животноводством, и в частности, овцеводством. Земледелие же здесь выполняло второстепенную роль. В плоскостной зоне края основной отраслью хозяйства, за некоторым исключением, оставалось земледелие, а скотоводство занимало второстепенное значение.

Огромную роль в экономике жителей края также играли садоводство, пчеловодство, рыболовство, виноградарство, мареноводство, шелководство, охота и т.п.

Большое место в экономике местного населения региона занимали ремесленное производство и домашние промыслы.

Развитие экономики и ремесла приводит к укреплению торгово-экономических связей народов Северного Кавказа между собой, а также с Россией.

Торгово-экономические взаимоотношения народов Северного Кавказа между собой и Россией в XVIII - середине XIX в. развивались в русле сложных и противоречивых как внутри, так и внешнеполитических событий в регионе. Их стабильность и неуклонное расширение было обусловлено общностью экономических интересов как народов Северного Кавказа, так и России.

Этот процесс был длительным, достаточно сложным и противоречивым, но он был предопределен долговременными положительными перспективами, что и в итоге привело к вовлечению народов региона в хозяйственно экономический ритм России, во всероссийский рынок, стимулировало включение края в товарно-денежные отношения, а это, в свою очередь, сыграло в целом огромную роль в социально-экономическом развитии народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана.

Под влиянием этого процесса в экономике народов региона происходили большие изменения. Российское правительство в этот период отводило большое внимание развитию торговых связей, усматривая в этом одно из средств распространения своего влияния на Северном Кавказе. Торговый обмен осуществлялся через перевальные пути и так называемый Сунженский перевоз, который сыграл большую роль в установлении торговых связей между народами Северного Кавказа.

Огромную роль в развитии торговли между народами Северного Кавказа и Россией сыграли основанные русскими города Терки, Святой Крест, Кизляр, Моздок, Ставрополь, Георгиевск, Екатеринодар, Владикавказ, Грозный, Ростов-на-Дону, Новороссийск и др., а также крупные экономические центры края, такие как Тарки, Аксай, Эндирей, Костек, Старые Атаги, Наурская, Батал-паша и т.д.

Торговые связи народов Северного Кавказа осуществлялись через торговые центры, расположенные на плоскости, а также через посредников – армянских купцов.

Здесь на месте скрещения важнейших дорог, ведущих с севера в Южный Кавказ и страны Ближнего Востока, жители Дагестана и Северного Кавказа встречались не только между собой, но и с торговыми людьми России, Южного Кавказа и других стран и государств.

Между народами Северного Кавказа существовали и другие формы экономических контактов. Абазины пасли свой скот на землях кабардинцев и бесленеевцев, карачаевцы, балкарцы и осетины – на землях кабардинцев, ногайцы – на «землях пятигорских черкас», вайнахи на землях кумыков и т.д. В процессе длительных общений между собой они перенимали друг у друга и трудовые навыки ведения хозяйства.

Общность торгово-экономических интересов, близкое соседство стимулировали укрепление и расширение многосторонних взаимовыгодных отношений между народами Северного Кавказа. Общие экономические интересы были основой добрососедских отношений, тесного сотрудничества, родственных связей.

Со второй половины XVIII – первой половины XIX северокавказский регион меняет свое геополитическое положение и становится ареной для осуществления социально-демографических, торгово-экономических и культурных преобразований. С этого времени край приобретает статус зоны тесного межкультурного взаимоотношения и уникального пограничного региона в географическом и социокультурном отношении.

В первой половине XIX в. города Северного Кавказа постепенно утрачивают свою первоначальную роль военных крепостей. Они в основном стали выполнять функции административных, экономических и культурных центров для народов региона.

В 50-60-х гг. XIX в. создаются некоторые предпосылки для превращения старых городов в города капиталистической эпохи. Здесь уже наряду с ремесленными мастерскими появляются заведения мануфактурного типа, увеличиваются и совершенствуются нефтеперегонные, рыбные предприятия и т.д.

Торгово-экономические связи народов края между собой, Россией и восточными странами осуществлялись через торговые центры, расположенные на равнине, а также через посредников – русских, персидских, турецких, армянских, азербайджанских, северокавказских купцов и торговых людей.

С усилением влияния Российской империи на Северном Кавказе торговые связи народов региона значительно расширились, несмотря на то, что мешали всевозможные ограничения и

запреты царской администрации. Ещё более наладилась торговля между северокавказскими народами и русскими благодаря открытию на Кавказской линии меновых дворов. Первые меновые дворы в регионе были открыты в конце XVIII в.

Следует отметить, что в первой половине XIX в. ассортимент российских товаров на меновых дворах расширился, но местные народы предпочитали покупать или обменивать свою продукцию на промышленные товары в городах и казачьих станицах. В то же время в регионе появляются посредники – купцы из числа местных народов (дагестанских, вайнахских, адыгских и др.), которые покупают у местного населения сырье и ремесленные изделия, реализовывали их в городах, как Центральной России, а также региона и покупали там российские промышленные товары. Необходимо указать, что с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений местные народы перестали бывать в меновых дворах, количество которых в крае постепенно уменьшается, а в конце 50-х гг. XIX в. они и вовсе перестали существовать¹.

Необходимо указать, что торговые связи с Петербургом использовались в политических целях. Наряду с колонизацией, меновые дворы, таможенные и карантинные заставы в определенной мере сдерживали вооруженные конфликты. Местное население охотно вступало в торговые отношения с русскими, многие из них «испрашивали дозволения» о постройке при меновых дворах собственных своих лавок. Желание местных народов заниматься торговлей вселяло уверенность в полезности развития этой отрасли. Торговые отношения поддерживались на меновых дворах, ярмарках и базарах, вдоль всей Кавказской линии. Российской администрации требовалось ограждать местное население от всяких обид, притеснений, обманов, чтобы вселить в них полное доверие к русским. Именно так завязывались торгово-экономические связи и дружественные отношения.

Следует отметить, что торговля являлась не только одной из прибыльных сфер хозяйственной деятельности, но и формой образа жизни и культуры людей. Реализуя их естественные потреб-

¹ Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 74-84, 104-114, 179.

ности в обмене товарами, торговля была мощным фактором со-зидания, ибо стимулировала развитие ремесел и кустарного про-изводства, науки, искусства, строительство городов, освоение но-вых территорий. Вместе с тем торговля выступала и как фактор мира, ибо нуждалась в политической стабильности, безопасности торговых путей. Кроме того, торговля была фактором культуры диалога, культуры цивилизационного общения, уважения обыча-ев и веры партнеров.

Кроме того, развитие торговли, усиление экономических связей способствовали дальнейшему сближению между собой народов Северного Кавказа, установлению взаимопонимания и дружбы между ними, укреплению их отношений с русским насе-лением региона, расширению рамок взаимовлияния их культур и быта.

По мере экономического освоения региона стали развиваться в городах буржуазные тенденции, связанные с ростом товарно-денежных отношений и с постепенным вовлечением Северного Кавказа в сферу единого общероссийского рынка. Все более уве-личивалась торговая роль городов как связующего звена в ры-ночных отношениях между городом и сельской местностью, а также между отдельными районами.

Изменялись размеры и формы торговли. На смену меновому характеру торговли пришли товарно-денежные отношения (уве-личивалось число и размеры ярмарочной торговли, торговли на базарах, рынках и т.д., более широким стал ассортимент товаров, все больше на рынках стали фигурировать промышленные изде-лия, как местные, так и привозимые из Центральной России).

Усиливаются процессы урбанизации в регионе: город при-обретает ведущую роль в обществе, начинает вести за собой село и в экономическом, и в политическом, и в культурном отношени-ях. Значительную часть населения региона, особенно в городах, составляли переселенцы, преимущественно из центральных гу-берний России.

Таким образом, в общем русле экономической интеграции народов Северного Кавказа между собой и Россией через россий-ские города в XVIII – середине XIX в. происходил важный про-цесс дальнейшего развития столетиями складывавшихся взаимо-

выгодных и взаимообусловленных торгово-экономических связей населения края между собой.

Северный Кавказ в изучаемое время были разделены на множество политических единиц и не представляли из себя единого целого государственного образования. На территории края существовали отличающиеся друг от друга по своему политическому устройству структуры – феодальные владения, во главе которых стояли шамхалы, ханы, князья, уцмии, майсумы, султаны; союзы общин в Дагестане и Чечне, управлявшихся в основном старшинами и высшим мусульманским духовенством, во многих из которых власть была наследственной.

Политические структуры отличались друг от друга не только своим географическим расположением в определенной части Северного Кавказа, но и своей территорией, внутренними и внешними границами, численностью населения, развитием различных отраслей хозяйства, политическим положением в системе других кавказских владений и взаимоотношений с ними и другими государствами, ролью и местом, которые они занимали в жизни народов края в целом.

Все феодальные владения Северного Кавказа были полиэтничны, в них проживали различные народы и этнические группы. Необходимо подчеркнуть, что в некоторых владениях один из этносов являлся основной или преобладающей частью населения.

Политическая история народов Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в. поражает своей чрезвычайно сложностью, которая широко вовлекалась в орбиту большой политики, в систему взаимоотношений великих держав. Сопротивление славянских государств Восточной Европы османской агрессии приводило к поискам союзников на Северном Кавказе. В свою очередь султанская и шахская дипломатия, будучи озабочены мероприятиями русских на Тереке, не упускали из поля зрения данный регион.

Шахская, крымско-османская политика по отношению к народам Северного Кавказа, в том числе и Дагестана явились внешним фактором, обусловившим сближение народов региона с Россией. История народов Северного Кавказа, как и России, на протяжении XVIII – середине XIX в. наполнена острой борьбой

за обеспечение безопасности своих границ от Сефевидского Ирана, Османской империи и стоявшего за ней Крымского ханства.

В ответ на сближение и развитие русско-северокавказских, дагестано-северокавказских отношений интенсивность набегов крымских ханов на Россию и Северный Кавказ менялась и становилась весьма частой. Объединенные отряды народов Дагестана, чеченцев, адыгов, казаков и др. создавали постоянные угрозы Крымскому ханству, сковывали его значительные силы, что во многом облегчило задачу обороны южнорусских границ.

Феодальные владетели Северного Кавказа поддерживали между собой тесные политические связи, однако не всегда дружественные. В борьбу за преобладание на Северо-Восточном Кавказе феодальные владетели Кабарды и Дагестана, каждый по своему, вовлекали и других местных владетелей, разделившихся между двумя противоборствующими сторонами.

Россия, находясь на сравнительно высоком для того времени уровне развития, оказывала прогрессивное влияние на экономику, культуру и быт народов регионе, способствовала стабилизации их внутривнутриполитической жизни.

Русские города на Северном Кавказе, возникнув как военные укрепления, одновременно выступали и как центры административных единиц, торгово-экономической, политической и культурной жизни, стимулируя развитие основных отраслей экономики региона – земледелия и скотоводства, а также крестьянских промыслов и ремесла.

В основном между трудовыми слоями северокавказских народов поддерживались мирные и добрососедские отношения. Этому во многом способствовало установление родственных отношений. Феодальная элита горского общества также была связана родственными и прочими узами с ногайской знатью. Эти многосторонние связи способствовали выработке общих черт в материальной и духовной культуре народов Дагестана и Северного Кавказа. В укреплении дружественных взаимоотношений между народами региона в XVIII – середине XIX в. определенную роль сыграла и Россия. Российское правительство, опираясь на достигнутые им политические и торгово-экономические связи между народами Северного Кавказа, проводило здесь твердую

политику против шахских и османо-крымских завоевателей. Она отвечала интересам не только северокавказских народов, но и, не в меньшей степени, самой России, определенно не только кавказской, но и всей своей восточной политики.

Позитивные сдвиги в социально-экономических отношениях, политической и культурной жизни народов Северного Кавказа стали возможным во многом благодаря тому, что Россия, как надежный щит, прикрывала и защищала их от внешних врагов, и прежде всего от Османской империи и Сефевидского Ирана. За спиной этих империй, остро соперничавших за установление своего безраздельного господства на Кавказе и порабощение его народов, стояли западные державы, в первую очередь, Англия и Франция, преследовавшие далеко идущие своекорыстные цели, всячески мешавшие возвышению России, превращению её в великую мировую державу.

В этих условиях Россия должна была проводить очень осторожную, гибкую политику в кавказском вопросе, являвшемся составной частью всей восточной проблемы. Сама Россия, будучи кровно заинтересованной в укреплении позиций на Кавказе, твердо и неуклонно отстаивала интересы народов региона на международной арене, силою оружия защищала их от внешних врагов.

Самодержавно-крепостнический строй, существовавший в то время в России, безусловно, накладывал свой отрицательный отпечаток на русско-северокавказские отношения и русско-дагестанские отношения исследуемого периода. С другой стороны, и поведение некоторых своенравных местных владетелей также временами приводило к созданию конфликтных ситуаций, обострению отношений с Россией. Но, несмотря на все эти негативные моменты, русско-кавказские отношения развивались по восходящей линии. Расширение и углубление разносторонних связей России с народами Северного Кавказа являлись определяющей тенденцией в истории их взаимоотношений.

С течением времени, с усилением феодально-крепостнической эксплуатации царизм, укрепив свои позиции на Северном Кавказе, стал распространять свое влияние на местные народы, стал стеснять их свободу, их традиции и обычаи, захватывать их зем-

ли и возводить на них военные крепости и укрепления. И ответом на рост эксплуатации и угнетения, на колониальную экспансию явились антифеодальные, антиколониальные выступления, которые подавлялись военной силой. Особую роль эта борьба приняла в первой половине XIX в., во время Кавказской войны. Печальным финалом этой Кавказской войны, заключительным итогом всех невзгод и страданий, выпавших на долю местных народов, явилось массовое переселение их в Османскую империю, негативные последствия которого были очень велики. Это был период, полный драматических картин, гибели многих десятков тысяч ни в чем не повинных людей, приведший к крупнейшей демографической катастрофе, которая вместе с усиленной колонизацией региона перекроила традиционный этнический облик Северного Кавказа.

Говоря о жестокости и вопиющем акте со стороны царизма, а также о далеко неблагоприятной роли Османской империи и стоявших за её спиной западных держав (Англии и Франции), преследовавших своекорыстные, экспансионистские цели, необходимо всегда помнить, что лучшие умы России и Европы осуждали Кавказскую войну, глубоко сочувствовали народам региона, расценивая их борьбу за свою независимость и свободу. Более того, трагическими эти события стали и для русского народа, который был ввергнут в войну царской колониальной политикой.

Поражение горцев в народно-освободительной борьбе, губительные эпидемии первой половины XIX в. и эмиграция привели к этнокультурной и демографической катастрофе, серьезным природно-ландшафтным изменениям и тяжелым экологическим последствиям в регионе. Местные народы утратили большую часть плодородных земель. В результате процессов, нарушивших естественное развитие северокавказских этносов, сложилась новая этнодемографическая ситуация и чересполосное проживание народов, что было закреплено аграрной, судебной и административной реформами (60-70 гг. XIX в.), и не могло не сказаться на самоидентичности народов края.

Благодаря наличию вековых традиционных взаимоотношений с соседями, местные народы успешно решали эти проблемы, предлагали в основном в обмен на интересующие их товары и

пастбищные земли как продукты животноводства, фрукты, так и скот.

Одним из проявлений этнокультурных связей народов Северного Кавказа в хозяйственной сфере являлось отходничество, способствовавшее распространению среди соседних этносов не только хозяйственных достижений, но и культурно-бытовых традиций и их обмену.

Другим важнейшим фактором в этнокультурных отношениях между северокавказскими народами являлись их многовековые кровнородственные и брачные связи. В рассматриваемое время особенно важное значение имели династические браки представителей социальных верхов местных народов, совершавшиеся обычно в целях урегулирования каких-либо войн, заключения политического союза.

Необходимо отметить, что значение межнациональных браков дагестанцев не ограничивалось лишь рамками привилегированных сословий, нередко они оказывали свое положительное влияние и на установление родственных взаимоотношений с представителями северокавказских этносов.

Историко-культурные связи народов региона показывают, что ни один этнос не формируется обособленно, его хозяйственно-культурный тип развивается во взаимосвязи и что все народы Северного Кавказа вместе создают лучшие образы жизнеобеспечения человечества.

Расширение и укрепление торгово-экономических, политических и этнокультурных взаимоотношений между народами Северного Кавказа способствовали налаживанию и установлению тесных разносторонних связей северокавказцев с Россией, подъему экономики, относительной стабилизации социальных отношений и обеспечению внешней безопасности региона.

Необходимо также отметить, что инкорпорация Северного Кавказа в пространство Российского государства проходила в условиях хронического недостатка кадров квалифицированных чиновников русской администрации. Среди чиновников, которые прибыли в регион, почти невозможно было отыскать специалиста, знавшего край, его особенности, традиции и обычаи местного населения. Без этих качеств эффективная административная

работа в крае была немыслима и поэтому нередко приводила к потере авторитета российской администрации. Поэтому задачи развития просвещения и образования в регионе стояли в центре деятельности российских властей.

Таким образом, в общем русле русско-северокавказских взаимоотношений, осуществлявшихся в XVIII – середине XIX в., большей частью в городах, происходил важный процесс расширения связей народов Северного Кавказа между собой и с Россией в политической, экономической и культурной областях.

И сегодня, изучая историю давно минувших дней, следует подчеркнуть, что ретроспективная оценка прошлого способна во многом прояснить и современную ситуацию, и будущую. Она дает возможность увидеть истоки нынешних проблем, извлечь из опыта прошлого значимые для социальной практики уроки. Как говорил ещё великий писатель и критик В.Г. Белинский, мы допрашиваем прошлое для того, чтобы его поставить на службу настоящему. А настоящее – это веками накопленный опыт совместной жизни и труда наших народов, когда даже в самые острые кризисные моменты не зарастала тропа, ведущая друг к другу. Это многовековой опыт их боевого содружества против общих врагов России и Кавказа. Опыт их дружбы, выдержавшей испытания временем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архивные и неопубликованные материалы.

Российский Государственный архив древних актов /РГАДА /– г. Москва

- Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Кн. 60. Д. 15. 1712 г.; Д. 30. 1720 г.; Д. 30. 1722 г.; Отд. 2. Д. 54. 1721 г.; Д. 59. 1721 г.; Отд. 6. Д. 58. 1705 г.
- Ф. 23. Кавказские дела. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1; Д. 5. Ч. 2; Д. 5. Ч. 3; Д. 5. Ч. 4; Д. 5. Ч. 14; Д. 9. Ч. 14; Д. 9. Ч. 15; Д. 9. Ч. 16; Д. 9. Ч. 17; Д. 9. Ч. 18; Д. 12. Ч. 2; Д. 12. Ч. 4; Д. 12. Ч. 5; Д. 12. Ч. 8; Д. 13. Ч. 1; Д. 13. Ч. 2; Д. 13. Ч. 6; Д. 14. Ч. 11; Д. 15. Ч. 4; Д. 15. Ч. 17; Оп. 3. Д. 9.
- Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Д. 5. 1719 г.
- Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. Д. 9 1704 г.; Д. 2. 1708 г.; Д. 1. 1709 г.; Д. 11. 1711 г.; Д. 16. 1712 г.; Оп. 2. Д. 81; Оп. 3. Д. 7; Д. 22; Оп. 4. Д. 1.
- Ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие дела. Оп. 1. Д. 1. 1704 г.; Д. 1. 1711 г.; Д. 5. 1720–1721 гг.; Д. 1. 1722 гг.; Д. 3. 1722 г.; Д. 5. 1722 г.
- Ф. 120. Кубанские дела. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Д. 1. 1712 г.

Российский государственный военно-исторический архив /РГВИА/ – г. Москва

- Ф. Военно-ученый архив /ВУА/. Оп. 1. Д. 37; Д. 45; Д. 47; Д. 123; Д. 186; Д. 141; Д. 208; Д. 221; Д. 224; Д. 477; Д. 482; Д. 1540; Д. 1847; Д. 1853; Д. 1853-Ч.1; Д. 2376. Ч.1; Д. 2377. Ч.2; Д. 2799; Д. 2801; Д. 4259. Ч.1; Д. 6164. Ч.15; Д. 6164. Ч. 52; Д. 6164. Ч. 81; Д. 6166. Ч. 2; Д. 6186; Д. 6190; Д. 6210; Д. 6247; Д. 6166. Ч. 1.; Д. 6266. Ч.2.; Д. 6288; Д. 6294; Д. 6448; Д. 6462; Д. 6500; Д. 6531; Д. 18474. Ч. 2; Д. 18511; Д. 18570. Ч. 1; Д. 18747; Д. 25481; Д. 25680; Оп. 2. Д. 13454; Оп. 3. Д. 399; Оп. б/н. Д. 1/482.
- Коллекция 414. Д. 300.

- Ф. 20. Военная экспедиция Главного штаба. Д. 15; Д. 29; Д. 31; Д. 56; Д. 71; Д. 79; Д. 90; Д. 108; Д. 133; Д. 242; Д. 321; Д. 408. Ч. 2.; Д. 408. Ч. 3; Д. 455; Д. 471; Д. 501; Д. 551. Ч. 1; Д. 551. Ч. 4; Д. 551. Ч. 5; Д. 555; Д. 667; Д. 683; Д. 743; Д. 743. Ч. 3; Д. 743. Ч. 31; Д. 769; Д. 827; Д. 1165.
- Ф. 52. Дела князя Потемкина-Таврического. Оп. 194. Д. 151. Ч. 1; Д. 161; Д. 216; Д. 289; Д. 306; Д. 329; Д. 236; Д. 239; Д. 240; Д. 242; Д. 245. Ч.1; Д. 289; Д. 306. Ч.2; Д. 329; Д. 331. Ч. 3; Д. 331. Ч. 5; Д. 350. Ч. 7; Д. 3666. Ч. 2; Д. 416; Д. 481; Д. 487; Оп. 194/1. Д. 151. Ч.1; Д. 364. Ч. 4; Д. 366. Ч. 2; Д. 366; Д. 416; Д. 483; Д. 516; Оп. 194/2. Д. 52.
- Ф. 424. Материалы о российских пограничных укреплениях, крепостях и укрепленных позициях. Оп. 1. Д. 47.
- Ф. 482. Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе. Оп. 1. Д. 1; Д. 9; Д. 20; Д. 192.

Архив внешней политики Российской империи МИД РФ /АВПРИ/
– г. Москва

- Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77. Д. 6. 1722 г.; Д. 7. Ч. 2. 1734 г.; Д. 4. 1753 г.; Д. 6. 1754 г.; Д. 2. 1762 г.; Д. 4. 1762 г.; Д. 323. 1763 г.; Д. 467. 1778-1800 г.; Д. 471. 1778-1800 г.; Оп. 77/1. Д. 8. 1727 г.; Д. 22. 1730 г.; Д. 10. 1731 г.; Д. 18. 1731 г.; Д. 15. 1732 г.; Д. 4. 1741 г.; Д. 410. 1742 г.
- Ф. 89. Сношения России с Турцией. – Оп. 89. Д. 7. 1721 г.; Д. 4. 1722 г.; Д. 5. Ч. 1.; Д. 5. Ч. 2. 1723 г.; Д. 6. 1735 г.; Д. 11. 1735; Д. 5. Ч. 1 1736 г.; Оп. 89/1. Д.9. 1746 г.; Д. 1. 1750 г.; Д. 1. 1750; Д. 2. 1750 г.; Д. 3. 1750 г.; Д. 3. 1752 г.; Д. 3. 1753 г.; Д. 216. 1770 г.; Д. 6. Ч. 1. 1742 г.; Д. 6. Ч. 1. 1744 г.; Д. 9. 1746 г.; Д. 1. 1754 г.; Д. 2. 1754 г.; Д. 2. 1756 г.; Д. 5. 1758 г.; Д. 2. 1759 г.; Д. 322. 1762 г.; Д. 377. 1765 г.; Д. 396. 1766 г.; Оп.89/8. Д. 1723. 1774 г.; Д. 5. 1732 г. Д. 8; Д. 12; 1733 г. Д. 5; Д. 7; 1734 г. Д. 9; 1735 г. Д. 6; 1736 г. Д. 5. Ч. 1; 1750 г. Д. 9.
- Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 90. Д. 931; Д. 941. 1782 г.; Оп. 90/1. 1732 г. Св. 33/в. Стб. 1. Д. 7; 1732 г. Д. 1; Д.1723–1772 г.; Д. 1723. 1774 г.
- Ф. 101. Дела Андреевской деревни. Оп. 101. Д. 1. 1721 г.

- Ф. 103. Азиатские дела. Оп. 103. Д. 14. 1763 г.; 1724—1735 гг. Д. 3; Д. 5. Ч. 1.
- Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 110. Д. 7. 1768—1774 гг.; Оп. 110/1. Д. 5. 1755 г.
- Ф. 112. Дела едисанских, ембулуцких и буджакских татар (ногайских). Оп. 112/1. Д. 1; Оп. 112/2. Д. 1; Д. 2. 1754—1759 гг.
- Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115. Д. 5. 1720-1721 гг.; Д. 3. 1722 г. Д. 5. — 1722 г.; Д. 1. 1725 г.; Д. 1. 1736 г.; Д. 1. 1739 г.; Оп. 115/1. Д. 6. 1722 г.; Д. 1. 1736 г.; Д. 1. 1739 г.; Д. 3. 1745 г.; Д. 9. 1747 г.; Д. 3. 1751 г.; Д. 11. 1755-1757 гг.; Д. 8. 1757 г.; Д. 11. 1758 г.; Оп. 115/2. Д. 4. 1749 г.; Д. 8. 1749 г.; Д. 15. 1764 г.; Д. 5. 1764—1767 гг.; Д. 9. 1762-1774 гг.; Д. 19. 1768-1776 гг.; Д. 21. 1769-1777 гг.; Д. б/н. 1766-1768 гг.; Оп. 115/1. 1764-1767 гг. Д. 5; 1784 г. Д. 1; Оп. 115/2. 1749 г. Д. 4; Д. 8; 1750 г. Д. 1; 1751-1776 гг. Д. 3; 1766-1768 гг. Д. б/н; 1768-1776 гг. Д. 19.
- Ф. 118. Кизлярские и Моздокские дела. Оп. 118. 1762-1772 гг. Д. 1; Д. 1. 1762-1783 гг.
- Ф. 120. Кубанские дела. Оп. 120. Д. 1; Оп. 120/3. Оп. 120/1. Д. 5. 1751 г.; Д. 2. 1752 г.; Д. 5. 1759 г.; Оп. 120/1. Д. 2. 1752 г.; Д. 3. 1751 г.; Д. 1. 1759 г.; Д. 1. 1784 г.
- Ф. 121. Кумыцкие и Тарковские дела. Оп. 121. Д. 6. Ч. 1. 1720 г.; Д. 1. 1762-1776 гг.; Оп. 121/1. 1757 г. Д. 1.; Д. 1. 1759 г.
- Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 123/1. Д. 20; Оп. 123/3. Д. 34; Д. 39; Оп. 123/4. Д. 6; Д. 39—1777 г.
- Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 127/1. Д. 1.
- Ф. 128. Осетинские дела. Оп. 128/2. Д. 1; Д. 3. 1742-1752 гг. Д. 3; 1767-1783 гг.
- Ф. СПб., Главный архив. 1-13. Оп. 8. 1806 г. Д. 2; 1-7. Оп. 8. 1818 г. Д. 2.

*Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб)
— г. Санкт-Петербург*

- Ф. 1268. Кавказский комитет. Оп. 1. Д. 134. Ч. 3-а; Д. 728-а; Д. 782-а; Оп. 9. Д. 54.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – г. Краснодар

- Ф. 249. Канцелярия наказного атамана Черноморского казачьего войска. Оп. 1. Д. 35; Д. 339; Д. 482; Д. 512; Д. 513; Д. 650; Д. 1003; Д. 1159; Д. 1397; Д. 1416; Д. 2294.
- Ф. 260. Канцелярия начальника Черноморской береговой линии. Оп. 1. Д. 557; Д. 560; Д. 822; Д. 1010; Д. 1194; Д. 1406; Д. 1409; Д. 1509; Д. 1603.
- Ф. 261. Канцелярия начальника Нижне-Кубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска. Оп. 1. Д. 39; Д. 722; Д. 1041; Д. 1059; Д. 1112; Д. 1119; Д. 1211; Д. 1240; Д. 1298; Д. 1315; Д. 1432; Д. 1646; Оп. 2. Д. 51.
- Ф. 327. Производство рациональных дел наказному атаману, Начальнику Штаба и др. чиновникам, избранным для поручений в Закубанском крае. Оп. 1. Д. 50.
- Ф. 670. Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска. Оп. 1. Д. 22; Д. 24; Д. 50.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – г. Ставрополь

- Ф. 79. Общее управление Кавказской области. Оп. 1. Д. 728; Д. 906; Д. 989; Д. 1596.
- Ф. 87. Канцелярия Гражданского губернатора Кавказской области. Оп. 1. Д. 31; Д. 43; Д. 233; Д. 585; Д. 586; Д. 594; Д. 945.
- Ф. 249. Управление кочующих народов. Оп. 1. Д. 18; Д. 340; Оп. 3. Д. 61; Д. 167; Д. 313; Д. 341; Д. 353; Д. 361; Д. 411; Д. 415; Д. 415; Д. 476; Д. 479; Д. 910; Д. 961; Д. 985; Д. 1187; Д. 1344; Д. 1348; Д. 1369; Д. 1382. Д. 1527; Оп. 4. Д. 80.
- Ф. 444. Канцелярия Гражданского губернатора Кавказской области. Оп. 1. Д. 9; Д. 54; Д. 604.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания (ЦГА РСО-А) – г. Владикавказ

Ф. 262. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей. Оп. 1. Д. 23.

***Центральный государственный архив Республики Дагестан
(ЦГА РД)
– г. Махачкала***

Ф. 18. Дербентский комендант. Оп. 1. Д. 31; Д. 90; Д. 168.

Ф. 334. Следователь Кизлярского казачьего полка Ставропольской губернии г. Кизляр. Оп. 1. Д. 2.

Ф. 335. Терский комендант. Оп. 1. Д. 2; Д. 4451.

Ф. 350. Приставы. Караногайский народ. г. Кизляр. Оп. 1. Д. 3; Д. 9; Д. 100; Д. 115;

Ф. 354. Таможня г. Кизляра. Оп. 1. Д. 2; Д. 11; Д. 16; Д. 137.

Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 2; Д. 3; Д. 5; Д. 7; Д. 9; Д. 13; Д. 14; Д. 17; Д. 29; Д. 34; Д. 44; Д. 45; Д. 62; Д. 111; Д. 112; Д. 115; Д. 125; Д. 154; Д. 156; Д. 160; Д. 228; Д. 258; Д. 259; Д. 275; Д. 320; Д. 331; Д. 357; Д. 409; Д. 441; Д. 471; Д. 484; Д. 500; Д. 517; Д. 520; Д. 524; Д. 543; Д. 638; Д. 667; Д. 668; Д. 683; Д. 762; Д. 943; Д. 852; Д. 710; Д. 750; Д. 762; Д. 873; Д. 881; Д. 883; Д. 884; Д. 915; Д. 943; Д. 957; Д. 987; Д. 1027; Д. 1033; Д. 1061; Д. 1106; Д. 1146; Д. 1157; Д. 1183; Д. 1193; Д. 1197; Д. 2492; Д. 2547; Д. 2578; Д. 2901; Д. 3260; Д. 3263; Д. 3274; Д. 3303; Д. 3374. Ч. 4; Д. 3381; Д. 3615; Д. 4332. Ч. 1; Д. 4333; Оп. 3. Д. 6; Д. 9; Д. 13; Д. 139; Оп. 4. Д. 165; Д. 357; Оп. 5. Д. 143; Д. 243; Оп. Д. 8.

***Научный архив ИИАЭ Дагестанского научного центра РАН – г.
Махачкала***

Ф. 1. Оп. 1. Д. 436. – Документы по русско-дагестанским отношениям в XVIII в.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. – Документы по истории Дагестана. XVII-XIX вв.

II. Книги и статьи

- Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-х гг. XVIII в. – Баку, 1958. – 212 с.
- Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и его взаимоотношения с Россией. – Баку, 1965. – 80 с.
- Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в. – Ташкент, 1971. – 135 с.
- Абдулаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII – XIX вв. – Махачкала, 2006. – 180 с.
- Абдулаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во второй половине XIX – начале XX в. // Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в.). Сб. статей. – Махачкала, 2000. С. 104–109.
- Абдулвахабова Б.Б. К истории русско-чеченских взаимоотношений в XVI–XVIII вв. (по материалам традиционной одежды) // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции. Пятигорск, 20–21 ноября 2009 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009.
- Абдуллаев М.А. Арабо-мусульманская научная и философская мысль в досоветском Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: Мысль, 2001. С. 138–170.
- Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. – Махачкала, 2008. – 192 с.
- Абдусаламов М.-П.Б. Роль торговых центров Кумыкии в торгово-экономических связях России с народами Северного Кавказа в XVIII в. // Вестник ЛГУ. № 2. Т. 2. – СПб., 2010. С. 7–15.
- Абдусаламов М.-П.Б. Из истории военного конфликта шамхала Адиль-Гирея Тарковского с царской администрацией на Кавказе: причины и последствия // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 4(88). – Майкоп, 2011. С. 62–69.
- Абдусаламов М.-П.Б. Тарковский шамхал Адиль-Гирей в планах России на Кавказе в начале XVIII // Вопросы истории. № 10. М., 2011. С. 133–136.

- Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в кавказской политике России: от Петербургского договора до Гянджинского трактата (1723–1735 гг.) // Армия и общество. № 1. – М., – 2012. С. 76–82.
- Абдусаламов М.-П.Б., Чекулаев Н.Д. Выступление шамхала Адиль-Гирея Тарковского в 1725 г. против российского военного присутствия в Дагестане и начало Кавказской войны // Вестник. Крас. ГАУ. Вып. 12. – Красноярск, 2013. С. 272–280.
- Абдусаламов М.-П.Б., Чекулаев Н.Д. Роль Кизляра в торгово-экономических связях кумыкских феодальных владений с Россией в XVIII веке // Вестник ВГТУ. Т. 9. № 2. – Воронеж, 2013. С. 165–170.
- Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. – Махачкала, 1997. – 868 с.
- Айларова С.А., Тебиева Л.Т. Культура и хозяйство: взгляд северо-кавказских просветителей (конец XVIII–XIX вв.). – Владикавказ, 2008. – 296 с.
- Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М. Елису и Горный магал в XII–XIX веках (очерки истории и ономастики). – Махачкала, 2011. – 390 с.
- Абдулвахабова Б.Б. Из истории торговых отношений между чеченцами и казаками (XVI– начало XIX вв.) // Чеченцы в обществе народов России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18 декабря 2008 г.). Т. 1. – Назрань, 2008.
- Абрам Ереванци. История войн 1721-1736 гг. – Ереван, 1939. – 94 с.
- Абутораб Сардадвар. Тарих-е незами ва сийаси-ие доване Надершах-е Афшар Техран 1354/1975
- Адат: от применения к описанию «Адаты кумыков» Маная Алибекова (введение и комментарии под ред. Г.М.-Р. Оразаева) // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V–начала XX вв.: В 2-х т. – М., 2009. Т. 2.

- Аджиев А.М. О кумыко-кабардинских взаимосвязях, отраженных в эпосе кумыков // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. – Нальчик, 1986.
- Аджиев А.М. Русско-кумыкские взаимосвязи, отраженные в фольклоре кумыков // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. – Махачкала, 1990.
- Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Изд. Эльбрус, 1975. Сост. В.К. Гарданов. – 635 с., черт.
- Акиева Х.М. Прикладное искусство чеченцев и ингушей. – Грозный, 1984.
- Актуальные проблемы истории Кавказа: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова (Махачкала, 14–15 апреля 2010 г.). – Махачкала, 2010. – 387 с.
- Акты исторические. – В 5 т. – СПб., 1842. – Т. 4. – 565 с.
- Акты Кавказской археографической комиссии. – В 12 т. – Тифлис: Т. 1. 1866. – 816 с.; Т. 2. 1866. – 1238 с.; Т. 3. 1873. – 760 с.; Т. 4. 1873. – 953 с.; Т. 5. Ч. 1–2. 1873. – 1170 с.; Т. 6. Ч. 1. 1875. – 943 с.; Т. 6. Ч. 2. 1875. – 950 с.; Т. 7. 1878. – 994 с.; Т. 8. 1881. – 1009 с.; Т. 9. 1884. – 1031 с.; Т. 10. 1885. – 938 с.; Т. 11. 1888. – 1020 с.; Т. 12. 1904. – 1556 с.
- Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. – Махачкала, 1999. – 339 с.
- Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX вв.). – Махачкала, 2006. – 378 с.
- Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). – Махачкала, 2007. – 440 с.
- Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. – Махачкала, 2009. – 416 с.
- Алиев Б.Г., Умаханов М.С. Историческая география Дагестана XVII–нач. XIX в. Кн. 1. – Махачкала, 1999. – 324 с.; Кн. II. 2001. – 324 с.

- Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX–XX веков). – Махачкала, 2001.
- Алиев И. Князь Мангатовских ногайцев (Отрывок письма из Прочно-Окопской крепости) // Московский телеграф. – М., 1820. № 12.
- Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. – Махачкала, 2008. – 260 с.
- Алиев К.М. Кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX вв.). – Махачкала, 2010. – 376 с.
- Алимова Б.М. Этнокультурное взаимодействие и взаимовлияние народов Дагестана и Северного Кавказа в XIX–XX вв. (на примере культуры питания). – Махачкала, 2012. – 272с.
- Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. – Баку, 1975. – 231 с.
- Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения /XV-XIX вв./ – Баку, 1985. – Ч. 1. – 173 с.
- Алиева С.И. Ногайцы Северо-Западного Кавказа после Ясского договора 1791 г. // Археология, этнография и краеведение Кубани: Материалы VIII краевой межвузовской конференции. – Краснодар, 2000.
- Алиева С.И. Ногайские тюрки (XV-XX вв.). – Баку, 2010. – 332 с.
- Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П. Добровольное присоединение Черкесии к России. – Черкесск, 1957. – 90 с.
- Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии – М.: Наука, 1971. – 355, ил. карт.
- Алексеева Е.П. Истоки дружбы народов Северного Кавказа с русским народом (IX-XVII вв.) // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1991. С. 68-73.
- Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. – Махачкала, 1994. – 222с.
- Андреевский А.А. Русские конфиденты в Турции и Крыму в 1765-1768 гг. Киев, 1894.
- Аллаев Н.М. Отношения Кайтагского уцмийства с Россией в XVIII – первой четверти XIX в. – Махачкала, 2007. – 261 с.
- Алборов Б.А. Говор осетин-иронцев Моздокского района // Известия 2-го Северокавказского пединститута им. Гадиева. Т. 9. – Орджоникидзе, 1932.

- Аноев А.А. Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. Т. 114. № 4. – М., 1877.
- Антинг Ф. – Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова Рымникского – СПб., 1799. Ч. 1 – 212., ил.
- Антропология конфликта и мира в культуре народов Кавказа (юга России): материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Традиция, 2012. – 288 с.
- Арнольди М. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. – СПб., 1890.
- Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): Основные направления, методы и последствия. – М., 2012. – 496 с.
- Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. – М., 1958. – 284 с., илл.
- Архив Государственного Совета. – СПб., 1869. Т.1. – Ч. 1. – 1036 с.
- Архив графов Мордвиновых. – СПб., 1902. Т. 5.
- Архив князя Воронцова. – М., 1882. Кн. 25 – 514 с.
- Аскеров А.Г. Социально-экономическое развитие Нижнетерского казачества во второй половине XIX – начале XX века. – Махачкала, 2009.
- Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Дагестан и Закавказье. Ч. 1. – М.: Наука, 1977. – 169 с.
- Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – М., 1995.
- Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. – Махачкала, 2009. – 216 с.
- Астрахань и Астраханская губерния. – М., 1852.
- Ахвердов А.И. Описание Дагестана, 1804 г. // ИГЭД. – М., 1958. С. 219-228.
- Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века.). – Грозный, 2002. – 528 с.

- Ахмадов Ш.Б. К истории развития взаимоотношений чеченцев с народами Кавказа в прошлом // Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа: история и современность. Материалы научно-практической конференции (26 марта 2005 г., г. Грозный). – Грозный, 2005.
- Ахмадов Ш.Б. Шейх Мансур. – М., 2010. – 371 с.
- Ахмадов Ш.Б. Из истории развития культурно-экономических связей чеченцев с народами Дагестана и России в XVI–XVIII вв. // Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII–XVIII вв.). Материалы международной научной конференции 20 апреля 2011 г. – М., 2011.
- Ахмадов Ш.Б. Общественно-экономический строй чеченцев в XVIII веке. Грозный, 2012. – 384 с.
- Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001. – 426 с.
- Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. – М., 2009. – 423 с.
- Ахматова М.А. Отражение карачаево-балкарского гостеприимства по отношению к ногайцам в нартском эпосе // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2014.
- Ашрафян К.З. Падение державы Сефевидов // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. – М., 1951.
- Ахмед-Джевет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1201 г.х. (1778-1788 р.х.) // Русских архив. – М., 1889. Кн. 1.
- Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик, 2002.
- Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. – М., 1980. № 5.
- Бакиханов А.К. О походах шаха Надира в Дагестан // Кавказ. 1846. № 2.
- Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. – Баку, 1991. – 304 с.
- Баллас М. Виноделие в России. – СПб., 1898. Ч. IV.

- Батчаев Ш.М. Генеалогические связи карачаевцев и кумыков // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность: материалы международной научно-практической конференции. – Владикавказ, 2009.
- Барзбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик, 2000. – 112 с.
- Барзбиев М.И. Национально-смешанные браки в этнокультурных связях балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVII–XIX веках // Эльбрус. № 1. – Нальчик, 2000.
- Барзбиев М.И. Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник. Вып. 2. – Нальчик, 2005. С. 126–140.
- Барзбиев М.И. Обычай аталычества во взаимоотношениях ногайцев с соседними народами // Архивы и общество (Научно-просветительский журнал). № 3. – Нальчик, 2007. С. 152–155.
- Барзбиев М.И. Брачные контакты представителей высших сословий тюркских народов Северного Кавказа с кабардинцами в XVI–XVIII вв. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2014.
- Барнаш А.В. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начало XX в. – Пятигорск, 2006.
- Бассевич Г.-Ф. фон. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. – М., 2000.
- Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. – Нальчик, 1994.
- Бегеулов Р.М. Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. – Карачаевск, 2009. – 290 с.
- Бегеулов Р.М. Из истории межэтнических контактов карачаевцев и абхазов // De Caucaso: историко-этнографический альманах. Вып. 1. – Карачаевск, 2009.
- Бегеулов Р.М. К вопросу о взаимоотношениях шамхальства с этнополитическими образованиями Центрального Кавказа (XVI–XVII вв.) // Материалы международной научной конференции «Эндиреевский владетель Султан-Махмуд в исто-

- рии российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI – первая половина XVII в.). – Махачкала, 2010.
- Белевы путешествия через Россию и в разные азиатские земли / Перевод с французского – в 3-х ч., – СПб., 1776. – Ч. 3. – 247 с.
- Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. – М., 1889 – 582 с.
- Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. / Под общей ред. В.Г. Гаджиева. – Махачкала, 1994. – 80 с.
- Бентковский И.В. Частные владения и крепостная колонизация на Северном Кавказе // Ставропольские губернские ведомости. 1876. № 41.
- Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год. – Екатеринбург, 1880.
- Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Кавказские областные ведомости. 1882. № 14.
- Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение иногородцев-магометан, кочующих с Ставропольской губернии. Ногайцы. – в. 2-х ч. – Ставрополь, 1883. – Ч. 1. – 134 с.
- Бентковский И.В. Кавказская губерния до преобразования в область 1804-1824 гг. // Ставропольские губернские ведомости. 1887. № 6, 18.
- Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек. М., 1958. – 121 с.
- Березин И. Путешествия по Дагестану и Закавказью. Ч. 1. Казань, 1849.
- Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб., 1882. Т. 33.
- Берже А.П. А.П. Ермолов и его кебинные жены // Русская старина. № 9. – М., 1884. С. 525–528.
- Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. – Нальчик, 2010. – 48 с.
- Бларамберг И.Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
- Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). – Орджоникидзе, 1970. – 378 с.
- Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. – М., 2004. – 877 с.
- Блиев М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. – 592 с.

- Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. – Владикавказ, 1992.
- Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. – Владикавказ, 2005. – 358 с.
- Бобровский М.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка. – СПб., 1895. Т. 4.
- Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. – Тбилиси: Изд. Мецниереба, 1974. – 106 с.
- Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х ч. – М., 1823. – Ч. 1 – 361 с.; Ч. 2. – 471 с.
- Бутова Е. Станица Бороздиновская Терской области, Кизлярского отдела // СМОМПК. Вып. 7. – Тифлис, 1889.
- Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. В 3-х ч. – СПб., 1869. – Ч. 1. – 548 с.; Ч. 2. – 600 с.; Ч. 3. – 620 с.
- Булгарова М.А. Этнонимы в ногайской топонимии // Некоторые вопросы социолингвистики и топонимики Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1988.
- Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. – М., 1958.
- Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. – М., 1955.
- Васильев Д.С. Загадка старого Кизляра // Вопросы истории Дагестана. – Махачкала, 1974. Ч. 1.
- Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: досоветский период. – Махачкала, 1986. – 248 с.
- Васильев И.Д. Украинцы Кубани: история этнической эволюции // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2013.
- Вахушти Багратиони. География Грузии. – Тбилиси, 1957.
- Великая Н.Н. Вайнахо-ногайские религиозно-культурные параллели // Проблемы происхождения нахских народов: Всесоюзн. научн. конференция. Тезисы докладов – Шатой, 1991.

- Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Армавир, 2001. – 192 с.
- Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001. – 279 с.
- Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик, 2004.
- Вергун Д.Н. Россия и Турция. – СПб., 1911.
- Вертепов А.Г. Очерки промыслов в Терской области. – Владикавказ, 1897.
- Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа: история и современность.
- Материалы научно-практической конференции (26 марта 2005 г., г. Грозный). – Грозный, 2005. – 120 с.
- Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. – Нальчик, 1982. – 256 с.
- Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир, 1993.
- Виноградов В.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796-1801 гг.). – Армавир-Славянск-на-Кубани, 1999, – 115 с.
- Виноградов В.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. – Славянск-на-Кубани, 2005. – 384 с.
- Виноградов В.Б. Казы-Гирей – ногайский просветитель // Возрождение. № 9. – Махачкала, 2006. С. 21–22.
- Виноградов В.С. Кавказ в творчестве Л.Н. Толстого. – Грозный, 1959.
- Виноградов В.С. Пирогов в нашем крае // Известия ЧИНИИИЯЛ. Вып. 1. – Грозный, 1964.
- Влияние социокультурных, политико-правовых и экономических процессов на генезис гражданского общества в евразийском пространстве (на примере Северного Кавказа и города-героя Кизляра): Сб.статей Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Махачкала, 2015. – 248 с.
- Внешняя политика России. – М., 1970. Т. 7.
- Волкова Н.Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе // СЭ. № 1. – М., 1967.

- Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973. – 208 с.
- Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1974. – 274. – 276 с., табл.
- Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X. – Тифлис, 1866.
- Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом (продолжение) // Кавказский сборник. Т. XIV. – Тифлис, 1888. С. 1-216.
- Вопросы истории и этнографии Дагестана / Сб. науч. сообщений. – Махачкала, 1970. Вып. 1.
- Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Вып. IV. Тифлис, 1868. С. 1–36.
- Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII – начало XX вв. – М., 1978. – 434 с.
- Востриков П.А. Станица Наурская Терской области // СМОМПК. Вып. 33. Отд. 2. – Тифлис, 1904.
- Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // СМОМПК. Вып. 37. – Тифлис, 1907.
- Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. – М., 1871. – Кн. 4. – С. 1–168.
- Гаджиев Б.И. Темир-Хан-Шура. – Махачкала, 1992.
- Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965. – 392 с.
- Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и р. Курой, находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. – М.: Наука, 1979. – 270 с.; ил., карт., факс.
- Гаджиев В.Г. Вековая дружба братских народов // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и другими народами Кавказа. – Махачкала, 1982.
- Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. – Махачкала, 1996. – 262 с.

- Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. – Махачкала, 1974. С. 11–28.
- Гаджиева С.Ш. Кумыки. – М., 1961. – 387 с., илл.
- Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – М., 1976. – 227 с.
- Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1979. – 173 с.
- Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. – М., 1985. – 359 с.
- Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. – Махачкала, 1995. – 151 с.
- Гальченко И.Э. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. – Орджоникидзе, 1975.
- Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2003.
- Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 гг.). – Нальчик, 2004. – 489 с.
- Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). – Грозный, 2006. – 516 с.
- Гапуров Г.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (страницы хроники русско-горской трагедии XIX века). – Нальчик, 2007. – 312 с.
- Гарданов В.К. Присоединение Северного Кавказа к России // Народы Кавказа. Т. 1. – М., 1960.
- Гарданов В.К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов // СЭ. № 1. – М., 1964.
- Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII – первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. – Махачкала, 2004. – 168 с.
- Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала, 2007. – 275 с.
- Гарунова Н.Н. Административная и культурная роль городов-крепостей в политике России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX века. – Махачкала, 2008. – 304 с.

- Гарунова Н.Н., Кидирниязов Д.С. Права и полномочия кизлярского коменданта как военного руководителя гарнизона (1725–1800 гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. № 7. – Пятигорск, 2013. С. 40–46.
- Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Российская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). – Махачкала: ДГУ, 2011 – 620 с.
- Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. – Махачкала, 1994. – 255 с.
- Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды) – Махачкала, 2004 – 608 с.
- Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I 1722-1723 гг. // Материалы научной конференции «Россия и Кавказ» (11-12 ноября 2004 г.). – Владикавказ, 2005. С. 102-124.
- Гашимов Ч.М. О совместных поселениях горцев Дагестана и Северного Кавказа (XVI–XVIII вв.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 1. – Махачкала, 1970.
- Гашимов Ч.М. Дагестано-кабардинские политические связи в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 4. – Махачкала, 1974.
- Гашимов Ч.М. Из истории взаимоотношений Дагестана с Чечено-Ингушетией в XVI–XVIII вв. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. – Махачкала, 1982. С. 55–70.
- Геграев Х.К. Демографическая история балкарцев последней трети XVIII – первой трети XIX вв. // Социокультурные и политические проблемы высокогорных районов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее / Материалы Всероссийской научной конференции. – Карачаевск: КЧГУ, 2010. С. 160-170.
- Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. О народах татарского племени. – СПб., 1796. – Ч. 2., 178 с., ил.
- Генеалогия народов Кавказа. Трагедии и современность: материалы международной научно-практической конференции. – Владикавказ, 2009. – 244 с.
- Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 // ИГЭД. – М., 1958.

- Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. 7. – Тифлис, 1883.
- Генко А.Н. Абазинский язык. – М., 1955. – 204 с.
- Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. – М., 1958. С. 60–80.
- Герман И.И. Погром Батал-паши на берегу Кубани 30 сентября 1790 г. // Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала и кавалера И.И. Германа. – Екатеринодар, 1896. С. 1-15.
- Гёзалова Н. Вопросы истории Азербайджана в XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и историографии). – Баку, 2010. – 244 с.
- Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. – СПб., 1809. – 384 с.
- Гимбатова М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – Махачкала, 2005. – 188 с.
- Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – нач. XX в.)/ – Махачкала, 2014. – 392 с.
- Главани К. Описание Черкесии. 1724 г. // СМОМПК. Вып. XVII. – Тифлис, 1893.
- Глиноецкий Н.К. Поездка в Дагестан // Военный сборник. № 1. – М., 1862.
- Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. – М., 1789. Ч. 8. Отд. 6.
- Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. – М., 1982. – 215 с.
- Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, 1914. № 11.
- Голубов С.Н. Солдатская слава. – Краснодар, 1983.
- Гомборцы. Исторический очерк деятельности 1-го кавказского стрелкового батальона. – Тифлис, 1888.

- Гордеев А.А. История казаков. Со времени царствования Петра Великого до начала Великой войны 1914 года. – М., 1992. – 352 с.
- Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1971. Вып. 12–13.
- Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития / Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России. В 2-х ч. – Карачаевск, 2008. Ч. 1. – 299 с.; Ч. 2. – 307 с.
- Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. – СПб., 2000.
- Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. – СПб., 2008.
- Город Моздок: Исторический очерк. – Владикавказ, 1995. – 306 с.
- Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов // СЭ. – М., 1964. № 1.
- Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба за её независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1876. Вып. 9.
- Грабовский Н.Ф. Ингуши // ССКГ. Вып. 9. – Тифлис, 1876.
- Грамота Екатерины II Шагин-Гирею от 25 августа 1777 года // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1868. – Т. 7. – С. 209-210.
- Гребенец Ф.С. Новогладковская станица в прошлом и настоящем // СМОМПК. Вып. 44. – Тифлис, 1915.
- Грибоедов А.С. Сборник произведений – М.; Л; 1959.
- Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. – Грозный, 1965 г. – 66 с.
- Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды ЧИНИИ-ЯЛ. – Грозный, 1961. Т. 4. – 196 с., ил., карт.
- Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник. – Грозный, 1969. Т. 3.

- Гриценко Н.П. Истоки дружбы. – Грозный, 1975. – 196 с.
- Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – сер. XIX века. – Ростов-н/Д, 1984. – 159 с.
- Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик, 1999. – 687 с.
- Гулам Хусейн Михтадар. Набардхое бозарг-е Надершах. Техран, 1380/1960.
- Гусейнова И. Историческая энциклопедия Кавказа. Баку, 2010.
- Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. – Махачкала, 1992. – 303 с.
- Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. (Тематический сборник). – Махачкала, 1990. – 191 с.
- Дадаев Ю.У. По тропам шамилевских сражений. – Махачкала, 1997. – 247 с.
- Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. – Махачкала, 2006. – 492 с.
- Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля. – М., 2007. – 491 с.
- Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. – Махачкала, 2009. – 621 с.
- Дадаев Ю.У. Русские в государстве Шамиля // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4(28). – Махачкала, 2011. С. 7–15.
- Дадаев Ю.У. Этноконфессиональная политика государства Шамиля // Российский Кавказ: вчера, сегодня, завтра / Материалы Международного политологического форума. Махачкала, 14–21 сентября 2014 г. – Махачкала, 2014.
- Дадаев Ю.У. Государственное образование (Имамат) Шамиля: органы власти и управления. – Махачкала, 2015. – 504 с.
- Давидович В.Е., Суций С.Я. Этнические и региональные факторы в формировании культуры юга России // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток. Геополитика и цивилизационные отношения. – М., 1996.
- Далгат У.Б. Л.Н. Толстой и Дагестан. – Махачкала, 1960. – 190 с.
- Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. – М., 1972. – 467 с., илл.

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978. Т. 1; 1979. Т. 2.
- Данилов А. История России: справочные материалы IX–XIX века. – М., 1998.
- Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М., 1846. – 193 с., илл.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в.: Сборник документов. – Махачкала, 1959. – 785 с.
- Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи / Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. В 2-х т. – М., 1952. Т. 1.
- Дебу И.О. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах, собранных в 1816 по 1826 год. – СПб., 1829. – 463 с.
- Дзагов Р.К. К истории развития образования в Кабарде в XIX – начале XX века // Исторический вестник. Вып. IV. – Нальчик, 2006.
- Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001. – 412 с.
- Дзарасов А.А. Взаимоотношения алан-осетин с народами Кавказа в средние века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владикавказ, 1999.
- Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2003. – 512 с.
- Демин О.Б. Приазовье второй четверти XVII века и формирование мировой системы государств // 350-летие Азовского осадного сидения (тезисы докладов) – Азов, 1991.
- Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX века. – Махачкала, 1985. – 96 с.
- Джахиев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813-1829 гг.). – Махачкала, 1991. – 80 с.
- Джахиева Э.Г. Из истории экономической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа во второй половине XVIII – пер-

- вой трети XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 9. Армавир, 2004. – С. 33-39.
- Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1202 год хиджры /1775-1784/ / Пер. с турецкого М. Гамазова – Русский архив. – М., 1888. – №3. – С. 369-392.
- Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. – Майкоп, 1986. – 191 с.
- Дзидзария Г.А. Торнау и его кавказские материалы. – М., 1976. – 130 с.
- Дзидзоев В.Д. Народы Северного Кавказа в XVIII-XIX вв. – Нальчик, 1995. – 96 с.
- Договоры России с Востоком политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. – СПб., 1868. – 296 с.
- Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1.: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. – М., 1998.
- Дон и степное Предкавказье / Отв. ред. А. Пронштейн. – Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 1977. – 240 с.
- Доногоно-Коркмас. М. Кавказский художник князь Г. Гагарин. – Махачкала, 1993. – 128 с.; 95 илл.
- Драгунский офицер. Воспоминания о Закавказском походе // Военный сборник. № 1. М., 1860.
- Древности Дагестана. – Махачкала, 1974. – 328 с.
- Дренякин Д.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. – М. 1958.
- Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года / его подготовка и заключение / – М.: Изд. АН СССР, 1955. – 368 с., ил., карт.
- Дружинина Е.И. Северное Причерноморье 1775-1800 гг. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – 279 с., ил., карт.
- Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Т. 2. – Тифлис, 1877.
- Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848-го по 1856-й год // Кавказский сборник. – Тифлис, 1886. Т. 10.
- Дроздов И. Начало деятельности Шамиля (1834-1836 гг.) // Кавказский сборник. – Тифлис, 1899. Т. 20. С. 250-296.

- Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе – В 6 т. – СПб., 1871. – Т.1. – кн. 1 – 640 с., 1872. Кн. 2 – 422 с., 1886 – Т. 6. – 681 с.
- Дукмасов Современное обмундирование и вооружение казаков // Военный сборник. № 2. – М., 1871.
- Егорова В.П. И.С. Костемеровский (1813–1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане – Махачкала, 2000. – 80 с.
- Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). – М., 1971. – 272 с.
- Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова 1798-1826 гг. – М., 1991. – 464 с.
- Ермолов А.П. Записки. – М., 1868. Т. 2. –440 с.
- Есаул. Пешие казаки // Военный сборник. № 1. – М., 1860.
- Есаул. Черноморские пластуны в Севастополе // Военный сборник. № 6. – М., 1874.
- Жданов Ю.А. Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая России в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный, 1982.
- Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе. – М., 1896. – 465 с.
- ЖМВД. Кн. 5. – М., 1830. Кн. 5.
- Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. – М., 1947.
- Заболоцкий П. Путевые записки из Астрахани в Баку // ЖМВД. Ч. 29. СПб., 1839.
- Забудский. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч. 1. СПб., 1851.
- Загорский И. Восемь месяцев в плену у горцев // Кавказский сборник. Т. 19. – Тифлис, 1898.
- Заседателяева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI-XIX вв. // КЭС. – М., 1984. Вып. 8. С. 38-60.
- Заседателяева Л.Б. Терские казаки /середина XVI – начало XX в./ – М.: Изд МГУ, 1974 – 423 с., ил.
- Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1891. Вып. 11. С. 3-35.

- Захарьин И.Н. Кавказ и его героям. – СПб., 1902.
- Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. – М., 2003.
- Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2: 1851–1856 гг. – СПб., 1879. – 441 с.
- Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского ген.-фельдмаршала Князя Барятинского полка (1726-1800). – СПб., 1881. Т.1 – 506 с.; Т. 3. – 538 с.
- Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, со-предельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4-х ч. – СПб., 1835. Ч. 2. – 270 с.
- Зубов П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 г. в 3-х т. – СПб., 1836. Т. 2. Ч. 3. – 269 с.
- Зульпукарова Э.М.-Г. Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции. Конец XIX – середина XX века. – Махачкала, 2003. – 360 с.
- Ибрагимбейли Х.-М. Страницы истории боевого содружества русского и кавказских народов (1853–1856 гг.). – Баку, 1970.
- Ибрагимбейли Х. Россия и Северный Кавказ в XVI – первой половине XIX века в освещении современной буржуазной историографии // История СССР. – М., 1981. №2. С. 185-199.
- Ибрагимова З.Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60–70 гг. XIX в.) – М., 2000.
- Ибрагимова М. Стихи и поэмы. – М., 1999. – 224 с.
- Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского полка. – Тифлис, 1897.
- Идрисов Ю.М. Очерки истории северных кумыков. Махачкала, 2014. – 232 с.
- Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. Этнические взаимосвязи карачаево-балкарцев с народами Дагестана // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития / Материалы Всеросс. науч. конференции. Ч. 1. – Карачаевск, 2008.
- Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в контексте развития и краха теократического проекта имама Мансура в 1785–1786 годах // Вестник Адыгей-

- ского государственного университета. Вып. 4(108). Майкоп, 2012. С. 82–89.
- Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1932. Т. 4.
- Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Сборник статей. Махачкала, 1982. – 201 с.
- Иноземцева Е.И. К вопросу о торгово-экономических связях Дагестана с народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. – Махачкала, 1991.
- Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. – Махачкала, 2001. – 224 с.
- Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пресечению работоторговля на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 9 – Армавир, 2004. С. 21–27.
- Иноземцева Е.И. Характер таможенной политики контрагентов русско-дагестанской торговли в 18–19 веках // Кизляр в Кавказской политике России: История и современность. – Кизляр, 2005.
- Иноземцева Е.И. Основные тенденции развития русско-дагестанских торгово-экономических отношений в XVI–XVIII вв. // Россия и Дагестан: история многовековых взаимоотношений и единения. Материалы республиканской научной конференции, посвященной окончательному присоединению Дагестана к России (г. Махачкала, 13 октября 2009 г.). – Махачкала, 2009.
- Иноземцева Е.И. Города Нижнего Притеречья как центра инкорпорации народов Северо-Восточного Кавказа в имперскую экономическую систему России (вторая половина XVI – первая половина XIX вв.) // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы международной научной конференции (Каспийск, 18–19 сентября 2012 г.). – Махачкала, 2012.
- Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории – Махачкала, 2014. — 298 с.

- Ионова С.Х. Антропонимы в топонимике абазин // Некоторые вопросы социолингвистики и топонимии Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1988.
- Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. – М., 2001. – 367 с.
- Историко-географические записки о странах, лежащие между Черным и Каспийским морями / Пер. с франц. Ф. Шишкевича. – СПб., 1910.
- Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез: материалы Всероссийской научно-практической конференции (17-18 октября). – Армавир, 2007. – 284 с.
- Исторические сведения о местах, на которых основан город Петровск // Кавказ, 1869. 14 декабря № 147.
- Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. / Под ред. ген.-м. Потто. – Тифлис, 1899. – 323 с.
- Историческое описание земли Войска Донского. – СПб., 1872. Т. 2.
- История Адыгеи. В 2-х т. Т. 1. – Майкоп, 2009. – 452 с.
- История Востока. В 6 т. – М.: Вост. Лит., 2000. Т.3; 2004. Т.4. Кн.1. – 608 с.
- История Дагестана. – В 4-х т. – М.: Изд. Наука, 1967. – Т. 1. – 431 с., ил.; 1968. – Т. 2. – 364 с.
- История Дагестана. – В 2-х т. – М., 2004. Т. 1. – 632 с.
- История дипломатии. – В 4-х т. – Изд. 2-е. – М., 1959. – Т. 1. – 896 с.
- История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. – М., 1958. – 270 с.
- История Ирана. – М., 1977. – 488 с.
- История Ингушетии. – Ростов-на-Дону, 2013.
- История Кабарды с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н.А. Смирнов. – М., 1957. – 395 с.
- История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева // Сборник статей и документов. – Нальчик, 2005. – 904 с.

- История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней – в 2-х т. – М.: Наука, 1967. – Т. 1 – 432 с., ил., карт.
- История и культура народов Северного Кавказа / Сб. научных трудов. – Пятигорск, 2005. Вып. 2-3. – 126 с.
- История и культура народов Северного Кавказа / Сб. научных трудов. – Пятигорск, 2006. Вып. 6. – 152 с.
- История и этнография горских евреев Кавказа. Материалы семинара 15–17 сентября 1997 г. – Нальчик, 1998. – 86 с.
- История Кубани с древнейших времен до наших дней / науч.ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар, 2004. – 232 с.
- История Кубани. – Краснодар, 2005. – 336 с.
- История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик, 2007. – 720 с.
- История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. – Махачкала, 2009. – 752 с.
- История на България. Българско-Възраждане. 1856-1878 гг. София, 1987. Т. 6
- История Осетии в документах и материалах. – Цхинвали, 1962.
- История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. Т.1. – 528 с.
- История Турции / Перевод с турецкого Е.Э. Гольмана. – М., 1937. – Т. 3-81 с.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. – 547 с.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 653 с.
- История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т. – Грозный, 2008. Т. 1. – 828 с.; 2013. Т. 3. – 656 с.
- Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. – В 2-х т. – М.: Изд. АН СССР, 1957. – Т. 1. – 478 с.; Т. 2. – 424 с.
- Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатическое исследование. – СПб., 1996. – 224 с.
- Кавказ. Описание края и краткий исторический очерк присоединения к России. – СПб., 1911.

- Кавказ, Ближний и Средний Восток в мировой политике: история и современность / Материалы международной научно-практической конференции (Махачкала, 16-17 ноября 2006). – Махачкала, 2006. – 168 с.
- Кавказский календарь на 1853 год. – Тифлис, 1852. – 684 с.
- Кавказский календарь на 1856 год. – Тифлис, 1855. – 785 с.
- Кавказский календарь на 1858 год. – Тифлис, 1857. – 534 с.
- Кавказский сборник. – Тифлис, 1885. Т. 9. – 539 с.; 1896. Т. 17 – 560 с.; 1897. Т. 18 – 506 с.; 1899. Т. 20. – 539 с.
- Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы // Тезисы докладов международной научной конференции. – Махачкала, 1998.
- Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха. Материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». 25 мая 2012 г., – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛ ЭФ, 2012. – 288 с.
- Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. – 720 с.
- Кавказ. 1847. №11; 1848. №13, 19; 1849. № 12; 1856. № 2.
- Казембек М.М. Мюридизм и Шамиль // Русское слово. – СПб., 1859. № 12.
- Казиев Ш. Имам Шамиль. – М., 2001. – 378 с.
- Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. – Нальчик, 1994. – 438 с.
- Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. – М., 1971. – 478 с.
- Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. – Черкесск, 1988. – 232 с.
- Калмыков М.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. – Нальчик, 1995. – 128 с.
- Калоев Б.А. Моздокские осетины. – М., 1995. – 245 с.
- Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-е изд. – М., 2004. – 471 с., илл.
- Каменский. Обращение осетин в христианство в XVIII в. // Труды Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. – Тифлис, 1887.

- Каменев Н. Развалины церкви св. Георгия // Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 1869. № 36.
- Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы. – Нальчик, 2008. – 496 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1988-1989. Кн. 1-3.
- Каракетов М.Д. О семейно-брачных связях северокавказских элит в XVII–XIX вв. (генетический аспект на примере Карачая) // Вопросы тюркологии. – М., 2010. № 1. С. 105–129.
- Каракетов М.Д. Ногайско-карачаевские связи до начала XX в. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2014. С. 141-142.
- Караулов Н.А. Говор гребенских казаков // СМОМПК. Вып. 37. – Тифлис, 1907.
- Караулов Н.А. Терское казачество в прошлом и настоящем (Памятка терского казака). – Владикавказ, 1912. – 385 с.
- Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1978. – 336 с.
- Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – 815 с.
- Карлгоф Н. Магомет Амин // Кавказский календарь на 1861 год. – Тифлис, 1860.
- Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен // Русский вестник. Т. 28. – М., 1860.
- Касумова П.Ю. Территория и численность союзов сельских обществ Западного Дагестана в XVIII-XIX вв. // Современные проблемы общественно-гуманитарных наук (территория и практика) / Научные труды Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2010. С. 33-36.
- Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905. – 443 с. Каспий. № 2. – Баку, 1899.
- Каченовский В. Первое знакомство с Кавказом. От Червленной до Хасав-Юрта. 1846 г. // Военный сборник. № 7. – М., 1863. С. 157–178.
- Керейтов Р.Х. Новое о Казы-Гирее // Половецкая луна. – Черкесск, 1991. № 1. С. 90–97.

- Керейтов Р.Х. Некоторые вопросы этногенетических и историко-культурных связей кубанских ногайцев с народами Северного Кавказа // Историческое регионоведение – вузу и школе: Материалы 5-й региональной научно-практической конференции. Ч. 2. – Славянск-на-Кубани, 1997.
- Керейтов Р.Х. Участие кубанских ногайцев в движении Шамиля // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы: Тезисы докладов Международной конференции. – Махачкала, 1998.
- Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. – Ставрополь, 2009. – 464 с.
- Кидирниязов Д.С. Институт аталычества у ногайцев // Второй Международный конгресс этнографов и антропологов. – Уфа, 1997. Ч. 2.
- Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV –XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). – Махачкала, 2000. – 532 с.
- Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. – Махачкала, 2000. – 145 с.
- Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. – Махачкала, 2003. – 218 с.
- Кидирниязов Д.С. Традиции войлочного искусства ногайцев // XX столетие и исторические судьбы национальных художественных культур: традиции, обретения, освоение. Материалы Всероссийской научной конференции. – Махачкала, 2003. С. 746–750.
- Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – нач. XX в. (Исследование экономического развития и социально-политического устройства). – Махачкала, 2005. – 219 с.
- Кидирниязов Д.С. Торгово-экономические связи народов Северного Кавказа между собой и с Россией во второй половине XVIII – начале XIX в. // Межнациональные отношения на Северном Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы региональной научно-практической конференции (19 апреля 2007 г.) – Дербент, 2007. С. 97-100.

- Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – нач. XX в. – Махачкала, 2008. – 296 с.
- Кидирниязов Д.С. Кабардинцы и ногайцы в российско-османско-иранских отношениях в первой половине XVIII в. // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы. – Нальчик, 2008. С. 164–174.
- Кидирниязов Д.С. Переселение ногайцев Северного Кавказа в Турцию в XIX веке // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в. Сб. статей. – Махачкала, 2008. С. 110–113.
- Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII–XIX вв. – Махачкала, 2010. – 152 с.
- Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х годов XIX в.). – М.: Парнас, 2011. – 456 с.
- Кидирниязов Д.С., Махмудова К.З. Георгиевский договор 1802 г. // Вопросы истории. № 9. – М., 2012. С. 148-153.
- Кидирниязов Д.С. Кавказская политика России во второй половине 40-х гг. XVIII в. // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы Международной научной конференции. – Астрахань, 2012. С. 3–11.
- Кидирниязов Д.С. Внутренняя и внешняя торговля народов Дагестана во второй половине XVIII – 20-е гг. XIX века // Современные проблемы общественно-гуманитарных наук (теория и практика): материалы международной научно-практической конференции (23-24 марта 2012 г.). – Махачкала, 2012. С. 23-27.
- Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. – Махачкала, 2013. – 456 с.
- Кидирниязов Д.С. Эмиграция народов Северного Кавказа в султанскую Турцию во второй половине XIX – начале XX в. // Мемлекет тарихы История государства. № 1 – Астана, 2015. С. 132–146.

- Кидирниязов Д.С., Махмудова К.З. Идеи «государственного устройства» Кавказа в российской просветительской мысли первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №2(28). Ч. II. – Тамбов: Грамота, 2013. С. 78–83.
- Кидирниязов Д.С., Рабаданова А.У., Гарунова Н.Н. Дагестан в политике России, Ирана и Турции в середине 90-х гг. XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. № 5. Ч. 1. – Краснодар, 2014. С. 207–210.
- Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. Деятельность Осетинской духовной миссии в контексте российской конфессиональной политики в Северокавказском регионе (середины XVIII – первая половина XIX в.) // Мемлекет тарихы История государства. №1. – Астана, 2015. С. 147–158.
- Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. Осетинская духовная комиссия на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории. № 3. – М., 2015. С. 163–169.
- Кизляр – столица Нижнее-Терского казачества. – Махачкала, 2010. – 520 с.
- Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII (по материалам Астраханской таможни): Автореф. дис. ... канд ист. наук. – М., 1971. – 25 с.
- Кикот В. Описание ст. Умахан-Юртовской, Терской области, Кизлярского отдела // СМОМПК. Вып. 16. – Тифлис, 1893.
- Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. – М., 1959. – 175 с.
- Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII – 80^е гг. XIX в. – М., 1984. – 328 с.
- Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции – Ставрополь, 2000. – 184 с.
- Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь, 2008. – 432 с.

- Кирюхин В.С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике во взаимодействии. – Саратов, 2000. – 226 с.
- Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, также в земли бюджетских и ногайских татар и во весь Крым в 1768, 1769 и 1770 г. – СПб., 1783 – 250 с.
- Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827 гг.). – Ессентуки, 1999. – 135 с.
- Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). – Пятигорск, 2002. – 494 с.
- Клычников Ю.Ю. «Хищничество» и «пленоправство» на Северном Кавказе // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. . Вып. 4. – Пятигорск, 2005С. 46–68.
- Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). – Пятигорск, 2006. – 158 с.
- Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй пол. XVI-XVIII веках. – Пятигорск, 2008 – 136 с.
- Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Колонизационно-переселенческие шаги российской администрации на Северо-Западном Кавказе в 60-е–70-е годы XIX в. // Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа в последней трети XIX – начале XX веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войне. г. Грозный, 22 апреля 2014 г. ЧГУ. Грозный, 2014. С. 129–134.
- Ключевский В.О. Курс русской истории: В 8 ч. – М., 1956-1959; – Ч. 5. – 596с.
- Книга о лошади. – М., 1952. Т. 1. – 608 с.
- Кобахидзе Е.И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII-XIX вв.). – Владикавказ, 2008. – 246 с.
- Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. – М., 1982. – 196 с.

- Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. 1. – Владикавказ, 1995.
- Кодзоков Л.М. Заметки о кавказском коневодстве // Терские ведомости. № 10. Владикавказ, 1869.
- Козубский Е.И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. – 468.
- Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. – 724 с.
- Кокиев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии. – Владикавказ, 1928. – 74 с.
- Кокиев Г.А. Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. – М., 1929. № 4-6.
- Кокиев Г.А. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). – Орджоникидзе, 1934. Вып. 1. – 345 с.
- Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. – Нальчик, 1974.
- Кокурхоев К.-С.А. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. – Грозный, 1989.
- Короленко П.П. Черноморцы. – СПб., 1874. – 288 с.
- Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска (1696-1896): Исторический очерк. – Екатеринодар, 1896. – 94 с.
- Короленко П.П. Материалы по истории Кубанского казачьего войска// Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1908. Т. 13.
- Короленко П.П. Закубанский край // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик, 2004.
- Корольков М.Я. Шейх Мансур Анапский (эпизод из первых лет завоевания Кавказа) // Русская старина. № 5. – СПб., 1914. С. 414-415.
- Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961. – 105 с.
- Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX в. – Нальчик, 1991. – 158 с.
- Краснов М. Просветители Кавказа. – Ставрополь, 1913. – 102 с.
- Краснов Г. – Ставрополь на Кавказе. – Ставрополь, 1957. – 227 с., ил.
- Край наш Ставрополье. 2-е изд., перераб. – – Ставрополь, 1999. – 528 с.

- Краткий очерк деятельности пароходного общества «Кавказ и Меркурий». – СПб., 1909.
- Креницын Н.В. Восточный вопрос на почве его истории и политики. – СПб., 1900.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960.
- Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. Т. 8. – 531 с.
- Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. – М., 1967.
- Кудаев М.Ч. Карачаево-балкарский свадебный танец. – Нальчик, 1988.
- Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (Изд. II. Дополненное и переработ.). – Майкоп, 2014. – 388 с.
- Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913.
- Кужелева Л.И. Ногайцы (Из истории ногайцев XVIII – нач. XX в.) // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. – Махачкала, 1964. Т. 13 (серия историческая). С. 194–229.
- Кузеева З.К. Народное орнаментальное искусство ногайцев // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему / Материалы Первой Международной науч.-практич. конференции. Черкесск, 2014. С. 363–366.
- Культура и быт народов Северного Кавказа. – М., 1968. – 348 с.
- Культура мира в традициях и обычаях народов Северного Кавказа. – Назрань, 2013. – 200 с.
- Кузнецов И.Д. Терские речные и притерские морские рыбные промыслы. СПб., 1898.
- Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. – Нальчик, 1962. – 200 с.
- Кумыков Т.Х. Жизнь и общественная деятельность Л.М. Кодзкова. – Нальчик, 1962. – 80 с.
- Кумыков Т.Х. Хан-Гирей. – Нальчик, 1968. – 132 с.
- Кумыков Т.Х. Адыгские просветители. – Нальчик, 1978.
- Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. – Нальчик, 2002. – 446 с.

- Кумыкский энциклопедический словарь. Изд 2-е. – Махачкала, 2012. – 400 с.
- Кунов Н.А. Моздокские кабардинцы (историко-этнографическое исследование). – Майкоп, 2002. – 109 с.
- Курмансеитова А.Х. У истоков ногойской книги. – Черкесск, 2007. – 216 с.
- Кусов Г.И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А.С. Пушкина. – Орджоникидзе, 1987.
- Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. – М., 1981. – 232 с.
- Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией / вторая половина XVI – 30-е годы XVII в./ – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 372 с.
- Кушхабиев А.В., Магомеддадаев А.М. Деятельность общественных организаций северокавказских диаспор в Турции // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. № 1. – Махачкала, 2012. С. 25–32.
- Ктиторова О.В. Потенциал традиционной культуры в межэтническом взаимодействии. Межэтнические отношения на Северном Кавказе: история и современность // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (4 апреля 2013 г.). – Махачкала, 2013.
- Лавров Л.И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII века // Материалы по истории земледелия СССР. – М.: Изд. АН СССР, 1952. – Сб. 1. – С. 179-225.
- Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС Вып. 4. – М., 1969.
- Лавров Л.И. Этнография Кавказа (По полевым материалам 1929–1978 гг.). – Л., 1982.
- Лазарян С.С. Экономическая, социальная и этноконфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. – Пятигорск, 2014. – 398 с.
- Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского ИИЯЛИ. Вып. 5. – Ставрополь, 1968.

- Лайпанов К.Т. Этногенические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. – Черкесск, 2000. – 80 с.
- Лайпанов К.Т. Карачай и карачаевцы. – Черкесск, 2005.
- Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995.
- Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русский. – Нальчик, 1995. – 564 с.
- Лапицкая С. Завоевание и колонизация Крыма царизмом. // Исторический журнал. – М., 1937. – № 7. – С. 41-53.
- Ларина В.И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Известия СОНИИ. – Орджоникидзе, 1957. Т. 19.
- Лашков Ф.Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан. – Киев, 1886. – 44 с.
- Лебедев А.А. Куда влечет тебя свободный ум. – М., 1982.
- Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1882. Вып. I; II. 1883.
- Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. – Баку, 1948. – 228 с.
- Лерх И.Я. Выписка из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. – СПб., 1790. Ч. 43, 45.
- Летифова Э. Илисуйское султанство. – Баку, 2010. – 400 с.
- Линевич И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. – Тифлис, 1873. Вып. 7.
- Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. – М., 1958. С. 6–59.
- Лорд Мальмсбюри /Гаррис/ о России в царствование Екатерины II // Русский архив. – М., 1874. – Кн. 2. – С. 738-899.
- Лунин Б.В. Очерки истории Подонья – Приазовья. – Ростов-на-Дону, 1951. – Кн. 2. – 380 с., ил., карт.
- Лурье С.В. Историческая этнология. – М., 1997.
- Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1720-1723 гг. – М., 1951. – 247 с.

- Магарамов Ш.А. Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции изучения проблемы // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4 (36). – Махачкала, 2013. С. 5-9.
- Магарамов Ш.А. Сотрудничество дагестанской правящей элиты с Россией в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. № 10. 2014. С. 133-137.
- Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Индийское купечество в развитии торговых контактов Дербента с Астраханью в XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 8-2 (46). – Тамбов: Грамота, 2014. С. 105-108.
- Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территорию Чечено-Ингушетии в XVI–XVII вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. – Грозный, 1981. С. 21–37.
- Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана (XIX – начало XX в.). – Махачкала, 1999. – 205 с.
- Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в. – Махачкала, 1998. – 284 с.
- Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII – XIX вв. (экономический, политический и культурный аспекты). – Махачкала, 2008. – 256 с.
- Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй пол. XVIII – нач. XIX в. – Махачкала, 2000.-157 с.
- Магомедов Н.А., Маханов А.А. Табасаран во взаимоотношениях России, Ирана и Турции в XVIII – начале XIX в. – Махачкала, 2011 – 142 с.
- Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. – Махачкала, 1957. – 408 с.
- Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. Страницы истории. – Махачкала, 1987.
- Магомеддаев А.М. К истории эмиграции дагестанцев в Османскую империю // Эмиграция северокавказских народов в

- Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в.). – Махачкала, 2000. С. 62–78.
- Магомедханов М.М. Дагестанская диаспора в Турции: этапы формирования и современный этнокультурный облик // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. – Махачкала, 2014.
- Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001. – 400 с.
- Малкондуев Х.Х. Тема ногайцев в карачаево-балкарской устной словесности и особенность ее образных систем // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2014.
- Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I от Ермолова (1722–1825 гг.). – Нальчик, 1998. – 325 с.
- Мальбахов Б.Х. Кабардинское народное декоративное искусство. – Нальчик, 1984. – 107 с
- Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). – Нальчик, 1996. – 325 с.
- Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Средневековая Кабарда. – Нальчик, 1994. – 352 с.
- Мальбахов Б.К. Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством: Сер. XVI – конец XVIII в. – Нальчик, 1996. – 352 с.
- Мамбетов Г.Х. К истории взаимоотношений кабардинцев с народами Дагестана в XVI–XVIII вв. // Ученые записки КБНИИ. Т. 25. – Нальчик, 1967.
- Мамбетов Г.Х.ж К истории адыгских имен. // Вестник КБНИИ.– Нальчик, 1970.
- Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. 2-е изд. доп. и испр. – Нальчик, 1997. – 276 с.
- Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – 289 с.

- Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М.: Наука, 1966. – 323 с.
- Материалы по истории Башкирской АССР. – М., 1936. Ч. 1. – 632 с.
- Материалы по истории Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. – 471 с.
- Материалы по истории Кавказского края // Известия Кавказского отдела РГО. Т. IV. – Тифлис, 1875–1877.
- Материалы по истории Осетии (XVIII в.). – Орджоникидзе, 1934. Т. 1.
- Материалы по истории Осетии XVIII в. / Сост. Г.А. Кокиев. – Владикавказ, 1926. Т. 1.
- Материалы по истории Кавказского края // Известия Кавказского отдела РГО. Т. IV. – Тифлис, 1875–1877.
- Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов. – Орджоникидзе, 1942. Т. 2. – 360 с.; Т. 5. – 294 с.
- Матвеев О.В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. – Краснодар; Армавир, 1995. – 84 с.
- Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-астрологические очерки. – Краснодар: Эдви, 2015. – 272 с.
- Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. – Краснодар, 2003.
- Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. – М., 1965. – 127 с., илл.
- Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. – Грозный, 2012. – 500 с.
- Махмудова К.З. Историческое и этнокультурное развитие чеченцев и ингушей в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Парнас, 2012. – 256 с.
- Махмудова К.З. Повстанческие движения и военно-политический вектор политики Петра I на Северо-Восточном Кавказе накануне Каспийского похода // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надиршаха. Материалы Международной научной конференции,

- проведенной в рамках «Года Российской истории». 25 мая 2012 г., г. Махачкала. – Махачкала, 2012.
- Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. – Симферополь: Крымское гос. изд-во, 1929. – 66 с.
- Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. – Майкоп, 1981. – 183 с.
- Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов. – Майкоп, 1987. – 366 с.
- Межэтнические отношения на Северном Кавказе: история и современность // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (4 апреля 2013 г.). – Махачкала, 2013. – 173 с.
- Мельгунов Г.В. Поход Петра I в Персию // Русский вестник. – М., 1874. Т. 110.
- Миллер А.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. Кн. 9. – М., 1881.
- Миллер А.Ф. Краткая история Турции. – М., 1948. – 303 с.
- Милютин А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. – СПб., 1850. – 144 с.
- Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Л.: Наука, 1981. – 259 с.
- Михнева Р.А. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. – М., 1985. – 183 с.
- Московский телеграф. – М., 1826. Ч. 1.
- Мошкович Г.Г. Генерал-лейтенант Г.А. Рашпиль и его роль в решении проблемы межнациональных отношений в период Кавказской войны (1817–1864) // Кавказская война. Уроки и современность. Материалы научной конференции. – Краснодар: Изд-во КГУ, 1995.
- Мусхаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. – Майкоп, 2006. – 198 с.
- Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. – Баку, 1993. – 240 с.
- Мустафазаде Т.Т. Кубинское ханство. – Баку, 2005. – 474 с.
- Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX в. – Махачкала, 2007. – 176 с.

- Мусаева М.К., Магомеддаев А.М., Курбанов М.Ю. Дагестанская диаспора в Турции. – Махачкала, 1999.
- Мусукаев А. Века родословий. – Нальчик, 1997. – 464 с.
- Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни Нижнего Терека в XIX – начале XX века. – Махачкала, 2006.
- Мухаммед Тахир ал-Карахи. Хроника о дагестанских войнах в период Шамиля. – М.; Л., 1941.
- Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Три имама. – Махачкала, 1990.
- Нагайцева Л.Г. Адыгские народные танцы. – Нальчик, 1986.
- Нагайцева Л.Г. Карачаево-балкарский свадебный танец. – Нальчик, 1988
- Надинский П.Н. Суворов в Крыму. – Симферополь, 1950. – 78 с.
- Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895. – 449 с.
- Надирадзе А.А. Развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в дореволюционный период. – Махачкала, 1969. – 199 с.
- Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. – Черкесск, 1993. – 320 с.
- Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сб. документов. – М., 2005. – 552 с.
- Народы Кавказа / Под ред. М.О. Косвена и др. – В 2-х т. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – Т. 1 – 612 с., ил. карт.
- Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября). – Ростов-на-Дону, 2011.
- Народы Карачаево-Черкесии. /историко-этнографические очерки/ – Ставрополь, 1957. – 154 с., ил., карт.
- Нарочницкий А.Л. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа /XVI – 70-е годы XX века/. Материалы Всероссийской научной конференции. 2-3 октября 1979 г. – Грозный, 1982. С. 21-38.
- Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. – Махачкала, 1956. – 157 с.

- Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9–10 июля 2009 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд. ЮНЦ РАН, 2009. – 400 с.
- Наше Отечество. Опыт политической истории. – М., 1991.
- Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. – СПб., 1850. Ч. 2.
- Неверовский А. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. – СПб., 1877.
- Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. – Черкесск, 1956. – 168 с.
- Невская Т.А. Связи ногайцев с русским населением Северного Кавказа в досоветский период // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. – Махачкала, 1987.
- Невская Т.А. Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России: Пути сотрудничества и службы России: материалы заочной научно-практич. конференции. – Краснодар, 2008. С. 180–188.
- Недосекин В.И. Черноморья: Проблемы социально-экономической структуры 1792-1860 гг. Учебное пособие. – Краснодар: Изд. Кубанского гос. университета, 1980. – 65 с.
- Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике в 1725-1739 гг. – М.: Наука, 1976. – 320 с.
- Немирович-Данченко В.И. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. 1888. № 32.
- Новичев А.Д. История Турции – В 4-х т. – Л.: Изд. ЛГУ, 1963. – Т. 1 – 314 с., ил., карт.
- Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост. Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 1999. – 416 с.
- Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (документы XVII-XVIII вв.). – Махачкала, 1998. – 126 с.

- Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 14–16 мая 2014 г.). – Черкесск, 2014. – 480 с.
- Ногмов Шора Бекмурзин. История адыгейского народа. – Тифлис, 1861. – 178 с.
- Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. – М., 1977.
- Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. – М., 1836. Ч. 1. – 405 с.
- Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в.: В 2-х т. – М., 2009. Т. 2. – 272 с., илл.
- Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX века / Материалы Всероссийской научной конференции. – Карачаевск, 2009. – 312 с.
- Омаров Абдулла. Этнографические очерки. Воспоминания муталима // ССКГ.– Тифлис, 1968. Вып. 1. С. 13–64; 1869. Вып. 2. С. 1–70.
- Омельченко И. Терское казачество – Владикавказ, 1991. – 301 с.
- Опрышко О.Л. По тропам истории. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 351 с., ил.
- Оразаев Г.М. К истории ногайского-кумыкских взаимосвязей // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984–1985 гг. – Махачкала, 1986.
- Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. – Махачкала, 2002. – 482 с.
- Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв. (Исследование, тексты и комментарии). – Махачкала, 2007. – 324 с.
- Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. – М.: Наука, 1971. – 205 с.
- Орнаменты народов Северного Кавказа / Сост. и предисл. В.И. Ивановской. – М., 2010.
- Осетины глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе, 1967. – 391 с.

- Осипов К. А.В. Суворов. 1730-1800 – М.: Молодая гвардия, 1949 – 467 с., ил., карт.
- Османов А.И. Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века. – Махачкала, 2011. – 448 с.
- Отчет Нарышкиных // Известия Русского археологического общества. Вып. 4.– СПб., 1877. Т. 8.
- Очерки истории Адыгеи. – Майкоп, 1957. Т. 1. – 484 с.
- Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Ставрополь, 1967. Т.1. – 600 с.
- Очерки истории российского Северного Кавказа второй пол. XVI – середины XIX века. – Славянск-на-Кубани, 2010. – 203 с.
- Очерки истории СССР, вторая четверть XVIII в. – М.: АН СССР, 1957 – 866 с.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. – М.: Изд. АН СССР, 1956 – 804 с.
- Очерки истории Ставропольского края. – Ставрополь, 1986. Т. 1. – 462 с.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х т. – Грозный, 1967. Т.1. – 316 с.
- Павлов А.М. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. – СПб., 1842. – 47 с.
- Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства / Пер. Ф. Туманского. – СПб., 1773. – Ч. 1. – 117 с.
- Паллас П.С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // Записки Одесского общества истории и древностей России. – Одесса, 1881. – Т. 12 – С. 62-208.
- Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп, 2006. – 250 с.
- Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). – Майкоп, 2006. – 128 с.
- Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы Международной научной конференции, Астрахань, 28 апреля 2012 г. – Астрахань: Изд-во: ООО «ЦНТЭП», 2012. – 312 с.

- Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. СПб., 1862. № 3.
- Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769-1774 гг. – В 5 т. – СПб., 1866. – Т. 2 – 485 с., ил.
- Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787-1791 гг. – В 4-х т. – СПб., 1880. – Т. 1. – 251 с., ил.
- Петров Г. Верховья Кубани – Карачай // Кубанские областные ведомости. № 3. – Екатеринодар, 1879.
- Петрушевский А. Генералисимус князь Суворов. – СПб., 1884. – Т. 1. – 486 с.; Т. 2. – 473 с.; Т. 3–458 с.
- Пирко В.А. Роль народных миграций в заселении и освоении Северного Приазовья (XVI-XVIII вв.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XVIII в.). Вып. 2. – Таллин, 1986.
- Пирогов Н.И. Отчет путешествия по Кавказу. – М., 1952.
- Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. – М., 1940. Т. 9.
- Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. – Владикавказ, 1911.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. – М., 1962. Т. 2. Вып. 1. – 589 с.; Т. 4. – 606 с.
- Письма и бумаги Суворова / Под ред. В. Алексеева – СПб., 1916. – Т. 1. – 462 с.
- Письма Шамиля / Введ., тексты, пер. с араб., коммент., примеч. Х.А. Омарова. Махачкала, 1997. – 320 с.
- Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. – М., 1977. – 326 с.
- Погодин А.Л. История Болгарии. – СПб., 1910.
- Покоренный Кавказ. – СПб., 1904. – 746 с.
- Покровский Н.М. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М., 1923. – 392 с.
- Покровский Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. – М., 1952.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е – СПб., 1830. Т. 4. С. 421-422; Т. 7. С. 110-112, 303–308, 561–563, 583; Т. 8/1. С. 733; Т. 10. С. 899-904; Т. 11. С. 610; Т. 13.

- 610; Т. 19. С. 258, 267; Т. 20. С. 520, 574-578, 800-805; Т. 22. С. 17-18, 675; Т. 23. С. 423, 84-85, 488, 810-811; Т. 24. С. 152-153; Т. 25. С. 330; Т. 33. С. 289-294, 606, 800-805; Т. 37. С. 878; Т. 38. С. 619; Т. 39. С. 487; Собрание 2-е, 1860. Т. 30. С. 423. № 1.
- Половинкина Т.В. Черкесия – боль моя. Исторический очерк. – Майкоп, 2001. – 196 с.
- Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. – СПб., 1858.
- Попов И. Ичкерия. Историко-этнографический очерк // ССКГ. Вып. IV. – Тифлис, 1870.
- Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1: Гребенское войско. – СПб., 1880.
- Пословицы и поговорки народов мира / Сост. М.П. Филипченко. – М., СПб., 2009.
- Пословицы, поговорки, загадки народов России / Сост М.П. Филипченко. – Ростов-на-Дону, 2011.
- Потто А.В. Два века Терского казачества. – Владикавказ, 1912. Т. 1. – 235 с.
- Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и лицах. В 5 т. – СПб., 1885. Т. 1. Вып. 1. С. 1-164; Т. 1. Вып. 3. С. 171-216.
- Потто В.А. История 44 драгунского Нижегородского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка – В 8 т. – СПб., 1893 – Т. 2. – 186 с., ил., карт; Т. 3. – 193 с.
- Походный журнал 1722 г. – СПб., 1913.
- Поэтика чеченских героических песен илли. Сб. – Грозный, 1983. – 136 с.
- Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. – В 4-х т. – СПб., 1885. – Т. 1 – 873 с.; 1885. – Т. 2 – 924 с.; 1887 – Т. 3 – 741 с.; 1889 – Т. 4. – 1004 с.
- Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа в последней трети XIX – начале XX веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. г. Грозный, 22 апреля 2014 г. ЧГУ. – Грозный, 2014. – 221 с.

- Провинциальный город в XVIII-XXI вв. (история, экономика и культура). Материалы Международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2008. – 392 с.
- Пронштейн А.П. Земля донская в XVIII веке. – Ростов-на-Дону. Изд.: РГУ, 1961. – 375 с.
- Пушкарев С. Обзор торговли Новороссийска // Кавказ. 1849. № 9.
- Пушкин А.С.: Исследования и материалы. – Л., 1983.
- Пылков О.С. Участие российской армии в создании системы медицинского обеспечения на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. . Вып. 5. Пятигорск, 2006. С. 27–37.
- Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011. – 248 с.
- Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. – СПб., 1809. – 550 с.
- Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964. – 278 с.
- Ратушняк В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие: Учебное пособие по спецкурсу. – Краснодар; Кубанский госуниверситет, 1978. – Вып. 264. – 96 с.
- Рахмедов С.К., Рахмедова А.Б. Джанибеков А.-Х.Ш. – Махачкала, 2003.
- Рахно К.Ю. Осетино-ногайские фольклорные параллели // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2014.
- Ржевуский А. Терцы. – Владикавказ, 1888. – 288 с.
- Ризаханова М.Ш. Материальная культура дагестанских русских // Возрождение. Республиканский научно-популярный журнал. № 11–12. – Махачкала, 2009. С. 135–142.
- Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Северном Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. – М.; Л., 1949. – 391 с.

- Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева / г. Грозный, 13 ноября 2014 г. – Грозный, 2015. – 784 с.
- Романовский Д.И. Публичные лекции / Князь А.И. Барятинский и Кавказская война // Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1878.
- Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – М., 2004. – 404 с.
- Российский Кавказ: вчера, сегодня, завтра / Материалы Международного политологического форума 14–21 сентября 2014 г. г. Махачкала. – Махачкала, 2014. – 288 с.
- Россия и Дагестан: история многовековых взаимоотношений и единения. Материалы республиканской научной конференции, посвященной окончательному присоединению Дагестана к России (г. Махачкала, 13 октября 2009 г.). – Махачкала, 2009. – 376 с.
- Россия и Кавказ: история и современность. Международная научная конференция, 29 октября 2009 г. – Махачкала, 2010. – 800 с.
- Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. – Махачкала, 2013. – 820 с.
- Россия и Черкесия (вторая половина XVIII – XIX в.). – Майкоп, 1995. – 299 с.
- Россия, Польша и Причерноморье XV-XVIII вв. – М., 1979. – 392 с.
- Ростов-на-Дону. Исторические очерки. – Ростов, 1979.
- Румянцев П.А. Сборник документов. – М., 1959. –Т. 3. – 656 с.
- Румянцев П.А., Суворов А.В. Кутузов М.И. / Документы и материалы. – Киев.: Наукова думка, 1974 – 88 с., ил.
- Русская старина. – СПб., 1871. ноябрь. С. 452–453.
- Русская старина. – СПб., 1914. С. 414–415.
- Русский архив. – М., 1888. Т. 1.
- Русский вестник. – М., 1867. Т. 8.
- Русский инвалид. – М., 1826. № 143.

- Русский посол в Стамбуле, Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / АН СССР. Институт востоковедения; Сост. и авт. вступит. ст. и примеч. М.Р. Арунова, С.Ф. Орешкова. – М.: Наука, 1985 – 161 с.
- Русский прозаический фольклор в Дагестане и на Северном Кавказе (в записях 1972–1975 гг.) / Публикация, вступит. статья и коммент. В.С. Кирюхина. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1980. – 214 с.
- Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв. – Махачкала, 1958. – 336 с.
- Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. – М., 1988. – 357 с.
- Русско-осетинские отношения в XVIII веке. – Орджоникидзе, 1976. Т.1. – 513 с.
- Русско-чеченский словарь. – М., 1978. – 728 с.
- Рыбушкин М.С. Записки об Астрахани. – М., 1841. – 236 с.
- Сакович П. Исторический обзор деятельности графа Румянцева – Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка, с 1775 по 1780 год // Русская беседа. – М., 1858. Т. 2.. Кн. 10. С. 1-86; Т. 3. Кн. 11. С. 62-151; Т. 4. Кн. 12. С. 173-258.
- Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (чмш – нач. XX в.). // Известия ЧИНИИЯЛ. – Грозный, 1963. Т. 3. Вып. 1.
- Сборник газеты «Кавказ» за первую половину 1848 г.
- Сборник Русского исторического общества: В 148 т. – СПб., 1867-1916. Т. 11. 1873. – 416 с.; Т. 13. Ч. 3. 1874. – 474 с.; 1878. Т. 25. – 543 с.; Т. 27. Ч. 4. 1880-604 с.; Т. 41 1884. – 558 с.; Т. 49. 1886. – 447 с.; Т. 66. 1889. – 537 с.; Т. 75. 1891. – 524 с.; Т. 80. 1892. – 481; Т. 87. Ч. 5. 1898. – 555 с.; Т. 96. 1896. – 542 с.; Т. 97. Ч. 6. 1898. – 542 с.; Т. 118. Ч. 7. 1904. – 538 с.; Т. 135. Ч. 8. 1911. – 553 с.
- Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1976. Вып. 10.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – 460 с.

- Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). – Пятигорск, 2010. – 317 с.
- Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы международной научной конференции (Каспийск, 18-19 сентября 2012 г.) / Сб. научных статей. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЭФ, 2012. – 408 с.
- Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. – СПб., 1895. – 487 с.
- Семенов Н.С. Обитатели Кумыкской плоскости // Терский сборник. Вып. 1. – Владикавказ, 1890.
- Сенатский архив. – СПб., 1893. Т. 6.
- Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.). – Ростов н/Д., 2009.
- Сень Д.В. Верность, вера и война: начало жизни и служения казаков-некрасовцев на Кубани//Казарла. Этнический казачий журнал. 2012. № 4 (17).
- Сенюткин М. Донцы – В 2-х ч. – М., 1866. Ч. 1 – 180 с.
- Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах // Известия Таврической ученой архивной комиссии – Симферополь, 1912. № 48. С. 1–67.
- Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. – М., 1958. С. 247–251.
- Сказания народов Дагестана о Кавказской войне / Сост. Халидова М.Р. – Махачкала, 1997. – 168 с.
- Скальковский А.А. О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1843. – Ч. 15 – С. 105-190.
- Скальковский А. О ногайских колониях Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии – Симферополь, 1867 – Вып. 1 – С. 358-438.
- Скитский Б.В. «Холопий» вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739-1779 гг.). – Владикавказ, 1930.
- Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. – М.: Наука, 2001. – 304 с.

- Служивый. Очерки покорения Кавказа. – СПб., 1877.
- Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887 – 772 с.
- Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. – Одесса, 1889 – 252 с.
- Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI-XVIII вв. – Нальчик, 1948. – 119 с.
- Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках – М.: Соцэкгиз, 1958 – 244 с.
- Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М., 1963.
- Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т. 2. – М., 1946.
- Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюции // КЭС. Вып. 9. – М., 1989.
- Советская историческая энциклопедия. – М., 1966. Т. 9. С. 831–832.
- Современная иранистика на Северном Кавказе/ Материалы международной научной конференции.– Махачкала; ИПЦ ДГУ. 2006 – 184 с.
- Современник. – М., 1847. № 1.
- Соколов Д. Хаджи-Магомет (Сподвижник Шамиля. Историческая справка) // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1905. Т. 11.
- Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII веков // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1976. Вып. 10.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен – В 15 кн.. – М., 1993. Кн. 8. Т. 15-16; Кн. 9 – Т. 17-18 – 701 с.; Кн. 10. – Т. 19-20. – 678 с.; Кн. 11. – Т. 21-22 – 620 с; М., 1994 – Кн. 14 – Т. 27-28 – 670 с.; М., 1994 – Кн. 15 – Т. 29-774 с.
- Сосиев А. Станица Екатериноградская: Историко-статистический очерк // Терский сборник. Вып. 3. – Владикавказ, 1903. С. 5–13.
- Сотавов М.Н. Крымское ханство в русско-турецких отношениях в XVIII в. (1700–1783) в свете влияния их на Дагестан. – Махачкала, 2010. – 168 с.
- Сотавов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в. – Махачкала, 1989. – 227.

- Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. – М., 1991. – 224 с.
- Сотавов Н.А. Кавказская проблема в русско-иранских, русско-турецких отношениях XVIII в. (зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1998. №2.- С.77-85.
- Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». – Махачкала, 2000 – 225 с.
- Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. – Махачкала, 2013. – 304 с.
- Сотавов Н.А., Касумов Р.М. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. – Махачкала, 2008. – 134 с.
- Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. – Майкоп, 1994.
- Ставрополь – врата Кавказа. – Ставрополь, 2002.
- Ставропольские ведомости. № 23. – Ставрополь, 1851.
- Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. – Тифлис, 1900. Т. 21.
- Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ, 1881. – 466 с.
- Студенецкая Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // КЭС. – М., 1976. Вып. 6.
- Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XIX вв. – М.: Наука, 1989. – 287 с.
- Стрейс Я. Три путешествия. – М., 1935. – 415 с.
- Суворов А.В. Сборник документов. – М., 1951. – Т. 2 – 688 с., карт.
- Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии – Грозный, 1980. Ч. 3. – 224 с.; Ч. 4. – 243 с.
- Сулейман-эфенди. Описание поступков Шамиля, противных шариату // Сб. газеты «Кавказ». – Тифлис, 1847. Т. 1.
- Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII–XVIII вв.). Материалы международной научной конференции. 20 апреля 2011 г. – М., 2011. – 384 с.
- Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис, 1913.

- Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // Археолого-этнографический сборник. – Грозный, 1968. № 2.
- Таймс. 1854. 22 сентября.
- Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741-1743 гг.) // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1958. Т. 5.
- Татищев В.Н. История Российская. – М., 1962-1968. Т.1-7.
- Татищев С.С. Дипломатические беседы о внешней политике России. – СПб., 1898.
- Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. – СПб., 1898.
- Твалчрелидзе С.А. Ставропольская губерния. – Ставрополь, 1897.
- Текеева З.Х. Этнокультурные связи карачаевцев с народами Кавказа // De Caucaso/ Историко-этнографический альманах. Вып. 4. – Карачаевск, 2012. С. 48–53.
- Текеева Л.К. Элементы тотемизма в традиционном мировоззрении тюркоязычных народов Северного Кавказа //De Caucaso/ Историко-этнографический альманах. Вып. 4. – Карачаевск, 2012. С. 54–58.
- Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. – М., 1989.
- Тепсуев М.С. Город Кизляр – центр экономической и культурно-исторической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа и России в XVIII–XIX вв. – Махачкала, 2012. – 150 с.
- Тепсуев М.С. К вопросу о культурном взаимовлиянии и взаимообогащении народов Чечни и Дагестана в XVIII – нач. XIX в. // Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII–XVIII вв.). Материалы Международной научной конференции. – М., 2011.
- Терские ведомости. №5. – Владикавказ, 1879.
- Терские ведомости. №124. – Владикавказ, 1892.
- Терское казачество: история и современность /Сб. статей и докладов региональной научной конференции, проводимой в связи с празднованием 271-й годовщины г. Кизляра и 75-летием Дагестанского государственного университета. – Кизляр, 2006.
- Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. – Владикавказ, 1911. – 238 с.

- Толстов В.Г. История Хоперского Кубанского казачьего войска. 1696-1896. – Тифлис, 1900. Т. 1. – 365 с.
- Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40–50-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик, 2005. – 488 с.
- Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера // РВ. – М., 1864. №10.
- Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835 год. – М., 1864. Ч. 1.
- Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2008.
- Тотоев М.С. Некоторые вопросы из истории Осетии XIX века // Известия Северо-Осетинского НИИ. – Орджоникидзе, 1948. Вып. 1.
- Тотоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. – Орджоникидзе, 1977
- Триус Л.И., Зюзин В.В. Исторический опыт развития связей в сфере экономики, культуры и быта между горцами Северного Кавказа, казаками и российскими переселенцами (конец XVIII–XIX вв.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – 250 с.
- Тройно Ф.П. Взгляд на создание Российской империи // Российский исторический журнал, – М., 1994.
- Труды Государственного исторического музея. – М., 1941. Вып. XV.
- Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX– начале XX в. – Владикавказ, 2008. – 204 с.
- Туганов Р.Г. Кабарда и Балкария в период ермоловщины. Ч. 1. (1816-1822 гг.) // Живая старина. № 2. – Нальчик, 1992.
- Туганов Р.Г. Давние связи // История и этнография горских евреев Кавказа: Материалы научно-практической конференции. – Нальчик, 1998. С. 5–6.
- Туманова О.С. Межкультурные коммуникации // Культурология. – М., 2003. – 432 с.
- Тунманн И.Э. Крымское ханство / Пер. с нем. изд. 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявский – Симферополь, 1936 – 107 с., табл.
- Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 2000. – 240 с.
- Сб. Тюркизмы в восточнославянских языках. – М., 1974.

- Удовик В.А. Светлейший князь М.С. Воронцов. – СПб., 2000. – 220 с.
- Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. – М., 1883 – 484 с.
- Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. – М., 1899. Ч. 1 – 678 с.
- Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. (политический аспект). – Махачкала, 2007. – 328 с.
- Умаханов М.-С.К. Феодальные владения Дагестана в XVIII – начале XIX в. и их взаимосвязи (экономический аспект). – Махачкала, 2008. – 256 с.
- Умаханов М.-С.К. Дагестан во второй половине XVIII – начале XIX в.: проблемы политического положения, социально-экономического развития и государственного устройства. – Махачкала, 2011. – 300 с.
- Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. – Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 1–42.
- Утверждение русского владычества на Кавказе (Под ред. В.А. Потто). – Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 1– 486; ч. 2. – 590 с.
- Фадеев А.В. Суворов на Дону и в Приазовье. – Ростов-на-Дону, 1950 – 64 с., ил.
- Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М.: Изд. АН СССР, 1957 – 257 с.
- Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период // История России. – М., 1957. №1.
- Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х гг. XIX в. – М., 1958. – 396 с.
- Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М.: Изд. АН СССР. 1960 – 398 с.
- Фадеев Р.А. Письма с Кавказской войны. – СПб., 1889. Т. 1. Ч. 1. – 502 с.
- Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис, 1860. – 147 с.
- Фарфоровский С.В, Ногайцы Ставропольской губернии / историко-этнографический очерк/ // Записки Кавказского отдела

- русского географического общества. – Тифлис, 1909. Кн. 26. Вып. 7. С. 1-34.
- Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1909 – № 124 – С. 179-212.
- Фелицын Е.Д. Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии, по Пейсонелю. // Кубанский сборник – Екатеринодар, 1891 – Т. 2. – С. 3-35.
- Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1904. Т. 10.
- Феодаева Ф.З. Из истории классовой борьбы в Северном Дагестане во 2-й половине XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. – Махачкала, 1976. Вып. 6.
- Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX в. – М.: Таус, 2008. – 256 с.
- Феодальные отношения в Дагестане XIX – нач. XX в. / Архивные материалы. Сост. Хашаев Х.-М. – М., 1969. – 396 с.
- Феофилактова Т.М. Из истории борьбы России и Турции за Северо-Западный Кавказ в конце XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ – Нальчик, 1973 – Вып. 7 – С. 20-35.
- Феофилактова Т.М. Из истории борьбы России и Турции за Северо-Западный Кавказ в конце XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ – Нальчик, 1973. – Вып. 7 – С. 20-35.
- Феофилактова Т.М. Кубанский вопрос в русско-турецких отношениях в 1768-1774 годах // Вопросы истории и филологии: Сб. статей – Ростов-н/Д.: изд. РГУ, 1974. – С. 69-74.
- Феофилактова Т.М. Роль Правобережной Кубани в решении Крымского вопроса в 1774-1777 гг. // Вопросы истории и филологии: Сб. статей – Ростов н/Д.: Изд. РГУ, 1974. – С. 74-78.
- Феофилактова Т.М. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких отношениях в 1777-1779 годы. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов н/Д, 1977 - № 2 – С. 73-79.
- Феофилактова Т.М. Северо-Западный Кавказ во внешней политике России в 1780-1783 годах // Известия Северо-

- Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов н/Д, 1980 - № 1 – С. 68-73.
- Феофилактова Т.М. На военных дорогах Кубани (вторая половина XVIII века). – Краснодар, 1992.
- Феофилактова Т.М. Политические отношения России с народами Северо-Западного Кавказа в период подготовки второй русско-турецкой войны (1783-1787)// Россия и Черкесия (вторая половина XVIII- XIX вв.) – Майкоп, 1995. С.69-74.
- Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. – М., 1883. Т. 5.
- Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты / автор-составитель Р.И. Иванов. – М., 1999.
- Халилов Х.М. Лакско-чеченские фольклорные взаимосвязи и взаимовлияния // Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане / Доклады Международной научной конференции (Гуманитарные и общественные науки).– Махачкала, 2001. С. 126–134.
- Хан – Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978.
- Ханмурзаев И.И. Ташав-хаджи: политический и религиозный деятель // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 2. – Махачкала, 2011. С. 79–87.
- Ханмурзаев И.И. Великий шейх Ташав-хаджи из Эндирея // Исламоведение. №1(11). – Махачкала, 2012. С. 104–107.
- Хашаев Х.О. Занятия населения Дагестана в XIX веке. – Махачкала, 1959. – 112 с.
- Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. – М., 1961. – 362 с.
- Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов н/Д, 2012. – 272 с.
- Хроника войн Джары в XVIII столетии. – Баку, 1931. – 71 с.
- Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом. – СПб., 1891. – 51 с.
- Цагарели А.А. Переписка грузинских царей и влиятельных князей с государями российскими в XVIII столетии. – СПб., 1890.
- Чекменев С.А. К вопросу о присоединении Северного Кавказа к России в конце XVIII в. // Ученые записки Пятигорского пединститута. – Пятигорск, 1956 – Т. 13. Общественные науки – С. 317-352.

- Чекменев А. Социально-экономическое развитие Ставрополья в Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. – Пятигорск, 1967. – 352 с.
- Чекменев С.А. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Ставрополь, 1970 – Вып. 6. С. 272-298.
- Чекменев С.А. К истории дружественных взаимоотношений между русскими и северокавказскими народами в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ – Ставрополь, 1970 – Вып. 6 – С. 226-271.
- Чекменев С.А. Переселенцы (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой пол. XIX в.). – Пятигорск, 1994. – 352 с.
- Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722-1735 гг.). – Махачкала, 2008. – 208 с.
- Чеучева А.К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв. – Майкоп, 2007. – 352 с.
- Чечня. История и современность. – М., 1996. – 352 с.
- Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762-1774 гг.). – СПб., 1896. – 468 с.
- Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). – Майкоп, 2002. – 204с.
- Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. – Майкоп, 2013. – 194 с.
- Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. – СПб., 1889. – 202 с.
- Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. – СПб., 1791-1798. Т.1-7.
- Чуяко А.Б. Адыгские фамилии и тамги. – Майкоп, 2012. – 224 с.

- Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (Сборник документальных материалов). – Тбилиси, 1953. – 558 с.
- Шамрай В.С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С. 1792 по 1864 годы // Кубанский сборник. Т. 8. – Екатеринодар, 1901.
- Швецов В.В. Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе // Кавказ: культы, легенды, предания. – Нальчик, 2010. Вып. V.
- Шеремет В.И. Турция и Адрианонопольский мир 1829. – М., 1984. – 226 с.
- Шидловский Ю. Записки о Кизляре // ЖМВД. – СПб., 1843. Ч. 44.
- Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. Тифлис, 1848. № 37-44.
- Шишов А.В. Схватка за Кавказ (XVI-XXI вв.). – М., 2007. – 480 с.
- Шульман Е.Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735-1736 г. // Балканский исторический сборник. Вып. 3. – Кишинев, 1973.
- Щеглов И. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. – В 3-х т. – Ставрополь, 1910. – Т. 1 – 529 с., ил., табл.
- Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – В 2-х т. – Екатеринодар, 1910 – Т. 1. – 710 с., ил., карт.; 1913. Т. 2. – 880 с.
- Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. – СПб., 1895. Т. 2.
- Эвлия Челеби. Книга путешествий – М.: Наука, 1979. – Вып. 2 – 288 с.
- Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в.) / Сборник статей. Сост. С.Ф. Алибеков. – Махачкала, 2000. – 116 с.
- Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI – первая половина XVII в.). Материалы международной научной конференции, посвященной 460-летию Султан-Махмуда. 18 ноября 2008 г. – Махачкала, 2010. – 504 с.

- Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис, 1907. Т. 1. – 246 с.
- Этнокультура народов Северо-Восточного Кавказа середины XIX века: к 200-летию со дня рождения ученого-этнографа Девлет-Мирзы Шейхалиева (Шейх-Али). – Махачкала, 2015. – 268 с.
- Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, – 2013. – 424 с.
- Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – 236 с.
- Юдин П. Мурза Сюнчалей Янгличев // Русский архив. – М., 1913.
- Юдин А.П. Россия и Персия в конце 1742 г. Из писем переводчика В. Братищева канцлеру, князю А. Черкасскому // Русский архив. – М., 1889. Кн. 1. Ч. 3.
- Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // ВИ. – М., 1957. №3.
- Юхт А.И. Торговые связи России со странами Востока в 20-х годах XVIII в. // Историческая география России. – М., 1981.
- Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-70-е годы XVIII в. – Нальчик, 1993. – 160 с.
- Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. – Нальчик, 1993. – 202 с.

Список литературы на иностранном языке:

- Andersen M.S. The Eastern Qustion 1774-1923. New-York, 1966.
- Ahmet Cevdet Pasa. Tarihi Cevdet. Istanbul, 1966
- Ahmet Rasim. Resimli ve heritali Osmanli tarihi. Istanbul, 1914/1916;
- Berkok I. Tarihte Kafkasya. Istambul, 1958.
- Beily F.E. British policy und Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942.
- Bell. Sj. journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. – L., 1840. V. 5. P. VI;
- Dulaurier Ed. La Russie dans le Caucase // Revue des Deux Mondes. Paris, 1865. Т. 60. p. 948-961.
- Enker Ziya Karal. Osmanli tarihi. Ankara, 1954;

- Erchert R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887 – 3869.,
kart.
- Fisher W. The Russian annexation of the Crimea. 1772-1783. Cambridge, 1970.
- Guedalla F. Palmerston. London, 1926.
- Hammer H. Geschichte Char der Krim unter osmanischer Herrschaft, Ween, 1856.
- Hekmat M.A. Essaisur L'histoike des relations politivues irano-ottomanes de 1722 a'1747. Paris, 1937;
Longworth J.A. Year among the Gircassians. – L., 1840. V. 5. P. 16.
Resa Sardari. Les Traitas entre L'Iran et La Russie depuis le XVI-e siele jusqua 1917. Paris, 1941;
- Rhinelande I.N. Russiz s. imperidal policy // Canadian Slavonik Papers. Ottawa, 1975. Vol. XVII. № 2-3. P. 218-235.
- Sami Nogay. Nogay Türkleri. Ankara, Kasim – 1998.
Salia K. Histoire de la Nation Georgienne. Paris, 1980. P. 403.

Список сокращений

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи МИД РФ
- АГС** – Архив Государственного Совета.
- АКАК** – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией.
- ВИ** – Вестник истории.
- ВУА** – Военно-ученный архив
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- ГАСК** – Государственный архив Ставропольского края.
- Ген.-л.** – генерал-лейтенант.
- Ген.-м.** – генерал-майор.
- Ген.-поруч.** – генерал-поручик.
- Е.и.в.** – Его императорское величество.
- ЖМВД** – Журнал министерства внутренних дел
- ЖМНП** – Журнал Министерства народного просвещения.
- ИГЭД** – Истории, география и этнография Дагестана
- ИТУАК** – Известия Таврической ученой архивной комиссии.
- КРО** - Кабардино-русские отношения.
- КЭС** – Кавказский этнографический сборник

МГУ – Московский государственный университет им. М. Ломоносова.

НА ИИАЭ ДНЦ РАН – Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.

РВ – Русский вестник

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РДО – Русско-дагестанские отношения

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества.

СКНЦ ВШ. Общ. науки. – Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Общественные науки.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.

СЭ – Совесткая этнография.

УЗ ИИЯЛ Даг. Филиала АН СССР – Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.

ЦГА РД – Центральный Государственный архив Республики Дагестан.

ЦГИА Республики Грузия – Центральный государственный исторический архив Республики Грузия

ЧИНИИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ЧОИДР – Чтения в обществе истории и древностей российских.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Научное издание

Даниял Сайдахмедович Кидирниязов

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

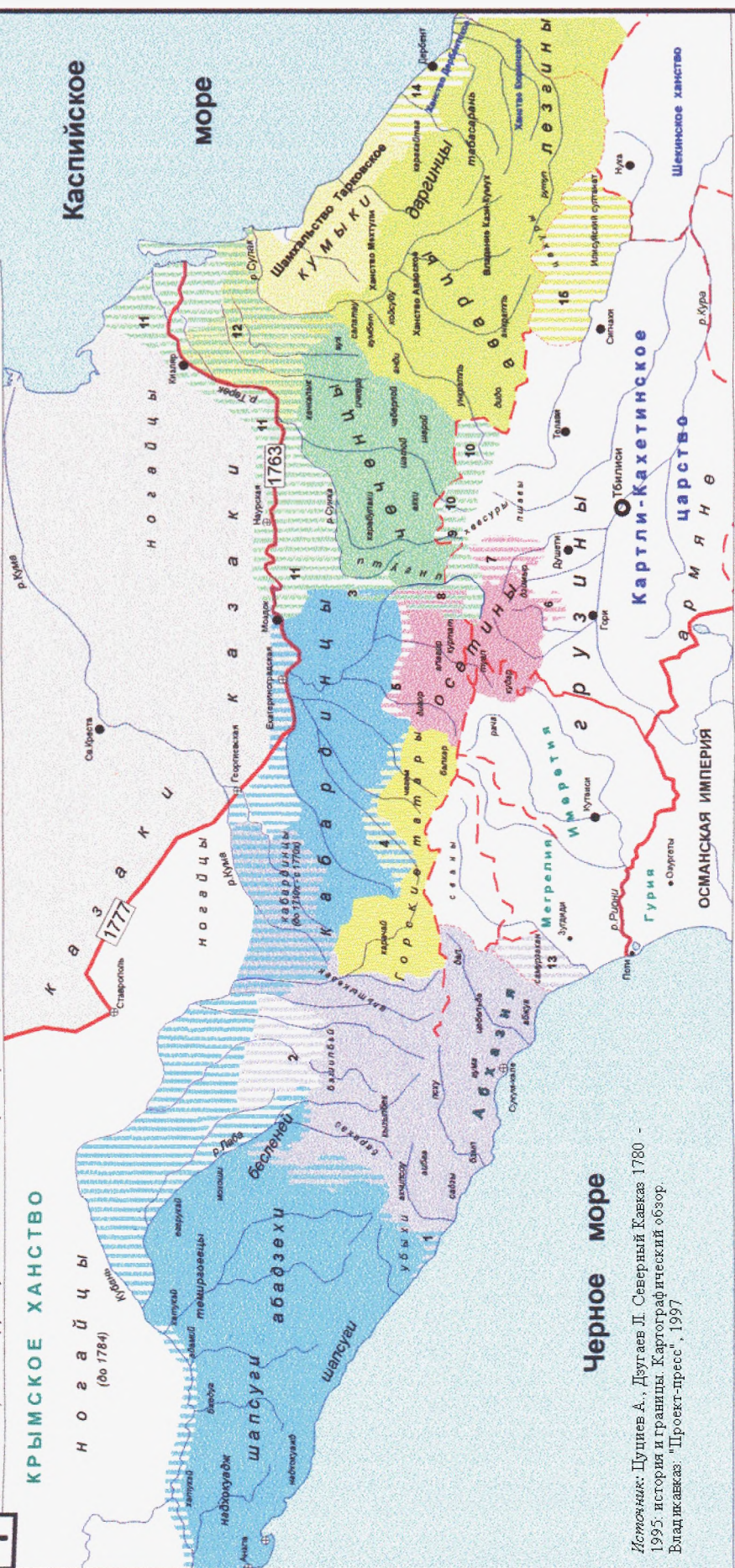
Подготовка оригинал-макета *Керимов В.А.*
Дизайн обложки *Магомедов И.Р.*

Подписано в печать 15.02.2016 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 30. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367000, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50
Тел.: +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru

1 (1750-1780) Этнотерриториальная композиция Горского региона к началу присоединения Кавказа к началу русской колонизации.

АДЫГИ И УБЫХИ (ЧЕРКЕСЫ)
АБАДЗЕНЫ
АБХАЗЫ
А
Б
ОСЕТИНЫ
ВАЙНАХИ, т.е. ЧЕЧЕНЦЫ, ИНГУШИ
ДАТЭСКИЕ НАРОДЫ (ЛАЗИ, ЛЕЗИГ)

Территории со смешанным или сменявшимся в 1750-1780 годах населением (в том числе):
 1. адыги, убыхы и абхазы
 2. адыги, абхазы и лезгины
 3. адыги, абхазы и осетины
 4. абхазы до 1710х и после 1780х, абхазы до 1750х
 5. абхазы до 1710х, осетины с 1730-1770х
 6. осетины с середины XVIII века
 7. осетино-грузинское население (гудамарцы, гудамарцы)
 8. ингуши до 1730-40х, осетины с 1730-40х

Картли-Кахетин
Мегрелия
 - государства, зависимые от Персии
 - государства, зависимые от Османской империи
 - государственные границы на 1780 год
 - народы, субэтнические группы или этно-территориальные общности
 - чеченцы

При составлении карты использовались следующие источники:
 (см. по списку использованных источников) карты - 3, 4, литература - 5, 6, 9, 10, 36, 18.

Источники: Цуциев А., Дугаев Л. Северный Кавказ 1780 - 1995: история и границы. Картографический обзор. Владикавказ: "Проект-пресс", 1997.

